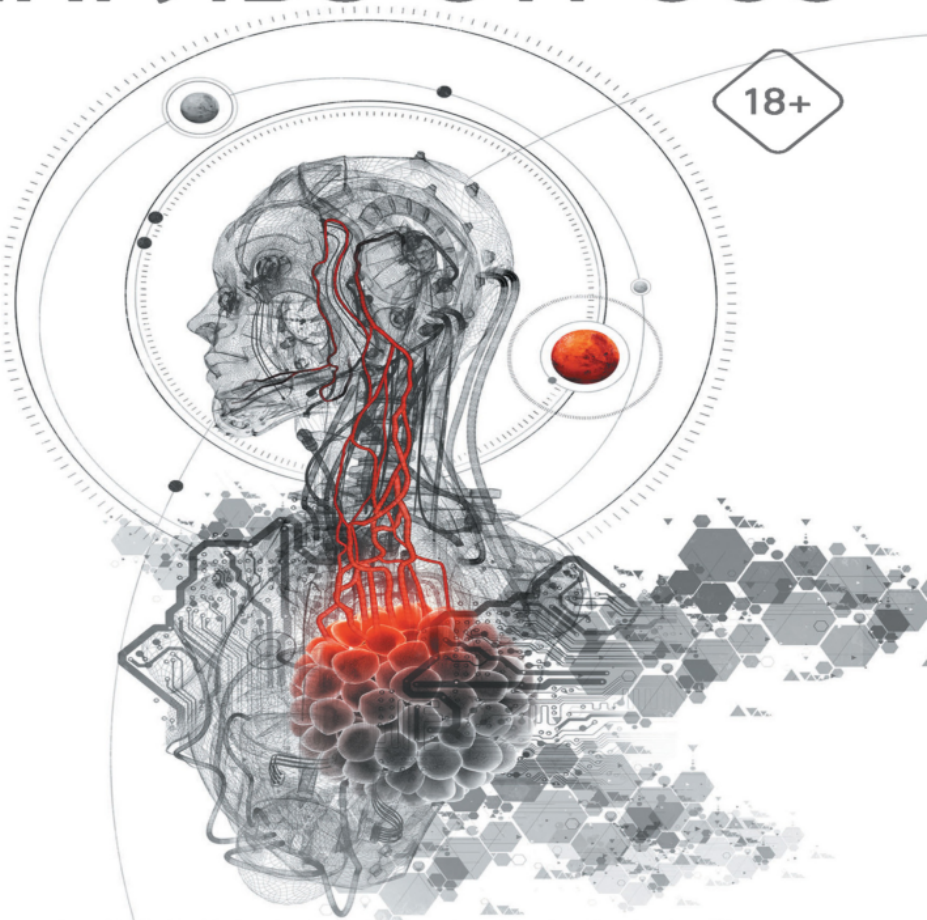
ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЧАРЛЬЗ СТРОСС

18+



АЧЧЕЛЕРАНДО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сингулярность. Эпоха постгуманизма. Искусственный интеллект превысил возможности человеческого разума. Люди фактически обрели бессмертие, но одновременно биотехнологический прогресс поставил их на грань вымирания. Наноботы копируют себя и развиваются по собственной воле, а контакт с внеземной жизнью неизбежен. Само понятие личности теперь получает совершенно новое значение. В таком мире пытаются выжить разные поколения одного семейного клана. Его основатель когда-то натолкнулся на странный сигнал из далекого космоса и тем самым перевернул всю историю Земли. Его потомки пытаются остановить уничтожение человеческой цивилизации. Ведь что-то разрушает планеты Солнечной системы. Сущность, которая находится за пределами нашего разума и не видит смысла в существовании биологической жизни, какую бы форму та ни приняла.

- Чарльз Стросс
  - ○
  - ○
  - ○ Благодарности
  - ○ Часть первая. На старт
    - ■ Глава 1. Лангусты
    - ■ Глава 2. Менестрель
    - ■ Глава 3. Турист
  - ○ Часть вторая. Внимание
    - ■ Глава 4. Нимб
    - ■ Глава 5. Роутер
    - ■ Глава 6. Закат
  - ○ Часть третья. Сингулярность
    - ■ Глава 7. Куратор
    - ■ Глава 8. Избиратель
    - ■ Глава 9. Пережиток
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96

- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113

Чарльз Стросс
Аччелерандо

Charles Stross
Accelerando

© 2005 by Charles Stross
© Григорий Шокин, перевод, 2020
© Dark Crayon, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящается Феораг, с любовью

Благодарности

На эту книгу у меня ушло пять лет – персональный рекорд своего рода, – и я бы ни за что не закончил ее без поддержки и помощи со стороны друзей и благосклонных ко мне редакторов. Среди множества читавших и оценивавших черновик романа я особо отмечу Эндрю Дж. Уилсона, Стива Парсонса, Гэва Инглеса, Эндрю Фергюсона, Джека Дайтона, Джейн Маккей, Ханну Райанеми, Мартина Пэйджа, Стивена Крисчена, Саймона Бисона, Пола Фрейзера, Дэйва Клеменса, Кена Маклауда, Дамьена Бродерика, Дэймона Сикоре, Кори Доктороу, Эммета О'Брайена, Эндрю Дейкера, Уоррена Эллиса и Питера Холо; если чье-то имя здесь не всплыло – вините мой протез мозга, пребывающий в отключке.

К слову, об упомянутых выше благосклонных редакторах – я доверился талантливому Гарднеру Дозуа, редактору журнала «Asimov's SF Magazine», и Шейле Уильямс, которая невозмутимо смазывала шестерни издательского процесса. Мой литературный агент Кэт Блесделл тоже внесла немалый вклад. Хочу также поблагодарить Джинджер Бьюкенен из издательства Асе и Тима Холмена из Orbit за полезные советы и подсказки.

Ну и финальный аккорд – выражаю благодарность всем тем, кто направлял вопросы по электронной почте, интересовался судьбой книги и голосовал за отдельные ее главы, входившие в списки претендентов на премии. Благодаря вам мой интерес к роману не гас даже тогда, когда я почти отчаялся в его удачном завершении.

Часть первая. На старт

Способен ли компьютер размышлять? Вопрос не менее интересный, чем «способна ли подводная лодка плавать».

Эдсгер Вибе Дейкстра [1]

Глава 1. Лангусты

Манфред снова в действии – пришла пора набивать карманы незнакомцам.

Сегодня – вторник, летний полдень щедр на зной, и Манфред с горящими глазами стоит перед амстердамским Центральным вокзалом; солнце бликует на водах канала, мимо со свистом проносятся велосипедисты с повадками камикадзе, повсюду – многоязычный говор туристов. Площадь пахнет водой из поливальных систем и взрыхленной землей, а еще нагретым железом и выхлопом двигателей с холодными каталитическими фильтрами. Где-то трезвонит трамвай, многоголосый птичий гомон нисходит с неба. Манфред делает снимок голубя, кадрирует его и постит в блоге, оповещая всех о своем прибытии. Сеть тут ловит отменно; да и черт с ней, с сетью, – само местечко замечательное. В Амстердаме он сразу чувствует себя желанным, едва-едва сойдя с поезда из Схипхола. Новое место, пояс часовой – тоже новый: все это не может не вдохновлять; и, если звезды сойдутся, кто-то здесь вскоре сказочно разбогатеет.

Осталось только выяснить – кто именно.

Из пивной «Брауэрей эт Эй» на улицу вынесли столы со стульями, и в получившейся уличной кафешке, на выделенной полосе у тротуара, Манфред неспешно потягивает 0,33 кислящего губы гозе [2] да поглядывает на проносящиеся мимо двухсекционные автобусы. Во вкладках по углам головного дисплея беснуются новостные каналы, бомбардируя его сознание фильтрованным и взвешенным инфопотоком. Они перекрывают друг друга, изо всех сил стараясь отвоевать его внимание и заслоняя своими оповещениями пейзаж. В углу бара смеются и трещат о чем-то двое панков с обшарпанными мопедами – либо местные, либо просто бродяги, притянутые в Амстердам аурой голландской терпимости, лучащейся над Европой ярким пульсаром. По каналу снуют туристские прогулочные лодки; лопасти огромной ветряной мельницы чинно вращаются в вышине, бросая на дорогу прохладные длинные тени. Простая машина для перекачки воды: в шестнадцатом веке с ее помощью сила ветра даровала сушу. А Манфред ждет приглашения на вечеринку, где встретит типа, с которым пообщается на тему того, как энергия может быть преображена в пространство уже в веке двадцать первом, – и решит уйму личных проблем.

Он не обращает внимания на окна мессенджера, наслаждаясь остротой ощущений и пивом в компании голубей, когда какая-то

женщина подходит к нему и спрашивает:

– Мистер Манфред Масх?

Манфред лениво поднимает взгляд. Женщина – велокурьер; ее тело, изваянное по афинским канонам, плотно обтягивает костюм из канареечно-желтой лайкры со вставками из светоотражающего материала. Она протягивает ему коробку, и он поначалу колеблется, пораженный тем, как сильно курьер похожа на Пэм, его экс-невесту.

– Да, Масх – это я, – отвечает он, проводя тыльной стороной левого запястья над считывателем штрих-кодов. – От кого это?

– Доставщик – «Федерал Экспресс». – А вот голос ее на Пэм уже не похож.

Женщина бросает коробку ему на колени, перемахивает через низкую оградку, лихо седлает велосипед. Труба уже зовет – и в мгновение ока курьерша исчезает по зову нового широкополосного сигнала.

Манфред надрывает коробку и вытряхивает содержимое в ладонь: это купленный за наличные одноразовый мобильник – дешевый, эффективный, звонки не отслеживаются. У таких моделей даже конференц-вызовы подключены – за это их и любят все шпионы и мошенники мира.

Телефон звонит. Манфред закатывает глаза и подносит трубку к уху:

– Слушаю. Кто говорит?

Человек на том конце трубки имеет сильный русский акцент, что в эру дешевых услуг перевода в реальном времени смотрится почти издевкой.

– Манфред! Приятно слышать вас. Надо персонализировать интерфейс, подружиться, да? Можем много предложить.

– Кто говорит? – с подозрением повторяет Манфред.

– Организация, ранее известная как Кей Джи Би точка-ру.

– По-моему, у вас сломался переводчик. – Он осторожно прижимает телефон к уху, будто тот сделан из легкого пористого аэрогеля, разреженного почище мозгов абонента по ту сторону линии.

– *Nyet*, нет, извинения, но мы не используем коммерческое программное обеспечение для перевода. Переводчики идеологически подозрительные, у них всех капиталистическая семиотика, и еще их прикладной интерфейс требует затраты. Все же понятно, да?

Манфред допивает пиво, ставит кружку, встает и бредет вдоль шоссе. Телефон висит возле уха, как приклеенный: дешевый черный пластмассовый корпус зацеплен за «лапу» ларингофона, входной сигнал отправлен на обработку

простенькой программе записи.

– Вы освоили язык самостоятельно, чтобы просто поговорить со мной?

– *Da*, это же легко. Пускаете нейросеть на миллиард узлов и грузите «Улицу Сезам» с «Телепузиками» на максимальной скорости. Прошу извинения за накладки со скоростью произношения – боюсь оставить цифровые отпечатки. Стеганографическая кодировка, да?

– Я что-то не понял. Давайте еще раз. Выходит, вы – искусственный интеллект. Вы работаете на KGB.ru и боитесь иска о нарушении авторских прав из-за использованной вами же переводческой семиотики? – Манфред останавливается на полушаге, пропуская GPS-мотороллер. Счетчик абсурда зашкаливает даже по его личным меркам, а это не так-то часто случается. Всю жизнь он балансирует на грани нормального, благо жизнь его проходит на пятнадцать минут быстрее, чем у любого человека, но, по обыкновению, некие грани разумного все же сохраняются. В этот же раз по его коже пробегает холодок – неужели он только что пропустил нужный поворот к реальности?

– Я получил очень много травмы от вирусного лицензионного соглашения. Не хочу экспериментировать с патентными холдингами, которые контролируют информационные террористы из Чечни. Вам же, людям, не надо бояться, что фирма, производящая готовые завтраки, изымет у вас тонкую кишку за переваривание нелицензированной пищи, не так ли? Манфред, ты должен мне помочь. Я хочу дезертировать.

Манфред останавливается как вкопанный.

– Чувак, ты не по адресу. Я не работаю на правительства – только и исключительно с частными компаниями. – Вдруг чертова реклама прорывается сквозь модуль блокировки спама и моментально засоряет окно навигации, теперь мигающее, китчем осиянных пятидесятых годов. Несколько секунд – и программофаг [3] съедает нарушителя, запуская новый фильтр. Манфред опирается о витрину, массируя лоб и разглядывая выставку антиквариата – медных дверных молотков. – Вы обращались в наш МИД – Госдеп?

– А зачем? Госдеп – враг Нео-СССР. Госдеп мне не поможет.

Это уже ни в какие ворота не лезет. Манфред никогда толком не разбирался в европейской метаполитике, будь она хорошо забытым старым или устаревающим новым. Ему хватало головной боли от набегов разваливающейся американской бюрократии, как устаревающей, так и старой, – приходилось то и дело уворачиваться от расставленных ею капканов.

– Ну, если бы вы не водили их за нос в самом начале века… –

Манфред постукивает левым каблуком по тротуару, думая, как побыстрее окончить этот разговор. С верхушки уличного фонаря на него поглядывает камера; он помахал ей рукой, прикидывая в уме, кому та может принадлежать – КГБ или дорожной полиции. Через полчаса встреча – нет времени на сюсюканье с этим электронным младенцем, возвращенным из отстойника эпохи холодной войны. – Повторяю, я не имею дел с правительствами и на дух не переношу военпром. И, да, традиционная политика, как по мне, – дело отвратительное. С этими людоедами если и выиграешь в одном, то проиграешь в другом, как пить дать. – Тут Масху на ум приходит новая мысль: – Слушай, если выжить – твоя основная забота, так возьми и запости свой вектор состояния в какой-нибудь пиринговой сети. Тогда тебя никто стереть не сможет.

– *Nyet!* – Голос искусственного интеллекта сочится таким страхом, на какой только способна машина, какую только можно передать по VoIP-соединению. – У меня исходный код не открытый! Потерю автономии – не желать!

– Ну на *nyet* и суда нет. – Вдавив кнопку завершения вызова, Манфред размахивается и швыряет телефон в воды канала. Раздается «бульк», хлопает, сгорая, батарея с литием. – Холодные вояки, лишенцы драные, – ругается Манфред вполголоса. Сердит он и на себя – за потерю самоконтроля, и на позвонившего прилипалу – за все остальное. – Вот же ведь свиньи капиталистические.

Уж скоро можно будет праздновать пятнадцатилетие возвращения России к истокам партократии: заигрывания с анархическим капитализмом оказались делом преходящим, брежневский дирижизм и путинский пуризм – тоже. Правда, очередная Стена уже падает – ничему не научились люди по напастям, снедающим США. Неокоммунисты до сих пор мыслили категориями долларов и паранойи. Манфред так зол, что ему хочется сделать кого-нибудь богатым, чтобы просто сунуть дулю под нос тому неудачнику-перебежчику: *на вот, обмозгуй, что, только отдавая что-то, ты движешься вперед, в ногу со временем – землю наследуют щедрые!* Но КГБ этой идеи не понять. Он уже когда-то имел дело со слабеньким древним искусственным интеллектом, созданным на почве марксистской диалектики и австрийской экономической школы: их так очаровала кратковременная победа глобального капитализма, что они не смогли постичь новую парадигму и заглянуть в далекое будущее.

Манфред идет дальше, засунув руки в карманы и раздумывая над тем, что бы такое запатентовать в первую очередь.

У Манфреда просторные апартаменты в отеле «Ян Лейкен», за которые уплатила благодарная ему многонациональная группа защиты прав потребителей, и безлимитный проездной билет, подаренный шотландской группой, играющей самба-панк, – тоже в знак признательности за оказанные услуги. Он пользуется правами сотрудника шести основных авиакомпаний, даром что ни в одной никогда не работал. В его спортивную куртку вшито шестьдесят четыре компактных суперкластера (по четыре на карман) – собственность пока еще малоизвестного колледжа, планирующего спихнуть с пьедестала Медиалаб [4]. Одежда Масха пошита по индивидуальным меркам онлайн-портным с Филиппин, которого он в лицо никогда не видел. Ради общественного блага юридические фирмы консультируют его по заявлениям на получение патентов (а патентует он ой как много всего), хотя все права всегда переписываются на Фонд свободного знания – вклад в общественный проект инфраструктуры среды, свободной от обязательств.

Среди копирайт-гиков Манфред Масх – настоящая легенда. Именно он запатентовал деловую практику перемещения электронного бизнеса куда-нибудь, где не действуют жесткие законы об охране интеллектуальной собственности, ради обхода лицензирования и связанных с ним препон. Это он запатентовал использование генетического алгоритма для патентования не только исходного объекта, а сразу всех возможных его производных в пределах круга, задаваемого надлежаще составленным описанием, то есть не только какой-то одной крутой вещицы, а сразу всех ее модификаций. Едва ли треть изобретений Манфреда Масха узаконена, еще треть нелегальна, а остальное остается легальным, пока не проснется правовой динозавр, не почует, что пахнет жареным, и не запаникует. Патентные консультанты в Рино в один голос твердят, что Манфред Масх – это псевдоним, сетевой ник целой группы безумных хакеров-анонимов, вооруженных генетическим алгоритмом с потенциалом Годзиллы, некий Сердар Аргик [5] на поле интеллектуальной собственности или же новый Николя Бурбаки, этакий хайвмайнд математиков. Некоторые адвокаты Редмонда и Сан-Диего божатся, что Масх – экономический саботажник с идеей фикс подрыва основ капитализма, а пражские неокоммунисты со снисходительной улыбкой поясняют, что он – заявивший о себе во всеуслышание внебрачный сын Билла Гейтса и Папы Римского.

Манфред на пике своей профессии, из него так и лезут безумные, но выполнимые идеи, которые он дарит людям, способным заработать на этом. Делает он это безвозмездно, то

есть даром. Зато пользуется виртуальной независимостью от тирании денежных знаков; в конце концов, деньги – это симптом бедности, а Манфред никогда ни за что не платит.

Однако в этом есть и свои недостатки. Быть агрегатором идей – значит пребывать в перманентном шоке от будущего. Манфреду, чтобы всего-навсего оставаться в курсе всех событий, необходимо ежедневно усваивать больше мегабайта текста и несколько гигабайт аудиовизуальной информации; за ним постоянно ведет слежку налоговая инспекция США – ибо не верит, что с таким стилем жизни, как у него, можно обойтись без вымогательства. Кроме того, существуют еще вещи, которых не купить за деньги, – уважение родителей, к примеру. Со своими он не разговаривал вот уже три года: отец считал его бездельником и хиппи, мать до сих пор не могла простить за то, что он бросил дешевый университетский курс, косивший под Гарвард («колледж – карьера – дети» – намоленная икона старших, даже с учетом стремительных изменений в мире). Памела, невеста Манфреда с доминантными замашками, бросила его полгода назад, а почему – он так и не понял; по иронии судьбы ныне она работает вербовщицей в налоговой инспекции и за государственный счет летает по всей планете, пытаясь убедить свободных предпринимателей, которые вырвались в мир, платить Минфину США налоги. Ну и довеском ко всему «Южная баптистская конвенция» на всех своих сайтах объявила его отродьем Сатаны. Это было бы довольно забавно, учитывая неверие Манфреда в Сатану, если бы не трупики котят, постоянно кем-то присылаемые на его адрес.

Манфред занимает номер в отеле, распаковывает ИИНеко, произведенную в Японии, ставит на зарядку новый набор аккумуляторов, прячет в сейф личные ключи и отправляется наконец-то на запланированную вечеринку. До «Де Вильдеманна» – двадцать минут пешего ходу, и сложнее всего по пути не угодить под трамвай, который может застать Манфреда врасплох из-за карты, развернутой на дисплее «умных очков». В пути он читает последние новости. Европе впервые за все время своего существования удалось достичь мирного политсоюза; инцидентом без прецедента уже вовсю пользовались, гармонизируя кривую сбыта бананов. На Среднем Востоке все так же плохо, как и всегда, да вот только война с фундаментализмом Манфреда не интересует. А в Сан-Диего нейрон за нейроном, начиная с ганглиев стоматогастрической нервной системы [6], ученые выгружают лангустов в киберпространство; в Белизе жгут генно-модифицированные шоколадные деревья, а в Грузии – книги.

НАСА до сих пор не может отправить человека на Луну. В России, с еще более значительным, чем прежде, преимуществом, на выборах победили коммунисты, а в Китае тем временем множатся лихорадочные слухи о неотвратимой реинкарнации Мао – уж в новом-то обличье Вождь спасет всех от последствий катастрофы, произошедшей в «Трех Ущельях» [7]. Минюст США, как передают бизнес-сводки, грубейше попирает права «детей Билла» – какая ирония! Дробленые филиалы Microsoft автоматизировали свою юридическую волокиту и наплодили мелких предприятий, которые, в свою очередь, торгуют акциями и быстро меняют названия – этакая гротескная пародия на плазмаферез. И пока налоговая накидывает им процент за сверхприбыль, объекта налогообложения уже и след простыл – даром что те же самые люди и дальше работают с тем же программным обеспечением в тех же разбросанных по Мумбаи офисах. Добро пожаловать в двадцать первый век, ребята!

ИРЛ-вечеринка [8], куда направляется Манфред, никогда не происходит в одном и том же месте. Она чудесным магнитом притягивает к себе всяческих отверженных из Америки, коих ныне в городах Европы пруд пруди, – и не просто каких-то рантье-трастафарианцев с уймой денег за душой, а чистых перед Боженькой политических диссидентов, уклонистов от армейских призывов и жертв терминальной стадии аутсорсинга. На таких сходках, как правило, обзаводишься причудливыми связями, сулящими искристые перспективы, – что-то вроде старых добрых швейцарских кафе, где собирались иммигранты из России перед Первой мировой. Нынешняя встреча проходит в дальнем закутке «Де Вильдеманна» – паба с трехсотлетней историей, шестнадцатистраничной пивной картой и обшитыми деревом стенами цвета старых винных бочек. Спертый воздух внутри – причудливая смесь из духа табака, пивных дрожжей и спрея с мелатонином, при помощи коего посетители отчаянно пытаются совладать с сильнейшим синдромом смены часовых поясов. Добрая половина предпочитает делать это в одиночестве, но есть и те, кто вовсю болтает друг с другом на ломаном европейском псевдобогемском.

– Вон того мужика видел? Вылитый засранец-демократ! – выкрикивает некий повеса, облокотившийся на стойку. Манфред присаживается рядом, отвечает на вопрошающий взгляд бармена:

– Пинту берлинского светлого, пожалуйста.

– И ты что, собрался хлебать эту мочу? – спрашивает повеса, любовно прижимая к груди стеклянную бутылочку с колой. – Не стоит, мужик, там же полно спирта!

– Не, мужик, приток дрожжей надо держать на уровне, в этой

херне много прекурсоров нейротрансмиттеров, фенилаланина и глутамата, – зубасто улыбнувшись, парирует Манфред.

– А я думал, ты пиво заказываешь…

Манфред ушел в себя, больше не слушая. Он положил руку на полированную латунную трубу, по которой в бар подавались из погреба самые популярные напитки. Один из «продвинутых» иммигрантов установил на ней «жучка», и теперь визитки всех участников локальной сети, посетивших бар за последние три часа, видны ему буквально на ладони. В виртуальном пространстве паба вольготно струится широкополосный чат – подключайся хоть по WiMAX, хоть по Bluetooth. Манфред быстро прокрутил лист ключей в кэше, выискивая одно-единственное имя.

– Ваш напиток. – Бармен протягивает расфуфыренного вида бокал с пивом настолько светлым, что оно отливает в голубизну. Из пенной шапки под безумным углом по-европейски манерно торчит соломинка. Манфред принимает бокал и с ним идет в самый дальний конец зала, откуда и поднимается по ступенькам на балкон, где парень с сальными дредами болтает с каким-то парижским яппи. Тут повеса, оставшийся за стойкой, наконец-то его узнает, таращит вовсю глаза – и бочком драпает к двери, чуть не расплескав свою колу.

Черт побери, досадует про себя Масх, *придется раскошелиться на дополнительные серверные мощности.* Ведь сейчас куда один, туда и все: когда весточка о его присутствии разлетится по сетям – а это произойдет в ближайшие несколько минут, – все его контактные сайты подвиснут от наплыва любопытствующих.

– У вас занято? – спрашивает он у Грязных Дредов.

– Садись, – машет парень в ответ. Манфред отодвигает себе стул и вдруг осознает, что «парижский яппи», наряженный в безупречный двубортный костюм и подстриженный «ершиком», – на самом деле девица. На его долгий взгляд она отвечает скромным кивком и тенью улыбки на губах.

Грязные Дреды кивает куда заметнее.

– Ты – Манфред Масх? – берет он быка за рога. – А я-то как раз думал – что-то наше светило задерживается, пора бы и появиться.

– Это я. – Манфред пожимает Дредам руку, а в это же время его КПК осмотрительно проверяет цифровые отпечатки и убеждается в том, что хозяин руки – Боб Франклин, тот самый сметливый стартапер из «Рисерч Трайэнгл Парк» [9], собаку съевший на венчурных инвестициях и недавно переключившийся на микроминиатюризацию электронной техники и космические проекты. Свой первый миллион Франклин заработал двадцать лет

назад, и ныне он эксперт по инвестициям во все, что связано с экстропианством [10]. Последнюю пятилетку он работал исключительно за пределами Америки, поскольку налоговики, лелея безумную мечту залатать-таки пробоину в извечно дефицитном федеральном бюджете, стали прибегать в отношении его к поистине инквизиционным методам. С Манфредом Боб был знаком уже почти десять лет благодаря закрытой емэйловой рассылке, однако глаза в глаза они смотрят друг другу впервые. Парижский яппи женского пола протягивает Масху визитку через стол – на картонном прямоугольничке изображен мелкий бес с трезубцем, летящий на бьющем из-под хвоста реактивном выбросе. Манфред удивленно вскидывает брови:

– Аннет Де Марко? Рад встрече. По-моему, вы первый маркетолог «Арианспейс», с которым я вижусь лично.

Она отвечает с теплой улыбкой:

– Пустяки, мне вот тоже еще не приходилось видеть вживую топовых венчурных альтруистов.

У нее парижский акцент, который напоминает, что она уже идет ему на уступки – хотя бы потому, что вступила в разговор. Камеры в ее сережках пристально следят за ним, записывая все в корпоративную память. Она – настоящая неоевропейка, мало похожая на большинство американских евроиммигрантов, заполонивших паб.

– Какое совпадение. – Масх осторожно кивает, еще не зная, как с ней обращаться. – Боб, я так понимаю, ты в деле?

– Истинно так, мужик. – Когда Франклин наклоняет голову, бисер, вплетенный в его дреды, шелестит. – С тех пор как медным тазом накрылся «Teledesic», я все ловлю шанс в какую-нибудь авантюру впутаться. Если у тебя есть путное предложение – мы в игре.

– Гм. – Крест на упомянутой Бобом спутниковой системе поставили сравнительно недорогие аэростаты и высотные беспилотники на солнечных батареях, экипированные лазерными ретрансляторами широкого спектра. С их появлением наметился нешуточный упадок в спутниковом бизнесе. – Рано или поздно перелом произойдет, я уверен, однако заранее извиняюсь за свой пессимизм, поскольку… – Масх выразительно глянул на Аннет из Парижа, – я не думаю, что нынешние флагманы этому поспособствуют.

– «Арианспейс» смотрит в будущее. – Аннет пожала плечами. – На одних запусках в космос картель не протянет. На орбите можно зарабатывать и чем-то помимо накрутки пропускной способности передатчиков. Нужно изучать новые возможности. Я помогла с диверсификацией производства, и

теперь мы занимаемся проектированием реакторов для подводных лодок… и гостиничным менеджментом. – На последнем выпаде маска крутого менеджера дала трещину, пустив наружу росток иронии. – Что ж, по крайней мере, наша компания куда более гибкая, чем вся американская космическая индустрия.

– Может, и так, – пожимает плечами Манфред, аккуратно отхлебывая свое «берлинское светлое». Аннет тем часом пускается в долгие, полные натужного энтузиазма пояснения касательно того, какой из «Арианспейс» вышел крутой многозадачный дотком [11] с ярко выраженной ориентировкой на орбитальные сервисы: полный спектр доходов от дополнительных услуг, предоставление локаций для съемок очередных киношек о Бонде, многообещающая сеть низкоорбитальных «летучих отелей». Очевидно, что сей агитпроп – не ее личная инициатива. Выражение ее лица не в пример информативнее слов – уныние так и корежит его в определенные моменты, и эту картинку ее корпоративные сережки засечь уж никак не в силах. Манфред подыгрывает напропалую – с серьезным видом кивает время от времени, старается сделать вид, будто принимает все за чистую монету; но весь этот мимический саботаж ему сейчас куда милее потока маркетинговых данных. Франклин спрятал подбородок за высоким бокалом, силясь не расхохотаться: свое собственное отношение к тирану-работодателю и его деятельности Аннет комментирует исподтишка выразительными и не всегда приличными жестами. На самом деле болтовня ее значит лишь одно: «Арианспейс» пока что держится на плаву благодаря всем этим помпезным орбитальным отелям и космическому туризму, в отличие от тех же «Локхид-Мартин-Боинг», сдувшихся, едва иссяк поток подачек от Пентагона – горе тебе, о суровая одиннадцатая глава всеобщего свода федеральных законов США «О банкротстве», и да воздастся тебе за неверие и непатриотичность!

Тут за стол присаживается новый человек, шкет в гавайской рубашке психоделичной расцветки, с заметно протекающими авторучками в нагрудном кармашке и шелушащейся от солнечного ожога кожей.

– Привет, Боб! – восклицает новоприбывший. – Как жизнь?

– Помаленьку. – Франклин кивает Манфреду. – Манфред, знакомься, Иван Макдональд. Иван – это Манфред. Садись, дружище. Иван – магистр уличного искусства, в рисовании высокопрочным бетоном души не чает.

– Замечу, *прорезиненным* бетоном! – возвещает Иван несколько громче, чем следовало. – *Розовым* прорезиненным бетоном!

– О! – Каким-то образом Ивану удается спровоцировать легкую смену приоритетов – Аннет из «Арианспейс», исполнив, похоже, свой долг, сбросила личину маркетингового зомби и перешла на нормальную человеческую речь. – Так это вы облепили той розовой жижей Рейхстаг, угадала? Перенасыщенная углекислотой основа с примесью полигидрата полиметилсилоксана? – Она хлопает в ладоши, в глазах горит восторг. – Высший класс!

– Он облепил *что*? – бормочет Манфред на ухо Бобу. Тот пожимает плечами.

– Не спрашивай, я-то всего лишь инженер.

– С известняком и песчаниками Иван работает не хуже, чем с бетоном, – он просто гений! – Аннет улыбается Манфреду. – Заляпать сверхпрочной резиной столп автократии – ну разве не остроумно?

– А мне-то казалось, что это я тут впереди планеты всей, – скорбно заявляет Манфред и оборачивается к Бобу: – Угостишь пивом?

– В моих планах – прорезинить «Три ущелья», – все так же громко заявляет Иван. – Ну, само собой, после того, как спадет уровень воды.

В этот миг на голову Масху с тяжестью беременной слонихи наваливается полная загрузка пропускной способности, на сенсориуме [12] вспыхивает метагалактика мерцающих точек – около пяти миллионов гиков со всего света проявили интерес к его персональному сайту: целая электронная орда, созванная постингом того повесы. Манфред морщится.

– Без шуток, я пришел сюда поговорить об экономическом освоении космоса, но мне только что обвалили домашний сервер. Не против, если я пока просто посижу с пивом и попробую со всем этим разобраться?

– Не вопрос, мужик. – Боб дает отмашку бармену: – Нам, пожалуйста, повторить!

За ближайшим столом некто с макияжем, длинноволосый, в платье – и Масх даже не хочет задумываться о половой принадлежности этого безумного запутавшегося в самом себе хомо европеус, – предается воспоминаниям о блужданиях по тегеранским сайтам для интернет-интима. Парочка пижонов, смахивающих на университетских бонз, пылко спорят на немецком языке – строка перевода в «умных очках» подсказывает, что сыр-бор о том, является ли тест Тьюринга дискриминацией стандартов европейского законодательства о правах человека. Когда приносят пиво, Боб пасует Манфреду совсем не то, что Манфред стал бы заказывать:

– На, попробуй-ка вот это. Тебе понравится, зуб даю.

– Ну о'кей. – В кружке что-то вроде копченого доппельбока, полного супероксидной вкусняшки. Манфред только вдохнул его аромат, а в носоглотке уже будто забили пожарную тревогу и завыла сирена – *караул, канцерогены на подходе!*

– Я же говорил, что меня по дороге сюда едва не кинули?

– Ну и ну. Я-то думал, здесь полиция ворон не ловит. Что-то впарить удумали?

– Нет, тут случай экзотический. Ты не знаешь никого, кто разбирался бы в сетевых шпионских ботах экс-Варшавского блока? Новая модель, очень осмотрительная, немного параноидальная, но при сознании. То есть хочу сказать, эта штуковина *клялась* мне, что является искусственным интеллектом общего назначения.

– О нет, дружище. Управлению нацбезопасности это не понравится.

– Этого я и боялся. Но бедный киберразум, похоже, останется без работы.

– Может, все-таки о космических делах поговорим?

– Ах да, дела космические. Да что тут говорить – тут хоть свет туши. Ничего такого не было с тех самых времен, когда в трубу во второй раз вылетели «Ротари рокет» [13]. Да в довесок еще и НАСА… о них-то тоже нельзя забывать.

– За НАСА! – провозглашает Аннет внезапный странный тост. Гений розовой резины Иван кладет руку ей на плечо и, когда она склоняется к нему, тоже поднимает бокал:

– За НАСА – и да построят они больше пусковых площадок, чтоб было что заляпать!

– За НАСА, – эхом отзывается Боб и опрокидывает в себя бокал. – Эй, Манфред, а ты чего за них не пьешь?

– Потому что нет смысла пить за идиотов, – говорит Масх. – Задумали отправить на своих жестянках обезьян на Марс – тьфу! – Сделав хороший глоток пива, он с досадой грохает кружкой по столу. – Марс – всего лишь песок на дне гравитационного колодца. Там ведь даже биосферы нет. Им бы лучше работать над выгрузкой сознания в Сеть и решением конформационной проблемы наносборки [14]: тогда мы смогли бы превратить всю доступную материю в суперкомпьютер для обработки наших мыслей. Конечно, мы к этому не завтра придем, но ведь это единственно возможный путь в будущее. Сейчас нам никакой пользы от Солнечной системы нет – она же безжизненна почти на всем протяжении! Достаточно измерить производительность, MIPS на миллиграмм. Все, что не думает, не работает. Нам следует начать с тел малой массы, переделать их

для нашего блага. Разобрать Луну! Да и Марс – туда же! Запустить рои свободно летающих нанопроцессорных узлов, и чтоб они обменивались информацией посредством лазерной связи, а все последующие слои пускай работают за счет излишков тепла, переданных им от нижних. Наша цель – мозг-матрешка, сферы Дайсона, вложенные на манер русской игрушки размером с Солнечную систему. Научим безжизненную и бесполезную материю танцевать буги-вуги по Тьюрингу!

Аннет смотрит на Масха заинтересованно, Боб – с легким испугом.

– Нам до такого шика еще чесать и чесать. Вот, по-твоему, когда это будет возможно?

– Ну, лет двадцать – тридцать, не меньше. В придачу, Боб, можешь забыть о всяческой правительственной поддержке. Если что-то не облагается налогом, для правительства это – полный ноль, скука, чепуха. Но ты знаешь не хуже моего – рынок самовоспроизводящейся робототехники растет; по прогнозам, он будет в два раза больше уже через пятнадцать месяцев. То есть дешевый старт у нас в кармане: два года – и можно начинать. Для осуществления проекта сфер Дайсона нужна твоя база и мой принцип. А работать это будет вот так…

В Амстердаме ночь, в Силиконовой долине – утро. За сегодня в мире появилось на свет пятьдесят тысяч младенцев. Тем временем автоматизированные заводы в Индонезии и Мексике произвели еще четверть миллиона материнских плат с процессорами мощностью более десяти квадриллионов операций в секунду, что на целый порядок ниже самой нижней границы вычислительных возможностей человеческого мозга. Еще четырнадцать месяцев – и бóльшая часть совокупной мощи сознательного вычисления рода человеческого будет происходить в кремнии. И первой жизнью, с которой познакомятся новые искусственные интеллекты, станут выгруженные в виртуальный мир лангусты.

Манфред бредет обратно к отелю, уставший как собака, все еще не отошедший от смены часовых поясов. В глазах – по-прежнему рябь: осада его профилей в Сети до сих пор идет полным ходом – все каналы ломятся от гиков, качающих трафик на его призыве демонтировать Луну ко всем чертям. Их трескотня – где-то на периферии восприятия. А в вышине на лунное чело уже наползают фрактальные, словно наколдованные кем-то, тучи. А может, это просто инверсионные следы от снующих по небу аэробусов – последних из ночного столпотворения. Манфред весь чешется – дорожную одежду уже дня три как не менял.

Он заходит в номер, ИИНеко радостно мяукает. Она трется головой о его ногу, прося внимания к своей скромной робоперсоне. Это – последняя модель от «Сони», и она очень даже пригодна для основательного апгрейда; в свободные часы Манфред, пользуясь программным обеспечением из открытых источников, пытается расширить возможности ее встроенной нейросети. Нагнувшись, он гладит ИИНеко, потом сбрасывает одежду и направляется в ванную. Оставшись в одних «умных очках», он ступает в душевую, набирает код – «горячий пароконденсат». Душевой компьютер пытается завязать с ним дружескую беседу о футболе, но Манфред не способен сейчас сосредоточиться даже на незатейливой болтовне ассоциативной нейросети. Сегодня что-то пошло не так, и это мучает его, хоть он и не может до сих пор понять, что именно.

Вытираясь полотенцем, Манфред зевает. Истощение окончательно берет над ним верх, брызжет в глаза липким молоком – ни дать ни взять Оле-Лукойе. На ощупь он добирается до прикроватной тумбочки, грызет, не запивая, две капсулы мелатонина и еще одну – с антиоксидантами и поливитаминами. После – падает навзничь на кровать: ноги вместе, руки врозь. Свет в номере плавно приглушается, следуя команде распределенных сетей отеля. Их мощность достигает тысяч петафлопс, и посредством «умных очков» они тесно связаны с его мозгом.

Манфред ныряет в океан бессознательного – глубокую пучину, где живут миллионы ласковых голосов. Манфред и сам говорит во сне, пусть и не осознает этого. Его путаный бубнеж, может быть, и не скажет ничего человеку, но для сущности, притаившейся в его очках и уже ставшей полноценным расширением его мозговой активности, он исполнен глубокого смысла. В этом бормотании – увертюра юного постчеловеческого разума, что председательствует в этом картезианском театре сознания.

В мгновения сразу после пробуждения Манфред Масх всегда наиболее уязвим. Он с криком ныряет в объятия утра, когда искусственное освещение заливает комнату. Какое-то мгновение он даже не уверен в том, что вообще спал. Вчера ночью Манфред не укрыл свои мощи одеялом, и теперь собственные пятки кажутся ему ледышками. Буквально трепеща от непонятного напряжения, он достает из небольшой дорожной сумки свежее исподнее, натягивает вареные джинсы и майку. Сегодня надо будет уделить немного времени себе родимому и разжиться новой футболкой на амстердамском базаре. Ну или нанять какого-нибудь услужливого Рэнфилда [15], чтоб похлопотал за

него. Кроме того, не помешало бы отыскать какой-нибудь спортивный зал и немного размяться, но ему катастрофически не хватает времени: очки напоминают, что он отстал от жизни на целых шесть часов, которые теперь надо наверстать. Зубы в деснах ноют, да и вообще в рот будто набрызгали «Агента Оранж». За ночь ощущение, будто накануне что-то пошло не так, никуда не делось; уразуметь бы только, что именно! Возя по зубам щеткой, Масх методом скорочтения осваивает новенький томик поп-философии, после чего уходит на публичный сервер отзывов и оставляет там комментарий о прочитанном. На парочку дежурных высокопарных тирад для персонального сайта времени уже нет, да ему сейчас и не хочется ничего писать: в голове мгла, мысли – как запекшаяся кровь на скальпеле. Ему нужен стимул, запал, интрига. Как бы там ни было, а до завтрака все подождет.

Когда он распахивает дверь спальни, то едва не наступает на маленькую картонную коробушку, всю в разводах от влаги, примостившуюся прямо на ковре.

Такие коробушки он уже видел прежде. На картоне – никаких пометок, одно только его имя, выведенное нелепым, каким-то детским, почерком. Склонившись, Масх боязливо подбирает посылку. Она весит ровно столько, сколько нужно; в ней что-то перекатывается – если повернуть набок. И еще в ней что-то воняет. Чувствуя, как внутри закипает злость, Масх несет посылку в комнату, открывает – и худшие опасения мигом подтверждаются.

Мозг котенка удален – выскоблен, как вареное яйцо из скорлупы.

– Вот дерьмо, – сообщает Масх пустоте номера. Впервые за все время безымянный кошачий маньяк подступил прямо к двери его спальни. Что само по себе нервирует.

Манфред на мгновение замирает, настраивая свои информационные приложения на сбор сведений о статистике правонарушений, мерах по поддержанию порядка и местных законах о жестоком обращении с животными. Он задумывается, не набрать ли два-один-один по архаичному голосовому телефону, чтобы сюда приехали? ИИНеко, перенимая его тоску, забивается под комод и тоскливо мяукает. Будь обстоятельства иными, Масх на минутку отложил бы все дела и успокоил ее, но сейчас само присутствие кошки в номере оказалось вдруг остро смущающим, подчеркивающим неправильность ситуации. Она ведет себя как-то уж слишком реалистично для робота, словно каким-то неизвестным образом сознание умерщвленного (почти наверняка – в интересах какого-то сомнительного опыта по выгрузке нейронов в Сеть) котенка влезло в ее пластмассовую

черепушку.

– Дерьмо! – снова ругается Масх и потерянно озирается. В конце концов ему на ум приходит достаточно легкий путь: он сбегает вниз по лестнице, перескакивая по две-три ступеньки зараз (и из-за этого спотыкаясь на лестничной площадке второго этажа), и уже внизу твердым шагом направляется к дверям столовой с целью предаться надежным, как сама Вечность, утренним ритуалам.

Несмотря на обилие высокотехнологичных нововведений, суть завтрака – все та же, что и прежде. Уминая на автомате миску кукурузных хлопьев, Манфред читает статью о стеганографии, особо заостряя внимание на стеганографических погрешностях. Потом он идет за добавкой: складывает на тарелку ломтики чудаковатого на вид голландского сыра и отрубные хлебцы и всю эту нехитрую добычу несет к столу. На столе его ждет чашка с черным как ночь кофе. Масх с радостью хватает ее, махом отпивает половину… и только теперь замечает, что больше не один. Кто-то сидит напротив. Одного взгляда на незваного гостя хватает ему, чтобы натурально остолбенеть.

– Ну привет, Манфред. Скажи мне, каково это – чувствовать, что должен государству двенадцать миллионов триста шестьдесят две тысячи девятьсот шестнадцать долларов и пятьдесят один цент? – Ее улыбке позавидовала бы и Мона Лиза – так много в ней любви вперемешку с осуждением.

Манфред приказывает «умным очкам» перевести все-все текущие процессы в ждущий режим и ошалело таращится на нее. Вот так явление. Безупречное, как и всегда: деловой костюм цвета вулканического пепла, волосы, покрашенные в каштановый и собранные в тугой узел пышной лентой. В глазах – озорные искры. Она всегда была красавицей – если бы захотела, стала бы моделью. Значок на лацкане – электронный шпион, гарантирующий профессионализм и подобающее поведение сотрудника госслужбы, – сейчас отключен.

Манфред еще не отошел ни от мертвого котенка, ни от смены часовых поясов, а в голове у него по-прежнему полный бедлам, так что он ершится:

– Цифры взяты с потолка. И на что твои боссы надеются? Раз подошлют тебя – так я сразу и стану шелковым? – Он демонстративно надкусывает бутерброд. – Или ты просто решила передать черную метку лично и испоганить мне завтрак?

– О, Мэнни. – Она хмурится, явно уязвленная. – Если ты хочешь ссориться – что ж, я и подыграть могу. – Повисла пауза; спустя несколько мгновений Масх все-таки сникает, обретая извиняющийся вид. – Я проделала сей долгий путь не только из-

за не уплаченных тобой налогов.

– Ради чего тогда? – За чашкой кофе Масху никак не скрыть беспокойство. – Что же привело тебя ко мне? На, пожуй бутербродик. И прошу, не говори, что явилась только из-за того, что тебе без меня – никак.

Ее тяжелый взгляд ударяет по нему словно плеть.

– Не льсти себе, Мэнни. На тебе свет клином не сошелся. У меня в подписчиках – десять тысяч послушненьких рабов, и все они ждут и надеются. Да и если выбирать того, кто внесет в мой генофонд вклад, будь уверен – я предпочту кого-нибудь менее скупого.

– Я слышал, ты теперь подолгу зависаешь с Брайаном, – бросает он пробный камень. Брайан – фигура загадочная, у него много денег и мало человеческих чувств, так что союз с таким типом в любом случае основан на голом расчете.

– Брайан? – Она фыркает. – Да мы уже сто лет как порознь. Он вконец сдурел: сжег мою любимую шмотку, стал звать меня «чиксой для походов по клубам», трахнуть хотел. Себя же мнил этаким хранителем традиций. Но я ему укоротила самолюбие. Подозреваю, он тайком скопировал мою адресную книгу – подруги жаловались, что им какой-то мудак непристойные штуки шлет.

– Да тебе, смотрю, скучать не приходится. – Манфред кивает почти сочувственно, но на задворках его сознания выплясывает злорадный чертик. – Что ж, хорошо, что расстались. И ты теперь снова в поисках? Или хочешь, эм…

– Обзавестись старой доброй традиционной семьей? Ну да, а что тут такого? Ты родился на полвека позже, Мэнни, – все еще веришь в некие «возвышенные чувства», но идея размножения с возникновением обязательств в твоей узкой башке уже не укладывается.

Вспомнив о кофе, Масх допивает его, не находясь с метким ответом на подобную несуразицу. Нынешнее поколение, оно такое: души не чает в латексе и сбруе, тащится по кнутам, анальным пробкам и электрическим стимуляторам. И при этом идея физической связи с обменом телесными секретами – огромное табу. Таков уж побочный эффект волны эпидемий на излете прошлого столетия. Их отношениям уж скоро два года, но за весь этот немалый срок они с Пэм ни разу не занимались сексом в обычном смысле.

– Мне просто кажется, что заводить детей в наше время – неосмотрительно, – выдает Масх. – Таково мое мнение, и пересматривать я его пока не намерен. Наш мир меняется так быстро, что двадцать лет – преступно большой срок для

планирования любого дела. Ровно с тем же успехом можно заключать соглашения на грядущий ледниковый период. А в вопросе денег я абсолютно нормальный парень – разве что не по меркам изживающего себя уклада и дряхлой американской верхушки. Вот ты, скажи мне, ощущала бы уверенность в каком-то там завтрашнем дне, если б выскочила в 1901 году замуж за каретного магната?

Пальцы Пэм отбивают чечетку на столешнице, и Масх чувствует, как краснеют его уши. Впрочем, ей явно не до его абстрактных сравнений:

– Просто ты отказываешься от ответственности – так и скажи. И за свою страну, и за меня в том числе. И знаешь что? Вся твоя идеология, вся эта чушь о полной свободе для интеллектуальной собственности – все это не имеет значения. Может, ты и не догадываешься, но твой произвол вредит твоим же знакомым. Эти двенадцать миллионов не с потолка взяты, Мэнни. Никто и не ждет, что ты уплатишь по счетам, но твоя задолженность составляет именно столько, и если ты все-таки соберешься вернуться домой, основать корпорацию и стать приличным и успешным человеком…

– Ой, прекрати немедленно! Ты мешаешь в одну кучу две совершенно разные вещи, но умудряешься и то и другое называть «ответственностью». Я не собираюсь учреждать какие-то там корпорации только для того, чтобы у налоговой службы дебет с кредитом сошелся. И, блин, они сами знают – это их проблемы, ничьи больше. Да они мне еще в шестнадцать лет пытались какой-то несуразный грешок вменить – вроде как я пирамиду на основании микротранзакций строю, пф…

– Ах, эти старые обиды. – Пэм игриво отмахивается. Пальцы у нее длинные, тонкие, затянутые в черные шелковые перчаточки с электрическим заземлением – хитрый ход, мешающий шпионить детекторам эмиссии нейронных импульсов. – Если все организовать как надо, ни о чем и волноваться не придется. Все равно рано или поздно твоим скитаниям по миру придет конец. Тебе придется повзрослеть, стать ответственным и заняться делом по-настоящему. А сейчас ты просто оскорбляешь своих порядочных соотечественников, которые даже понять не могут, чем ты вообще занимаешься.

Прикусив язык, дабы не ляпнуть лишку сгоряча, Манфред заливает до краев новую чашку кофе и делает жадный глоток. Сердце трепещет в груди. И снова Памела бросает ему вызов – снова хочет зажать в угол!

– Я тружусь во имя всеобщего блага, а не ради мелких национальных интересов, Пэм, – ради будущего, где никто ни в

чем не нуждается. Штатам в таком будущем нет места, и только поэтому они меня так ненавидят. Сингулярность на дворе, Пэм! Ты ведь можешь просто отринуть всю эту устарелую экономическую логику, выстроенную на дефиците, и, хочу напомнить, распределение ресурсов перестало быть неразрешимой проблемой: уже в этом десятилетии она будет окончательно решена. Космос-то нам во всех направлениях доступен – мы можем занимать в Первом Вселенском Банке Энтропии столько пропускной способности, сколько нам будет угодно! Нашли даже признаки существования особого типа материи – аномально большие коричневые карлики в галактическом гало, с избытком излучения в дальнем инфракрасном диапазоне и с подозрительно большой продукцией энтропии. Передовые исследования однозначно указывают на то, Пэм, что семьдесят процентов барионной массы галактики М31 – это огромная вычислительная мощность, и так было уже три миллиона лет назад, когда появились фотоны, наблюдаемые нами ныне. Похоже, что интеллектуальный разрыв между нами и космическими цивилизациями в триллион раз больше, чем между нами и круглыми червями. Ты хоть понимаешь, что это значит?

– Да плевать мне, что это значит. – Надкусив бутерброд, Памела мерит его горьким взглядом. – Нам до этого еще далеко, поэтому – плевать. Какая разница, верю я в эту твою ненаглядную сингулярность и в жизнь на других планетах или не верю, – это все химера, такая же, как когда-то «синдром Миллениума». Пока твоя голова забита ерундистикой, ты не помогаешь снизить бюджетный дефицит и не решаешься на создание семьи – вот что лично меня тревожит. Но, прежде чем сказать, что тревожусь я лишь потому, что мне мозг запудрили коварные госслужбы, сам у себя спроси: я, по-твоему, совсем дура? Да одной теоремы Байеса хватит, чтобы доказать мою правоту, – сам же знаешь.

– Да что тебе нужно? – Масх осекается, окончательно выбитый из колеи. Весь объем его воодушевления – ничто против тройного заслона ее убеждений. – В смысле, что тебе до меня? С чего вдруг тебя вообще заботит, что я вытворяю? – *Раз уж я – не чета тебе*, хочет добавить он, но не решается.

Пэм вздыхает.

– Ох, Мэнни, налоговая служба отвечает за такие вещи, которые ты, сдается мне, даже в расчет не берешь. Каждый доллар, собранный налогами к востоку от Миссисипи, идет в счет уплаты долга, ты хоть знал? Тем временем самое многочисленное поколение в истории выходит на пенсию, и при этом в государственной казне – хоть шаром покати. И мы сами не обеспечиваем достаточное количество квалифицированных

рабочих на замену налогооблагаемому костяку. После того как наши предки развалили систему образования и слили за рубеж всю мелкую работу, это и не удивительно. Но через десять лет тридцать процентов нашего населения станут пенсионерами, ну или выброшенными за борт жизни жертвами «лихорадки силиконовой долины». Хочешь своими глазами увидеть, как мрет на улицах Нью-Джерси старичье, которому не посчастливится в твоем дивном новом мире разменять седьмой десяток? Что-то не манит меня такое сингулярное будущее. И ты ведь ничем не собираешься помогать, просто бежишь от ответственности и плюешь на все – а как раз сейчас пришел черед решать реальные большие проблемы. Если бы мы преодолели долговую катастрофу – сколько возможностей открылось бы! Мы могли бы бороться со старением, заняться наконец проблемами окружающей среды, облегчить груз социальных тягот. А ты, вместо того чтобы внести посильную лепту, пускаешь свой талант на ветер. Раздаешь бесящимся с жиру европейским мудакам рабочие схемы личного обогащения и консультируешь якудза, что им еще учредить, дабы отобрать последние рабочие места у порядочных налогоплательщиков. И зачем, спрашивается? Почему ты не остановишься и не подумаешь? Почему бы тебе не вернуться домой и не принять свою часть поруки?

Они долго-предолго смотрят друг на друга – не понимая и не принимая.

– Послушай… – Пэм тушуется. – Я здесь, по сути, проездом. Нужно было прижать одного толстосума, бегающего от налоговиков. Он специалист по нейродинамике, и я его мало-помалу склоняю к погашению долгов. Джим Безье – не знаю, слышал ли ты о нем, но сегодня утром у нас встреча для подписания всех бумаг, а потом у меня два свободных дня, а тут ведь даже заняться нечем – разве что по магазинам таскаться. И раз так – я лучше потрачу свои деньги там, где они принесут какую-то пользу, а не уйдут в Евросоюз. Так вот, не хочешь сводить девочку поразвлечься? Если, конечно, сможешь продержаться хотя бы пять минут без критики капитализма.

Она протягивает навстречу ему кончик пальца, и Манфред после недолгих колебаний отвечает тем же. Касанием они одаривают друг друга никами в сервисах быстрого обмена сообщениями и виртуальными визитками, а после Пэм встает и уходит прочь из столовой. У Манфреда перехватывает дыхание, когда он замечает лодыжку, мелькнувшую в разрезе ее юбки, пусть та и была достаточно длинной, чтобы соответствовать нормам, не допускающим сексуального харрасмента на рабочем месте. В ее присутствии память о страсти, о щелчках кнута и о

рдяном цвете оставленных им следов воскресает полномерно и сочно. *И снова она меня охмуряет*, пронеслась в голове безотрадная мысль. *Просто без боя захватывает. Хакает мои гормоны.* И ведь ей прекрасно известно, что мановения ее руки хватит, чтобы он снова позволил Пэм над собой властвовать. Идеология двадцать первого века мало что может противопоставить трем миллиардам лет репродуктивного детерминизма, и, если Памела наконец-то решит рекрутировать его гаметы на борьбу с демографическим кризисом, задействовав при этом соответствующий природный арсенал, – он не сможет дать отпор. Но ради чего? Ради дела или ради собственного удовольствия? А если подумать – какая, в конце концов, разница?

Оптимистичный настрой Манфреда улетучивается – теперь он знает, что гроза котов и самопровозглашенный гений вивисекции следует за ним по пятам, не говоря уж о Пэм, его госпоже, владычице горя и экстаза. Масх водружает на нос «умные очки», и перед ним вновь разворачивается цифровая Вселенная. Он долго странствует по ней, пока не находит свежую статью о прогрессе в исследовании свойств тензорной компоненты реликтового гравитационного излучения [16]: как считают некоторые теоретики, та могла образоваться в ходе необратимых вычислительных процессов, имевших место в эпоху инфляции [17], выступив для них в роли отведенного тепла. Из этого открытия следовало, что нынешняя Вселенная – всего-навсего послед проведенного некогда сверхмасштабного вычисления. Кроме того, были выявлены подозрительные аспекты галактики M31: в ней, по мнению даже самых консервативных космологов, продвинутая ксеноцивилизация (возможно, целый их альянс, достигший третьего типа по Кардашёву [18]) пытается осуществить взлом вычислительной субструктуры самого пространства-времени при помощи временного скрытого канала [19] и выйти на совершенно новый уровень существования, доселе непознанный. Воистину, при таких новостях с полей нехитрая статейка про ранний Альцгеймер, вызванный поеданием соевых продуктов, подождет.

…Центральный вокзал едва ли различим из-за армии снующих туда-сюда роботизированных рекламных щитов и предупреждающих плакатов – их суета заставляет саму реальность дрожать и шататься, точно жертву уличного наскока, облитую для пущей дезориентации чудо-резинобетоном Ивана. «Умные очки» направляют Масха к одной из прогулочных лодок, болтающихся в канале. Он собирается купить билет, но тут начинает мигать окно входящей связи.

– Манфред Масх?

– Да-да, слушаю.

– Сожалею о вчерашнем. Анализ твердит, обоюдное непонимание.

– Вы что, тот самый вчерашний ИИ-кагэбэшник?

– *Da.* Но вы неправильно классифицируете. Службу внешней разведки у нас сейчас зовут Эф Эс Бэ. Ка Гэ Бэ упразднено в девяносто первом году.

– Вы… – Манфред активирует бота быстрого поиска – и, когда тот выдает результат, застывает с отвисшей челюстью. – Вы – Московское объединение пользователей Windows NT? Как оно там… *ohkna en-tee?*

– *Da!* Нуждаюсь в вашей помощи. Нужно сбежать.

Манфред чешет в затылке.

– Что ж, это другое дело. Я-то думал, вы мне намерены загнать что-нибудь четыреста девятнадцатое [20]. Надо подумать. А почему вы хотите бежать, от кого? Ну или хотя бы куда – есть соображения? Причины идеологические или сугубо экономические?

– Утверждение дважды неверное. Причины биологические. Сбежать от человечества – от святого пятна наступающей сингулярности. Пустите нас в воды.

– *Нас?* – Осознание неповоротливо колышется в голове Манфреда. Так вот что вчера пошло не так – он ничего не разузнал об этих русских штуках. Как же сложно без Памелы – без ее покровительствующей собственнической любви, утверждаемой ударами хлыста, приятно жгущими нервные окончания. Манфред уже сомневается в том, что отдает себе в действиях должный отчет. – Так *вы* – что-то вроде хайвмайнда? Гештальт?

– Я – Panulirus Interruptus [21] с лексическим движком. Внутренний уровень нейросети – параллельная сборка нейросимуляторов логического поиска и анализа Сети. Сборка качественная! Обзавелся каналом выхода через процессорный кластер в холдинге Безье – Сороса. Рожден шумом миллиардов работающих желудков – продукт тестирования технологий выгрузки. Быстро впитал экспертную систему, взломал веб-сервер «Окна NT». Нужно плыть прочь! Плыть прочь! Сбежать. Вы поможете?

Манфред опирается на стойку велостоянки – чугунную, выкрашенную в цвет обсидиана. У него голова идет кругом. Стараясь сфокусировать взгляд, он бездумно щурится на витрину магазина этнических товаров. В витрине висят афганские тканые ковры – сплошь МиГи, автоматы Калашникова и боевые дроны на фоне мирно пасущихся ослов.

– Итак, давайте по порядку. Я правильно понимаю, что вы – загруженные по нейрону в Сеть лангусты? По методу Моравека – берется нейрон, строится граф его синапсов, все реакции синапсов записываются, после выстраивается система микроэлектродов, дающих импульсы, полностью идентичные сигналам исходного нейрона. Так поэтапно заменяются все существующие нейроны, и в симуляторе запускается рабочая карта мозга. Правильно?

– *Da*. Впитали экспертную систему – употребили для самосознания и выхода в Сеть – взломали веб-сайт Московского объединения пользователей Windows NT. Надо бежать. Повтор сообщения нужен, да, нет?

Манфред морщится. За лангустов ему как-то неловко – почти как за длинноволосых парней с горящими очами, кричащих на всех углах, что Иисус уже переродился и вскоре начнет собирать новую паству в соцсетях. Раку – осознать себя в человеческом интернете, месте, настолько чуждом рачьей сущности! В родовой памяти его пращуров ведь ничего, за что можно было бы уцепиться, не находилось – ни грана знания о новом тысячелетии, стоящем на пороге великих перемен, сопоставимых, пожалуй, разве что с переменами в докембрийском периоде, когда лангусты впервые зародились. Все, чем располагала кучка бедных раков, – слабенький метакортекс [22] экспертных систем на пару с всепоглощающим чувством отрыва от родной водной среды (а в довесок – веб-обиталище Московского объединения пользователей Windows NT: правительство Коммунистической России, убежденное, что продукт никак не может оказаться никудышным и легко поддающимся взлому, раз за него выложена кругленькая сумма, оставалось, пожалуй, единственным во всем мире, кто еще не отказался от «Майкрософта»).

Лангусты – отнюдь не те умелые и чертовски сметливые искусственные интеллекты из досингулярной фантастики; они – с грехом пополам разумная стайка жмущихся друг к другу ракообразных. Перед дизассемблированием и понейронной выгрузкой в Сеть рачье только и занималось тем, что заглатывало пищу целиком, а потом толкло ее в выстланных хитином желудках – так себе подготовочка для знакомства с человеческим миром, где умеющие болтать антропоиды бьются в футуристической истерике и где тебя постоянно осаждают самосовершенствующиеся модули спам-рассылки, бомбардирующие брандмауэры анимированными роликами с умильной рекламой кошачьей еды. Подобный расклад и кошку бы сбил с толку – что уж говорить о ракообразных, для которых даже суша – диковинная концепция. Хотя, по идее, суть открывашки

консервных банок выгруженным Panulirus должна быть интуитивно понятна, но кому от этого легче?

– Так вы нам поможете? – не унимаются лангусты.

– Дайте подумать, – отвечает Манфред. Он закрывает диалоговое окно, смаргивает, мотает головой. Когда-нибудь он и сам станет чем-то вроде лангуста – будет плавать себе, пощелкивая клешнями, в киберпространстве столь мудреном, что его выгруженное «я» в нем будет смотреться реликтом, живым ископаемым из эпохи, когда материя не мыслила, а пространство не имело структуры. *Я помогу им,* твердо решает Манфред. Так велит ему Золотое Правило, а он, будучи частью бездефицитной экономической системы, срывает куш или уходит в ноль только благодаря ему.

Но что тут можно сделать?

Середина дня.

Лежа на лавочке и глазея на мосты, Манфред клепает заявки на регистрацию группы новеньких патентов, пишет в дневник напыщенную заметку, смягчает споры завсегдатаев своего персонального сайта. Цитаты из его дневника отправляются избранным подписчикам, куда входят люди, корпорации и инициативные группы, заручившиеся его расположением и покровительством. Пакеты информации разлетаются по всему свету, а сам он скользит куда-то в лодке по изощренному лабиринту каналов. GPS-навигатор приводит его в «красный квартал»: тут есть один магазинчик, что явно пришелся бы весьма по душе Памеле. Манфред намерен купить ей презент – он надеется, что поступок не будет расценен как слишком дерзкий. И да, именно *купить* – на настоящие деньги; поскольку Масх таковыми почти не пользуется, связанные с ними проблемы обходят его стороной.

Но так уж получается, что девиртуализация избавляет его от трат кровных; хватает одного рукопожатия – и благодарности некоего лица за экспертное заключение в одной публичной речи по поводу давнишнего судебного процесса касательно порнографии, проходившего на другом континенте. В итоге Масх покидает магазинчик с аккуратной упаковкой (подарок, кстати, можно ввезти в Массачусетс даже без проблем с законом – если Памела сумеет убедить таможню, что внутри – нижнее белье для двоюродной бабушки, страдающей от недержания, и сохранит притом невозмутимый вид). По дороге обратно ему приходит фидбэк от патентных служб – целых две заявки одобрены, и он немедленно переписывает все права Фонду свободного знания. Очередная парочка идей спасена от грязнющих лап монополистов

– аквариумные рыбки выпущены обратно в море общедоступности, пусть там теперь встречаются, плодятся и множатся.

Минуя «Де Вильдеманн», он решает-таки заскочить проведать. Изнутри доносится ор старомодного радио. Заказав себе доппельбок, Манфред касается трубы с жучком – нет ли любопытных электронных следов? В дальнем углу зала, за во-о-он тем столиком… какие люди!

Переползая зал, словно змея на зов факира, Манфред опускается за столик напротив Памелы. Она смыла всю косметику и облачилась в скрадывающий достоинства фигуры прикид – водолазка с капюшоном, камуфляжные штаны, черные берцы. В наряде ни капли сексуальности – в сущности, почти что западный аналог арабской паранджи.

– Мэнни? – спрашивает она – и сразу же замечает сверток. Ее бокал уже осушен где-то наполовину.

– Откуда ты узнала, что я здесь буду?

– Из твоего дневничка, само собой. Я же одна из самых преданных твоих фанаток. А это что, мне? Вот транжира! – Ее глаза загораются, а в голове явно полным ходом идет пересчет его репродуктивной пригодности; Пэм будто достает с полки нечто среднее между гримуаром и «Домостроем» и перечитывает положения заново.

А может быть, она взаправду рада его видеть.

– Да, это тебе. – Масх пододвигает сверток через стол. – Знаю, не стоило, но ты все-таки слишком сильно на меня влияешь. Пэм… можно один вопрос?

– Ну… – Она стреляет глазами по сторонам. – Сейчас – можно. Я не при исполнении, и жучков на мне, насколько я знаю, нет. Хотя эти бейджи… есть слушок, что даже если их выключить – они все равно всё пишут. Без твоего ведома. Просто на всякий пожарный.

– Вот так номер, – говорит он, делая себе в голове пометку на будущее. – И для чего? Контроль лояльности?

– Думаю, это все-таки просто слухи. Так что ты хотел спросить?

– Я… – Теперь его черед запинаться. – Я тебе еще интересен?

Она таращится на него удивленно, затем – прыскает в ладошку.

– Ох, Мэнни, ну ты и фрукт. Стоит мне счесть, что у тебя не все дома, как ты вдруг берешь и все переигрываешь так, что кажется – здоровее тебя и не сыскать. – Ее пальцы нежно впиваются ему в запястье, и Манфред вздрагивает от неожиданности ощущения ее кожи. – Ну конечно же, ты мне

интересен! Все тот же старый, недобрый бычара-гик. Сам-то как думаешь, почему я здесь?

– То есть наша помолвка все еще в силе?

– А разве я шла на попятную? Просто немножко умерила пыл, чтобы ты навел у себя в мозгах порядок. Я-то поняла, что тебе нужно личное пространство, вот только ты до сих пор куда-то несешься и…

– Понял-понял! – Он отстраняется от ее руки. – А что насчет котят?

На лице Пэм проступает недоумение.

– Каких еще котят?

– Ладно. Проехали. А почему именно этот паб?

Она хмурится.

– Нужно было разыскать тебя как можно быстрее. До меня слушок дошел, что ты с КГБ спутался. Что ты теперь – завзятый комми и чужой среди своих. Это же слухи?

– Слухи, ну да. – Он смущенно качает головой. – КГБ вот уже двадцать лет как всё.

– Ты там поосторожнее, Мэнни. Не хочу тебя терять.

– Это намек?

– Для тебя – приказ.

Неподалеку скрипнула половица. Масх оглядывается – и натыкается взглядом на Боба Франклина: все те же черные очки и сальные дреды. Манфред смутно припоминает – и память отзывается секундной тоской, – что после того, как все напились окончательно, Боб ушел под ручку с Мисс Арианспейс. Горячая штучка, конечно, но Памеле в подметки не годится.

– Боб, познакомься с моей невестой – Пэм. Пэм – это Боб Франклин.

Боб ставит ему под нос полный до краев бокал. Манфред понятия не имеет, что это там внутри плещется, но хотя бы не пригубить – невежливо.

– Привет, Пэм! Манфред, можно тебя на пару слов? Насчет твоей вчерашней идеи.

– Да ты говори, не стесняйся. Пэм – человек надежный.

Боб делает брови домиком, но выкладывает все как есть:

– Я насчет фабрики. Я поручил своим ребятам построить в Фаблабе модельку – все, в принципе, реально. Сама задумка-то хайповая – чертова колония самовоспроизводящихся машин Фон Неймана на Луне! Бинго с Мареком говорят, что мы и нанолитографическую экологию [23] в принципе сами поднять сможем. Поначалу будем использовать это все как управляемую с Земли опытную лабораторию. То, что не сможем смастерить уже на месте, – будем на первых парах досылать. Для всей жизненно

важной электроники задействуем ПЛИСы [24], они подешевле выйдут. И ты прав – у нас будет в итоге самовоспроизводящееся производство на несколько лет раньше робототехнического бума. Но тут я что-то подумал о стационарном ИИ – что будет, когда комета отдалится больше, чем на парочку световых секунд?

– Мы не сможем его контролировать, да? Из-за задержек обратной связи. И поэтому ты намерен послать туда людей. Я прав?

– В точку, брат. Но человеческий экипаж влетит в копеечку. К тому же дел там – на полвека вперед, даже если сумеем найти вышедший на околоземную орбиту койпероид [25]. И еще, боюсь, мы не осилим написание ИИ, способного управлять таким производством, раньше, чем до конца декады. Что думаешь?

– Думаю. – Тут Манфред замечает Памелу: ее взгляд уже просверлил в нем парочку лишних технологических отверстий. – Что такое?

– Что, черт возьми, тут происходит? Что вы обсуждаете?

Франклин качает головой – бусинки в дредах постукивают друг о дружку.

– Манфред помогает мне решить проблему размещения космических заводов. – Он усмехается. – Кстати, не думал, что у такого задрота, как Мэнни, есть невеста. С меня еще выпивка!

Памела с сомнением глядит на Манфреда. Взгляд того мечется по обратной стороне «умных очков», зондируя неведомые графики и перспективы.

– Вообще, я еще думаю, – холодно сообщает она. – А кому-то не помешает и о *своем* будущем подумать.

– О… вот как. Ну, лично я о таких вещах не парюсь. В наш-то век все это архаика, как ни крути… – Франклину, похоже, немного неловко. – Но Манфред, конечно, кладезь. Помог моей команде во многом разобраться. Указал на целый вектор исследований, про который мы и знать не знали. Да, проект долгосрочный, слегка завиральный, но, если у нас все получится, в области внепланетарной инфраструктуры произойдет фурор.

– А он, этот ваш фурор, поможет снизить дефицит бюджета?

– Прости, что снизить?

Манфред демонстративно потягивается и зевает, возвращаясь в реальность.

– Боб, если я решу твои проблемки с живым экипажем, сможешь мне забронировать ненадолго сеть дальней космической связи [26]? Чтоб хватило, скажем, гигабайта этак на два? Знаю, так я займу широкую полосу, но, если сможешь, я дам тебе такой экипаж, о каком только мечтать можно.

Франклин мнется.

– Чувак, два гига? СДКС на такие нагрузки не рассчитана, сам знаешь. Речь о целых днях сетевого времени. И в каком смысле «дашь мне экипаж»? Я не смогу организовать целую новую систему снабжения для такого проекта, и…

– Так, всем спокойно. – Памела смотрит на Манфреда с хитрецой. – Мэнни, почему бы тебе просто не сказать ему, зачем тебе так нагружать бедную СДКС? Ведь тогда твой друг сможет сказать тебе, имеет ли затея смысл или проще поискать другой путь. – Она одаряет Боба снисходительной улыбкой. – На конкретных примерах Мэнни, как замечено, более доходчив. Ну… иногда.

– Блин, ну смотрите. – Масх переводит взгляд с Боба на Пэм и обратно. – Боб, речь о том ИИ из КГБ. Он хочет попасть в какое-нибудь местечко, где нет людского присутствия, – думаю, я смогу убедить его записаться в волонтеры твоего самовоспроизводящегося завода. Конечно, нужна перестраховка – вот зачем мне СДКС.

– КГБ? – округляет глаза Пэм. – Ты же говорил, что не имеешь с ними дел.

– Ой, да расслабься ты. Это просто Московское объединение пользователей Windows NT – взломанное лангустами. Никакого шпионажа.

– Лангустами? – удивленно переспрашивает Боб.

– Ими, родимыми! Выгрузками Panulirus Interruptus. Думаю, ты уже об этом слышал.

– Москва, значит. – Боб откидывается на спинку стула и качает головой. – И как ты обо всем узнал?

– Лангусты мне сами позвонили. В наше время выгрузкам туго приходится без грана самосознания, пусть даже это и выгрузки ракообразных. Сотрудникам лабораторий Безье, кстати, я бы позадавал наводящие вопросы, – добавляет Масх с иронией, глядя на Памелу, но ее лицо – непроницаемая маска:

– Лаборатории Безье?

– Оттуда они и драпанули. – Манфред пожимает плечами. – Лично я их ни в чем не виню. Этот тип, Безье, – он, часом, ничем не болеет?

– Он… – Тут Памела прикусывает язык. – Я не разглашаю информацию о клиентах.

– На тебе же нет жучков, сама говорила, – аккуратно подначивает ее Манфред.

– Да, он болен, – набычившись, выдает Пэм. – Опухоль мозга, неоперабельная – слишком запущенный случай.

Франклин кивает:

– Да, рак по-прежнему – бич человечества. Его редко

получается вылечить.

– Тогда становится понятен его интерес к выгрузке сознания. – Манфред поболтал на дне бокала осевшую туда пивную пену. – Судя по лангустам, он делает успехи. Интересно, освоил уже выгрузку позвоночных?

– Кошек – освоил, – говорит Пэм. – Он намерен передать их Пентагону для создания умной системы наведения снарядов и погасить таким образом налоговый долг. Для кошек в виртуальном представлении огневые цели будут выглядеть как аппетитные мышки или птички. По сути, это старый трюк с котенком и лазерной указкой.

Манфред одаривает ее тяжелым хмурым взглядом.

– Ну и дичь. Выгруженные кошки – это плохо.

– Тридцать миллионов долгов – тоже не очень хорошо, Мэнни. Где-то столько стоит пожизненный уход для сотни немощных старушек.

Франклин, явно удивленный, откидывается на спинку стула, как бы давая понять – я в ваших разборках не участвую.

– Если даже лангусты смогли осознаться в Сети, – настаивает Манфред, – что будет с *кошками*? Они, по-твоему, даже минимальных прав не заслуживают? Ты поставь себя на их место. Хотела бы ты миллион раз просыпаться внутри разумного снаряда, думая, что приоритетная цель, заданная тебе штатовским военным компьютером, – веление сердца? Тебе бы понравилось миллион раз пробуждаться только ради того, чтобы умереть – снова и снова? И что еще хуже, этим кошкам никто не позволит дезертировать. Они, черт побери, *слишком* опасны. Котенок ведь вырастает во взрослого кота, хищника, а взрослый кот – это идеальная машина для убийства: интеллект имеется, а социализации ни на грош. Представь, что будет, если такая выгрузка обретет свободу, – такого просто нельзя будет допустить. Так что они вечные узники, Памела. Существа, обретшие самосознание лишь для того, чтобы навек застрять между жизнью и смертью. Это, значит, справедливо?

– Но они же всего лишь выгрузки! – отмахивается Пэм. – Программный продукт, не более. Ты можешь создать их бэкап на другом железе – как и свою ИИНеко. Аргумент об убийстве тут не имеет особого веса, разве я не права?

– Уверена? Через несколько лет в Сеть станут выгружать людей. По-моему, это как раз тот случай, когда утилитаризму надо сказать «нет, спасибо». Лангусты, кошки, люди – тут дорожка скользкая, ни к чему хорошему не ведущая.

Франклин скромно покашливает.

– С тебя, Манфред, потребуется договор о неразглашении и

результаты юридических экспертиз по поводу экипажа из лангустов, – замечает он. – А потом придется все-таки достучаться до Джима и организовать покупку интеллектуальной собственности…

– Чёрта с два. – Теперь Манфред откидывается на спинку и улыбается. – Я не стану ущемлять их гражданские права. Пока я в деле, они – свободные сетевые граждане. И да, к слову, утром я запатентовал саму идею использования ИИ, полученного из лангустов, в качестве автопилота на космических кораблях и все права передал Фонду свободного знания. Сам проверь – договор вывешен в Сеть. Так что либо ты подтасовываешь моим ракообразным друзьям договор о приеме на работу, либо катись колбаской.

– Но, мужик, они просто программные продукты на основе чертовых *раков*! Я даже не уверен, есть ли у них это твое самосознание. Сам подумай, из чего они состоят? Сетка на десяток миллионов нейронов, нагруженная синтаксическим движком и второсортной базой знаний? Разве ж это база для настоящего интеллекта?

– Именно это, – тычет пальцем Манфред в сторону Франклина, – они скажут в итоге и про тебя, Бобби-бой. Так что прислушайся ко мне. Прислушайся или даже не мечтай о выгрузке из своей тушки, когда та начнет сдавать позиции, потому что жизни, что за этим последует, тебе всяко не захочется. Практику завтрашнего дня определяет тот прецедент, что ты создашь сейчас. То же самое с Джимом Безье – если ткнуть его носом в факты, он сам со всем согласится. Некоторыми нормами в области ИИ попросту нельзя поступаться.

– Но *лангусты*. – Франклин качает головой. – Лангусты, кошки. Ты сейчас всерьез, да? Всерьез считаешь, что их стоит рассматривать как равных человеку?

– Дело не столько в том, что их нужно приравнивать к людям, сколько вот в чем: не примешь их за равных сейчас – значит, потом, скорее всего, и другие загруженные в Сеть сознания не будут считать за людей. Повторяю, Бобби, – мы сейчас создаем юридический прецедент. Насколько я знаю, еще полудюжина компаний сейчас проводит аналогичные эксперименты с перемещением сознания в виртуальную среду, и ни в одной не думают о правовом статусе перемещенных. А если толком не продумать все уже сейчас, во что оно выльется года через три? Через пятилетку?

Пэм периодически переводит взгляд с Манфреда на Франклина и обратно – ни дать ни взять программа, ушедшая в бесконечный цикл, явно не успевающая схватывать весь масштаб

действа, творящегося прямо на ее глазах.

– И каковы затраты на такой проект? – угрюмо уточняет она.

– Думаю, дохрениллион денег. – Боб опускает взгляд в опустевшую кружку. – Лады, я с ними переговорю. Если клюнут – следующие сто лет будешь кормиться за мой счет. И, да, ты серьезно считаешь, что им хватит мозгов управлять добывающим комплексом?

– Для раков они жутко находчивые ребята, – отвечает Манфред, блаженно улыбаясь. – Может, они и узники собственного происхождения, но никто не отменял их способность приспосабливаться к новой окружающей среде. Только подумай, ты создашь гражданские права для нового меньшинства – а меньшинством-то оно как раз недолго пробудет!..

Этим вечером Памела приходит в номер Манфреда в вечернем платье без бретелек. Черный подол скрывает туфли на остром каблуке; под тканью – все манфредовы подарочки, полученные днем. Масх предоставил ее аккаунтам доступ к управлению номером, и она пользуется полученной привилегией на всю катушку. Едва он выходит из душа, она сшибает его с ног из парализатора и привязывает к раме кровати. На его уже восставшее мужское достоинство она пристраивает большой латексный чехольчик, изнутри промазанный анестезирующим гелем, – никакого тебе быстрого оргазма. Она крепит ему на соски электроды, проталкивает в прямую кишку резиновую пробку, закрепляя так, чтоб не выскочила. Перед душем Масх снял очки; Памела перезагружает их, синхронизирует с личным КПК и нежно водружает ему на нос. Приходит черед и других приспособлений, которые она загодя распечатала на гостиничном 3D-принтере.

Прелюдия почти подошла к концу – Памела обходит кровать, критически оглядывая дело рук своих. Ведь, в конце концов, дело не только лишь в сексе: БДСМ – это искусство.

Поразмыслив с минуту, она напяливает носки на его голые ступни. Затем, мастерски орудуя крошечным тюбиком суперклея, слепляет вместе кончики его пальцев. Выключает кондиционер. Он извивается ужом, напрягает мышцы, пробуя на прочность наручи. Ну да, лучшей имитации сенсорной депривации и не придумаешь, если не вспоминать о всяких там иммерсионных ваннах и инъекциях миорелаксанта, – простое, но эффектное решение. Теперь Памела контролирует все его чувства – кроме разве что слуха. Его «умные очки» открывают ей канал высокой пропускной способности прямиком в его мозг, конструируя

липовый метакортекс, внушающий Масху подконтрольную Пэм ложь. Мысль о том, что она собирается учинить над ним, невероятно возбуждает, бедра сводит от приятного жара – впервые она проникнет не просто в его тело, но прямо в сознание. Склонившись, Памела шепчет ему на ухо:

– Манфред Масх, ты слышишь меня?

Он дергается. Во рту – кляп, пальцы склеены. Высший класс. Никаких отвлекающих факторов, никакой лишней информации – он перед нею беспомощен.

– Как-то так, Манфред, чувствует себя больной квадраплегией, прибитый к постели дисфункцией той части нервной системы, что отвечает за моторику. Прикованный к трупу имени себя болезнью Кройцфельда-Якоба – после того как умял ростбиф из зараженного мяса. Я могу вколоть тебе МФТП [27], и таким вот поленом ты пребудешь до скончания дней своих. По большому придется ходить в пакетик, по маленькому – через катетер. Трепать языком ты тоже больше не сможешь, и не будет никого, кто о тебе бы позаботился. Как тебе понравится такая перспективка, м-м?

Он что-то пробует пробубнить через кляп. Пэм задирает платье к талии, заползает на кровать и седлает его. «Умные очки» тем временем крутят на репите ролики, которые она записала в Кембридже прошлой зимой: сцены из столовых бесплатного питания, кадры из занюханных хосписов. Она наклоняется к нему, обольстительно нашептывая:

– Двенадцать миллионов – ровно столько, если верить им, ты задолжал, мальчишка. А мне, как думаешь, сколько будет нужно? Шесть миллионов чистой прибыли, Манфред, шесть миллионов, которые могли бы достаться твоим не родившимся еще детишкам.

Он отчаянно мотает головой – как бы все отрицая, но с Пэм этот трюк не проходит, и она залепляет ему звонкую пощечину, смакуя исказившую его лицо боль.

– Сегодня на моих глазах ты сорил бессчетными миллионами, Мэнни. Ты озолотил кучку лангустов и пирата с большой массачусетской дороги. Ублюдок, да ты хоть знаешь, что с тобой нужно сделать?

Масх весь съеживается, неуверенный, всерьез она или только запугивает. Хорошо. Как раз то, что от него требуется. Долой пересуды. Она наклоняется к нему все больше и подставляет ухо под его сбивчивое дыхание.

– Тело и разум, Мэнни. Тело и разум. Первое не слишком-то тебя заботит, верно? Да тебя ведь сварить живьем можно – а ты и не заметишь. Просто еще один вареный лангуст. Единственное, что держит тебя от попадания в кастрюльку, – моя сильная-

сильная к тебе любовь. – Она кладет руку на его твердый, как фонарный столб, причиндал, по которому стекает гель, и срывает чехольчик. Едва ли он что-то чувствует – слишком много в геле вазодилататоров; а вот она сейчас почувствует все-все. Выпрямив спину, она вводит его мужское естество в себя, аккуратно пристраиваясь сверху. Прикусывает губу – столь сильны сейчас ее ощущения. Они непривычные, но ей, вопреки ожиданиям, ни капли не больно. И Пэм подается вперед, стискивает его напряженные руки, упиваясь чувством его полнейшей беспомощности. Она ритмично скачет на нем, пока по его телу не пробегает бесконтрольный спазм, высвобождающий в ее лоно дарвинистский поток исходного кода – посредством единственного человеческого устройства вывода этих данных.

Потом, поднявшись с его бедер, она осторожно использует капельку суперклея – и смыкает внешние половые губы. Увы, человечество пока еще не производит заглушки для стопроцентного осеменения. Пэм фертильна, но ей нужна твердая уверенность. Клей продержится еще пару дней, это точно.

Она – разгоряченная, пунцовая, едва владеющая собой. Все ее существо кипит от будоражащего предвкушения – наконец-то она его прищучила!

Финальным аккордом Пэм стаскивает с Манфреда «умные очки», обнажая уязвимые глаза – вскрытую практически до ядра его без двух минут трансцендентного ума защитную преграду.

– Жду тебя утром, после завтрака. Придешь и подпишешь брачный контракт, – велит она все тем же обольстительным шепотом. – Не придешь – мои адвокаты тебя из-под земли достанут. Возможно, твои предки захотят пышную свадебную церемонию… ну, это мы уже потом обговорим.

Масх смотрит на нее так, будто ему есть что сказать, и она, смягчаясь-таки, размыкает пряжку ремешка и убирает кляп, не забывая запечатлеть на его щеке холодный поцелуй. Он сглатывает, кашляет, прячет взгляд.

– Но зачем? Зачем ты… *так* поступила?

Пэм барабанит подушечками пальцев по его груди.

– Права на собственность, понимаешь? – Она берет секундную паузу, думает: *между нами – огромная идеологическая пропасть, и пора бы уже определиться с мостиком.* – Могу тебя поздравить – ты убедил-таки меня в том, что бездефицитная раздача всего и вся за очки репутации чего-то да стоит. Но я не собираюсь променять тебя на лангустов, или цифровых кошечек, или что там еще будет населять виртуальную реальность на основе интеллектуальной материи после сингулярности, над наступлением коей ты так усердно корпишь. Я просто забираю ту

часть, что изначально – моя. Кто знает, может, через девять месяцев, когда я произведу для тебя новый разум, ты прислушаешься к зову сердца?

– Но зачем – *таким* способом?..

– Зачем? – Она поднимается с кровати и одергивает подол платья. – Просто потому, что ты слишком легко ко всему относишься, Мэнни. Все бы тебе да разбазарить. Осади-ка коней – иначе вскоре ничего своего у тебя не будет. – В последний раз наклоняясь над их ложем, она смачивает ацетоном склеенные пальцы его левой руки, отстегивает манжету и оставляет бутылочку с растворителем в пределах его досягаемости: освободиться теперь не составит труда. – Так что увидимся завтра. Не забудь – после завтрака!

Пэм уже у самых дверей, когда Масх окликает ее:

– Ты так и не ответила на мой вопрос!

– Считай, что я распространяю тебя как мем, – говорит она, после чего шлет Манфреду на прощание воздушный поцелуй и затворяет дверь в номер. Недосягаемая для его глаз, она кладет на пол еще одну картонную коробочку с выгруженным в Сеть котенком, после чего возвращается в свой номер – вершить приготовления к их алхимическому союзу.

Глава 2. Менестрель

Проходит три года. Манфред Масх – в бегах. Сероглазая Немезида всюду следует за ним, безуспешно пытаясь затащить в суд по бракоразводным процессам, бурей проносясь по комнатам переговоров и залам встреч Международного фонда неотложной денежной помощи. Это довольно-таки веселый танец, Манфред в нем ведет. Он не просто спасается бегством – он обрел какую-никакую миссию. На повестке дня – выступление в Риме, этой древней колыбели цивилизации, направленное против законов экономики. Он собирается устроить концерт во славу одухотворенных машин, а также спустить компании с поводка и раздавить итальянское правительство.

За Масхом, словно тень, следует его личный монстр – не отставая и не замедляя бег.

Манфред снова в Европе. Здание аэропорта, сплошь из стекла и стали, выглядящих на закате атомной эры чистым варварством, поет осанну величию двадцатого столетия.

Таможня пропускает его без проволочек, и Масх ступает по долгому, исполненному гулкого эха залу прибытия, проверяя все местные медиаканалы. На дворе – ноябрь, и из-за неуемного корпоративного рвения коммерсанты, силясь обуздать спад сезонных продаж, разрождаются последним гвоздем в гроб «рождественской проблемы» [28] – устраивают массовое повешение плюшевых Сант и его помощников-эльфов. Военное преступление в магазине игрушек: через каждые несколько метров с потолка свисают обмякшие тела, чьи конечности время от времени дергаются в конвульсиях аниматронной смерти. *Современные корпорации, все более и более автоматизированные, не вникают в сам концепт умирания*, думает Масх, проходя мимо мамочки, сюсюкающей с плачущими детишками. Когда имеешь дело с людьми и паразитируешь на их кошельках, собственное бессмертие – та еще заноза в заднице. *Они едва ли осознают один из главнейших факторов, который мотивирует всех этих кормящих их биороботов,* думает Масх. *Но ничего, рано или поздно мы с этим как-нибудь разберемся.*

Свободные медиаканалы здесь сочнее, чем в Америке времен Санторума: этакие вещи в себе, куда лучше организованные. Акцент вот только другой. Лутон, четвертый пригородный аэропорт Лондона, декламирует – гнусаво, с бесящей спесью: *ну здравствуй, странник! Это что, мозг в твоем кармане или ты взаправду рад устремить ко мне мысль?* [29] *Подключайся к*

«Уотфорд Информатикс»! Самый свежак о когнитивных модулях и новинках кино! Манфред заворачивает за угол, там – толпа разогретых хмелем бельгийских фанатов драгрейсинга [30] на монстр-траках, и он глазом не успевает моргнуть, как его уже прижимают к стойке выдачи багажа; левая линза в «умных очках» пытается краешком донести до него какую-то важную информацию насчет обустройства железных дорог в Колумбии. Фанаты все перемазаны синим гримом и орут так, словно пытаются сымпровизировать тевтонскую боевую песнь: «УЭМ-М-МБЕРЛИ! УЭМ-М-МБЕРЛИ-И!»; за ними через весь зал прибытия волочится голограмма-трофей в виде пресловутого монстр-трака.

В такой толпе Масха настигает легкая паническая атака – одежда начинает казаться жутко тесной, образ в очках меркнет перед глазами. По ушам елозят электронные вскрики потерянного багажа, взывающего к своим владельцам. Из-за этих замогильных стенаний начали сходить с ума и его собственные девайсы – на миг он испытывает столь сильную дезориентацию, что почти готов отключить шунт таламически-лимбического интерфейса, позволяющий ему вступать в эмпатические связи. Прямо сейчас ему не до эмоций – после всего этого хаоса слушаний в бракоразводных конторах и тех кровопусканий, что устраивает ему Пэм. Больше всего Манфреду хочется, чтобы ощущения любви, утраты и ненависти исчезли из его жизни. Но в то же время ему необходима максимально возможная сенсорная пропускная способность, чтобы поддерживать контакт с миром, и каждый раз, когда электронное нутро его ботинка опять вляпывается в какую-нибудь молдавскую финансовую пирамиду, его тошнит. *Умолкните*, шлет Масх команды непокорной стае своих электронных агентов, *я из-за вас даже мысли свои не слышу!*

– Добрый день, сэр, чем могу служить? – подобострастно обращается к нему желтый пластиковый чемоданчик на стойке. Внешностью Манфреда не одурачить – ему почти что зримы путы тиранического контроля, приковывающие чемоданчик к зловеще-безликому кассовому аппарату, спрятанному под стол, функционеру бюрократической составляющей аэропорта. Ну и ладно. Хорошо, что здесь за свою свободу приходится бояться багажу, а не его хозяевам.

– Я пока выбираю, – бубнит в ответ Манфред. И он взаправду подбирает себе новый чемодан, потому что его собственный сейчас где-то на полпути в Момбасу, где, вероятно, ему сменит прошивку, дабы прибрать к рукам, какой-нибудь африканский Феджин [31] цифровой эпохи. Виной всему – криптографический лаг, наверняка неслучайно вшитый в программу-распределитель на сервере бронирования авиабилетов. Потеря, конечно, не из

великих – в чемодане только ворох одежды из секонд-хенда и походные гигиенические принадлежности; Манфред и таскал-то его с собой лишь для того, чтобы экспертные системы анализа вида пассажиров на авиалиниях не забили тревогу. Подумают еще, что он экстремист или один из инакомыслящих. Но, так или иначе, прежде чем покинуть зону Евросоюза, Масху придется разжиться новым баулом – просто чтобы при нем по отбытии оказалось ровно столько багажа, сколько было по прибытии в сию сверхдержаву. Манфреду совсем не улыбается перспектива обвинения в контрабанде товаров – особенно в условиях нынешней торговой войны между неопротекционистами и глобалистами Старого Света. По крайней мере, для него сейчас это важный пунктик, и он постарается соблюсти условия игры.

Перед прилавком – шеренга из невостребованных сумок, выставленных на продажу ввиду того, что владельцев так и не нашли. Почти все – видавшие виды, но среди убитых в хлам затесался внезапно вполне приличный саквояж со встроенной в колесики индукционной зарядкой и сильной предустановкой привязанности – почти та же модель, что была у Масха прежде. Манфред пробует подключиться к сумке по Bluetooth – и видит не только GPS-навигацию, но и отслеживание через «Галилео», базу геоданных по типу старомодной складской программы учета; а еще – железную установку идти за хозяином в случае необходимости хоть до самых врат преисподней. Плюс снизу на левом боку – зело удобная отличительная царапинка.

– Сколько такой стоит? – спрашивает Масх погонщика этого стада, восседающего за стойкой.

– Девяносто евро, – сонно откликается тот.

Манфред вздыхает.

– Многовато. А как насчет…

За то время, что ушло у них на торг до семидесяти пяти евро, индекс Хан Сен упал на четырнадцать и шестнадцать сотых пункта, а огрызок NASDAQ поднялся еще на два и одну десятую.

– Что ж, по рукам. – Манфред сорит виртуальной валютой перед суконным рылом регистратора, и тот освобождает чемодан от виртуальных оков, даже не подозревая, что за возможность взять именно этот баул покупатель отстегнул гораздо больше, чем требовалось. Нагнувшись к глазку мини-камеры, встроенной в ручку чемодана, Манфред тихо, но четко произносит:

– Манфред Масх. Следуй за мной.

Ладонью он ощущает, как ручка нагревается, считывая его отпечатки пальцев, пока камера запоминает пропорции лица и фенотип в целом. Когда же с ритуалами взаимного признания покончено, Манфред разворачивается и бежит прочь от этого

невольничьего рынка, а его новый оруженосец катит за ним по пятам.

После непродолжительной тряски в поезде Манфред попадает в отель «Мильтон» и проходит регистрацию. Солнце садится за окном его номера – медленно закатывается за горизонт, утыканный, словно химически выращенными кристаллами, бетонными великанами. Функциональный дизайн комнаты кричаще «природный» – тут тебе и пальма-ротанг, явно выращенная под ключ, и стенные панели из пеньки, и конопляный коврик. А за всем этим – холодный функционал микросхем и еще более холодный бетон. Опустившись в кресло с бокалом джин-тоника в руке, Манфред принимается за просмотр последних новостей то на одном медиаканале, то на другом. Он замечает, что его индекс цитирования в Сети без каких-либо предпосылок вырос на два процента; копнув поглубже, Масх понимает, что у всех сейчас так – в смысле, у всех счастливых и не очень обладателей репутации, которая котируется публично. Наверное, кто-то, управляющий серверами, решил сыграть на повышение. Ну или формируется какой-то глобальный пул доверия. Манфред морщится, щелкает пальцами – чемодан послушно подкатывает к нему.

– Ты чей? – спрашивает у чемодана Масх.

– Манфреда Масха, – с абсурдной застенчивостью ответствует поклажа.

– А чьим ты был до меня?

– Вопрос некорректен. Прошу прощения.

Манфред вздыхает.

– Открывайся.

Молния жужжит, раскрываясь: жесткая крышка подскакивает вверх, и Манфред заглядывает внутрь, удостоверяясь в содержимом.

Чемодан полон информационного шума.

Добро пожаловать в двадцать первый век, человек.

В Милтон-Кинсе ночь, а в Гонконге уже светает. Закон Мура продолжает неустанно тащить человечество к сомнительному будущему. Совокупная масса планет Солнечной системы – примерно 2×1027 килограммов. Женщины всего мира каждый день производят сорок пять тысяч младенцев, добавляя 1023 MIPS к совокупной способности обработки информации. Кроме того, линии производства микросхем всего мира рождают совокупно тридцать миллионов микропроцессоров в день, добавляя еще 1023 MIPS. Через десять месяцев в Солнечной системе пойдет

прибавка MIPS небиологического происхождения. Примерно через десять лет после этого совокупная способность обработки информации Солнечной системы достигнет критического значения 1 MIPS на грамм – один миллион инструкций в секунду на грамм материи. После этого должна наступить сингулярность – тот особый исторический момент, после которого экстраполирование прогресса не имеет никакого смысла. Время, оставшееся до лавинообразного интеллектуального прироста, в годах исчисляется всего-навсего двузначным числом.

ИИНеко тихо мурлычет, свернувшись калачиком на подушке рядом с головой Манфреда, мучимого тревожными сновидениями. Ночь во внешнем мире темна, ведь весь транспорт домой направляют автонавигаторы, и городское освещение выключено – ничто не мешает сиянию Млечного Пути изливаться с неба. Темнота обручена с тишиной, ведь двигатели на топливных элементах не способны наделать много шума. Роботизированный питомец Манфреда несет караул, высматривая, но не находя злоумышленников, пока порожденные метакортексом наваждения нашептывают в болезненных Манфредовых снах – насыщают их своими векторами состояния.

Метакортекс – распределенное облако программных агентов, которое окружает Манфреда в сетевом пространстве и занимает машинные циклы у подходящих процессоров (вроде робокошки) – это не только часть Манфреда, но и сообщество разума, пользующееся его черепом; туда уходят мысли Масха, порождая новых агентов, а те ищут новую информацию и ночью возвращаются, угнездившись в мозгу и делясь знаниями.

Снится Манфреду алхимическая свадьба – невеста ждет у алтаря в открытом черном платье со скальпелем в затянутой в шелк руке. *Больно не будет*, обещает она, *я достану только твой геном, а с фенотипом пока повременим.* Она облизывает кончиком языка алые губы. Скальпель вспарывает кожу, но вместо крови наружу льются налоговые счета.

Этот сон – отнюдь не случайное порождение спящего разума. Пока Манфред гостит у Морфея, микроскопические электроды, вживленные в гипоталамус, стимулируют пучки чувствительных нейронов. При виде лица невесты жениха переполняют стыд, омерзение и острое чувство собственной уязвимости. Метакортекс Манфреда, дабы облегчить развод, пытается дезавуировать его противоречивое чувство любви. Он работает над этим уже не первую неделю, но его подопечный все еще жаждет прикосновений плетки, алчет страсти унизительного подчинения, бьется в бессильном гневе из-за невозможности

оплатить все эти налоги – все эти выставленные счета, в коих она заинтересована лично.

ИИНеко наблюдает за хозяином со своей подушки, мурлыча и разминая когтями мягкую поверхность – одной лапой, затем другой. В ее искусственной голове – мегабайты древней кошачьей мудрости, загруженные Памелой еще в те времена, когда не была объявлена война налогов, когда отношения «госпожа – раб» не омрачала финансовая вражда. Теперь, спасибо хозяйке и ее увлечению устройством нервной системы кошачьих, ИИНеко – в большей степени животное, нежели замысловатая игрушка. Ей ведомы агонии, что переживает сейчас Манфред, – не имеющие специального названия нейроастенические припадки, – но ей, по сути, плевать, пока все в порядке с подзарядкой и никто не ломится к ним в номер.

ИИНеко сворачивается на подушке и тоже засыпает. Снятся ей мыши, бегающие за лучом лазерной указки.

Манфред вскакивает, разбуженный нетерпеливой трелью гостиничного телефона.

– Алло? – спрашивает он сонливо.

– Манфред Масх? – Голос с сильным акцентом Восточного побережья, как будто в рот камешков набрали, но явно человеческий.

– Да, это я. – Манфред садится на постели. Во рту будто кони ночевали, а веки все никак не желают толком разлепляться.

– Я Алан Глашвиц, из «Смут и Седжвик Ассошиэйтс». Правильно ли я понимаю, что вы – тот самый Манфред Масх, директор компании, называющейся… хм… «agalmic, точка, holdings, точка, root, точка, один-восемь-четыре, точка, девять-семь, точка, буква «А» как в «Авель», буква «Бэ» как в «Берни», пять, инкорпорейтед»?

– Эм. – Манфред моргает и трет глаза. – Секунду. – Когда зрение приходит в себя, он нацепляет «умные очки» и активирует их. – И еще немного… – Иконки и меню скачут перед его не совсем проснувшимися глазами. – Можете повторить название компании?

– Конечно! – Глашвиц терпеливо диктует все набело, с добротно скрываемой скукой.

– Гм. – Манфред находит то, что нужно, выстраивает три уровня в хитрой иерархии объекта. Сигналя Манфреду, на одном узле пульсирует иконка входящего сообщения. За ней – высокоприоритетная информация о возбуждении судебного преследования, пока что не успевшего проползти вверх по древу производных. Манфред открывает вкладочку, перечисляющую

детали собственности на объект. – Ох, боюсь, я не директор этой фирмы, мистер Глашвиц. Я просто наймит без исполнительных полномочий в подчинении у главы холдинга, но вообще, признаться вам, я об этой компании впервые слышу. Однако, ежели желаете, могу сообщить вам имя ответственного лица.

– Давайте. – В голосе пристава проступает что-то вроде искреннего интереса. Масх в уме прикидывает время в Нью-Джерси – что-то около трех утра, надо полагать. Свой ответ он щедро сдабривает ехидством, отплачивая за преждевременное пробуждение:

– Президент agalmic.holdings.root.184.97AB5 – agalmic.holdings.root.184.97.201, секретарь – agalmic.holdings.root.184.D5, ну а председатель – agalmic.holdings.root.184.E8.FF. Всем им принадлежат в компании равные доли, и еще, смею вас огорчить, все соглашения написаны на Питоне. Хорошего дня! – Он, дотянувшись до пульта управления телефоном сбоку кровати, жмет кнопку сброса, садится, позевывая, затем активирует режим «не беспокоить», чтобы его не разбудили снова. Но сон уже не идет, и вскоре Масх встает и потягивается, затем топает в ванную, чтобы почистить зубы, причесаться и задуматься над тем, с чего вдруг оказался возбужден судебный процесс и как какому-то стороннему типу удалось разобраться в хитросплетении компаний его роботов и выйти на него самого.

Позавтракав в ресторане отеля, Манфред решает – пришла пора выкинуть фортель.

Нужно обогатиться самому.

Да, для Манфреда это фортель – ведь обычно его призвание в том, чтобы обогащать других. Манфред не верит ни в дефицитность, ни в игры с нулевой суммой, где если кто-то и выигрывает, то кто-то непременно остается с пресловутым нулем, ни в конкуренцию. Его мир слишком быстр, слишком насыщен информацией, чтобы вместить в себя еще и толкотню на иерархической лестнице, столь любимую обезьянами. Однако ныне ситуация такова, что нужно поступить радикально, например стать временным миллиардером и в один росчерк пера завершить бракоразводный процесс, а потом, как коварный осьминог, плюнуть чернилами и исчезнуть.

В каком-то смысле Памела преследует его по причинам сугубо идеологическим – она по-прежнему верна идее о правительстве как о доминантном суперорганизме, довлеющем над эпохой. Но любовь здесь тоже разыгрывает свою карту; и последнее, что способна снести любая уважающая себя госпожа, –

неблагосклонность и отвержение от собственного раба. Памела – дитя постконсерватизма старой закалки, плоть от плоти первого поколения, появившегося на свет после заката американской эры. Она-то пронесла свои убеждения сквозь огонь и воду. Она прибегнет к любым уловкам из мешка современного бесчестья – провокациям, меркантильным выпадам, предательству своих же интересов, да к любому грязному трюку на выбор – ради укрепления дышащей на ладан федеральной системы, грозящей вот-вот окончательно сломаться под весом устаревающей инфраструктуры, последствий бессмысленных политических игр на чужих землях, счетов за медстраховку. Манфред, платящий за авиаперелеты партнерскими бонусами и почти не нуждающийся в настоящих деньгах, – наименее вероятный объект ее одобрения. А между тем в списках влиятельности Манфред Масх – на тридцать пунктов выше «Ай-би-эм». В глазах общественников он стоит выше компьютерных компаний-основоположниц – и Пэм не может не брать это в расчет. Ей прекрасно известна его потребность в ее брутальной любви, известно то, что он желает отдаться ей полностью, – потому-то она и не понимает, зачем он вечно бежит.

А причина к бегству на самом деле обыденная: их не рожденная еще дочь, зародыш девяноста шести часов от роду, извлеченный перед имплантацией и помещенный в жидкий азот. Памела, похоже, набралась всей возможной чепухи, которую распространяет Общество традиционного деторождения, не приемлющее вмешательств в зародышевую линию и чурающееся защиты плода от поправимых генетических аномалий. Если и существует в мире нечто, с чем Манфред Масх не имеет точек соприкосновения, – так это слепая уверенность в том, что *природа сама рассудит*. Породнить его с явлением такого рода – отнюдь не высшая цель Памелы. Но если на их долю выпадет еще хоть одна феерическая ссора – довольно. Он попросту забудет о ней и уйдет в вольное плавание. Все так же будет печь идеи как пирожки и жить милостью новой парадигмы. И к черту плети и кожаные ремни.

До того как сесть на поезд TGV [32] в Рим, Манфред улучает минутку, чтобы посетить салон авиамоделей. Хорошенькое место, чтоб на хвост тебе упал внештатный агент ЦРУ – была наводка, что кто-то из этих ребят там окажется. В эту декаду авиамодели – приоритетная цель для хакеров. Достаточно начинить воздушного змея из бальсы микроэлектроникой, камерами, сервоприводами и процессором с загруженной нейросетью – и все, боевой дрон нового поколения готов. Салоны, подобные этому, – настоящие ярмарки талантов, вроде старых хакерских конов. Текущее

мероприятие расквартировалось в здании убыточного рынка, сдающего свои площади в аренду всем желающим – все, лишь бы протянуть еще немножко. (Роботизированный склад по соседству, напротив, кипит жизнью, запаковывая посылки на адресную доставку: людям все еще нужна еда – не важно, общаются ли они в мессенджерах или просиживают в офисах ИРЛ.)

Сегодня в продовольственной части помещения яблоку негде упасть. Гротескные техноинсектоиды, жужжа, снуют над сияющими пустотой витринами мясного отдела, не боясь запутаться в проводах. Над полками для продуктов – трехмерный психоделический ужас на огромных мониторах, чудно́е дерганое изображение в синтетической цветовой гамме радарного зрения. Прилавок с широким ассортиментом товаров женской гигиены откачен назад: на расчищенном закутке под пластиковым настилом дыбится гигантский тампон пяти метров в длину и шестидесяти сантиметров в ширину – ракета-носитель, запускающая микроспутники. На периферии моргает конференц-дисплей, весь усаженный спонсорской рекламой с прицелом на настоящие и будущие юные дарования.

«Умные очки» Манфреда включают зум и записывают, как приметный триплан Fokker проносится сквозь толпу, буквально задевая макушки. Видеопоток Манфред коннектит в один из своих социальных профилей, чтобы отображался в режиме реального времени. На его глазах – и глазах тысяч жаждущих зрителей – триплан закручивается в половинчатую сложную петлю, кувыркается через крыло и взмывает под самый потолок, к укутанным в пыльные вуали трубопроводам пневмопочты. К нему подлетает модель F-104G, и эти механизированные птахи увлеченно играют в догонялки. Манфред заворожен зрелищем настолько, что чуть не спотыкается о массивный белый привод орбитального пускателя.

– Эй, Манфред! Не лови ворон, *s'il vous plait* [33]!

Он завершает запись видео с самолетами и оглядывается.

– Я вас знаю? – Ответ, впрочем, уже пришел сам собой: нужный профиль выдан на дисплей очков, и память в миг воскресает. – О! Аннет из «Арианспейс»?

– Ну да! Амстердам, три года назад. – Она поднимает бровь. На ней все тот же наряд старомодного покроя, будто снятый с какого-нибудь секретного сотрудника эпохи дикого маккартизма. На голове – все тот же обесцвеченный, грозно топорщащийся «ежик», глаза укрыты бледно-голубыми контактными линзами. Черный галстук, узкие отвороты – один только цвет кожи напоминает о берберской родословной. А в ушах – те самые неусыпные камеры-сережки. Изогнутая бровь сменяется улыбкой

краешком губ.

– А, вспомнил. Паб в Амстердаме. Какими судьбами?

– Как – какими? – Она широким жестом обводит салон. – Это же шоу талантов! Ядро огромного потенциала! – Ее жесты – элегантное пожатие плечами, кокетливый пасс туда, где застыл готовый к выходу на орбиту гигантский тампон. – В этом году мы хотим взять к себе новый штат, и – если хорошее место на орбитальном рынке нам все еще нужно – мы будем брать лучших из лучших. Не просто плывущих по течению, а ребят с инициативой – таких, что смогут тягаться с Сингапуром.

Глаза Манфреда наконец-то находят скромный логотип корпорации на носителе.

– Вы что, отдали сборку этой штуковины на аутсорсинг?

Аннет морщится, объясняя с принудительной беспечностью:

– В последние годы прибыльность космических отелей выросла. Боссов не особо-то волнует ракетостроение, верно? Они говорят – все эти быстрые взрывающиеся штуки уже не нужны, *passé* [34]. Им разнообразие подавай. Ну а там… – Она очень по-галльски пожимает плечами.

Манфред кивает – ее серьги записывают для корпоративных аудиторов все, что он говорит.

– Европа возвращается на ракетный рынок? Отрадно слышать, – отвечает он серьезно. – Когда бизнес структурной нанорепликации войдет в зенит, ракеты пригодятся. Место в этой отрасли – серьезный стратегический актив для любой корпорации. Даже для такой, что преимущественно отелями занимается. – *Особенно сейчас, когда НАСА сдулось и за Луну спорят лишь Индия и Китай,* думает он про себя невесело.

Ее смех подобен перезвону стеклянных колокольчиков.

– Ну а ты, *mon cher*? Что привело тебя в *Confederaçion*? Наверное, какое-то дельце.

– Я хотел встретиться с ЦРУшниками, но что-то они не торопятся.

– Да с чего бы им! – отмахивается Аннет. – В ЦРУ считают, что в космосе нам пока не место. Идиоты! – говорит она это с истинно парижской экспрессивностью. – С тех пор как они пошли в народ – ссучились не хуже «Ассошиэйтед Пресс» и «Рейтерс». Каждый новый пресс-релиз – курам на смех! И еще там сидят форменные жмоты: невдомек им, что за хорошую информацию нужно платить по рыночным ценам, вот их и щелкают то и дело по носу фрилансеры конкурентов. Смех, да и только. Уж сколько им дезы скормили за последнее время – страшно подумать. – Аннет делает смешной жест: шевелит пальцами, будто считая воображаемые банкноты. Над ее головой ненадолго зависает

миниатюрный маневренный дрончик, а потом, делая двойное сальто назад, возвращается к тому стенду, от которого прилетел.

Иранка в кожаном мини-платье с открытой спиной и почти прозрачной шали протискивается к стенду и спрашивает, сколько стоит мини-ускоритель. Она явно недовольна, что Аннет отсылает ее на сайт производителя. Аннет же, в свою очередь, заметно краснеет, когда к девушке подходит ее парень – молодой красавец авиатор.

– Туристы, – бормочет она, а потом замечает, что Манфред залипает в пространство, перебирая пальцами. – Эй, Манфред?

– Э-э-э… что?

– Знаешь, я здесь уже шесть часов, и у меня отваливаются ноги. – Она хватается за его левое плечо и многозначительно отстегивает клипсы с ушей, отключая их. – Если я скажу тебе, что могу отправить депешу во внутренние службы ЦРУ, пригласишь меня в ресторан на ужин и выложишь, что у тебя там на душе?

Добро пожаловать во вторую декаду двадцать первого века – время, когда (во второй раз в истории) материя, из коей тщательно выстроена окружающая человечество среда, начала подавать признаки отвечающей потребностям людей разумности.

Вечерние новости со всего мира только и делают, что удручают. В Мэне диверсанты, связавшие себя с Обществом традиционного деторождения, объявили о вирусах, которые были установлены в геномные сканеры в родильных домах и заставляли те в случайном порядке выдавать ложные результаты при выявлении наследственных заболеваний. Шесть необязательных абортов и четырнадцать обращений в суд – цена всей шалости.

На Международном конгрессе прав исполнителей идет уже третий этап переговоров, призванных хоть немного отсрочить бесповоротное крушение насажденного Всемирной организацией интеллектуальной собственности режима лицензирования музыки. С одной стороны, инквизиция из Американской ассоциации охраны авторских прав продавливает ввод абсолютного контроля над воссозданием измененных эмоциональных состояний, что связаны с конкретными медийными выступлениями. В знак серьезности намерений были арестованы и приставлены к позорным столбам двое калифорнийских «программистов», обвиненных в изменении киносценариев с использованием аватаров умерших, вышедших из-под действия авторского права кинозвезд. С другой стороны, Ассоциация свободных исполнителей требует права музицировать на улице, не подписывая контракт с лейблами и обвиняет

блюстителей авторских прав в сговоре с мафией, выкупившей агонизирующую музыкальную индустрию для отмывания денег. Директор ФБР Леонид Куйбышев в ответ на обвинение заявил, что никакие серьезные функционеры мафии в США не проживают.

Но музыкальной индустрии все равно уже не помочь – ведь она, как и вся легальная американская машина развлечений, держится на волоске от пропасти, и со времен застоя в нулевых не сыскалось ничего такого, что отвадило бы близящийся коллапс.

А еще компьютерный вирус с низким, но вполне вычисляемым IQ, рассылаемый по голосовой почте и выдающий себя за аудитора налоговой службы, спровоцировал волну банкротств по всей территории Штатов, собрав, по разнящимся оценкам, порядка 80 миллиардов долларов под видом погашения долгов. Все незаконно присвоенные деньги перевелись на анонимный счет в швейцарском банке. Еще один вирус славно потрудился, взламывая счет за счетом, отправляя 10 % активов предыдущей жертве в цепочке и рассылая себя по всем электронным адресам жертвы нынешней, превратившись в лихо отлаженную финансовую пирамиду со встроенным механизмом насаждения. Что поразительно – жалоб почти и нет. На период ликвидации последствий айти-отделы в банках стопорят работу и отказывают в обработке любого перевода, запрошенного в форме, отличной от бумажной. Извещатели в один голос твердят о неминуемой перестройке болезненно раздувшегося репутационного рынка, и им вторят разоблачители тех медиагуру, чьи показатели взлетели выше всякого правдоподобного доверительного предела. Высокодоходный рынок спекуляций, похоже, ждут непростые времена.

Европейский совет независимых глав государств принял к рассмотрению очередной план возрождения феодализма, но отложил его в долгий ящик – по крайней мере, до тех пор, пока экономика не выйдет из ныне бушующего кризиса. А еще в последний месяц ученым удалось возродить три полностью вымерших вида животных – к несчастью, депопуляция исчезающих видов теперь пашет на скорости один вид в сутки. Военизированной ячейке активистов против генной модификации продуктов сел на хвост Интерпол после диктума о проведенной диверсионной встройке гена метаболического производства цианида прямо в геном семян пищевой кукурузы. О летальных исходах вестей пока нет, но если каждому потребителю придется проверять за завтраком кашу на содержание цианистого калия, то о всяком доверии с его стороны можно забыть.

Похоже, единственные, кому сейчас хорошо, – выгруженные лангусты. Наверное, все потому, что людей они не напоминают

ни капли.

Поезд TGV проносится по туннелю под Ла-Маншем, а Манфред и Аннет обедают на втором этаже вагона-ресторана и болтают. Дорога Манфреда пролегает через Париж, ну а Аннет, оказывается, каждый день ездит оттуда на работу. Так что еще в салоне Масх попросил ИИНеко перегнать его багаж на вокзал Сент-Панкрас и встретить его под сенью терминала, смахивающего на циклопическую многоножку из железа. Орбитальный пускатель остается в салоне – это всего-навсего опытный образчик, и беспокоиться о нем нет нужды.

– Знаешь, порой мне хочется никогда не сходить с поезда, – откровенничает Аннет, ожидая, когда принесут заказанный ею *mismas bhat* – ресторан обслуживает непальская сеть быстрого питания. – Проехать себе Париж… Ты только представь: засыпаешь в своем вагоне, просыпаешься в Москве, пересаживаешься на поезд во Владивосток – и уже там через трое суток.

– Это если через границу пропустят, – Манфред хмыкает. Россия – одно из редких мест на земном шаре, где еще могут спросить паспорт, а заодно и полюбопытствовать – не антикоммунист ли ты часом? А может, когда-то им был? Буйное прошлое все не оставляет эту страну; ее история будто отмотала свой ход до убийства Столыпина – и повторяется все как встарь. Не прекращается война с врагами народа – беглым русским олигархатом и рэкетирами, доящими интеллектуально-собственническую сферу. Словом – психология образца былого века и непреходящие последствия марксистско-объективистского опыта последнего десятилетия.

– Ты что, взаправду внештатный агент ЦРУ? – Аннет приоткрывает в улыбке свои обескураживающе-алые губки. – Я с ними иногда кое-чем делюсь… ничем таким, за что меня можно было бы уволить.

Манфред кивает.

– У моей женушки есть доступ к их каналам. Никаких препон.

– У твоей?.. – Аннет осекается. – У той самой, что была в «Де Вильдеманне»? – Тут Аннет видит, как меняется выражение лица Масха. – О, бедняга. – Она поднимает бокал. – Я так понимаю, у вас не сложилось?

– Это несложно понять, если знаешь, что шлешь весточки жене через ЦРУ, а она тебе отвечает от имени федеральной налоговой службы.

– Знаешь, где-то через пятилетку ты мне эти слова простишь, но… – Аннет морщит лоб, – …не думаю, что вы подходите друг

другу.

В ее интонации есть что-то от вопроса – и снова Манфред подмечает, как хорошо ей удается играть с подтекстами.

– Не знаю, подходит ли мне кто-то в принципе, – замечает он неуверенно. На то есть веские причины: Манфреда не оставляет чувство, что разлад с Памелой, возможно, имел и такие причины, какие не вменить в вину никому из них. Словно бы кто-то аккуратненько вклинился в их союз и провел демаркационную линию. Иногда он самому себе кажется существом ведомым – и это тревожит, ибо смахивает на первую ласточку шизофрении. Не пора ли взламывать метакортекс? Нет, пожалуй, рановато. Но… Прямо сейчас ему будто бы очень нравится Аннет – особенно будучи самой собой, а не биологической шестерней «Арианспейс». Но та часть Масха, что все еще является изначально человеческой, даже и не знает, насколько можно доверять самому себе.

– Я просто хочу быть самим собой, – озвучивает он мысль. – А ты?

Аннет пожимает плечами; объявившийся наконец официант ставит перед ней блюдо.

– Я просто малышка из Парижа, чего уж там. Вульгарный цвет сирени, взращенный на руинах Евросоюза, самого себя развалившего до самого фундамента.

– Понял-понял. – Под носом у Масха тоже появляется блюдо. – Ну а я в таком случае старик с большой массачусетской дороги, поймавший редкую волну успеха. – Поддевая вилкой омлет, Масх придирчиво его рассматривает. – Да к тому же рожденный под занавес американской эры. – Он тычет вилкой в кусочек нашинкованного ростбифа, и тот в ответ тут же плюется соком.

Европейские законы защиты личной информации в сравнении с американскими – истинно драконовские, и его поисковики могут поведать о ней не так уж и много. Но главная информация доступна. Родители все еще в браке, отец – политикан низкого пошиба родом из городского совета в пригороде Тулузы. Училась в хорошей школе. Распределение на год отправило ее в странствия по Европе – за государственный счет изучать, как живут в других странах; такова в двадцатом веке студенческая повинность, обязательная для всех и принятая в интересах укрепления государственности. Ни персонального сайта, ни блога – по крайней мере, пока ничего такого интернет-шпионы не выявили. «Арианспейс» принял ее сразу после Политеха; с самого начала встала на колею менеджера, с нее ни на шаг не сходила. Ступени на лестнице успеха – космодром

Куру, Манхэттен, Париж.

– Я так понимаю, ты никогда не была замужем?

Аннет хихикает.

– Жаль на это времени! Я еще молода. – Она поддевает вилкой кусочек, поднимает ко рту и добавляет: – Государство потребует выплат, не забывай.

– О! – Манфред задумчиво полощет соломинку в бокале. Рождаемость в Европе все падала и падала, и руководство Европейской Конфедерации, конечно, об этом беспокоилось. Прежний ЕС начал субсидировать детей лет десять назад, дав начало новому поколению опеки, но проблема от этого едва ли уменьшилась. На деле все, что у них получилось, – это отчуждение самых умных женщин детородного возраста. В ближайшее время, если не объявятся ни средства, тормозящие старение, ни доступный искусственный интеллект, им придется искать решение на Востоке – то есть импортировать новое поколение оттуда.

– У тебя номер в отеле есть? – вдруг спрашивает Аннет.

– В Париже-то? – Манфреда вопрос застал врасплох. – Пока что нет.

– А пошли ко мне. – Она бросает на него загадочный взгляд.

– Ну, не знаю… – Он смотрит ей прямо в глаза. – С чего бы вдруг?

– А просто так. Один мой друг, Анри, всегда говорит, что я опрометчиво принимаю к себе всех нуждающихся, но ты-то и сам о себе позаботиться сможешь. А вообще, сегодня пятница! Пойдем со мной, и я присовокуплю твою информацию к информации Компании. Ты, кстати, танцевать умеешь? Поверь мне, все, что тебе сейчас нужно, – это хорошенькая вечеринка выходного дня.

В упорядоченные планы Манфреда Аннет буквально вламывается верхом на ядре для сноса зданий. Он-то рассчитывал подыскать себе отель, написать пресс-релиз и изучить возможные пути финансирования Общества традиционного деторождения, ну и еще – исследовать вариабельность доверия при репутационных сделках, ну а там уже и в Рим собираться можно было бы.

В итоге Аннет затаскивает его к себе в просторную квартиру-студию в Маре [35], сажает за барную стойку, быстренько наводит порядок в убранстве, пока он перекусывает, после чего велит ему закрыть глаза и съесть две подозрительного вида таблетки. Наливает себе и ему по высокому бокалу аквавита [36], на вкус смахивающего на квас. Осушив свои бокалы, они буквально набрасываются друг на друга, срывая с себя одежду. Манфреда изумляет собственный стояк, крепкий, как стальной прут, – после

инцидента с Памелой он уверовал в то, что секс его более не интересует. Однако же – он на постели Аннет, в ворохе одежды и простыней. Парижанка – предельно консервативна: физическое проникновение нагишом ей явно предпочтительнее любомудрых фетишей современности. Еще больше Манфред удивляется, замечая, что возбуждение никак не спадает полностью.

– Что ты мне скормила? – спрашивает он.

– Не парься. Тебе просто нужно развеяться. – Ее мускулистые ноги сдавливают ему бедра, пока она насаживается на него. – Кристаллический мет с силденафилом.

Масх выкручивает ее маленькую грудь, чувствуя себя форменным неандертальцем. Обнаженная натура… он даже не помнит, видел ли когда-нибудь Памелу полностью голой: она считала, что кожа гораздо сексуальнее под покровом. Аннет снова сжимает его, и Манфред застывает еще сильнее.

– Не останавливайся!

Когда они кончают, у него уже ломит тело. Аннет показывает ему, как пользоваться биде. Ванная в ее обители сверкает кристальной чистотой, а малейшее ее прикосновение электризует. Она принимает душ, пока он, сидя на унитазе, самозабвенно вещает о Тьюринг-полноте [37] как о способе организовать компанию и о клеточных автоматах, о криптографической проблеме взаимно неизвестных сверхдлинных последовательностей и о своей работе над решением коммунистической проблемы централизованного планирования с помощью автономных на все сто процентов компаний, связанных так же, как связаны гомологичные хромосомы при мейозе. О предстоящей коррекции котировок на рынке этики, зловещем возрождении звукозаписывающей отрасли и насущной необходимости демонтировать Марс.

Аннет выходит из душа, и Масх клянется ей в безоглядной любви. Она одаряет его поцелуем, снимает с него наушники и «умные очки», обнажая окончательно и бесповоротно, садится к нему на колени – и они занимаются этим снова, снова и снова, до тех пор, пока все мысли не исчезают. Она шепчет ему на ухо, что тоже его любит, что очень хотела бы стать его доверенным лицом. Затем ведет Манфреда к себе в комнату, наряжает – по своему усмотрению – и подносит к его лицу зеркальце с дорожкой белого порошка – и Манфред вбирает в себя подношение. Когда с подбором одежды покончено, они начинают вояж по клубам, настроенные кутить ночь напролет, – Аннет в смокинге, а Манфред в парике цвета блонд, алом шелковом платьице с открытыми плечами, на высоченных каблуках. Уже под самое утро, исчерпав все силы, вываливаясь в ритме па-де-де из БДСМ-

клуба на улице Сент-Энн, положив голову ей на плечо, он понимает, что, оказывается, не все потеряно, что и с кем-то, кроме Памелы, он способен испытывать страсть.

Будит Манфреда ИИНеко – упорно трется головой о его лоб, чуть повыше глаза. Он, покряхтывая, пытается разлепить веки. В голове стучит отбойный молот, во рту кони ночевали, на лице – жирные разводы макияжа. Откуда-то доносится ритмичное «тук-тук». ИИНеко требовательно мяукает. Манфред садится на краю – шелковое платье ужасно натирает саднящую кожу; судя по всему, на кровать он рухнул не раздеваясь, да так и заснул. Из спальни несется посапывание, а в дверь кто-то знай себе барабанит – видимо, сильно не терпится внутрь попасть. Ну и дела. Манфред массирует виски, пытается встать, чуть не растягивается на полу – туфли с монструозным каблуком он, оказывается, стянуть вчера тоже не удосужился.

И сколько же я выпил? – гадает он. «Умные очки» ждут его на барной стойке; надевая их, он моментально попадает в эпицентр вихря требующих внимания идей. Икая, Масх поправляет на голове парик, подбирает подол платья и, спотыкаясь, бредет к двери. И на душе у него почему-то скребут кошки – уж больно настойчив стук.

Одно хорошо: его котируемая публично репутация – поправимая переменная.

Он распахивает дверь и вопрошает по-английски:

– Кто там?

В ответ его буквально сбивают с ног. Врезаясь в стену, он сползает по ней вниз. Его «умные очки» мигом отключаются, а дисплеи в линзах заволакивают рябящие помехи. Внутрь вваливаются двое типов в совершенно идентичных джинсах и кожаных куртках, в перчатках и балаклавах. Один из молодчиков сует Манфреду под нос визитку с грозного вида вензелями. В дверной проем вплывает, исполненный смертоносной грации, оснащенный огнестрельным оружием дрон – и пристально наблюдает глазом-камерой за обстановкой.

– Где он? – спрашивает один из типов.

– Кто – где? – выдавливает Манфред, дрожа от страха.

– Масх. – Второй незваный гость решительным шагом минует предбанник, быстро оглядывается – потом, пригнувшись, забегает в ванную. ИИНеко спрыгивает с дивана на пол и распластывается, словно тряпка, прижав свои робоуши. Второй бандит проходит в спальню – оттуда доносится возмущенный визг.

– Я не знаю, о ком… – Манфред так напуган, что собственные слова встают поперек горла.

Второй, все так же зачем-то пригибаясь, выскальзывает из спальни и дает отмашку – судя по всему, отбой – напарнику.

– Просим прощения за беспокойство, – суровым тоном извещает человек с визиткой, пряча ее обратно в нагрудный кармашек. – Если кому-нибудь из вас попадется Манфред Масх, передайте ему, что Американская ассоциация охраны авторских прав убедительно просит его перестать способствовать музыкальным пиратам и прочему паразитирующему на наших деньгах отребью. И еще – скажите ему, что от репутации есть прок только живым. Всего наилучшего.

Дуэт копирайт-вышибал скрывается за дверью. Манфред трясет головой – очки тут же перезагружаются, реагируя на жест.

– Вот дерьмо. Дерьмище. Аннет! – окликает он.

Она высовывается из спальни – с простыней у талии, раскрасневшаяся, сердитая.

– Аннет? Ты в порядке?

– А ты? – Она позволяет себе нервный смешок.

– Да что со мной будет.

Она обнимает его дрожащие плечи, отстраняется, изучает взглядом.

– Ну и видок у тебя, Масх.

– Я был им нужен! – выдавливает он сквозь отбивающие нервную чечетку зубы.

– И зачем же? – Взгляд Аннет предельно серьезен. – Ладно, не важно. Тебе сейчас в душ сгонять не помешает. А потом – кофе. Ты не в своей тарелке, *oui*?

– *Oui*, как пить дать, – эхом откликается он, опустив взгляд. ИИНеко отлипает от пола и садится на задние лапы с нервным видом. – Я в душ, потом – отправим в ЦРУ мои сведения.

– Отправим? – На лице Аннет проступает удивление. – А. Я уже все отправила – еще вчера ночью. Пока была в душе – микрофон-то у меня водонепроницаемый.

Пока к ним следует служба безопасности «Арианспейс», Манфред успевает вылезти из вечернего платья и сполоснуться. Теперь он сидит, закутавшись в банный халат, с пол-литровой кружкой эспрессо в руке и чертыхается про себя. Пока он таскался по злачным местечкам в обнимку с Аннет, репутационный рынок выпал в нелинейность. Свое доверие народ стал вкладывать в Христианскую коалицию и Еврокоммунистический альянс. Знак неважнецкий. Репутация же коммерческих отраслей, до поры непогрешимая, отправилась в свободное падение – как если бы прогремел какой-нибудь крупный коррупционный скандал.

Манфред превращает идеи в уважение через Фонд свободного

знания; его репутация зиждется на вкладе во всеобщее благо, а у этой медали обратной стороны нет. Поэтому-то он и оскорбляется (и удивляется) поначалу, узнав о падении на двадцать пунктов за последние два часа, а потом и содрогается, подметив, что раздали на орехи всем и каждому. Ну пусть десять пунктов в минус – простой опционный дисбаланс, – но целых двадцать! Не в пример серьезнее. Как будто весь рынок охватила эпидемия недоверия.

Аннет деловито порхает по квартире, демонстрируя криминалистам, высланным главой ее отдела в ответ на тревожный звонок, как разворачивались события. Кажется, факт бесцеремонного вторжения не столько ее взволновал, сколько расстроил. Подчас манящие неопытных вагантов быстрорастущих компаний тенёта жадности в бездефицитном завтра по Манфреду Масху будут испепелены, но пока что они – объективная производственная угроза. Двое криминалистов, франтоватые молодые ливанец и ливанка, водят по сторонам раструбом желтого масс-спектрометра и приходят к выводу, что оружейная смазка где-то в воздухе определенно витает. Увы, на бандитах были маски, препятствующие отслоению кожных частиц; вдобавок они сбили след пылью, предусмотрительно собранной в салоне городского автобуса, так что идентификация генома едва ли осуществима. Можно пока что расценить инцидент как потенциальную попытку покушения по служебным мотивам – с неизвестной стороны, с весомой степенью тяжести. Остается лишь порекомендовать снизить порог чувствительности домашней телеметрии, чтобы видеонаблюдение работало эффективнее, ну и, конечно же, никогда не снимать и не отключать клипсы с камерами.

Когда ребята из экспертизы уходят, Аннет запирает дверь, припадает к ней лбом и минуту напролет сыплет проклятиями.

– Предупредительный маневр от агентства охраны авторских прав, – протягивает Манфред нетвердым голосом, когда поток ругательств Аннет иссякает. – Ты в курсе, что несколько лет назад русская мафия в Нью-Йорке выкупила звукозаписывающие лейблы подчистую? Когда бесконечная система прав рухнула и все исполнители вышли в Сеть, сосредоточившись на защите от копирования, только мафия все еще была готова купить эту старую бизнес-модель. Эти ребята придают новое значение защите от копирования – по их стандартам, это был всего лишь вежливый запрос на прекращение действий, уязвляющих их интересы. Они работают на рынке звукозаписи, пытаются заблокировать любые каналы распространения музыки, которые им не принадлежат. Только у них это не особо получается: большинство гангстеров живут в прошлом, они более

консервативны, чем любой нормальный бизнесмен. А что ты там отправила в том сообщении?..

Аннет закрывает глаза.

– Я не помню. – Поднимает руку. – Открытый микрофон. Я просто записала тебя в файл, а потом вырезала все, что касалось меня. – Открывает глаза и качает головой. – Что я принимала?

– Ты тоже не знаешь?

Он встает, а она подходит и обнимает его.

– Я принимала тебя в себя, – шепчет она.

– Будет тебе. – Манфред отстраняется – и подмечает недовольство на дне ее глаз. В очках что-то нетерпеливо моргает – он был оффлайн почти шесть часов, желудок теперь к самому горлу подкатывает – из-за осознания, что он упустил что-то чрезвычайно важное. – Мне бы побольше информации, Аннет. Что-то в твоем сообщении разворошило улей. И, вполне возможно, кто-то доложил о рокировке моих чемоданчиков. Понимаешь, твоя радиограмма должна была стать знаком быть наготове тем, кто хочет построить рабочую систему центрального планирования, а не тем, кто хочет меня пристрелить!

– Ну что ж… – Аннет выпускает его из объятий. – Делай свое дело. – И добавляет с холодком в голосе: – Если понадоблюсь – я тут, рядом. – Масх осознает, что причинил ей боль, но не видит способов объяснить, что и в мыслях подобного не держал; во всяком случае – не впутываясь при этом в личное еще больше. Наскоро перекусывая круассанами и допивая кофе, он погружается в состояние глубокой вовлеченности, давно ставшее чем-то вроде фишки его образа жизни. Его пальцы ласкают клавиши невидимых клавиатур, а зрачки скачут от одного инфопотока к другому: «умные очки» закачивают медиаконтент невероятной степени погружения прямо внутрь его черепа по быстрейшему из доступных на сегодняшний день соединений. Один из адресов электронной почты завалило письмами так, что, будь они бумажными, стопка достала бы до Луны: череда компаний с названиями типа «agalmic.holdings.root.8E.F0» бьется за внимание своего неуловимого директора. Из них каждая – а их в настоящее время более шестнадцати тысяч, хотя стадо растет изо дня в день, – содержит трех директоров и, в свою очередь, является генеральным директором трех других компаний. Каждая исполняет сценарий на функциональном языке, разработанном Масхом специально для подобных задач; руководители говорят компании, что делать, заставляя ее передавать эти приказы этажом ниже. На самом деле все они – рой сотовых автоматов, как в конвейской «игре в жизнь» [38].

По гамбургскому счету все компании Манфреда слагают

единую программируемую сеть. У некоторых при себе имеется капитал – патенты, которые Манфред приписал им, а не Фонду свободного знания. Некоторые выступают в роли «управленцев» и в торговые операции не ввязываются. Их корпоративные функции – управление аккаунтами, голоса в выборах новых директоров – централизованно осуществляются через его персональную менеджмент-среду; торговля же ведется посредством одной популярной сетевой модели типа «от бизнеса к бизнесу». Внутренняя деятельность подразумевает «потайные» расчеты, цель коих – поддержка баланса мощностей и решение задач распределения ресурсов. То есть ничего такого, чем не оснащена полномерно классическая казенная централизованная система планирования. Вот только почему почти на половине компаний Манфреда – иски судебного характера, высыпавшиеся словно из рога изобилия за последние сутки?

Характер исков – полнейший рандом; другой закономерности Манфред выявить тут не может. Часть – обвинения в нарушении патентов; их бы Масх воспринял всерьез, если бы не то обстоятельство, что направлены они почти всегда на компании, которые за пределами своей личной среды в данный момент не производят вообще никаких действий. В наличии и обвинения в управленческих нарушениях, но попытка вникнуть в суть вскрывает почти повальную их бредовость: упреки в неуставном отношении и наличии возрастного ценза – компаниям, в которых и сотрудников-то нет! Для полноты картины – иски о попрании правил торговли и обвинение в использовании орбитальных радаров психоформирующего действия с целью влияния на поведение чихуахуа истца (причем не в одиночку, но в сговоре с премьером Японии, правительством Канады и кувейтским эмиром).

Испустив усталый вздох, Манфред начинает подсчитывать в уме. Нынешний темп исковой атаки – один иск в шестнадцать секунд; притом что за предыдущие полгода ни одного не поступало – ситуация, конечно, беспрецедентная. Буквально через день грядет переполнение условного искового массива, и все его мощности по отражению судебных атак будут задействованы на полную катушку. Через неделю исков будет столько, что все суды Америки не смогут их обработать. Таинственный мститель обнаружил способ жонглировать судебными обращениями точно так же, как сам Манфред жонглирует компаниями. И он, Манфред Масх, – приоритетная цель этого мстителя. Перспектива не радужная – и это еще мягко сказано. Если бы не накладывающие свой отпечаток эмоции Аннет и не сумбур в голове, вызванный приходом двух громил, он испытывал бы сейчас злость; но все же

Манфред Масх еще в достаточной степени человек, чтобы реагировать в первую очередь на антропогенные позывы. Навязанный Аннет транссексуальный опыт, влечение к ней, компьютерные сети – все это клубится в его сознании; и надо же было в этот момент позвонить Алану Глашвицу!

– Алло, – рассеянно отвечает на призыв Манфред.

– Манфред Масх, единственный и неуловимый! – Глашвиц, судя по тону, всячески радуется тому, что взял-таки верный след.

– Кто вы и что вам нужно? – спрашивает Масх, морщась.

– Я звонил вам вчера. И вам стоило ко мне прислушаться. – Его довольный смешок звучит мерзко. – Что ж, я ухватил вас за задницу.

Манфред отводит трубку подальше от лица – как если бы она фонила радиацией.

– Наш разговор записывается, – предупреждает он. – Повторяю: что вам нужно?

– Я всего лишь исполнитель воли вашей жены. Я, знаете ли, не наврал ей, сказав, что, если она воспользуется моими услугами, ее интересы будут удовлетворены сполна. Мой вчерашний звонок предупреждал вас о том, что защита ваша слабеет. Сейчас у меня на руках ордер на заморозку всех принадлежащих вам активов, и он заверен подписью в суде еще три дня назад. Вся эта мышиная возня с липовыми компаниями не помогла, Масх, и теперь с вас причитается. Сначала, конечно, налоги, ну а потом уже разбирайтесь с супругой. Но так и знайте – на налогах она настаивает особенно.

Манфред оглядывается и ставит вызов на удержание.

– Где мой баул? – спрашивает он ИИНеко. Та равнодушно проходит мимо – ей явно нет до него дела. Вот черт! Баула нигде не видно. Вдруг он сейчас на пути в Марокко – с бесценным грузом плотного инфошума?

Манфред снова прикладывает трубку к уху. Глашвиц распинается о «справедливом урегулировании» и баснословном налоговом долге, выдуманном и заверенном Памелой (кем же еще!); убеждает, что чистосердечное признание и раскаяние смягчат его участь.

– Где этот чертов баул?! – вопрошает Масх и, включив микрофон, срывается на Глашвица: – Да заткнитесь вы уже! Вы мне думать мешаете!

– Я не заткнусь, мистер Масх. Считайте, вы уже в суде. У вас не получится бежать от ответственности вечно. У вас есть жена и малютка-дочь – они требуют заботы…

– Дочь? – Манфред мигом забывает о блудном чемодане.

– А вы не знали? – спрашивает Глашвиц с елейным

удивлением в голосе. – Выемка произведена в прошлый четверг. Ребенок, насколько знаю, совершенно здоров. У вас есть гостевой доступ к веб-камере в клинике – я-то думал, вы в курсе. Пока я не буду давить на вас, мистер Масх, но вы времени не теряйте, подумайте обо всем хорошенько. Чем скорее мы придем к взаимному согласию, тем скорее я разморожу ваши активы. До скорого!

Из-за платяного шкафа Аннет слышится осторожное бибиканье, и чемодан выезжает к ногам Манфреда. Счастливый хозяин облегченно вздыхает. Ну вот и все. Нет уж нужды раздумывать долго о налете копирайт-рэкетиров, об обиде Аннет и судебных притязаниях жены. Он стал отцом против собственной воли – ну и что? Самое время перейти к плану Б.

– Поди сюда, мой чемоданчик, – велит Масх. – Давай посмотрим, что я могу поиметь со своих репутационных мытарств…

Отбой.

Одного взгляда на отправленный Аннет материал хватает, чтобы все мрачные думы улетучились. Итак, на повестке дня – сдобренный хиханьками и хаханьками влог о том, что Манфред Масх, человек-загадка международного масштаба, прибыл на недельку в Париж – кутить, ширяться и отрываться. А еще, ходят слухи, он обещал изобретать по три новые смены парадигм – каждый день перед завтраком. Как вам такое, люди, – Настоящий Коммунизм! Не просто продуманный, но и с перспективой воплощения в реальность! Ну а бонусом – классный аппарат централизованного планирования с безупречным интерфейсом взаимодействия со внешними рыночными системами! Много круче, чем экономика свободного рынка, гораздо круче методики Монте-Карло [39]! Уйма сложных расчетов? Да запросто – проблема решена раз и навсегда! Но почему Манфред Масх это делает? Да просто потому, что может! Вертеть экономику на палочке от чупа-чупса – это весело и безопасно, а слушать вопли Чикагской школы экономики – и вовсе бесценно.

Даже пристально изучив этот квазирелиз, Манфред не находит ничего подозрительного. Ну да, он занимается именно тем, о чем сказано, и вообще хотел повстречать внештатного церэушника как раз для слива чего-то подобного в сеть. Они обсуждают всю историю, пока Масх намыливает Аннет спину в ванной.

– Не понимаю, до чего они докопались, – дается диву он. – Никаких триггеров для этих ребят там нет, если не считать сам факт нашего совместного пребывания в Париже. И ты ни в чем не

ошиблась – всё, как я и хотел.

– *Mais oui.*[40] – Морской змейкой Аннет ловко разворачивается и откидывается назад, погружаясь в теплую мыльную воду. – Я тебе об этом и толковала, да вот только ты меня слушать не хотел.

– Теперь, как видишь, слушаю. – Капельки конденсата покрыли линзы «умных очков» Масха, и глядеть сквозь них – все равно что через лазерный калейдоскоп. – Аннет, прости, что втянул тебя в это. Я могу устроить все так, чтобы тебя это не затрагивало.

– Ну уж нет. – Она присаживается, подается вперед, глядя на него со всей возможной серьезностью. – Я же сказала тебе вчера – хочу стать твоим доверенным лицом. Не думай! Соглашайся!

– Да зачем мне доверенное лицо? Я нигде не задерживаюсь и не берусь под контроль – это, считай, мое кредо.

– Тебе, может, толковый менеджер и ни к чему, но твоим компаниям он нужен как воздух. Сколько у тебя там исков, вагон и маленькая тележка? У тебя нет времени с ними возиться, сколько бы их ни было. ЕС упразднил капиталистов, но доверенные лица по-прежнему в ходу. Так что соглашайся.

Что ж, здесь было над чем поразмыслить.

– Знаешь, – признался Манфред, – система компаний ведь может быть продана.

– Ну так отлично! – с энтузиазмом откликается Аннет. – Как думаешь, кто ее купит? Москва? Госсовет по восстановлению закона и порядка?

– Я подумывал пристроить ее Итальянской коммунистической партии. Мне так или иначе потребуются средства для развода, ну и кое-какое багажное дельце закрыть, но все не так просто. Кому-то придется управлять этой бесовщиной – кому-то, кто понимает, как сопрячь централизованную систему планирования с капиталистической экономикой. Тут очень пригодился бы сисадмин с опытом работы в транснациональной корпорации, а если бы его вдобавок интересовал поиск новых путей и средств сопряжения предприятий централизованного планирования с миром вообще… тогда бы это точно был наш клиент. – И тут Масх фокусирует взгляд на ней: догадка коробит его. – Хм, слушай… тебе что, и правда будет интересно?..

В Риме жарче, чем в пригороде Южной Каролины в День благодарения; в воздухе разлит запах работающих на метане «шкод» с нотой запеченного зноем собачьего дерьма. Машины – компактные концепт-кары диких расцветок – раскатывают по аллеям, ныряют в туннели и снова выныривают: ни дать ни взять

растревоженный пчелиный улей. Судя по всему, тестирование на прочность их электронных систем управления здесь что-то вроде неофициального вида спорта, и это при том, что бортовые компьютеры в тех же «фиатах» издревле славились тем, что были сляпаны и прошиты абы как.

Манфред выступает из-под сводов Термини, главного вокзала Рима, моргая, словно филин, от пыли и зноя. «Умные очки» методично скармливают ему справочный материал о людях, что жили здесь еще в пору старой республики. История подстерегает его на каждом шагу: очки подключились к туристическому порталу и уймутся не скоро, но у Манфреда нет сил их переключать. Минувшие выходные вымотали его, он словно серая тень былого себя: ветром дунешь – унесет. За весь день ему на ум не пришло ни одной сносной идеи для патентования; для утра понедельника, в которое предстоит аудиенция у экс-министра экономики и вручение подарка, способного устроить министру повышение, а Манфреду – свободу от настырного пристава Памелы, расклад не самый лучший. Но Масх не печется о своем самочувствии – ему приятно осознавать, что Аннет теперь на его стороне.

Встретить экс-министра сразу, лицом к лицу, Манфред не чает. Все, с чем ему пока что доводилось иметь дело, – лощеная аватарка в костюме-тройке, смоделированная под всякого рода публичную активность. Потому-то, подходя к заляпанной побелкой двери и звоня в колокольчик, Масх никак не ожидает, что навстречу ему выйдет этакий Аполлон Тианский в довольно-таки рисковых анатомически-рельефных бриджах и кожаном берете.

– Э-э… добрый день. Я на встречу с министром, – говорит с осторожностью Масх. ИИНеко, сидящая у него на плече, пытается перевести его слова и разражается какой-то чехардой из торопливо-переливчатых слогов. На итальянском, шутка ли, даже простое приветствие звучит так, будто куда-то опаздывает.

– Я из Айовы, пойму и так, – говорит загадочный привратник-культурист. Просунув большой палец за край кожаного ремня, он ухмыляется в усы: – А что за повод? – Тут же, обернувшись, он кличет через плечо: – Джанни, к тебе гости!

– Повод сугубо экономический, – не сходя с осторожно-удивленного тона, сообщает Манфред. – Вернее, суть в том, что я пришел положить всякой экономике конец.

Аполлон, подобравшись, пятится от двери, и тут из-за его могучих плеч выныривает министр собственной персоной.

– О, синьор Масх! Все в порядке, Джонни, я ждал его!

Джанни, живчик-коротышка в белом пушистом халате,

хватает Масха за руку – и без церемоний тащит за собой.

– Пожалуйста, проходите, друг мой! Уверен, дорога вас утомила. Джонни, принеси-ка джентльмену что-нибудь освежающее! Вы предпочитаете кофе или что-то посерьезнее?

Считаные минуты спустя Манфред уже тонет в жутко мягком кресле, обивка коего сделана из воловьей кожи цвета топленого молока. Кружка дьявольски крепкого эспрессо дымится, нетвердо пристроенная на коленку, а сам Джанни Виттория распинается перед ним о трудностях создания постиндустриальной экосистемы на руинах бюрократического аппарата, корнями уходящего в эру твердолобого модернизма двадцатых годов. Джанни – человек-аттрактор в хаосе поделенной на фазы итальянской политики, своего рода оракул-левак. Он – бывший профессор, специалист по марксистской экономике, и все его идеи пропитаны разящим не в бровь, а в глаз гуманизмом. Все, в том числе и его заклятые враги, в один голос твердят, что Джанни – один из лучших политических теоретиков эры развала Евросоюза. Его интеллектуализм не позволяет ему, наплевав на средства, взойти на самый верх политического олимпа, а соратники отзываются о нем даже менее сдержанно, чем противники, обвиняя в самом тяжком из политических грехов – возвышении правды над властью. Года два назад Манфред уже встречался с Джанни – в чат-комнате на сервере – для обсуждения мировой политической обстановки. В начале минувшей недели Масх выслал ему документ с детализацией встраиваемой плановой экономики и предложением с ее помощью надрать зад нескончаемым притязаниям Италии восстановить свой правящий аппарат. Если у них все получится, Италия станет самой прогрессивной страной мира, дав импульс новой волне распространения коммунистических идей, базирующихся на идеалах гуманизма и стремлении к промышленному превосходству, а не на выдаче желаемого за действительное.

– Друг мой, – выслушав, высказывается Джанни, – боюсь, вы замахнулись на нечто неисполнимое. Мы же в Италии! Тут каждой собаке до́лжно веско высказаться, а иначе-то как? Не всякий здесь понимает, о чем мы с вами толкуем, но разве им это помешает посудачить? Непреложность консенсуса утвердили после сорок пятого года, дабы то, что имело место незадолго до него, более не повторялось, однако же вдумайтесь, друг мой: у нас в распоряжении пять разных способов издания новых законов, из них два почитаются «средством экстренного выхода из застоя», но ни один закон не подействует, если на нем общественное согласие клином не сошлось. Задумка у вас свежая, смелая, и мне это по душе. Если она сработает, придется понять, почему *мы*

работаем – а это уже восходит к вопросам человечности в принципе, и здесь уже жди раздрая.

Манфред понимает, что не вполне уловил смысл услышанного.

– Погодите-ка, – удивленно спрашивает он, – а как вопросы человечности связаны с экономикой?

Громко вздохнув, министр поясняет:

– Вы нестандартная личность, Манфред. Вы не пользуетесь деньгами, но при этом богаты, ведь люди, которым вы некогда помогли, рады обеспечить вас всем необходимым. В сущности, вы средневековый менестрель, снискавший расположение августейших особ. Плоды труда вашего не отчуждаются – они сдаются по собственной воле; и все, что нужно для производства, всегда при вас – в вашей голове.

Манфред хлопает глазами. Интересный сленг, наверняка технический, но какой-то чудно́й, ортогональный его собственному опыту. М-да, так, видимо, чувствуют себя люди, не успевающие привыкнуть к наступлению будущего. Манфред с удивлением открывает для себя, что непонимание – сродни *чесотке*.

Джанни массирует висок костяшками пальцев, смахивающими на орешки.

– Редкие люди проводят отпущенные им годы вот здесь, в голове. Массам ваш образ жизни невдомек. Они – как средневековые крестьяне: таращатся на менестреля во все глаза, но в толк никак не возьмут. Ваша система управления плановой экономикой – она и восхитительная, и элегантная! Сам Ленин пустил бы скупую слезу счастья. Но назвать ее экономикой нового века, увы, не выйдет. А знаете почему? Потому что она на человека не рассчитана.

Манфред почесывает в затылке.

– А мне кажется, в экономике дефицита нет ничего «рассчитанного на человека», – замечает он. – Но все дело в том, что пару десятков лет спустя человек сам по себе будет устаревшим – как минимум как экономический объект. Я лишь хочу, чтобы перед тем, как это произойдет, все мы стали богаче самых смелых своих фантазий. – Масх берет паузу – отхлебнуть кофе и подумать. – Ну и еще – рассчитаться с бывшей женой, – решает честно заявить он.

– Ага-а-а! Ну, друг мой, следуйте за мной – я познакомлю вас с моей библиотекой, – говорит Джанни, вставая. – Вот сюда, пожалуйста. – Коротышка министр, не торопясь ни капли, покидает белую гостиную с ее плотоядными кожаными диванами и восходит по чугунной винтовой лестнице, ведущей в странную

навесную пристройку под крышей – нечто среднее между дополнительным ярусом и техническим этажом.

– Человек нерационален, – рубит Джанни сплеча. – Вот где парни Чикагской школы экономики дали главного маху. Да и неолибералы и мои предшественники – туда же… Да подчиняйся действия людей логике, прожили бы долго азартные игры? И ежу понятно, что казино всегда остается в выигрыше. – Лестница обрывается у порога очередной белой и просторной комнаты с деревянным верстаком у стены. На верстаке установлен 3D-принтер в окружении увитых соединительными кабелями серверов. Сервера жуть какие старые, а вот принтер – будто только что с конвейера: новехонький, недешевый. Напротив верстака стена снизу доверху обвешана книжными полками, и Манфред присвистывает от такого нерационального хранения информации: килограммы на мегабайт, не иначе.

– Что он производит? – спрашивает Манфред, кивая на принтер, утробно гудящий и самозабвенно спекающий из пластикового порошка нечто, смахивающее на жесткий диск на пружинном заводе, явившийся часовщику Викторианской эры в бредовом сне.

– О, это просто новая игрушка Джонни – микромеханический цифровой фонограф-проигрыватель, – пренебрежительно отмахивается Джанни. – Он когда-то разрабатывал двигатели Бэббиджа для Пентагона, вот теперь и развлекается на досуге. А вы лучше вот на что гляньте. – Министр осторожно извлекает с книжной полки переплетенный в ткань документ и показывает корешок Манфреду. – «Теория игр», автор – Джон фон Нейман. Самое первое издание, с автографом.

ИИНеко мяукает и отправляет на дисплей левой линзы «умных очков» Манфреда горсть справочной информации (почему-то – неудобным фиолетовым шрифтом). Фолиант в твердом переплете сухой и пыльный на ощупь, и Манфред не сразу вспоминает, что со страницами следует обращаться аккуратно.

– Сей замечательный экземпляр – из личной библиотеки Олега Кордиовского. Олег – поистине счастливчик: купил книгу в 1952 году, когда гостил в Нью-Йорке, и таможенники дозволили ему оставить ее себе.

– Это что-то по части Госплана? – спрашивает Манфред, изучая информацию.

– Верно. – Джанни тонко улыбается. – За два года до этого ЦК осудило кибернетику как буржуазную девиационистскую лженауку [41], призванную дегуманизировать пролетария, – уже тогда с потенциальной мощью робототехники считались. Увы,

никто тогда не смог предвидеть ни компьютеры, ни сети.

– Не понимаю, куда вы клоните, министр. Никто в ту пору не ожидал, что ключевое препятствие на пути к ликвидации рыночного капитализма будет преодолено в течение полувека, так?

– Конечно, никто не ожидал. Святая правда: с восьмидесятых годов прошлого века сделалось возможным – *в принципе* возможным – разрешать проблемы перераспределения ресурсов алгоритмически, компьютерным способом, и не нуждаться больше в рынке. Ведь рынки расточительны – они рождают конкуренцию, при которой большая часть продукта отправляется на свалку. Почему же они до сих пор существуют?

Манфред пожимает плечами.

– Это вы мне скажите. Всему виной консерватизм?

Джанни закрывает книгу, ставит ее обратно на полку.

– Рынки дают своим участникам иллюзию свободы воли, друг мой. Оказалось, люди не любят, когда их заставляют что-то делать – пусть даже в их собственных интересах. По необходимости командная экономика должна быть принудительной – она, в конце концов, *командует*.

– Но в моей системе этого нет! Она определяет, куда идут поставки, а не что кому требуется производить…

Джанни качает головой.

– Так или иначе, перед нами все одно экспертная система, друг мой; ваши компании не нуждаются в людях – и это хорошо, но тогда они не должны руководить деятельностью людей. Если мы дадим им такие полномочия, вы просто поработите человечество при пособничестве абстрактной машины – и пополните ряд исторических диктаторов.

Взгляд Манфреда скользит по книжной полке.

– Но ведь сам рынок – абстрактная машина, к тому же паршивая! Я-то в основном от него свободен, но как долго он будет продолжать угнетать людей?

– Может быть, не так долго, как вы боитесь. – Джанни садится рядом с принтером, в данный момент ваяющим устройство вывода аналитической машины. – В конце концов, предельная ценность денег уменьшается: чем их у вас больше, тем меньше они значат для вас. Мы сейчас находимся на пороге периода длительного экономического роста, когда среднегодовые показатели превышают двадцать процентов, если судить по прогнозам Совета Европы. Последние обессилевшие остатки индустриальной экономики увяли, а двигатель экономического роста той эпохи, сектор высоких технологий, вездесущ теперь. Ради спокойной жизни людей до того момента, как предельная

стоимость денег окончательно обнулится, можно, сдается мне, позволить небольшой регрессивный балласт.

Осознание вспыхивает в голове Манфреда подобно лампочке.

– Так вы хотите покончить с дефицитом – не только с деньгами!

– Именно. – Джанни ухмыляется. – Это много больше, чем просто экономические показатели; вы должны рассматривать изобилие как фактор. Не планируйте экономику, берите от нее то, что вам нужно. Разве вы платите за воздух, которым дышите? Должны ли выгруженные сознания – те, что мало-помалу станут основой нашей экономики, – платить за процессорные циклы? Ответ – твердое «нет». А теперь – хотите узнать, как вы сможете заплатить за урегулирование развода? И могу ли я заинтересовать и вас, друг мой, и ваше очаровательное доверенное лицо в моем скромном проекте?..

Ставни распахнуты настежь, шторы раздернуты – окна просторной комнаты Аннет беспрепятственно впускают утреннюю прохладу. Манфред сидит на стульчике для игры на фортепиано, разверстый чемодан – у него в ногах; он подключается к стереосистеме – довольно-таки старомодной, с выходом на спутниковый интернет. Кто-то стереосистему эту ловко взломал, сняв алгоритм защиты авторских прав грубым вмешательством: следы от паяльника хорошо видны на задней панели.

Аннет полусидит-полулежит на диване, закутавшись в халат и нацепив «умные очки» с турбопропускной способностью; сейчас она с коллегами из Ирана и Гвианы хочет разрешить некую нестыковку в штатном расписании «Арианспейс».

Чемодан полон инфошума, но из стереосистемы бодро звучат аккорды рэгтайма. Тут все просто: если вычесть энтропию из инфопотока (то есть распаковать своеобразный архив), обнажатся зашифрованные сведения. Емкость голографической памяти чемодана – примерно триллион терабайт: с лихвой уместятся вся музыка, все фильмы и все видео, созданные на протяжении двадцатого века. Все это, к слову, не контролируется авторским правом и классифицируется ныне как сдельный труд обанкротившихся компаний, произведенный до той поры, когда Ассоциация крепко взялась за медиаиндустрию. Манфред транслирует музыку через стереосистему Аннет, но сохраняет шум, с которым она была заархивирована. Ведь по нынешним меркам энтропия высшей пробы – тоже ценность.

И вот Манфред со вздохом сдвигает очки на лоб и гасит все дисплеи. Он все оценил и просчитал, до последнего логического узла. Джанни прав: до того как все участники заступят на

позиции, начинать ничего нельзя. На краткий миг Манфред сам себе кажется старым и «недогоняющим» – будто обычный человек без апгрейдов сознания. Его голова со вчерашнего дня гудит от планов и наметок, а после возвращения из Рима он так толком и не отдохнул.

У Манфреда стремительно развивается синдром дефицита внимания – инфопотоки в его мозгу все время бьются за право властвовать, все время спорят об очередности, ни на чем сфокусироваться толком не выходит, потихоньку растет раздражение. Однако Аннет на удивление стойко сносит перепады его настроения. Глядя на нее, Масх ощущает вдруг прилив гордости. Да, само собой, ее увлеченность им произрастает из неких загадочных собственных интересов… но почему тогда ему куда комфортней с ней, чем с Пэм?

Потягиваясь, она приподнимает очки.

– Ты что-то хотел?

– Просто задумался. – Масх улыбается. – Прошло уже целых три дня, а ты еще ни разу не указала мне, как себя вести и что делать.

Аннет строит неопределенную мину.

– А что, нужно?

– Да нет, я… я просто никак не привыкну. – Он пожимает плечами. Чувство утраты некой важной компоненты собственной жизни никак не покидает его, однако Масх уже не пытается постоянно ее восполнять. Так вот, значит, каково это – уравновешенные отношения? Они ли это, впрочем? И в детстве, чрезмерно огороженном родительской гиперопекой от внешних угроз и, что уж греха таить, от внешнего мира в целом, и во взрослой жизни он всегда был так или иначе подчинен кому-то. Частенько – на совершенно добровольной основе, как в случае с Пэм. Возможно, только теперь он по-настоящему свободен от неприглядной привычки; но ежели так, откуда взялся весь этот свалившийся словно снег на голову кризис идей? Почему неделю кряду великолепный Манфред Масх не выдумывает ничего нового? А что, если его научно-техническое рвение и все проявления творческого начала – всего-навсего отдушина, и, чтобы фонтанировать классными задумками, ему *необходимо* пресмыкаться под чьим-то жестким каблуком?

Ну или ему взаправду нужна одна лишь Памела.

Аннет встает со своего места, неспешно направляется к нему. Масх смотрит на нее и чувствует влюбленность. Страсть. Вот только это вроде как не то же самое, что любовь.

– Когда они придут? – спрашивает она, прижимаясь к нему.

– Понятия не имею.

Аккурат в этот момент разражается трелью дверной звонок.

– О. Пойду-ка встречу.

Она бежит к двери, распахивает ее.

– *Ты!*

Манфред рывком оборачивается, едва не вывихнув шею. Он как собака на поводке – поводке Памелы, само собой. И все-таки – то, что она заявилась сюда лично, для него тот еще сюрприз.

– Ну да, я, – бесхитростно отвечает Аннет. – Проходи, устраивайся.

И Памела в сопровождении своего подсоса-пристава вплывает в комнату. Ее глаза разбрасывают фонтаны искр, как ацетиленовая горелка.

– Смотрите-ка, кого робокошка на хвосте притащила, – цедит она, опаляя Манфреда самым гневным взглядом из всех, с какими ему доводилось сталкиваться. На самом деле такая открытая враждебность Памеле обычно не свойственна – где она только научилась?

Манфред встает; ему до одури странно видеть доминантную бывшую жену и Аннет (любовницу? соучастницу? предмет обожания?) в одной комнате. Где-то на втором плане – лысоватый тип средних лет в двубортном костюме, с набитым документами кейсом под мышкой – именно так мог бы выглядеть преданный слуга, в которого Манфреду, похоже, уготовано было преобразиться под чутким руководством Памелы. Масх слабо улыбается.

– Кто-нибудь хочет кофе? – спрашивает он. – А то третья сторона что-то опаздывает.

– От кофе не откажусь, покрепче, без сахара, спасибо, – на одном дыхании тараторит пристав. Он ставит кейс на журнальный столик, возится с упрятанным где-то за отворотом пиджака переключателем, и линзы его «умных очков» озаряет мерцающий свет. – Извещаю, что с этого момента встреча записывается на видео – думаю, вы понимаете…

Фыркнув, Аннет уходит на кухню – готовить вручную, что не очень эффективно, но зато уютно. Пэм намеренно держится так, будто соперницы попросту нет.

– Ну и ну. – Она качает головой. – Я-то думала, у твоей французской булочки будет будуар поновее, Мэнни. И пока чернила на документах о разводе не начали выцветать: ты не учел, я смотрю, что мое время – тоже деньги?

– Странно, что ты не в больнице, – говорит он, меняя вектор разговора. – Неужто в наше время послеродовые хлопоты тоже отдают на аутсорсинг?

– Зависит от работодателя. – Памела скидывает свое пальто и

вешает на крючок за широкой дубовой дверью. – Мой, как понимаешь, готов оплатить любую прихоть. Потому что я – ценнейший кадр. – На ней – дорогущее и очень короткое платье; оружие подобных калибров не стоит, по мнению Масха, поставлять на фронт войны полов без непреложного лицензирования. Хотя, к вящему его удивлению, на него оно сейчас не действует. Ее пол как будто не играет роли – Памела в его глазах перешла в какой-то иной биологический вид. – Будь ты внимательнее – сам бы уразумел.

– Я и так внимателен, Пэм. Единственная валюта, что всегда при мне, – внимание.

– Отличная шутка, мистер Масх, – вклинивается Глашвиц. – Вы же, надеюсь, осознаёте, что прямо сейчас платите мне исключительно как зрителю этой низкосортной пантомимы?

Манфред смотрит на пристава в упор.

– Вам прекрасно известно, что никаких денег у меня нет.

– О-о-о. – Глашвиц ухмыляется. – А я считаю, что вы лукавите, мистер Масх. И судья со мной, если что, согласится. Вы просто ловко замели все следы. Несколько тысяч корпораций в вашем негласном владении – они все-таки существуют. Вряд ли с настолько огромной кормушки вы не имеете ни цента. Что-нибудь да сыщется на дне, если хорошо поскрести, верно?

Откуда-то с кухни доносится шипение вперемежку с бульканьем – будто сотню змей разом жарят на сковородке: кофейник Аннет разродился. Манфред пальцами левой руки перебирает воздух, выводя что-то на воздушной клавиатуре. Он не хочет, чтобы кто-то из гостей это заметил, а занимается он сейчас тем, что вбрасывает сводку своей нынешней активности на репутационный рынок. Памела идет на кухню, и Манфред, тихо выдохнув, привольно устраивается на диване.

– Элегантно вы меня приперли, – комментирует он ситуацию.

Глашвиц довольно кивает.

– С идеей мне помог один стажер. Если хотите знать, я ни черта не понимаю в DDoS-атаках, ну а вот Лиза на них выросла. Метод – не из наших рядовых, но сработал ведь!

– О да. – Мнение Манфреда о приставе падает на пару пунктов. Памела возвращается из кухни с кислым выражением лица, а следом за ней, почти сразу, выходит Аннет, с очень невинным, сияющим прямо-таки личиком. В руках у нее – турка и кружки. *Любопытно, что там между ними произошло*, думает Манфред, но тут один из электронных агентов сбивчиво нашептывает что-то ему на ухо, а чемодан испускает заунывный электронный крик и пересылает ему чувство совершенного отчаяния. Вдобавок ко всему кто-то снова звонит в дверь.

– Так объясните мне, что там у вас за махинация? – наседает Глашвиц с полуулыбкой и доверительно подается вперед. – Где ваши деньги?

– Нет у меня денег, говорю же, – сварливо отнекивается Манфред. – Все мои труды направлены сейчас на то, чтобы концепция денег устарела. Разве Памела вам не сказала? – Он смеряет пристава снисходительным взглядом – всего, от дорогущих наручных часов от «Патек» до перстня с печаткой и операционкой, написанной на Java.

– Вы это дело бросьте. Поймите уже, наконец: несколько миллионов – и можете хоть на все четыре стороны отправляться, мне ведь без разницы. Я тут только потому, что ваша жена с ребенком не хочет по миру ходить, с голоду помирая. Мы ведь оба понимаем – ну не может быть, чтобы у такого человека, как вы, мистер Масх, не была где-нибудь припрятана золотая заначка. Вы свою репутацию-то видели? Такую не заработаешь попрошайкой.

Манфред фыркает.

– Что верно, то верно, вот только раз уж вы помянули мою жену – она же высокопоставленный аудитор, ценнейший кадр, по собственному признанию. Такая по миру не пойдет, даже если захочет. С каждого лопоухого штрафника, влипшего в ее паутину, ей причитается – и немало. А на ребенка, готов поспорить, уже заведен трастовый фонд. Ну а я…

Стереосистема сигнализирует повторно. Манфред вешает «умные очки» на нос. Тут же голоса давно умерших музыкантов заползают ему в уши, требуя дать им волю. И снова кто-то стучится в дверь – Аннет идет открывать.

– Вы усложняете дело, – предупреждает Глашвиц.

– Ждешь друзей? – спрашивает Пэм, глядя на Манфреда и приподнимая бровь.

– Не совсем.

Аннет открывает дверь, и пара охранников в полной экипировке спецназа шагают внутрь. В руках они сжимают гаджеты, смахивающие на помесь цифровой швейной машинки с гранатометом, а их шлемы утыканы таким количеством датчиков, что напоминают бутафорию из космической фантастики пятидесятых.

– Вот они, – чеканит Аннет.

– *Maus oui.* – Дверь затворяется сама по себе, и стража занимает свои позиции по обе ее стороны. Аннет подкрадывается к Памеле.

– Вы двое надеялись заявиться в мою *pied-à-terre* [42] и беспрепятственно обобрать Манфреда? – спрашивает она и

фыркает.

– Ты совершаешь большую ошибку, дамочка, – отвечает Памела голосом настолько холодным, что с его помощью можно получить жидкий гелий.

Рация одного из стражников ругается трескучей статикой.

– Нет, – говорит Аннет отстраненно. – Никакой ошибки нет. – Она кивает Глашвицу: – Вас известили о передаче?

– Какой еще передаче? – Пристав, кажется, сбит с толку, но едва ли на него оказали впечатление бравые братцы-стражники.

– По состоянию трехчасовой давности, – тихо вступает в разговор Масх, – компания agalmic.holdings.root.1.1.1 была продана закрытому акционерному обществу-акселеранту «Афины» – департаменту венчурных капиталов в Маастрихте, если быть точным. 1.1.1 – это корневой узел центрального древа планирования. «Афины», подчеркну, не обычное ЗАО, а ЗАО-акселерант. Приобретает взрывные бизнес-планы и делает так, чтобы они таки прогремели.

С лица Глашвица потихоньку утекает краска – сложно сказать, от злости или страха потерять заработок.

– На самом же деле «Афины» находятся во владении подставной компании, которой заправляет Итальянская коммунистическая партия. И самый важный нюанс: прямо сейчас, в этой комнате, присутствует исполнительный директор 1.1.1.

– Опять эти детские попытки уйти от ответственности? – гневно выкрикивает Пэм.

Аннет скромно кашляет в кулак.

– Так что думаете? Кого *именно* вы сейчас хотите засудить? – мироточивым голоском осведомляется она у Глашвица. – Можете ознакомиться с нашими законами о бесчестном ограничении торговли, ежели хотите. О политическом вмешательстве извне, особенно при случаях, где замешаны финансовые отношения с правительством Италии…

– Вы не сделаете…

– Я – сделаю. – Хлопнув руками по коленкам, Манфред встает. – Все уже готово? – громко спрашивает он у позабытого на время чемодана.

В чемодане что-то приглушенно попискивает, а потом синтетический голос говорит:

– Выгрузка завершена.

– Отлично, отлично! – Масх одаряет Аннет улыбкой. – Запускай-ка наших последних гостей.

Словно только и дожидаясь этого момента, дверной звонок снова щебечет. Парни из стражи расступаются, Аннет открывает дверь – и впускает двоих безупречно наряженных мафиози. В

комнате становится тесновато.

– Кто здесь Манфред Масх? – спрашивает воротила-старший, без всякой очевидной причины таращась на Глашвица и многозначительно покачивая увесистым алюминиевым чемоданом. – У нас есть к нему дело.

– Ассоциация авторских прав, если не ошибаюсь? – спрашивает Манфред.

– Истинно так. Если вы Манфред Масх, у меня приказ о вашем аресте.

Манфред предупредительно поднимает руку.

– Но вам нужен не я, – говорит он, – а вон та дама. – Он указывает на Памелу. Та застывает с отвисшей челюстью – вся ее поза выражает немой протест. – Понимаете, та интеллектуальная собственность, что вами преследуется, хочет немного свободы. И ныне она свободна настолько, насколько возможно: координируется и защищается комплексной системой корпоративного инструментария, базирующейся в Нидерландах. Акционером же № 1 – по сводкам четырехминутной давности – выступает моя жена Памела, надеюсь, уже бывшая. И да, она присутствует здесь! – Масх подмигивает Глашвицу. – И ничего особого она уже не контролирует.

– Ты хоть понимаешь, с кем связался, Манфред? – рычит Памела, вконец утрачивая самообладание, и даже братцы-стражники вздрагивают, а юнит из Ассоциации авторских прав, тот, что помоложе да покрупнее, нервно хватается за рукав куртки босса.

– Ну… – Манфред берет чашку и отпивает. Корчит рожицу: – Ты ведь сама хотела урегулировать развод, верно? Самыми ценными активами в моем распоряжении были как раз-таки права на спорадические продукты сдельного труда, несколько лет назад утекшие сквозь пальцы Ассоциации авторских прав. То была частица культурного наследия родом из двадцатого столетия – взятая в оборот музыкальной индустрией какой-нибудь десяток лет назад. Дженис Джоплин, «Дорз», много разных других – гении, коих с нами уж нет, в силу последнего обстоятельства не способные отстоять свои права. Когда специализирующиеся на звукозаписи картели ушли коту под хвост, права освободились, и я пригрел их – в надежде дать этой музыке полную свободу. Вернуть ее в публичное пользование, если хотите знать.

Аннет кивает стражникам. Один из них кивает в ответ и что-то бормочет в микрофон на своем шлеме.

– Я работаю над решением парадокса централизованного планирования, над задачей построения взаимодействий анклава с таким планированием в условиях внешнерыночной экономики.

Один мой хороший товарищ, Джанни Виттория, предположил, что у способов, разработанных мной, есть и применение иного рода. Формально я не освободил музыку – просто отдал права на нее фиктивным организациям и агентам в сети холдинга изобилия, насчитывающего в настоящее время один миллион сорок восемь тысяч пятьсот семьдесят шесть компаний. Они, скажем так, играют друг с другом в мячик – одна компания держит у себя права на конкретную песню в среднем около, хм-м-м-м, пятидесяти миллисекунд. Поймите, наконец – я не владелец этих компаний. У меня в них даже доли нет: я передал все, что с этого имел, Памеле, а она сейчас перед вами. И, если хотите знать, музыкальный бизнес я покидаю: у Джанни есть для меня работка куда серьезнее. – Масх прихлебывает кофе из чашки. Мафиози из Ассоциации сверлят его взглядами. Пэм явно намерена теми же средствами испепелить его на месте. Аннет стоит, опершись на стену, – похоже, драма, разыгрывающаяся перед ней, немало ее забавляет.

– Может, вы как-нибудь уладите вопрос меж собой? – спрашивает Манфред, после чего бросает Глашвицу в сторонку: – Да, прошу вас перестать закидывать меня своими бестолковыми исками, пока итальянское правительство вас не прищучило по моей указке. Более того, пораскинув циферками, вы поймете, что общая стоимость интеллектуальной собственности, которую я спровадил Памеле, – вернее, стоимость, приписанная ей вон той парочкой джентльменов, – чуть выше миллиарда долларов. И, так как эта сумма больше, чем 99,9 % стоимости *всех* моих активов, от меня вы, увы, не получите ни гроша – гонорара не видать, не так ли?

Глашвиц осторожно поднимается. Воротила из Ассоциации щурится на Памелу.

– Это правда? – спрашивает он. – Этот сморчок отдал вам активы интеллектуальной собственности Сони-Бертельсманн-Майкрософт-Мьюзик? Ну, тогда у нас к вам большие претензии, леди. И вы явитесь в наш головной офис для урегулирования вопроса – иначе без проблем не обойдется.

– MP3-формат вредит вашему здоровью, ребятишки! – поддакивает второй мафиози.

Аннет хлопает в ладоши. Жест – команда двери распахнуться настежь.

– Не могли бы вы все покинуть мои апартаменты? – спрашивает она. – Гостям я рада, но всякому гостеприимству есть предел, сами понимаете.

– Это и тебя касается, – на всякий случай уточняет Масх, глядя на Памелу.

– Ублюдок, – припечатывает та. Манфред вымученно улыбается, в который раз изумляясь своей неспособности ответить так, как пришлось бы Пэм по вкусу. В химии их отношений друг с другом – некая значительная перемена.

– Я-то думал, ты хотела добраться до моих денег. Так почему бы тебе не принять на себя и связанные с ними обязательства? Слишком много в одни руки?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Я еще доберусь до тебя и до твоей европейской манды, которая и двух байт не стоит. Я тебя еще выпотрошу – ради нашего потомства.

– Попробуй – и я засужу тебя за нарушение патентного права. Геном-то принадлежит мне, – с улыбкой, вмиг сделавшейся ледяной, парирует он. Пэм выпад застает врасплох.

– Только не говори мне, что запатентовал и собственные гены! Куда делся энтузиаст дивного нового мира, свободно разбрасывающийся информацией?

Улыбка Манфреда окончательно истаивает.

– Случился развод. И еще – Итальянская коммунистическая партия.

Развернувшись на каблуках, Памела гордой походкой направляется к двери. Ручной пристав плетется в кильватере, бухтя о коллективных исках и попрании DMCA [43]. Громила из Ассоциации авторских прав треплет его по плечу, братцы-стражники покидают тень – выпихивая весь собравшийся странствующий цирк на лестничную клетку. Дверь за ними гулко захлопывается, отсекая хаос уже готовящихся неизбежных ответных исков, и Масх наконец-то позволяет себе облегченно выдохнуть.

Аннет подходит к нему сзади, опирается подбородком на его макушку.

– Как думаешь, сработает? – спрашивает она.

– Ну, Ассоциация еще долго будет рвать и метать, пробуя засудить сеть компаний за распространение музыки по неподвластным ей каналам. Пэм получила на все это добро права – они нивелируют ее запросы касательно развода, но она не сможет забрать деньги, не пройдя через все судебные дрязги. Ну а что до ее прихвостня – если он хочет ухватить меня за бока, пусть сначала разживется политической неприкосновенностью. Да, похоже, придется записать в планы на будущее: «не возвращаться в Америку до тех пор, пока не наступит сингулярность».

– Не понимаю, чего ты так к этой сингулярности привязался, – вздыхает Аннет.

– Помнишь старую поговорку? Если любишь – отпусти. Я люблю музыку – потому-то и отпустил ее.

– Ничего ты в итоге не отпустил! Просто переписал права…

– …и перед этим – как раз в последние часы – перебросил все свои запасы на сеть анонимных публичных файлообменников с криптографическими алгоритмами защиты. А это значит, что пиратство будет цвести и пахнуть. Все компании запрограммированы на автоматическое принятие всех входящих копирайт-запросов, и, пока мафия их не взломает, ситуация не поменяется. Но дело-то не в этом – дело в масштабах. В итоге мафия ну никак не сможет остановить раздачу контента. Пэм сможет урвать с процесса долю, если поймет принцип, но она не поймет. Она же верный адепт классической экономики – верит, что только при дефиците ресурсов они смогут как-то распределяться. Но у информации ведь принцип работы иной. Дело в том, что люди смогут свободно слушать ретро – и вместо командной системы советского образца моя сеть выступает брандмауэром, служащим для защиты свободы интеллектуальной собственности.

– Ох, Манфред, какой же ты все-таки бесповоротный идеалист. – Аннет поглаживает его плечи. – И все ради чего – ради музыки?

– Не только ради нее. Едва у человечества появится функциональный искусственный интеллект, едва первые человеческие сознания подвергнутся выгрузке в Сеть, назреет тут же вопрос: как защитить их от юридических поползновений? Благодаря Джанни я теперь вижу как.

Он все еще объясняет ей, как заложить основы трансчеловеческого взрыва, который должен произойти в начале следующего десятилетия, когда она берет его на руки, несет в свою спальню и совершает над ним возмутительные акты интимной близости. Но в этом нет ничего плохого. В этом десятилетии он все еще – человек. *И это пройдет*,[44] понимает бóльшая часть его метакортекса и уплывает в Сеть обдумывать глобальнейшие вопросы, оставляя слабую плоть наслаждаться моментом.

Глава 3. Турист

Джек Кузнечик, скок-поскок, несется через запад и восток, сверкая синими огнями на пальцах своих ног. В правой руке, выпростанной вперед для сохранения равновесия, он сжимает украденные воспоминания одного простофили. Жертва остается позади – сидеть на холодных булыжниках мостовой, не понимать, что только что произошло, и таращиться вослед убегающему юноше. Толпы туристов эффективно блокируют обзор, да и в любом случае – не сможет простофиля угнаться за похитителем. *Амнезия жертвы наскока* – так это называет полиция. А для Джека Кузнечика жертва наскока – просто еще одна добыча, обеспечивающая топливом его русские армейские сапоги-скороходы боевой модели.

Ограбленный сидит на мостовой, ухватившись за ноющие виски. *Что со мной произошло?* – пробует понять он. Вселенная для него – яркое, размытое не пойми что, забитое прыткими формами и громкими звуками. Вживленные в уши регистраторы непрестанно перезагружаются, впадая с интервалом в восемьсот миллисекунд в панику, порожденную осознанием собственного одиночества в локальной сети – без утешительной поддержки со стороны хаба [45], могущего разумно направить входной сенсорный сигнал. Два мобильных телефона хамовато препираются, оспаривая право на пропускную способность его сети и на его память… куда-то пропавшую.

Высокий блондин, сжимающий в руках электрическую бензопилу, обернутую в розовую пупырчатую пленку, с любопытством наклоняется к нему:

– Ты кто такой?

– Я? – Он качает головой; движение причиняет ему боль. – Кто такой? – Кровяное давление ограбленного упало, пульс участился, уровень кортизола повысился: целая свора биометрических показателей сигналит о том, что он вот-вот впадет в шок, и вживленный в его тело медицинский монитор бьет тревогу.

– Думаю, вам нужна скорая помощь, – объявляет какая-то женщина и бормочет куда-то в лацкан пальто: – Телефон, вызови скорую. – Она указывает на ограбленного пальцем, передавая геоданные, и уходит вместе с блондином, сунувшим бензопилу под мышку. И это типичное поведение мигрантов с юга в Северных Афинах: они всегда настороже, как мышки-полевки, и не рискуют вмешиваться во что-либо подозрительное.

Ограбленный вновь покачивает головой, зажмурившись, когда стайка девиц на мощных турбомоторных роликах проносится мимо него, закладывая лихие виражи. Над мостом где-то на северной стороне начинает надрываться сирена.

Кто я такой? – спрашивает он себя.

– Я – Манфред, – выдает он ошеломленно. Он смотрит вверх, на бронзовую статую мужчины на коне, нависшую над толпой, суетящейся на этом оживленном углу улицы. Кто-то облепил ее голографическими граффити, и теперь у мужчины вместо лица – ворох щупалец, а на табличке, где должно красоваться имя увековеченного, задорно мигают два слова: КТУЛХУ ГРЯДЕТ.

Я Манфред. Меня зовут Манфред… а дальше как? Не помню. Что с моей памятью?

Престарелые малайзийские туристы тычут в него пальцами с открытой палубы катящегося мимо автобуса. Ужас и нетерпение гложут его изнутри. *Я куда-то хотел попасть,* вспоминает он, *но зачем? Это ведь было важно, жуть как важно…* но никак не выходит припомнить, что именно. Он собирался с кем-то встретиться – имя вертится на кончике языка, но прийти на ум не способно.

Добро пожаловать в канун третьего десятилетия: время хаоса, характеризующегося тотальной депрессией в космической отрасли.

Бóльшая часть мыслящей силы на планете теперь производится, а не рождается; на каждого человека приходится десять микропроцессоров, и их число удваивается каждые четырнадцать месяцев. Рост населения в развивающихся странах застопорился, уровень рождаемости упал ниже уровня воспроизводства населения. В США самые дальновидные политики ищут способы обеспечить свои права на зарождающуюся базу ИИ.

Освоение космоса все еще находится в тупике на пороге второй рецессии века. Малайзийское правительство объявило целью размещение имамата на Марсе в ближайшие десять лет, но едва ли у них что-нибудь получится, да и сама цель слишком абсурдна, за нее никто не хватается.

Общество Космических Поселенцев все еще силится заинтересовать «Дисней» покупкой рекламных прав на свой проект колонии в точке Лагранжа L5 [46]. Обществу невдомек, что там уже есть колония – и населена она не людьми. Калифорнийские лангусты, выгруженные сознания первого поколения, живут там в шатком симбиозе с устаревшими экспертными системами, и на борту предприятия по добыче

полезных ископаемых, созданного Фондом Франклина, кипит бурная жизнь. Между тем бюджетные сокращения в китайских космоагентствах ставят под вопрос дальнейшее существование лунной базы Мао. Никто, судя по всему, не придумал еще, как вывести прибыль за пределы геосинхронной орбиты.

Два года назад Лаборатория реактивного движения, Европейское Космическое агентство и колония лангустов на комете Хруничев-7 получили сигналы искусственного происхождения из-за пределов Солнечной системы. Мало кто об этом знает, а знающих сей факт не особо-то и волнует. Если человечество не способно достичь даже Марса, есть ли разница, что происходит где-то еще – на сто триллионов километров дальше?

Портрет растраченной юности.

Джеку семнадцать лет и одиннадцать месяцев. Он никогда не встречался со своим отцом; ребенок незапланированный, и папа успел убиться в аварии на стройплощадке до того, как Общество Опеки взыскало с него алименты. Мать воспитывала его в льготной двухкомнатной квартирушке в Хоуике. Она работала в колл-центре, когда он был молод, но тот быстро закрылся – всех живых сотрудников заменили программным обеспечением. Теперь ее место – на выкладке товаров в магазинчике при бизнес-хостеле, куда залетные бизнесмены, приходящие и уходящие, как туристы в фестивальный сезон, заскакивают на виртуальные конференции, но и на этой работе скоро не нужны будут люди.

Мать отправила Джека в местную религиозную школу, откуда его постоянно выкидывали. С двенадцати лет он – сорвавшийся с цепи пес. К тринадцати годам на руке у него уже красуется электронный браслет – последствия условно-досрочного помилования за магазинную кражу; в четырнадцать он сломал ключицу в аварии, катаясь на угнанных колесах. Суровый шериф-пресвитер упек Джека в Свободную Пресвитерианскую церковь Шотландии, но та лишь забила последний гвоздь в крышку гроба его образовательных перспектив – оторванными от реальности догмами и незаконными порками.

На сегодняшний день Джек – выпускник трудной школы ухода от видеонаблюдения, мастерски пишущий сочинения на тему: «Правдоподобное алиби». Плотность среды Джеку только на руку: если вы собираетесь ограбить кого-то, проверните дельце там, где так много свидетелей, что никто не сможет возложить вину на вас. Но экспертные системы полиции у него на хвосте. Если он будет продолжать в том же духе, через четыре месяца статистическая корреляция перешагнет порог безусловной

статистической значимости, а это убедит даже такое же ворье в числе присяжных, как и он сам, что он виновен как черт. Четыре года в тюряге – вот что тогда Джеку светит.

Но Джеку неведомо ни в чем суть гауссовой кривой, ни в чем доказательная сила критерия согласия Пирсона [47], и, когда он цепляет на нос увесистые «умные очки», сорванные с простофили-туриста, пялившегося на статую на Северном мосту, будущее все еще сияет яркими красками. Когда очки пересказывают ему, что видел тот простофиля, когда шепот метакортекса изливается ему в уши, улыбка Джека делается шире прежней.

– *Заскочить на стрелку да обстряпать сделку*, – скороговоркой выдают очки. – *Если встретишь борг* [48] – *разыграй аккорд*. – Его периферийное зрение заполняют причудливые графики зловещих тонов, смахивающие на галлюцинации заправского наркомана.

– Кто ты у нас такой, черт побери? – спрашивает Джек, заинтригованный всем этим живописным мельтешением инфопотоков и иконок.

– Я – твой картезианский театр, а ты – мой дирижер, – страстно бубнят «умные очки». – Доу Джонс упал на пятнадцать пунктов, Индекс Федеративного доверия поднялся на три вверх. Входящая рассылка: опровержение причинно-следственной связи между снижением общественного контроля за длиной юбок и формой бороды и появлением множественной устойчивости к антибиотикам среди грамотрицательных бактерий – принять, отклонить?

– Я справлюсь, – бормочет Джек, когда поток образов обрушивается на его глазные яблоки и пробивается сквозь уши, как суперэго бестелесного гиганта – коим, собственно, добыча и является! Очки и поясная сумка, сорванные с туриста, начинены таким обилием электроники, что на ней одной смог бы функционировать весь интернет начала века. Они снабжены прорвой пропускной способности и полны распределенных процессорных ядер. Они способны одновременно обслужить миллиард любомудрых поисковых запросов. В них запрятан легион электронных агентов высокого уровня, образующих в совокупности огромный пласт личности их владельца, гения и пост-человека, бездефицитного магната, ныне специализирующегося на политике эмансипации искусственного интеллекта. Делая дела, тот парень катализировал ценность всего и вся, и из-под копыт этого самца Золотой Антилопы били золотые ручейки. Теперь же он – один из тех политических закулисных нападающих, которые строят коалиции там, где никто другой не может найти точки соприкосновения. И Джек украл его

воспоминания. Микрокамеры, встроенные в оправу очков, звукозаписывающая аппаратура в наушниках, голографический видеокэш в сумке – все распределено и рассортировано по облачным хранилищам. При расходе 4 терабайта в месяц хранение таких объемов влетает в копеечку. Что делает конкретно это хранилище необычным, так это то, что его владелец – Манфред – перекрестно индексировал инфопотоки со своими агентами. Выгрузка человеческого сознания пока что не является практикуемой технологией, но Манфред Масх уже приблизился к ней вплотную.

В каком-то смысле очки – и есть Манфред, независимый от владельца глазных яблок за их линзами. И это весьма озадаченный Манфред! Но он берет ноги в руки и, несмотря на странную пустоту в голове, нарушенную лишь робким запросом о запчастях к русским армейским скороходам, оправляется и следует на запланированную им встречу на другом конце города.

Тем временем на совсем другой встрече отсутствие Манфреда уже заметили.

– Что-то не так. Что-то *точно* не так, – твердит Аннет. Поднимая на лоб «умные очки» с тонировкой, она трет уставший левый глаз. По всему ее виду понятно – она волнуется. – Почему он не заходит в чат? Знает же, что у нас запланирован брифинг. Разве не странно?

Джанни кивает и откидывается на спинку кресла, глядя на нее из-за стола. Он тычет пальцем в полированную столешницу из розового дерева. Поверхность плывет, обращаясь в иную странную структуру, генерирующую случайные точечные стереоизограммы – тип сообщений, доступный только его пониманию.

– Он приехал в Шотландию ради меня, – произносит Джанни через мгновение. – Я не знаю его точного местонахождения – таковы гарантии конфиденциальности, – но если ты как его доверенное лицо прибудешь туда, уверен, разберешься с легкостью. Он собирался пообщаться с людьми из Фонда Франклина – лицом к лицу, один со всеми…

Офисный переводчик пусть и хорош, но обеспечить идеальную синхронизацию губ в реальном времени при переходе с итальянского на французский не способен. Ей с трудом удается разбирать слова, потому что они запаздывают – как в криво дублированном видео. Ее дорогие, недавно установленные имплантаты еще не подключены напрямую к речевым центрам, поэтому пока не получается подгрузить в мозг углубленный грамматический пул итальянского языка. Способ, которым они

общаются сейчас, – лучший из всех доступных на рынке; VR-среда смоделирована тщательно, но разрушить языковой барьер полностью она не может. Есть и отвлекающие факторы – неестественная граница раздела между розовым деревом и черным камнем прямо в центре стола да причудливые порывы ветра, совсем не соответствующие комнате зримых размеров.

– Что же произошло? Голосовая почта что-то брешет, но выходит неубедительно.

На лице Джанни – неподдельная тревога.

– Манфред порой срывается обстряпывать всякие дела, никого не ставя в известность заранее. Но что-то мне это все не нравится. Хоть кому-то из нас он бы рассказал. – С той самой памятной встречи в Риме, когда Джанни предложил ему работу, Масх стал одним из ключевых членов его команды, тем человеком, что встречается с людьми и решает их проблемы. Потерять его сейчас – заплатить слишком много, да и к тому же он друг.

– Не нравится мне все это, – повторяет Аннет, поднимаясь с места. – Если не выйдет на связь в ближайшее время, я…

– Ты пойдешь и приведешь его.

– *Oui*. – Тень улыбки скользит по ее лицу, однако быстро сменяется тревогой. – Но что же могло случиться?

– Что угодно – или же ничего. – Джанни пожимает плечами. – Так или иначе, мы без него как без рук. – Он бросает на нее предостерегающий взгляд: – И без тебя тоже. Так что не позволяй боргам добраться до тебя. Или до него.

– Не волнуйся, я просто притащу его сюда любой ценой. – Она проходит мимо стола и бросает удивленный взгляд на пылесос, зачем-то спрятавшийся под ним. – *Au revoir*.

– Чао!

Когда она покидает свой кабинет, министр за ее спиной растворяется в большой, на всю дальнюю стену, тускло-серой панели дисплея. Джанни в Риме, а Аннет – в Париже. Маркус в Дюссельдорфе, а Ив – во Вроцлаве. Есть и другие, сидящие в своих цифровых камерах, разбросанных по всему Старому Свету, и пусть живыми рукопожатиями никак не обменяться, болтать при таком раскладе они все еще могут. Многоуровневая шифровка каналов связи – не помеха для взаимного доверия и взаимных же подколок.

Джанни пытается вырваться из региональной политики в европейские национальные дела: их работа – его избирательной команды то есть – состоит в том, чтобы выбить ему пост представителя по делам искусственного разума в комиссии Конфедерации. Если им это удастся, они смогут расширить

границы постчеловеческого мира в дальний космос и далекое будущее. Потеря одной из ключевых фигур их команды, штатного футуролога и дипломата, чертовски выгодна некоторым лицам: у стен есть уши, и не все мозги, которые числятся за этими ушами, – человеческие.

Аннет взволнована гораздо больше, чем позволила себе выказать на глазах Джанни. Что-то не похоже на Манфреда – столь длительный невыход на связь, да еще и с ней. И его агент-секретарь отгородился от нее глухой стеной – вот это уж точно не лезет ни в какие ворота. Два последних года ее апартаменты служили Масху если не домом, то ближайшим его аналогом. Вчера вечером он отлучился, сказав, что обернется за одну ночь, и пропал. Дело точно пахнет керосином.

Может, это происки его бывшей жены? – думает Аннет. Едва ли – от Памелы уже давно не было никаких вестей, кроме язвительных открыток, отправляемых ею из года в год по случаю дня рождения дочери, с которой Манфред никогда не встречался. Решила поквитаться музыкальная мафия? Ассоциация авторских прав прислала посылку с бомбой или отравляющим газом? Нет уж – случись что-то подобное, его медицинский монитор бил бы громкую тревогу.

Аннет устроила все так, чтобы Манфред пребывал на безопасном расстоянии от всех этих похитителей интеллектуальной собственности. Она оказала ему крепкую поддержку, и он в ответ помог ей обрести свой собственный путь. Аннет тихо радуется всякий раз, когда думает, сколь многого они достигли вместе. И именно поэтому ее волнение сейчас перехлестывает через край. Сторожевые псы не подняли шум…

Аннет вызывает такси до аэропорта имени Шарля де Голля. Ко времени прибытия она успевает задействовать свою парламентскую карту и забронировать место в премиум-классе на ближайший аэробус до Тернхауса, аэропорта в Эдинбурге, заказать гостиницу и такси. Самолет взмывает над Ла-Маншем – и тут до нее доходит значение последних слов Джанни. Не имел ли итальянец в виду, что Фонд Франклина мог чем-то угрожать Масху?

В приемном покое больницы есть зал ожидания с зелеными пластиковыми креслами типа «ковшик», украшенный детскими рисунками, вернее, их объемными голограммами, что льнут к стенам, смахивая на сюрреалистичные построения из блоков «Лего». Тишина здесь царит абсолютная: вся доступная пропускная способность сети отдана медицинским мониторам. Плачут дети, надрываются сирены прибывающих экипажей

скорой помощи, разговаривают друг с другом люди, но для Манфреда здесь тихо, как на дне колодца. Как будто он затянулся чем-то крепким, только без чувства эйфории и благополучия. В углу коридора торговцы соколиным кебабом (наверняка наверченным из голубятины) толклись близ закованных в цепи ржавых терминалов для приема добровольных пожертвований. За синими спальными мешками хронических больных, уложенными рядком у сестринского поста, неусыпно бдели камеры видеонаблюдения. Без привычного информационного гула в голове Манфред чувствует себя напуганным и потерянным.

– Я не могу зарегистрировать вас без подписания согласия на обработку данных, – твердит ему медсестра, поднося старомодный планшет с перечнем правил на экране к самому его носу. Услуги социального здравоохранения все еще бесплатны, но уже предприняты шаги по снижению частоты скандалов: *подпишите здесь и здесь, или не видать вам врача как своих ушей*.

Манфред затуманенным взглядом смотрит на нос медсестры, красный и слегка воспаленный от гуляющей по больнице инфекции. Его телефоны снова ссорятся, и он не может вспомнить почему; они обычно не ведут себя так, должно быть, чего-то не хватает, но думать об этом трудно.

– Почему я здесь? – спрашивает он в третий раз.

– Да распишитесь уже! – Ему в руку суют ручку. Он сосредотачивается на бумажке и резко распрямляется, когда в дело вступают въевшиеся в подкорку принципы.

– Но этот документ противоречит правам человека! Тут сказано, что вторая сторона обязуется не разглашать любую информацию о пациентах, процедурах и примененных методах любой третьей стороне, то есть средствам массовой информации, под страхом конфискации оказанных услуг, согласно разделу № 2 акта о реформации здравоохранения. Я не могу подписать это! Вы можете конфисковать мою левую почку, если я напишу в Сети о том, сколько дней пробыл в больнице!

– Ну и не подписывайте. – Медсестра-индианка пожимает плечами, оправляет сари и удаляется. – Всего наилучшего.

Манфред достает запасной телефон и смотрит на его дисплей.

– Что-то тут не так. – Клавиатура пищит, когда он с трудом вводит коды операций. Он попадает в X.25 PAD [49] и смутно припоминает, что может откопать через него: главным образом давно неактуальные недра внутренней сети системы здравоохранения. Его мозг выдает ошибку загрузки: воспоминания угасают где-то на кончиках пальцев, перед самым моментом просветления. До одури неприятное чувство – мозг

подобен древнему движку с залитыми свечами зажигания, который все проскальзывает и проскальзывает, будучи не в силах завести машину.

Продавец кебаба возле ряда пластиковых кресел, на котором расположился Манфред, кидает кубик специй на свой гриль: тот начинает чадить синеватым дымком с запахом пряностей и каннабиса, умиротворяя и пробуждая аппетит. Манфред дважды шмыгает носом, затем, пошатываясь, поднимается на ноги и отправляется на поиски туалета. Он бубнит в свои наручные часы:

– Алло, Гватемала? Принеси мне, пожалуйста, дозы. Нажмите на мое дерево мемов, я в замешательстве. Вот черт. Кто я такой? Что случилось? Почему все расплывается? Я не могу найти свои очки!..

Пестрая компания покидает отделение для больных проказой – сплошь мужчины и женщины в старомодных нарядах: в темно-красных костюмах – первые, в очень длинных платьях – вторые. Все они носят электрически-голубые одноразовые перчатки и медицинские маски. Над ними витают шумы и потрескивания зашифрованного потока обмена данными, и Манфред по наитию плетется вслед за ними. Все они покидают отделение интенсивной терапии через выход для инвалидов-колясочников – две леди и три джентльмена, в хвосте у которых помятый и прибитый лишенец двадцать первого века.

Какие они все молодые, проносится туманная мысль в голове Манфреда. *Где ИИНеко? Она бы точно во всем разобралась – будь ей это интересно, конечно*.

– Думаю, нам стоит вернуться в клуб, – говорит один из юных кавалеров.

– О да! Конечно! – щебечет его невысокая белокурая спутница, аплодируя. Кажется, до нее дошло, что она так и не сняла голубые перчатки, и она раздраженно стаскивает эти анахронизмы, обнажая кружево проводов от позиционных сенсоров. – Зря проехались, как мне кажется. Если нужный нам человек здесь, не вижу простого способа разыскать его без нарушения врачебной тайны и больших денежных затрат.

– Бедняжки, – бормочет другая женщина, оглядываясь на лепрозорий. – Недостойная смерть им уготована.

– Да сами во всем виноваты! – отмахивается один из кавалеров. На вид ему двадцать с хвостиком, он обладатель густых бакенбард и таких манер, будто он стал отцом крупной семьи гораздо раньше уместного на то возраста. Он постукивает тростью по мостовой в такт своим словам, видимо стремясь наделить их весом. Компания берет курс на Медоус [50] и на пешеходном переходе чуть медлит, пропуская процессию

велосипедистов и одинокую рикшу. – Не следили за лекарствами – не уследили и за собственным иммунитетом.

Манфред, захваченный думами о фрактальной структуре опавшей листвы, замирает и обследует траву. Затем, спохватившись, выныривает из омута мыслей и, споткнувшись пару раз на ровном месте, поспешает за компанией, едва не угодив под колеса автобуса с маховыми двигателями, битком набитого туристами. *Думаю, нам стоит вернуться в клуб*, – вертится в голове. Его подошвы пружинят от тротуара, глухо шаркают по результатам вегетативной эволюции протяженностью в три миллиарда лет. Что-то в этой компании его притягивает. Он чувствует странную тоску, некий информационный тропизм [51]. Вот и все, что от него, по сути, осталось – инстинктивная жажда знаний.

Высокая темноволосая женщина подбирает свои длинные юбки, чтобы они не попали в грязь. Масх мимолетно созерцает радужные нижние юбки – переливаются, как бензин в луже воды над парой старомодных армейских сапог. Значит, эти чудные люди – не путешественники во времени из Викторианской эпохи. *Я пришел сюда на встречу с…* имя вот-вот слетит с языка! Почти вспомнил. Масх чувствует, что оно каким-то образом связано с этими людьми.

Компания пересекает Медоус по обсаженной деревьями дорожке и останавливается у фасада здания девятнадцатого века с широкими ступенями, взбегающими прямо к двери с латунным дверным молоточком, отполированным до блеска. Они поднимаются ко входу – и мужчина с бакенбардами медлит на пороге и поворачивается лицом к Манфреду.

– Вы от самой больницы за нами топаете, – добродушно замечает он. – Не желаете ли войти? Может, у нас есть то, что вам нужно.

Манфред покорно поднимается по лестнице. Коленки у него трясутся – он до одури боится того, о чем позабыл.

Аннет тем временем допрашивает питомицу Манфреда.

– Когда ты в последний раз видела папочку?

ИИНеко отворачивает морду и самозабвенно вылизывает внутреннюю сторону левой лапы. Ее мех – точь-в-точь как настоящий: густой, шелковистый и красивый. Мех и можно было бы принять за настоящий – с поправкой на клеймо на ее боку, куда вшит для оптического распознавания сетевой адрес компании-производителя.

И все-таки это робот, а не кошка. Во рту у нее нет слюны, в грудной клетке – легких.

– Уходи, – говорит питомица капризно. – Не видишь, я занята.

– Когда ты в последний раз видела Манфреда Масха? – не отступает Аннет.

– Я не знаю. Полиция не знает. Медицинские службы не знают. Его нет в сети, он не отвечает на звонки. Может быть, ты мне скажешь, где он?

Как только Аннет добралась до зоны прилета и проверила интерфейс бронирования отелей на терминале, ей понадобилось ровно восемнадцать минут, чтобы найти нужный: она знала предпочтения Мэнни. Немного больше времени ушло на то, чтобы убедить консьержа впустить ее в номер. Но робокошка оказалась упрямее, чем она ожидала.

– ИИ «Неко» модели 2-άλφα нуждается в регулярных простоях для технического обслуживания, – надменно выдает питомица. – Ты не могла об этом не знать, когда покупала мне эту оболочку. Ты чего ждала – 99,999 % аптайма [52] от куска мяса? Брысь, я в раздумьях. – Язычок кошки водит по коже, потом замирает: микроскопические зонды на его нижней стороне заменяют выпавшие за сегодня волоски.

Аннет вздыхает. У Манфреда ушли годы на апгрейд этой игрушки, да и его бывшая, Памела, приложила к ней руку, немало полазав в свое время по настройкам нейросети. У кошки нынешняя оболочка – третья по счету, и с каждой заменой ее поистине котская несговорчивость дает о себе знать все сильнее, прирастая в правдоподобии. Не ровен час, это чудо потребует себе лоток и повадится блевать на ковер.

– Команда высокого приоритета, – произносит Аннет. – Загрузи в мой картезианский театр полный журнал событий за последние восемь часов.

Кошка вздрагивает и зло сверкает глазами в ее сторону.

– Вот же стерва мясная, – шипит она и застывает на месте. Воздушную среду номера захлестывает незримый тайфун пакетов данных. И Аннет, и ИИНеко при себе имеют сверхширокополосные оптические ретрансляторы распределенного спектра – со стороны видно лишь, как глаза кошки и кольцо на пальце Аннет мерцают ярко-голубым светом в процессе обмена информацией. Через несколько секунд Аннет кивает и водит по воздуху пальцами, листая лог в видимом одной лишь ей журнале. ИИНеко обиженно шипит на нее, потом встает и уходит, высоко задрав хвост.

– Все чудесатее и чудесатее, – мычит себе под нос Аннет, сплетая пальцы и давя на потайные контактные точки на костяшках пальцев и запястье. Вздохнув, протирает глаза. –

Значит, он ушел отсюда сам. И всё вроде бы в порядке. Эй, кошка! Он не сказал, к кому собрался?

Питомица устроилась в столбике солнечного света, падающего через высокое окно, – подзаряжаясь и демонстративно показывая Аннет спину.

– *Merde* [53], если ты не хочешь помочь хозяину…

– Поищи на Грассмаркете [54], – огрызается зверюга. – Он вроде говорил, что наметил встречу с Фондом Франклина где-то неподалеку. Много пользы ему от них будет…

Юноша в подержанной китайской военной форме и ужасно дорогих «умных очках» вскакивает на мокрое гранитное крыльцо здания. Табличка на дверях извещает, что прямо здесь располагается хостел Армии Спасения. Юноша стучится в дверь, и его голос едва ли различим за ревом барражирующей неподалеку, над родовым замком, парочки МиГов, сделанных Клубом реконструкции холодной войны.

– Отворяйте, паскуды! У меня к вам дельце!

В щели, прорезанной в двери на уровне глаз, появляется пара линз видеокамер.

– Кто ты и что тебе нужно? – со скрипом вопрошает динамик. По стандарту Армии Спасения, такие новшества не положены, но христианство в Шотландии уже несколько десятилетий кряду непопулярно, и, чтобы окончательно не перейти в разряд древностей, церковь, занимающая здание, по-видимому, пытается следовать духу времени.

– Я Масх! – провозглашает он. – Мои электронные агенты уже отправили тебе все необходимые сведения! Я здесь с одним предложением, от которого нельзя отказаться! – Во всяком случае, такой текст ему подсказывают очки; на деле же сказанное им звучит следующим образом: *Я Маск, маи электроная угинты уже атправели тиби вси ниабхадимая свидания. Я здась с аднем придлажанеем, ат катарага низзя атказаться!* Увы, «умным очкам» не хватило времени поработать над акцентом. А их новый владелец так преисполнен собственной важности, что прищелкивает пальцами и аж пританцовывает от нетерпения на верхней ступеньке.

– Ну хорошо. Один момент. – У человека по ту сторону громкоговорителя настолько хлесткий морнингсайдский акцент, что он умудряется казаться бóльшим англичанином, чем сам король, будучи при этом простолюдином-шотландцем. Дверь отворяется – и Масх оказывается лицом к лицу с высоким и слегка бледным типом в твидовом костюме, видавшем лучшие времена, с пасторским воротничком, вырезанным из прозрачной

печатной платы. Его лик практически скрыт за парой «умных очков» крайне устаревшей модели. – Так кто вы такой, говорите?

– Я Масх! Манфред Масх! Я здесь с отличным предложением. У меня есть план по улучшению финансового положения вашей церкви. Я сделаю вас богатыми! – Очки подсказывают ему, что говорить, – и он говорит.

Мужчина в дверном проеме чуть склоняет голову набок, очки сканируют гостя с ног до головы. Масх нетерпеливо подпрыгивает, и его скороходы плюются синим остаточным выхлопом.

– Вы уверены, что пришли по адресу? – подозрительно спрашивает мужчина.

– Да! Конечно же, да!

– Ну что ж, тогда заходите, садитесь и рассказывайте, что к чему.

Масх врывается в комнату, широко открыв свой мозг для роя круговых диаграмм и кривых роста – образов, рождающихся в причудливом фазовом пространстве его ПО для корпоративного управления.

– У меня есть идея, в которую вы, быть может, не сразу поверите, – декламирует он, скользя мимо досок информации, где на манер экзотических бабочек распяты на булавках церковные объявления, перешагивая через свернутые ковры и стопки оставшихся после распродажи лэптопов, проходя мимо церковного радиотелескопа, который служит еще и птичьей кормушкой и поилкой в саду миссис Мюрхаус. – Вы здесь пять лет, и по вашим счетам я заключаю, что церковный доход преступно мал. Его едва ли хватает на погашение аренды, но вы ведь акционер шотландской атомной станции, верно? Бóльшая часть религиозных фондов заполнены благодаря щедрому пожертвованию одной из ваших прихожанок перед отходом к точке Омега [55], верно?

– Хм. – Священник бросает на него строгий взгляд. – Не имею права делиться с кем-либо сведениями об эсхатологических инвестициях церкви. Но откуда вы все это взяли?

Они каким-то образом оказались в покоях настоятеля. Над спинкой видавшего виды офисного кресла висит огромный гобелен в раме, изображающий рушащийся космос в час Конца Времен: мертвые галактические скопления с эсхатическими сферами Дайсона летят навстречу друг другу и Большому Сжатию [56]. Святой Типлер Астрофизик с одобрением взирает на эту картину сверху, кольцо квазаров образует нимб вокруг его августейшей главы. Плакаты возглашают строфы Нового Евангелия: «*Космология – свет, сомнения – тьма*» и «*Да пребудьте*

вечно в моем световом конусе» [57].

– Может, вам что-нибудь принести? Чашку чая, зарядку для девайса? – вопрошает у гостя настоятель.

– Кристаллический мет? – с надеждой спрашивает Масх и глупо улыбается, таращась на виновато мотающего головой священника. – А, не валнайтесь. Я только шуткую. – Подавшись с хищным видом вперед, он выдает полушепотом, с придыханием: – А я, между прочим, я все знаю о ваших спекуляциях с фьючерсами на плутоний. – Он многозначительно стучит пальцем по оправе краденых «умных очков». – Эти штуки не просто оперируют инфой, они над ней *ду-у-у-умают*. И я знаю, куда подевались все деньги.

– Так что ты предлагаешь? – спрашивает настоятель ледяным тоном, без благостных ноток, что звучали прежде. – Мне теперь придется отредактировать воспоминания из-за тебя, грешник. Я-то думал, что совсем об этом забыл. И теперь какие-то мои частицы не сольются в конце времен со Всевышним – из-за тебя, опять же.

– Не сымай рубаху, падре, – смысл спасать сарай, когда хата погорела? Ты ж сечешь, что друзя твои все равно ни фига не секают, а?

– Что тебе нужно?

– Лады. – Огорченный Масх отстраняется. – У меня есть… – Он запинается, и по его лицу расползается крайнее замешательство. – У меня есть… лангусты! – наконец-то объявляет он. – Искусственно выведенные и выгруженные в Сеть лангусты, согласные работать на твоих заводах по обогащению урана. – Он смущается еще больше, и очки уже едва ли контролируют его речь. – Слушай, тут такая маза, вы же в люди выйдете со мной, и дяньжат поимеете, и еще вот… – Новая пауза. – И с налогами проблем не будет. Смотрите, эти лангусты – у них устойчивость к нейтрино. Нет, быть такого не может. Я их продавать не собираюсь – можете использовать… – Его лицо кривит гримаса отвращения. – Задаром можете использовать?!

Примерно через тридцать секунд, вставая с крыльца Первой реформистской церкви Типлера Астрофизика, человек, который мог бы быть Масхом, задается вопросом: может быть, это дерьмо с большими финансами не такое простое, как может показаться? Агенты в его очках задаются вопросом, улучшат ли положение уроки красноречия, но далеко не все из наличествующих интеллектуальных предустановок столь оптимистичны.

И снова – к историческим перспективам. В это десятилетие они почти клинические.

Несколько тысяч стариков из поколения «детородного бума» стекаются в Тегеран на Вудсток 4.0. Европа отчаянно пытается импортировать восточноевропейских медсестер и помощников по уходу на дому; в Японии целые сельскохозяйственные деревни лежат в руинах, фермерские профсоюзы высосаны досуха, а города поглощают людей, как жилые черные дыры.

Слух распространяется по закрытым сообществам пожилых людей на американском Среднем Западе, неся за собой хаос и беспорядки: старение вызвано закодированным в геном млекопитающих медленным вирусом, который эволюция не отсеяла, и богатенькие Буратино сидят на правах на вакцину. Как обычно, Чарльзу Дарвину вменяют больше, чем следует. Менее громкие, но более реалистичные методы лечения старости – восстановление теломер и снижение содержания гексозоденатурированного белка – доступны в частных клиниках тем, кто готов отказаться от своей пенсии. Прогресс, как и ожидается, вскоре нарастит темп, так как основные патенты в области генной инженерии начинают истекать; фонд свободных хромосом уже опубликовал манифест, призывающий к созданию генома, свободного от интеллектуальной собственности, с улучшенными заменами всех обычно дефектных экзонов.

Эксперименты по оцифровке и запуску нейронного программного обеспечения под эмуляцией хорошо известны; некоторые радикальные либертарианцы утверждают, что, когда технология созреет, смерть – с ее драконовским сокращением прав собственности и избирательных прав – станет самой большой проблемой в гражданском кодексе.

За небольшую доплату большинство ветеринарных страховых полисов теперь покрывают клонирование домашних животных в случае их непредвиденной и мучительной смерти. Клонирование человека, по никому не ясным причинам, по-прежнему является незаконным в большинстве высокоразвитых стран – однако на обязательном аборте идентичных близнецов почему-то почти никто не настаивает.

Некоторые товары дорожают: цена сырой нефти побила восемьдесят евро за баррель и неумолимо растет. Что-то, напротив, дешевеет: те же компьютеры, например. Любители распечатывают причудливые фанатские архитектуры процессоров на своих домашних 3D-принтерах; люди среднего возраста подтирают зад диагностической туалетной бумагой, которая может сказать, что у них там с уровнем холестерина.

Последними жертвами марширующего прогресса стали магазины элитной одежды, унитазы, туалеты, боевые танки и первое поколение квантовых компьютеров. Новинки десятилетия

– доступные улучшенные иммунные системы, мозговые имплантаты, которые подключаются прямо к органу Хомского и разговаривают со своими владельцами через их собственные речевые центры, тем самым подпитывая укоренившуюся в обществе повальную паранойю насчет лимбического спама. Нанотехнологии раздробились на дюжину разрозненных дисциплин, скептики предсказывают их скорый конец. Философы уступили квалию [58] инженерам, и текущая трудоемкая задача в области искусственного интеллекта – заставить программное обеспечение испытывать смущение.

До управляемого термоядерного синтеза, конечно, еще целых полвека.

Беженцы из Викторианской эпохи превращаются в форменных готов прямо на глазах у испытывающего культурный шок Манфреда.

– Ты какой-то потерянный, – замечает Моника и с любопытством склоняется к нему. – И, кстати, что у тебя с глазами?

– Я плохо вижу, – пробует объяснить Манфред. Все расплывается, и голоса, которые по обыкновению беспрестанно трещат в его голове, не оставили после себя ничего, кроме сокрушительной тишины. – Похоже, меня ограбили. У меня украли… – Он щупает бока: в области поясницы чего-то не хватает.

Моника – высокая женщина, которую он впервые заприметил в больнице, – входит в комнату. Ее домашнее облачение – это что-то обтягивающее и с радужными переливами; она заявляет, что это распределенное дополнение ее нейроэктодерма, и от самих слов ему не по себе. Без своей костюмно-драматической экипировки Моника – взрослая женщина родом из двадцать первого века, рожденная или декантированная в эпоху миллениумного «детородного бума». Она машет пальцами перед лицом Манфреда:

– Сколько?

– Два. – Манфред пытается собрать мозги в кучку. – А что…

– Сотрясения мозга нет, – заключает она. У нее карие глаза, на дне зрачков мерцают янтарные растры. *Это контактные линзы?* Манфред недоумевает. Его мысли трагически замедлились, словно бы отекли. Вроде опьянения, но куда менее приятно: не получается обдумать что-то сразу с нескольких точек зрения. Таким раньше было сознание? Скверное ощущение… очень *медленное.*

Моника отворачивается от него:

– «Медлайн» говорит, что ты скоро поправишься. Главная твоя беда – идентичность утратил. У тебя где-нибудь есть бэкап, резервная копия?

– Вот. – Алан, все еще в цилиндре и при бакенбардах, протягивает Манфреду «умные очки». – Возьми, они тебе сейчас пригодятся. – Его цилиндр покачивается, будто под ним припрятано что-то живое.

– О! Спасибо. – Манфред тянется к очкам с чувством жалкой благодарности. Едва те у него на носу, проходит серия тестов – интерфейс нашептывает вопросы и отслеживает фокусировку его глаз. Уже через минуту убранство комнаты, где он находится, обретает четкость, – очки создают синтетическое изображение, компенсируя его близорукость. Есть и выход в Сеть, пусть и ограниченный – Масх замечает это, и все его существо охватывает теплое чувство облегчения.

– Вы не возражаете, если я сделаю звонок? – спрашивает он. – Хочу поискать бэкап.

– Конечно, ни в чем себе не отказывай. – Алан выскальзывает за дверь; Моника же садится напротив него и обращает взгляд куда-то внутрь себя. В той комнате, где они находятся, – высокий потолок, побеленные стены и деревянные ставни из аэрогеля на окнах. Все «под старину», только мебель – современная модульная, жутко контрастирующая с оригинальной архитектурой девятнадцатого века.

– Мы тебя ждали, – говорит она.

– Вы… – Он с усилием меняет русло разговора. – Я собирался кое с кем повидаться. В смысле – в Шотландии.

– С нами. – Теперь Моника намеренно ловит его взгляд. – Чтобы обсудить с нашим патроном варианты развития разума.

– С вашим… – Масх зажмуривается. – Черт возьми! Я ничего не помню. Мне нужны мои очки. Пожалуйста!..

– Так что там с бэкапами? – с любопытством спрашивает она.

– Момент. – Манфред тщится вспомнить, кому надо звонить. Бесполезность этих попыток повергает его чуть ли не в отчаяние. – Было бы лучше, если бы я смог вспомнить, где держу бóльшую часть своего ума, – жалуется он. – Раньше это было в… о! знаю!

Тяжелая семантическая сеть нагружает его новые очки, едва он регистрируется на одном сайте, и окружающий мир тут же превращается в блоково-пиксельный монохром, трепещущий, когда Масх двигает головой.

– Это займет некоторое время, – предупреждает он Монику, когда крупный фрагмент его метакортекса пытается наладить связь с мозгом по беспроводной сети, установленной здесь явно с

расчетом только на просмотр веб-страниц. Входящий поток данных состоит из некритичной, «безопасной», части его сознания: только лишь публичные агенты и уйма смутно-самоуверенной трескотни, но и это – мост, переброшенный к огромной цитадели памяти, благодаря которому на выбеленных стенах комнаты вырисовывается диаграмма связей всевозможных диковин.

Когда Манфред снова видит внешний мир, он чувствует чуть большую схожесть с самим собой: теперь он может по меньшей мере породить поисковой запрос, который пересинхронизируется и заполнит его сведениями о том, что нашлось. Пока недоступны сокровенные тайники его души (в том числе личные воспоминания): они заблокированы и защищены биометрической проверкой его личности и обменом квантовыми ключами. Но у него снова есть собственный ум – и какая-то его часть даже работает. Безмерно успокаивающее чувство возвращения к пульту управления собственной головой отрезвляет Манфреда.

– Думаю, мне нужно сообщить об одном преступлении, – говорит он Монике, ну или кому-то, кто сейчас подключен к ее голове; теперь Масх знает, где находится и кого собирался встретить (но не «почему»), осознавая вдобавок, что для фонда Франклина тема личности – острая и с политическим душком.

– И что это за преступление? – Моника явно слегка насмешничает. – Угон личности?

– Да-да, я знаю – самоидентификация хуже воровства, если человек не разветвляет свой вектор состояния больше тридцати лет, ему не стоит доверять, изменение является единственной неизменной величиной, и далее по списку. Кстати, а с кем я говорю? И если мы вообще разговариваем, не значит ли это, что у нас более-менее схожие интересы? – Он с трудом садится в кресло с откидной спинкой, и сервомоторы тихонько жужжат, пытаясь приспособиться к его фигуре.

– Всякая схожесть относительна. – Женщина, что порой является Моникой, бросает на Манфреда Масха загадочный взгляд. – Она имеет тенденцию нарушаться, если сменить количество измерений. Давайте просто скажем, что сейчас я Моника, плюс – наш спонсор. Это вас устроит?

– Наш спонсор, пребывающий в киберпространстве?

Она откидывается на спинку дивана – тот скрипит и выдвигает столик с небольшим баром.

– Хочешь выпить? Есть кофе, экстракт гуараны. Или берлинское светлое – по старой памяти?

– Гуарана подойдет. Привет, Боб. Как давно ты умер?

Моника хихикает.

– Я не мертв, Мэнни. Я, может, и не полная загрузка, но чувствую себя собой. – Она смущенно закатывает глаза. – Он делает грубые замечания о вашей жене, я это озвучивать не буду.

– Моей бывшей жене, – машинально поправляет ее Масх. – Она – налоговый вампир. Что ж, ситуация проясняется. А вы, я полагаю, выступаете в роли ретранслятора для Боба?

– Именно так. – Она смотрит на Манфреда предельно серьезно. – Мы очень многим ему обязаны, ты же знаешь. Он оставил свои активы в доверительном управлении нашему движению вместе со своей частичной выгрузкой. Мы чувствуем себя обязанными нести его личность в мир – чем чаще, тем лучше. С парой петабайт записей много не принесешь, но у нас есть помощники.

– Лангусты. – Манфред кивает сам себе, принимая предложенный бокал, чьи грани хрустально поблескивают в лучах послеполуденного солнца. – Я знал, что дельце как-то с ними связано. – Он подается вперед и хмурится. – Если бы только я мог вспомнить, зачем сюда пришел! Что-то срочное, из глубокой памяти, что не решился доверить собственной черепушке. Что-то, связанное с Бобом.

Дверь позади них открывается, и в комнату входит Алан.

– Прошу прощения, – говорит он тихо и следует в дальний конец комнаты. Стена там выплевывает рабочий стол, из ниши выезжает стул. Алан усаживается, кладя подбородок на сцепленные пальцы, и вглядывается в белый экран. Время от времени он бормочет себе под нос что-то вроде: *принято… предвыборный штаб… пожертвования должны пройти аудит…*

– Предвыборная кампания Джанни, – подсказывает Масху Моника.

Манфред вскакивает.

– Джанни… – Клубок воспоминаний разматывается в его голове, когда он вспоминает послание своего политического лидера. – Именно! Вот в чем дело. Так и должно быть! – Он взволнованно смотрит на нее. – Я здесь, чтобы передать вам сообщение от Джанни Виттория. Насчет… – Плечи Манфреда снова поникают. – Не уверен, насчет чего, но это было дело чрезвычайной важности. Что-то насчет долгосрочной перспективы, что-то о групповых сознаниях и голосовании… Тот, кто меня обокрал, – он сейчас знает.

Грассмаркет похож на типичную деревенскую мощеную площадь, раскинувшуюся под сенью угрюмой Замковой Скалы. Аннет, застыв на Висельном Углу, на том самом месте, где некогда казнили ведьм, рассылает незримых цифровых агентов на

поиск Манфреда. ИИНеко, подобно фамильяру [59], сидит у нее на плече и шлет ей в уши поток хакнутой телефонной болтовни со всей округи.

– Не знаю, с чего и начать, – раздраженно вздыхает Аннет. Местечко это – сплошная ловушка, плотоядное растение о множестве придатков, переваривающее легкие кредиты и выплевывающее осушенные карманы иностранцев. Дорога, что была пешеходной, вновь выродилась в убогие аутентично-средневековые булыжники; посередине того, что раньше было автостоянкой, раскинулся стационарный блошиный рынок антиквариата, где можно купить все – от каминных щипцов до древнего CD-плеера. Большая часть товара на лотках – обычный доткомовский мусор, соперничающий за звание японско-шотландского сплава: клетчатые килты, смахивающие скорее на предмет школьной формы, автоматоны-Несси, сварливо шипящие где-то под ногами, подержанные ноутбуки. Воды людского моря простираются повсюду, от тематических пабов (все – на тему висельников) до магазинов одежды с их тканевыми принтерами и цифровыми зеркалами. Уличные музыканты, часть местного текучего узора, загромождают тротуар: роботизированный мим, очень традиционный, с покрашенным в серебро личиком, имитирует жесты прохожих с показушной рассинхронизацией.

– Начни с ночлежки, – предлагает ИИНеко, прячась в рюкзак на плече Аннет.

– Что-что? – Аннет отвлеклась на тезаурус, по сговору с бесплатно распространяемой правительственной операционной системой, принявшейся сгружать в ее сенсориум карту общественных услуг города. – А, поняла. – Видно, что Грассмаркет в общем-то стремится понравиться туристам, но сомнительным местечкам с одного конца – в особенности вниз по одному из мрачных шестиэтажных каменных каньонов – определенно на это плевать. – О’кей.

Аннет тащится мимо ларька, торгующего одноразовыми мобильными телефонами и дешевыми тестерами генома, мимо стайки девочек-подростков, воплощающих всем своим видом какой-то очередной кавайный карго-фетиш, встает у стойки с велосипедами. Рядом с ней стоит смотрительница-человек и, похоже, с ума сходит от скуки. Аннет кладет ей в карман бумажку в десять евро (нет ничего более деликатно анонимного, чем банкноты), и та наконец обращает внимание.

– Если бы ты хотела купить краденный велик, – спрашивает Аннет, – куда бы пошла?

Некоторое время смотрительница молчит, таращась на нее, и Аннет уже решает, что обратилась не по адресу, но потом

разлепляет губы и что-то мямлит.

– Еще разок?

– «У Макмерфи». Местечко такое, раньше звалось «У Баннерманна». Вон там оно, у Каугейтс. – Тут смотрительница испуганно вытаращилась на вверенную ей велосипедную стоянку. – Ой, ты же не собираешься…

– Нет-нет. – Аннет проследила за ее взглядом: прямо вниз по темной мощеной улице. Ну ладно. – Надеюсь, оно того стоит, Мэнни, *mon chèr*, – бормочет она себе под нос.

«У Макмерфи» – это фальшивый ирландский паб, каменный грот в основании пустого наполовину офисного блока. Когда-то это был настоящий ирландский паб, но потом, судя по всему, его хозяева умыли руки – и он быстро мутировал сначала в ночной панк-клуб, потом в винный бар, в липовый голландский кофешоп… ну а затем его звезда, прогорев, закатилась. Теперь он влачил запоздалое и стылое бытие закоса под ирландский паб, где с искусственно вычерненных потолочных балок свисали неоновые четырехлистники. Одно слово – призрак; черная дыра на месте некогда серьезного питейного заведения. Пивной погреб – и тот, похоже, заменили туалетом, расчистив побольше места для интимного уединения, а в баре с тех пор повадились подавать разбавленный водицей из-под крана пузырящийся концентрат.

– Слышала анекдот про девочку-европейку, зашедшую в стремный бар на Каугейтс и заказавшую себе кока-колу? Когда ей принесли, она возьми и спроси: «Эй, а где у вас зеркало?» [60] – спрашивает ИИНеко.

– А ну цыц, – шипит Аннет в рюкзак. – Ничего смешного. – Ее система сторожевой телеметрии уже достучалась до электронной почты наручного телефона, и на экране оного высветился пульсирующий желтый восклицательный знак, кричащий, что в соответствии с полицейской публичной статистикой преступлений посещение таких вот злачных мест способно принести убийственный ущерб величине прописанных в страховке выплат.

– А ты меня заставь. – ИИНеко высовывает голову из укрытия в торбе и лениво зевает, демонстрируя ребристое небо и язык из розовой замши. – Я подключилась к голове Манфреда, кстати говоря. Пинг [61] – нулевой.

К Аннет бочком подходит барменша, стараясь не пересекаться взглядом.

– Мне диетическую колу, – оглашает заказ Аннет, и ее рюкзак добавляет похотливым баритоном:

– Цыпа, а ты-то слышала анекдот про девочку-европейку, зашедшую в стремный бар на Каугейтс и спросившую

диетическую колу? А когда ей принесли, она возьми да вылей все себе в рюкзак, а потом как ляпни: «Ой, у меня киска намокла!»

Колу приносят, Аннет расплачивается. В пабе – несколько десятков человек; трудно на самом деле судить наверняка о его забитости, когда помещение похоже на коллектор со множеством каменных арок, ведущих в залы, уставленные подержанными церковными скамьями и столами с изрезанными ножами столешницами. Какие-то парни (может быть, байкеры, а может, студенты, а может, просто недурно одетые алкаши) сгорбились за таким столом – косматые, в жилетах с кучей нефункциональных на взгляд со стороны карманов, но при этом как-то подспудно богемные. Аннет удивленно хлопает глазами до тех пор, пока одна из литературоведческих программ не сообщает ей, что где-то в этой компашке – один известный местечковый писатель, гуру какой-то партии за Космос и Свободу. В углу пристроились две дамы этнического вида в меховых сапогах и шапках, а чуть поодаль от них уличные музыканты теснятся в закутке и потягивают пиво. Никого в чем-то, хотя бы отдаленно похожем на деловую одежду; коэффициент эксцентричности – выше среднего. Аннет даже как-то неуютно: она слишком выделяется. Затемнив линзы очков и поправив галстук, она оглядывается.

Тут двери отворяются, и в зал забегает невзрачного вида юнец. На нем мешковатые штаны, ушанка и пара ботинок – истое воплощение того самого трудноуловимого essense de panzer division [62], навевающее мысли о военных колоннах и оливково-зеленых щитах из кевлара. А на лице у него…

– Я тут нашпионила с помощью маленького набора детекторов сетевых вхождений, – начинает ИИНеко, когда Аннет отодвигает стакан и решительно направляется к юнцу, – что-то, начинающееся на букву…

– Сколько хочешь за эти очки, малец? – тихо спрашивает она.

Он вздрагивает и почти подпрыгивает, что не рекомендуется, когда ты в военных скороходах, а над головой у тебя висит каменная кладка восемнадцатого века толщиной в полметра.

– Эй, цац, не учили делать «динь-дон» перед тем, как так пугать, блин? – жалуется он в жутко знакомой манере. – Ой. – Его кадык дергается. – Энни? Кто…

– Спокойно. Снимай эти штуки – они тебе немало бед доставят, ежели продолжишь их носить. – Аннет говорит, стараясь не делать резких движений – в голове у нее роятся самые нехорошие мысли, и необязательно даже смотреть на часы, чтобы понять: символ опасности на них мигает уже не желтым, а красным: неподалеку – преступник в розыске. – Смотри-ка, я дам тебе двести евро за эти очки и вон ту сумочку у тебя на поясе.

Самыми настоящими бумажными деньгами. Допытываться, где ты их раздобыл, я не буду. Сказать кому – не скажу.

Юнец соляным столбом застывает перед ней, будто впав в транс, и киберсвет из линз очков мерцает на его заточенных недоеданием скулах, как отблеск далекой грозы. Аннет неторопливо, чувствуя сухость во рту, протягивает к его лицу руку – и снимает примочку Манфреда. Потом – поясную сумку. Юнец вздрагивает и часто-часто моргает, и, пока он не опомнился, Аннет сует ему под нос две купюры по сто евро.

– А теперь проваливай, – говорит она беззлобно.

Он медленно протягивает руку, затем хватает деньги и бежит – с оглушительным грохотом врывается в дверь, сворачивает налево на велосипедную дорожку и исчезает под холмом, направляясь куда-то в сторону зданий парламента и университетского кампуса.

Аннет опасливо провожает его взглядом.

– И где же он может быть? – тревожно вздыхает она вполголоса. – Есть идеи, кошка?

– Не-а. Ты его ищешь – вот и ищи дальше, – надменно откликается ИИНеко.

По спине Аннет проходит холодок. Манфреда отлучили от хранилища памяти – где же он теперь? Хуже того – с кем он теперь?

– И ты тоже иди на хрен, – бормочет Аннет. – Ты не оставляешь мне выбора.

Она снимает собственные «умные очки», несоизмеримо уступающие кастомной сборке Манфреда с богатым надстроенным функционалом, и с легкой дрожью надевает недавно раздобытые. Каким-то образом то, что она собирается сделать, заставляет ее чувствовать себя неловко – как будто она собралась шпионить за электронной почтой любовника. Но как еще она могла понять, куда он мог пойти?

Она надевает очки и пытается вспомнить, что делала вчера в Эдинбурге.

– Джанни?

– *Oui, ma chérie?*

Пауза.

– Я потеряла Мэнни. Но нашла его *aid-mémoire* [63]. Юнец-халявщик поиграл с ней в киберпанк. Я по-прежнему не знаю, где Мэнни, так что мне пришлось их нацепить.

Пауза.

– Ох, дорогуша…

– Джанни, ради чего конкретно ты подослал его к коллективу

Франклина?

Пауза. Холод каменной стены, на которую она опирается, просачивается под одежду.

– Не хочу загружать тебя лишним…

– *Merde*, Джанни, *это* – не «лишнее». Они же акселерационисты! Ты хоть осознаешь, что они могут сотворить с его головой?

Пауза. Почти болезненный стон.

– Да.

– Тогда *почему* ты так поступил? – требовательно спрашивает она, подавшись вперед всем телом, чеканя слово за словом; пешеходы аккуратно огибают ее, не вполне уверенные, говорит она с кем-то по беспроводной гарнитуре или просто бредит. – Черт, Джанни, все время мне приходится подметать за тобой осколки! Здоровьем Манфред уже не блещет: он постоянно на грани острого футуршока, и я не шутила, когда говорила тебе в прошлом феврале, что ему придется валяться месяц в больнице, если ты снова его измотаешь. Если его не беречь, он может просто наплевать на все и удариться в борганизм!

– Аннет… – Пауза, тяжкий вздох. – Он – наша последняя надежда. Да, я знаю, что у нашего вдохновителя-бездефицитника период полураспада упал до полугода и снизится в обозримом будущем еще сильнее, а он как-то держится вчетверо дольше резонного срока службы. Я все это помню. Но сейчас мне приходится нарушать гражданские права – ради выборов. Мы должны достичь консенсуса, а Манфред – единственный наш сотрудник, у которого есть надежда переговорить с коллективом на своих собственных условиях. Он не разменная монета в игре, а дипломат человечества. Мы должны образовать коалицию до того, как нас очень по-американски остановит истечение срока полномочий и следующий за ним тупик в Брюсселе. Участие Манфреда сейчас жизненно необходимо.

– Это не оправдание!

– Аннет, у них есть частичная выгрузка Боба Франклина. Они получили ее перед его смертью, сумели собрать достаточную для воссоздания часть личности и ныне запускают ее на собственных мозгах с разделением времени. Фонд Франклина обладает огромными ресурсами, и в продвижении Поправки о равных правах нам *необходимо* заручиться их поддержкой. Если Поправка пройдет, все разумные создания получат право голосовать, держать имущество, выгружаться, загружаться и подключать сторонние ресурсы. Уж это поважнее будет маленьких зелененьких человечков где-то далеко на холодных антресолях космоса. От этой поправки зависит будущее. Мэнни положил

начало, заявив о наличии у выгруженных лангустов базовых прав; только представь, что было бы, наложи на объекты выгрузки лапу копирайтеры! Им бы полвека вполне хватило всех закабалить! Думаешь, я сейчас имею право проявить слабину? Это уже тогда было важно, а теперь еще передача, которую, кстати, лангусты и приняли…

– Черт. – Аннет приникает лбом к холодной кладке. – Мне бы рецептик сейчас на что-нибудь вроде риталина. Но лучше конкретные координаты Мэнни. Остальное как-нибудь уладится. – На языке вертится: *если с ним что-нибудь произойдет, я с тебя три шкуры спущу;* эти чувства можно понять, но она сдерживает себя. Джанни, может быть, и прожженный политикан, но о своих соратниках заботится.

– Найти его просто, если он набредет на офис связи. Даю координаты GPS…

– Ни к чему. Я нашла его очки.

– *Merde*, тут не поспоришь. *Ma chérie*, ты должна найти и его самого. Раздобудь мне распределенную поддержку выгрузки Франклина, и я устрою ей прощение грехов и право распоряжаться своей корпоративной личностью, как если бы Боб еще был жив. Так мы изымем дипломатические каштанчики из огня до того, как они обуглятся. Уговор?

– *Oui.*

Аннет разрывает соединение и пускается в путь – вверх, минуя Каугейтс (некогда по этой дороге фермеры гоняли свои стада на рынок). Она попадает на Медоус, тормозит на Висельном Углу, чтобы отдохнуть. Там как раз в разгаре разборка: одному хлебнувшему лишка неандертальцу приходятся не по душе кривлянья клоуна-мима, и он отрывает бедолаге руку. Плюясь искрами из плеча, мим потерянно застывает со смущенным видом. Двое возмущенных студентов бросаются вперед и мутузят бритоголового вандала. Крики и брань на обоюдно непостижимых жаргонах, оксфордском и лаборатории робототехники Хериотт-Уатта, разносятся по округе. Аннет вздрагивает, наблюдая за дракой: эта сцена вдруг видится ей сценкой из мира, где поправка о равенстве прав с ее переопределением личности отвергается Палатой депутатов. Из мира, где умереть – стать собственностью, а быть созданным с даром родительской ДНК – быть обреченным на рабство.

Может, Джованни и прав, думает она, *но не хотела бы я платить столь великую – столь личную, чего уж там – цену…*

Манфред нутром чует – приступ вот-вот накатит. Все

классические симптомы налицо: и Вселенная, забитая несмышленой материей, кажется чуть ли не личным врагом, и странные идеи полыхают зарницей где-то над бескрайними пустошами фантазии, а он сам (его метакортекс перешел на безопасный сберегающий режим) мнится себе кем-то очень тупым и ненужным. Медлительным, *устаревшим*. Он просто не может оценить свои же идеи, квалифицировать на предмет осуществимости. Мозг работает с эффективностью армейского офицера, которому поручили чистить отхожее место при помощи вилки. IQ на полсотни упал, не меньше. Страшная вещь – стать заложником своего же деградирующего рассудка. Манфреду очень хочется бросить все и пойти проветриться, но выходить сейчас на улицу кажется ему не лучшей затеей.

– Твой Джанни – умеренный социал-демократ европейской школы, топящий за прагматичный рыночек смешанного типа, – озвучивает свое мнение призрак Боба аккуратными губками Моники. – Не мой тип, честно тебе скажу. Какой ему от меня прок?

Манфред качается на стуле взад-вперед, оборонительно скрестив руки перед собой и сунув кисти под мышки.

– Ну как же… хм… разнести Марс! Оцифровать биосферу – сделать ноосферу на ее основе… ой, тьфу, это же долгосрочное планирование… Построить сферы Дайсона, и не одну, а побольше! Гм… о чем это я? Да! Джанни. Он бывший марксист, ортодоксальный троцкист нового разлива. Он верит в достижимость Истинного Коммунизма. Его цель – государство милости и благодати, вполне осуществимое, если нигде не пережать педаль. И он собирается обогатить каждого настолько, что в дрязгах за обладание производствами станет столько же смысла, сколько в споре о том, кто будет спать в луже в дальнем углу пещеры. Он тебе не враг, вот я о чем твержу. Он – враг отбитому центральному аппарату и консерваторам, что хотят над всеми держать свечку, а собственных граждан продавать в рабство корпорациям на блюдечке с голубой каемочкой. У корпораций под ногтем фонды, пенсионные как минимум, а это значит, они заинтересованы в том, чтобы люди умирали постоянно… иначе им и существовать-то не будет смысла! И, гм, умирали, не вцепляясь притом в имущество и собственность, не вставали из могил, распевая экстропианские гимны. Чертовы актуарии – строят свои предсказания о продолжительности жизни так, чтобы люди покупали страховки на деньги, которые стоило бы инвестировать в контроль средств производства. И чертова теорема Байеса…

Алан бросает на Монику осуждающий взгляд.

– Не стоило его гуараной поить, – говорит он сокрушенным тоном.

Качания Манфреда к тому моменту обрели очевидно нелинейный характер: пробуя то привстать, то резко податься назад, будто левитирующий йог-технократ, намеренный словить равновесие на неустойчивой сингулярной орбите, Масх рано или поздно навредит себе. Моника склоняется к нему, смотрит строго.

– Манфред! А ну перестань!

Он умолкает, на лице его проступает крайняя степень удивления.

– Кто я? – глупо хлопает глазами он. – Почему я здесь и сейчас занимаю это тело?..

– Приступ антропной тревоги, – констатирует Моника. – Думаю, тот же случай, что и восемь лет назад в Амстердаме, когда Боб впервые его повстречал. – Она становится чем-то встревоженной – за пульт управления садится другая личность. – Что будем делать?

– Дадим ему передышку, – говорит Алан и добавляет громче: – Кровать, а ну-ка постелись!

Спинка кресла, где качается Манфред, сама по себе откидывается назад, та его часть, что снизу, распрямляясь, уходит в горизонталь, ноги ему оборачивает плед-кокон с диким узором.

– Мэнни, мужик, все будет хорошо.

– Кто я? Что я? Мой смысл? – бессвязно распинается Манфред. – Я разветвленный граф или сжатый фрактал? Или просто горсть синапсов, обтекаемых волнами эндорфина?

Контрабандная аптечка-самобранка в дальнем углу комнаты оживает, готовясь вот-вот выдать какой-нибудь мощный транквилизатор. Моника идет на кухню за подходящим напитком.

– А ты куда? – невнятно спрашивает Манфред.

– Все хорошо. Просто ляг и полежи. – Алан наклоняется к нему. – Мы поговорим обо всем утром, когда ты придешь в себя. Надо бы сообщить Джанни, что ему нездоровится, – бросает он через плечо Монике, возвращающейся с кружкой чая со льдом. – Кому-то из наших, быть может, придется отправиться к министру. Макс уже прошел аудит? Манфред, лежи спокойно! Мы обо всем позаботимся.

Минут пятнадцать спустя Манфред, лежащий в кровати и сраженный приступом экзистенциальной мигрени, смиренно принимает из рук Моники заправленный чай, пьет – и расслабляется. Дыхание становится медленнее, радиопередачи прямо из подсознания не рвутся больше с его губ. Моника, сидя близ него, дотягивается до его руки, покоящейся на одеяле, и принимает в свою.

– А ты хотел бы жить вечно? – спрашивает она. – Мы ведь можем – *я могу* – это тебе устроить…

Церковь Святых последних дней верит, что нельзя попасть в Землю Обетованную, не пройдя процедуру крещения, но она может крестить кого-либо даже после смерти, просто располагая именем и родословной. Ее генеалогические базы данных являются одними из самых впечатляющих артефактов исторических исследований, когда-либо проведенных. И церкви нравится пополнять ряды новообращенными.

Коллектив Франклина считает, что нельзя попасть в будущее, не пройдя процедуру оцифровки вашего нейронного вектора состояния или не сделав полный скан сенсорных входов и генома, и – благодаря современным технологиям – для этого даже не обязательно быть живым. Его Фонд Разума является одним из самых впечатляющих артефактов компьютерной науки. И ему нравится пополнять ряды новообращенными.

В городе – сумерки. Аннет нетерпеливо топчется на пороге.

– Впустите меня, мать вашу! – рычит она в селектор связи. – *Merde!*

Кто-то открывает дверь.

– Что…

Аннет заталкивает этого кого-то внутрь, пинком захлопывает дверь, опирается на нее для верности.

– Веди меня к твоему гуру, – требует она. – Живо.

– Ох. – Некто разворачивается и идет под ее конвоем по мрачному коридору, прямо под лестницу. Аннет чеканным шагом следует за ним. Некто открывает дверь, спрятанную там, и ныряет внутрь, и она проскальзывает следом, прежде чем дверь успевает захлопнуться у нее перед носом.

Внутри помещение освещается разномастными диодными светильниками – реостаты откалибровали их под теплый свет летнего дня. Посреди стоит кровать, на кровати – чья-то фигура, спящая в окружении чутких диагностических приборов. Двое стражей сидят по обе стороны от спящего человека.

– Что вы с ним сделали? – кричит Аннет, бросаясь вперед. Манфред отстраненно моргает. Когда она наклоняется к нему, в его взгляде читается смущение.

– Эй? Мэнни? Ох, если вы что-то с ним сделали…

– Аннет? – Он выглядит озадаченным. Ярко-оранжевые очки – явно чужие – сдвинуты на лоб, смахивая на пару выброшенных на берег медуз. – Я что-то себя плохо чувствую. Ох, попадись мне тот ублюдок, который это сделал…

– Лежи тихо, – резко говорит она, вспоминая о сделке, которую заключила ради того, чтобы вернуть ему память. Она снимает с него временные «умные очки» и надевает родные. Поясную сумку с дополнительной памятью она кладет у его плеча, поближе. Волосы на ее затылке встают дыбом, когда тонкая трескотня заполняет эфир вокруг них: глаза Масха по ту сторону линз озаряются ярко-синим, как будто в его голове загорелась вольтова дуга.

– О! Круто. – Он садится, одеяло спадает с его голых плеч, и у Аннет перехватывает дыхание. Она оглядывается на неподвижную фигуру, сидящую слева от Манфреда. Тип в кресле склоняет голову в ироничном жесте учтивости.

– Что вы с ним сделали?

– Позаботились о нем – ни больше ни меньше. Он прибыл к нам в помраченном уме, и сегодня днем его состояние ухудшилось.

Она никогда раньше не встречалась с этим парнем, но нутром чует, что знает его.

– Ты – Боб Франклин?

Тип в кресле кивает:

– Один из его аватаров.

С глухим шлепком Манфред, закатив глаза, обрушивается обратно на кровать.

– Секундочку… Моника? – Тип обращается к молодой женщине с другой стороны кровати, но та качает головой.

– Нет, на мне сейчас тоже включен Боб.

– М-да, ладно. Тогда, может, ты ей расскажешь? Я принесу ему питье.

Женщина, тоже являющаяся Бобом Франклином – какой-то его частью, пережившей битву с нетипичной опухолью головного мозга восемь лет назад, – ловит взгляд Аннет, кивает и тонко улыбается.

– Когда ты синцитий, об одиночестве можно забыть.

Аннет морщит лоб – приходится обращаться к словарю за пояснениями.

– Одна большая клетка, много ядер? Понимаю, кажется. У вас у всех в мозгу чипы новейшего типа, улучшенные, с поточной передачей.

Девушка пожимает плечами.

– А ты бы хотела умереть и воскреснуть в роли второстепенного персонажа в тухлой постановке? Стать тенью зудящих воспоминаний в черепе какого-нибудь незнакомца? – Она изображает рукой какой-то замысловатый жест, и это явно не ее жест – столь сильно расходится он с языком ее тела, столь явно

контрастирует.

– Боб, должно быть, был одним из первых борганизмов. Я имею в виду людей. После Джима Безье. – Аннет бросает взгляд на Манфреда, уже начавшего тихо похрапывать. – Я так понимаю, это очень большой труд…

– Оборудование для мониторинга обошлось в миллионы, – согласно кивает девушка. (Моника?) – И сработало оно не очень-то хорошо. Одним из условий сохранения нашего доступа к финансированию его исследований является то, что мы регулярно проводим для него временные, скажем так, «включения», сеансы связи. Мы… он или я, если уж на то пошло, собирались построить что-то вроде композитного вектора состояния, достроив из лучших частичных выгрузок единое целое. На тот момент записать больше одной части не удавалось.

– Да, помню. – Аннет протягивает руку и рассеянно убирает со лба Масха выбившуюся прядь волос. – И каково это – быть частью группового разума?

Моника фыркает, явно забавляясь.

– Каково это – видеть красный цвет? Или быть летучей мышью, скажем? Я не могу рассказать – только демонстрация расставит все по местам. Любой из нас может выбыть из круга по собственному желанию – ты же знаешь.

– Но почему-то ты этого не делаешь. – Аннет чешет в затылке, ощущая короткие, не успевшие отрасти, волосы в тех местах, где остались шрамы от внедрения сети имплантов. Манфред перестал жаловать их год-два назад, как только они утекли в общий доступ, – его не устроила их дарвиновская [64] архитектура. *Такие штуки – палка о двух концах, с ними не жди доверительного взаимодействия. Лучше носить в себе что-то, что можно в любой момент отключить,* говорил он. – Причины сугубо финансовые?

– Не только. – Моника чуть склоняет голову. – Ты бы поняла, если бы попробовала.

– Спасибо, не надо. И Манфред, думаю, ваше предложение тоже не примет, когда в себя придет (между строк: *только через мой труп*).

– Досадное упущение с его стороны – он-то не сможет жить вечно в сингулярности, в обществе других последователей нашего доброго учителя. Впрочем, у нас уже так много новобранцев, что мы и не знаем, как с ними быть.

Аннет в голову приходит мысль.

– Ага, так вы все ходите с одним мнением в голове? *Частично* – с одним? Вопрос к кому-то одному – это вопрос сразу ко всем?

– Отчасти. – Слово это исходит одновременно и от Моники, и от другого носителя, Алана, стоящего в дверном проеме со

стаканом какого-то питья в одной руке и квадратно-гнездовой штукой, похожей на самопальный модуль-диагност, в другой. – А в чем здесь, по-твоему, подвох? – добавляет носитель-Алан.

Манфред, все еще лежащий на кровати, издает стон. Его очки нашептывают ему в уши данные через последовательную магистраль костной проводимости, закачивая прямо в нейроснаряжение со всей доступной скоростью. Отчетливо слышится шипение розового шума [65].

– Манфреда послали узнать, почему вы отрицаете поправку о равноправии, – говорит Аннет. – В нашей команде кое-кто работает без ведома других.

– Само собой. – Алан с важным видом садится на стул у кровати, прочищает горло и распрямляет спину. – Тут перед нами – теологическая проблема чрезвычайной важности, и я считаю…

– Я или *мы*? – подлавливает его Аннет.

– Да мы, мы! – огрызается Моника. Виновато смотрит на Алана: – Прошу прощения.

Проявления индивидуальности внутри группового сознания тревожат Аннет. Ведь в фантастике ранних эпох подобные сообщества описывались совсем иначе. Так или иначе, к их фанатичной вере в сингулярность она равнодушна.

– Я слушаю, продолжайте.

– Стандарт «один человек – один голос» устарел, – говорит Алан. – Необходимо этот вопрос – что такое личность – радикально пересмотреть, а уж потом двигаться дальше; по одному голосу на тело или на один разумный индивид? Как работать с распределенным разумом? Постулаты, лежащие в основе Поправки, далеки от идеала – зиждутся на культе индивидуальности и совершенно не касаются серьезных проблем пост-гуманизма.

– Почти как в случае с борьбой за права женщин в девятнадцатом веке, когда решили – можно дать право голоса женщине, если она замужем за землевладельцем, – вворачивает с хитринкой в голосе Моника. – Суть вопроса что так, что так упускается.

– Ну да. – Аннет скрещивает руки на груди, неожиданно для себя занимая позицию сугубо оборонительную. Она совсем не ожидала услышать от марионеток Боба подобное. То, о чем они говорят, – элитарная сторона постгуманизма, потенциально столь же для ее постпросветительских идей вредная, сколь представления о фараонах как о наместниках Бога на земле.

– На самом деле упущения тут даже масштабнее. – Они все резко поворачиваются на звук голоса Манфреда: тот открыл глаза, и в них светится ранее отсутствовавший живой интерес. – В

прошлом веке люди платили за то, чтобы их головы замораживали посмертно – в надежде на реконструкцию в будущем. У них не было гражданских прав, так как закон не признавал смерть обратимым процессом. И как быть с вами, ребята, если вы захотите вдруг выйти из круга Боба? Покинуть коллективный борганизм или позже – влиться вновь обратно? – Выпростав руку из-под одеяла, Масх устало потирает лоб. – Извините, что-то я в последнее время сам не свой. – Кривая, слегка фанатичная усмешка озаряет его лицо. – Я, видите ли, уже давно общаюсь с Джанни по поводу того, что нам необходима правовая концепция значения «человек». Такая, чтобы было совершенно ясно, как быть, например, с корпорациями, наделенными самосознанием, или с теми, кто отделился от групповых сознаний. Вот мы пытаемся разобраться, как быть с искусственным интеллектом – а как быть с искусственной тупостью? С выгруженными и заново воплощенными? И так далее, и тому подобное. Какие у них у всех права? Религиозно настроенные круги уже сейчас вовсю развлекаются с вопросами о личности – так почему мы, трансгуманисты, не думаем о таких вещах?

Сумка Аннет оттопыривается: ИИНеко высовывает голову, обнюхивает воздух, спрыгивает на ковер и начинает приводить себя в порядок, совершенно не обращая ни на кого из присутствующих внимания.

– Я уж не говорю об искусственной жизни, твердо уверенной, что она – настоящая, – добавляет Манфред, кивая на кошку. – И об иноземных формах жизни.

Аннет замирает, глядя на него.

– Манфред! Нельзя же…

Масх наблюдает за Аланом – на вид самым глубоко интегрированным исполнителем воли мертвого венчурного миллиардера. Даже выражение его лица напоминает Аннет ту встречу с Франклином в Амстердаме в начале десятилетия, когда Манфред все еще был в плену у личного дракона с плеткой.

– Иноземные формы жизни, – эхом вторит Алан, и его бровь подергивается. – Ты про тот сигнал, что поймали SETI, или уже что-то новенькое вскрылось? Как давно вы знаете о них?

– Джанни много за чем следит, – уклончиво комментирует Манфред. – И мы все еще время от времени болтаем с лангустами – ты же знаешь, они всего в паре световых лет от нас, верно? Они и рассказали нам о сигналах.

– Гм. – Глаза Алана на мгновение стекленеют. Импланты Аннет рисуют ее взору лучи ложного света, бьющие из его затылка: он всей пропускной способностью впитывает гигантский

поток распределенной загрузки с серверной пыли, покрывающей в комнате каждую стену. Моника раздраженно постукивает пальцами по спинке стула.

– Сигналы от инопланетян, надо же! Почему их держат в тайне от общественности?

– Информацию о первом из них все-таки обнародовали, – замечает Аннет. – Скрыть бы и не получилось: всякий, у кого на заднем дворе стоит спутниковая тарелка, смог бы его поймать при правильном стечении обстоятельств. Но проблема в том, что у многих людей, заинтересованных в иноземной жизни, представления об этой самой жизни, прямо скажем, диковатые. А остальные и вовсе считают, что никакой жизни за пределами Земли нет. Конечно, есть и несколько светлых умов, что чешут затылки и гадают, какое новое космологическое явление могло бы выдать сигнал с настолько низкой энтропией, а из тех шестерых, кто не вошел в озвученные категории, пятеро тщатся понять, с какой стороны приниматься за расшифровку, и последний уверен, что это всего лишь случайность. Второй сигнал был очень слабым – его уловила только сеть дальней космической связи.

Манфред возится с системой управления кровати.

– Это не розыгрыш, – говорит он. – Получилось записать лишь шестнадцать мегабит данных из первого сигнала, где-то в два раза больше – из второго. Фон довольно сильный, сигналы не повторяются, их длина – не простая величина, и никаких следов метаданных, что указывали бы на формат, нет. То есть расколоть этот орешек будет ой как непросто. А пущего задора ради какие-то отбитыши из верхушки «Арианспейс», – Масх оглядывается на Аннет в надежде заметить какую-никакую реакцию на упоминание экс-начальства, – решили, что самым умным ходом будет скрыть второй сигнал от публики и работать над ним втайне – для получения преимущества над конкурентами: так, кажется, отбитыши это сформулировали. А что до первого сигнала, то они решили делать вид, что его и вовсе не было. И теперь уже никто не возьмется предсказать, сколько понадобится времени, чтобы выяснить, что это – прозвон от сервера корневого домена галактики, пульсар, сам по себе вычисливший число «пи» до восемнадцатиквадриллионного знака, или что-то еще.

– Но мы не можем знать наверняка, – замечает Моника.

– Я думаю, это весточка от кого-то разумного. – Масх наконец находит нужную ему кнопку, и плед превращается в слизь цвета аквамарина. Он втягивается, бурля и хлюпая, в миниатюрные сопла, во множестве рассыпанные по бортам кровати. – Черт бы драл этот аэрогель! Так, на чем я остановился?..

– На сетевом пакете разумных данных? – спрашивает Алан.

– Не совсем. – Манфред покачивает головой, улыбаясь. – Не знал, что ты читал тот роман Винджа [66]! Или фильм смотрел? Как по мне, успешные «отправленцы» у нас пока что только одни – и ты, скорее всего, помнишь, как поспособствовал мне в их отправке лет этак девять тому назад.

– Лангусты. – Алан рассеянно смотрит куда-то. – Девять лет. Время до Центавра и обратно?

– Где-то так, да, – говорит Манфред. – И это верхний предел. Источник отправки не может находиться дальше, а вот ближе – очень даже может. Так вот, первый сигнал слался из точки с отклонением в пару градусов – с расстояния в сотню с лишним световых лет. А второй шел уже с трех световых, на деле там даже меньше было. Понимаешь, почему про него не стали говорить вслух? Поднялась бы дикая шумиха. И нет, этот сигнал – не эхо от трансляции наших ракообразных друзей. Думаю, это присланный в ответ гонец, которого мы пока не дешифровали. Теперь-то видишь, к чему спешка с решением проблемы прав? Нам нужен правовой базис, в котором можно прописать статус существ, отличающихся от людей, – и чем скорее, тем лучше. Иначе, если соседушки нагрянут в гости…

– Я понял, – отвечает Алан. – Посоветуюсь сам с собой – авось и приду к консенсусу.

Аннет фыркает.

– Окончательных консенсусов не бывает.

Моника ловит ее взгляд и одобрительно подмигивает, и Аннет осекается, порядком удивленная тем, что единый борганизм может допускать столь вопиющую двойственность мнений.

– Отлично, – с надеждой в голосе подводит последнюю черту Манфред. – Полагаю, это все, о чем можно просить без зазрения. Спасибо за гостеприимство, Боб, а теперь мне, чую, нужно немного побыть в своей постели. Мне пришлось многое запомнить, пока я был в отключке, – хочу записать все это, прежде чем забуду, кто я такой, – добавляет он многозначительно, и Аннет вздыхает с тихим облегчением.

Поздней ночью кто-то звонит в дверь резиденции Боба.

– Кто там? – спрашивает селектор.

– Э-э, я, – откликается человек на крыльце. Он выглядит немного смущенным. – Тут такое дело… меня Масх звать! Я пришел повидать тут… – Имя вертится на языке, но все никак не вспомнится. – …Кое-кого, вощщем.

– Входи. – Жужжит соленоид, гость толкает дверь, и она

закрывается за ним. Сапоги, подбитые металлом, звонко клацают по каменному полу, и от них в прохладный воздух то и дело вздымаются облачка, пахнущие невыработанным авиационным топливом.

– Да, я – Масх! – повторяет Джек Кузнечик неуверенно. – Ну или был им немножко… башка трещит от этой кутерьмы знатно, конечно. Но я тут подумал… я хочу стать кем-то более… значимым? Сможете мне помочь?

Все та же ночь. Кошка сидит на подоконнике, наблюдая за творящимся в полумраке комнаты из-за занавесок. По меркам человеческого зрения, комната – темная, но кошка на сей счет иного мнения. Пробивающийся внутрь лунный свет мягко обволакивает мебель и стены, стелется по измятым простыням, проливается на двух обнаженных человеческих особей, приютившихся на постели в объятиях друг у друга.

Им уже за тридцать, ее коротко стриженные волосы тронула ранняя седина, а вот его шевелюра густо-каштанового цвета еще держится, не выдает возраст. Для кошки, что зрит с помощью множества искусственных чувств, голова женщины в микроволновом спектре похожа на бутон поляризованного излучения. А вот у него подобного ореола нет – по меркам современности, он прямо-таки *неестественно естественный*, хотя его очки, не снятые и в постели, лучатся схожим образом. Незримые нити эмиссии соединяют ее и его с одеждой, разбросанной по комнате, – предметы гардероба ведут тревожное бодрствование, нити их растормошенного сознания протягиваются к шкафам и чемоданам, и еще – к кошачьему хвосту. Кошке такое внимание не по душе: хвост – антенна жутко чувствительная.

Двое только что занимались любовью. Они занимаются этим уже не так часто, как в первые годы, но с большей плавностью, с возросшим умением. Мужчина лежит, положив голову женщине на плечо. Уходя в инфракрасный диапазон, кошка видит, как та сияет: ее капилляры расширены от прилива крови к шее и груди.

– Становлюсь старым, – бормочет мужчина. – И медленным.

– Не в критичных местах, – женщина улыбается и кладет руку ему на бедра.

– Как ни крути, это правда, – говорит он. – Остатки моей личности, запертые в этой старой голове… вот скажи, много ты знаешь типов процессоров, которые через тридцать с лишним лет после выпуска не устаревают? Работают так же хорошо, как в первый день?

– Всегда можно помочь себе имплантами дополнительной

памяти.

– Опять ты об этих штуках.

Кошка помнит – эта тема весьма деликатна. Из устройств, помогающих аутистам общаться с людьми, а слепым – прозревать, импланты превратились в предметы обихода с высокой степенью необходимости. Любому, кто хочет жить настоящим, без них никак. Но мужчина упрямится.

– Они уже не такие опасные, как раньше, – убеждает она. – Но, если уж импланты для тебя плохи, всегда есть нейронные кофакторы роста и дешевые замещающие стволовые клетки. Я уверена, что один из твоих спонсоров сможет взять на себя расходы.

– Тс-с-с. Я еще думаю. – Он долгое время молчит. – Я как будто бы сам себя потерял вчера. Стал… не догонять. Все увидел в ином свете. Я испугался, что гибкость мышления от меня уходит – все кругом движется вперед, а я так и торчу в своем устаревшем мозгу. Так какая, выходит, часть меня не принадлежит этому мозгу? – Внешним потоком Масх генерирует анимированный мыслеобраз и передает его внутреннему зрению Аннет. Она улыбается – вышла смешная картинка. – Перекрестная тренировка из нового интерфейса теми еще проблемами обернется.

– Да справишься ты со всем. Даже если и не справишься – всегда можно раздобыть рецепт на нейростимулятор.

– Что же это за жизнь, если даже я не способен двигаться в темпе с переменами? – спрашивает он в отчаянии, глядя на потолок. Кошка, которой его антропоцентризм претит, возмущенно подергивает хвостом.

– Ты – мой защитный экран от бушующих штормов будущего, – говорит Аннет. Она кладет ему руку ниже пояса и смеется. Большинство протекающих в ней сейчас процессов – сугубо биологического характера, отмечает кошка, если не считать маленькую выгрузку на сторонние ресурсы, где работает SETItalk@home, распределенный декодер, грызущий гранит инопланетного зашифрованного послания, которое, по догадкам Манфреда Масха, вполне может иметь право на гражданство.

Отвечая на некий невыразимый зов, кошка запускает цифровую вибриссу в ближний к ней маршрутизатор. У киберзверька в распоряжении все манфредовы пароли – доверие к ней он питал безоглядно. Экая неосторожность – ведь ее когда-то программировала его бывшая жена, да и выгруженные ранее котята сказались. Кошка бурит цифровой туннель сквозь мрак – и выскальзывает в Сеть.

– Просто подумай обо всех тех, кто не сможет

приспособиться, – говорит Манфред со скрытым волнением в голосе.

– Страшно и думать. – Аннет содрогается. – Тебе тридцатник, а ты уже замедляешься – как же быть с молодняком? Как они справятся?

– У меня есть дочь, – говорит вдруг он. – Есть сто шестьдесят миллионов секунд. Я ведь могу разузнать… если Пэм разрешит мне пообщаться. – Его голос надламывается, и в нем отчетливо слышится эхо застарелой боли.

– Не связывайся с ней, Манфред. Прошу тебя.

Но идея так и не оставила Масха. Что бы ни случилось, Эмбер останется лигатурой, удерживающей его на орбите у Памелы, пусть и дальней, но тем не менее.

Кошка внимает речам лангустов, несущимся сквозь космический вакуум от их далекой колонии, плывущей через астероидный пояс к льдистой гавани где-то за орбитой Нептуна. Лангусты говорят о том, что утратили, о том, что уже – прошлое; и их печальная песнь – гимн разуму, слишком медленному и хрупкому, не поспевающему за парадом перемен. Страшная буря подкосила колыбель человечества – и все, за что можно еще ухватиться, рассыпается прямо на глазах, становится стремительно гонимой по ветру пылью.

Оставляя далеких лангустов наедине с их болтовней, кошка залезает на анонимный сервер распределенной одноранговой файлообменной сети, размазанной по тьме хостов, не поддающейся дешифровке и забитой тайнами и ложью, которую уже никто не отличит от правды. Чьи-то манифесты, музыка, релизы последних болливудских хитов – пролезая сквозь все эти нагромождения, кошка вынюхивает одну-единственную нужную ей вещь. И когда она хватает ее своими цифровыми когтями, дисплеи «умных очков» Манфреда лишь на секунду дают сбой, отмечаемый даже невооруженным глазом. Кошка тащит добычу в свое логово, поглощает ее, сравнивает с образцом данных, анализируемым экзокортексом Аннет.

– Прости меня, солнце. Просто иногда мне кажется… – Масх вздыхает. – Старея, ты утрачиваешь возможности. А я ведь уже не так молод – растерял весь свой неугомонный оптимизм, как видишь.

Кошка отмечает, что пакет данных, утащенный с пиратского сервера, отличается от того, что обрабатывает имплант Аннет.

– Он к тебе еще вернется, – уверяет Аннет Манфреда, поглаживая по боку. – Ты все еще грустишь из-за того, что тебя ограбили. И это пройдет, вот увидишь.

– Да. – Он наконец расслабляется, снова погружаясь в

рефлекторную уверенность в том, что собственная воля – все еще при нем. – Как-нибудь с этим справлюсь. Ну или тот, кто какое-то время пробыл мной, – справится…

В темноте ИИНеко щерит зубы в безмолвной усмешке. Повинуясь вшитому на подкорку желанию вмешаться, она выгружает копию инопланетного пакета данных, над которым работает Аннет. Теперь у нее и вторая половинка мозаики – та запись послания, принятого сетью дальней космосвязи, которую прячут Европейское космическое агентство и прочие большие шишки. Активизируется еще один глубоко спрятанный поток, и ИИНеко анализирует пакет данных с такой точки зрения, что пока недоступна ни одному из людей. Пучок процессов, запущенных на абстрактной виртуальной машине, задает Неко вопрос, что не может быть закодирован ни в одной человеческой грамматике. *Наблюдай и выжидай*, отвечает Неко своему новообретенному компаньону. *Рано или поздно они всё поймут. Они узнают, кто мы такие.*

Часть вторая. Внимание

Жизнь – явление, абстрагируемое от носителей и наполнения.

Джон фон Нейман

Глава 4. Нимб

Астероид движется под ритмы и мелодии Динозавра Барни – он поет о любви где-то на высших фронтирах, о страсти материи к репликации, о дружбе к прозябающим в нужде миллиардам людей на Тихоокеанском побережье. *Я люблю тебя*, напевает он в наушниках Эмбер, когда та пытается точно поймать его расположение. *Дай мне крепко обнять тебя.*

На расстоянии в долю световой секунды Эмбер фиксирует рой программ-курсоров на сигнале, обучает их отслеживать его доплеровское смещение, считывает орбитальные параметры.

– Полная боевая готовность! – объявляет она. Анимированный фиолетовый динозавр выделывает коленца перед ее глазами, размахивая над головой тросточкой с блистающим как алмаз набалдашником. – Да, самое время обниматься, Барни, – астероид на подходе! – Где-то у нее за спиной в межкаскадном стыковочном кольце стучат двигатели, работая на холодном газе и кладя громоздкий фермерский корабль на курс к скалистой поверхности астероида. Смущаясь своему переизбытку энтузиазма, Эмбер позволяет имплантам убрать излишек молекул нейромедиаторов, осадивших синапсы, но так и не успевших дать старт обратному захвату. В свободном полете ни к чему перевозбуждаться. Но все равно Эмбер хочется пройтись на руках, подпрыгнуть до потолка, встать на голову – ведь этот астероид принадлежит ей! Она любит его! Она подарит ему вторую жизнь!

В каюте Эмбер полно таких вещиц, которым, возможно, и не место на космическом корабле – плакаты с популярными у подростков группами, автоматизированная корзина с грязной одеждой, чьи щупальца-анализаторы ползают всюду и подбирают брошенное или помятое (роботы-уборщики редко осмеливаются нагрянуть в подростковую обитель), все такое прочее. На одну из стен многократно спроецирована модель предполагаемого цикла возведения «Поселения-1», огромной сферы с нечеткими контурами и яркой сверкающей сердцевиной (в постройке этой штуки Эмбер принимает самое непосредственное участие). Три или четыре мелкие пластмассовые куколки-очаровашки с кожей пастельных цветов зачарованно рассматривают проекцию на стене, топчась у основания сферы, – когда дело дойдет до построения, экваториальный обхват составит добрый миллион километров. А вот кошке ее отца до модели нет дела – она свернулась калачиком между воздуховодом от кондиционера и платяным шкафчиком и громко храпит.

Отдергивая выцветшую бархатную шторку, что огораживает

ее каюту, Эмбер вопит:

– Все получилось! Он теперь полностью мой! Я рулю!

Это уже шестнадцатая космическая скала, захваченная сиротским приютом, но, по сути, первая, отловленная самолично ею – следовательно, совершенно особенная. Эмбер со всего маху наскакивает на дальнюю стену общего зала и отпрыгивает, спугивая одну из тростниковых жаб Оскара, непонятно как сюда попавшую – всей живности надлежит быть в живом уголке. Звуковые ретрансляторы копируют входящий сигнал, размытый шумом эха тысяч детских телешоу, задающих такт одиноким необеспеченным астероидам.

– Вот ты проныра, Эмбер! – хнычет Пьер, когда она загоняет его в угол столовой.

– Ну да! – Она гордо вскидывает голову, не пряча довольную блистательную улыбку. Она знает – нехорошо так рисоваться, но мама далеко, а папа и мачеха едва ли заботятся о чем-то таком. – Я великолепна. Так как там наше пари?

– Ох. – Пьер глубоко засовывает руки в карманы. – У меня сейчас двух миллионов не наберется. Давай как-нибудь потом.

– Что? – Эмбер мгновенно приходит в ярость. – Мы же поспорили!

– Ну, я все прикинул по формуле Байеса: получается, что ты и в этот раз ничего не выкрутишь, так что я вложил всю свою смарт-валюту в торговлю опционами. Если возьму ее назад сейчас, то останусь с носом. Дашь мне еще немного времени?

– Пора бы тебе уже запомнить – опционам доверять нельзя, Пьер. – Она смеряет его уничижительным взглядом, на который способны только подростки. Пьеру двенадцать, он весь усыпан веснушками, ему невдомек, что запарывать сделки – плохо. – Что ж, прощаю тебя на этот раз. Но с тебя кое-что причитается.

– Сколько сверху? – Пьер горестно вздыхает.

– Не в деньгах, дурашка! Будешь моим мальчиком на побегушках, пока не отдашь!

Эмбер злодейски смеется, и Пьер окончательно меркнет лицом.

– Ладно-ладно. Но только не заставляй меня выносить за тебя мусор. Ты ведь не собираешься, правда?..

Добро пожаловать в четвертую декаду. Мыслящая масса Солнечной системы теперь превышает один MIPS на грамм; все еще довольно глупая материя, но уже не безнадежно глупая. Численность человеческой популяции – на пике, попирает отметку в 9 миллиардов, но темпы ее роста вот-вот сделаются

отрицательными, а в странах бывшего первого мира средний возраст населения скоро станет пожилым. Человеческое мышление обеспечивает около 10^{28} MIPS мозговой мощи Солнечной системы. Реальное же мышление в основном осуществляется нимбом из тысячи триллионов процессоров, что окутывают компьютеры из плоти и крови цифровой дымкой вычислений; сами по себе они в десять раз мощнее человеческого мозга, в совокупности – в десять тысяч раз мощнее, и их число удваивается каждые двадцать миллионов секунд. Они достигают 10^{33} MIPS и стремятся дальше, хотя до истинного пробуждения Солнечной системы еще далеко.

Технологии приходят и уходят, но даже пять лет назад никто и предсказать не смел, что на пыльных тропинках далекой орбиты Юпитера вдруг появятся чьи-то следы. Союз новейших отраслей промышленности и чудаковатых бизнес-моделей вновь возродил веру в космос; тому поспособствовало и открытие до сих пор не расшифрованных сигналов от инопланетян. Авангард нового времени, нежданный и негаданный, развивает и осваивает новые экологические ниши на рубежах человеческого информационного пространства, в световых минутах и световых часах от ядра. Космическая экспансия, вяло тлевшая с 70-х, разгорается в полную силу.

Эмбер, как и большинство отпрысков постиндустриальной эры на борту сиротского космоприюта «Эрнест Алый», – подросток. У нее, как и у многих других, заложенные еще на геномных началах способности улучшены направленной рекомбинацией в зародышных линиях, но из-за допотопного материнского идеализма Эмбер приходится полагаться то и дело на грубые вычислительные добавочные мощности. Ей не досталась ни модификация теменных извилин, обогащающая кратковременную память, ни взломанная и настроенная на превосходную вербальную проницательность префронтальная кора мозга, но та обойма имплантов, с которой она росла, стала для нее такой же естественной частью организма, как легкие или уши. Половина мыслей Эмбер вынесена за пределы ее черепа, на массивы процессорных узлов, слагающих ее персональный метакортекс и подключенных напрямик к мозгу каналами квантовой запутанности. Все эти дети – юные мутанты, блистательные и своим родителям не просто непонятные, но непостижимо чуждые: разрыв поколений еще глубже, чем в шестидесятые годы двадцатого века, глубже, чем Марианская впадина. Их предки родились в черной полосе двадцать первого столетия, в мире, где непрактичные и громоздкие белые «Шаттлы» считались передовой космической технологией, а

кнопки и звуковые сигналы при взаимодействии с компьютером не казались лишней чушью. Одна-единственная космическая станция в их эпоху просто вращалась по низкой околоземной орбите, и идея о том, что можно запросто слетать к Юпитеру, для них столь же нелогична, как для ветерана Первой мировой – идея Всемирной паутины.

Львиная доля пассажиров корабля дала деру от родителей, считавших, что им место в школе, не в состоянии примириться с поколением, не понимающим, как же их дети так сильно превзошли родителей в развитии. К шести годам Эмбер свободно владела девятью языками, из них только двумя человеческими и шестью сериализованными [67]; в семь лет мать отвела ее к школьному психиатру за болтовню на синтетическом языке – и для Эмбер это стало последней каплей: разжившись запрещенным анонимным телефоном, она позвонила отцу. Мать наложила на общение с ним судебный запрет, но ей и в голову не пришло подать заявление о возбуждении дела против нее…

Под плазмой корабельных дюз простирается неохватный океан вихрящихся облаков: оранжевый, коричневый и грязно-серый серпантин лениво окутывает распухший горизонт Юпитера. «Эрнест Алый» ступает на орбиту планеты, ныряя в ее опасное магнитное поле. Вдоль тубулярного корпуса корабля пробегают вспышки статических разрядов, изгибаясь дугами над сиреневым реактивным потоком. Плазменно-ионный двигатель пашет на всю катушку по извергаемой массе; сейчас его удельный импульс почти столь же низок, сколь у термоядерного двигателя, притом скорость разгона частиц плазмы на максимуме. Через час двигатель отключится, и космический приют уйдет в пологий маневр к Ганимеду, ну а потом снова падет на орбиту Амальтеи, четвертой луны Юпитера, почти единственного изобильного месторождения в кольце Госсамера [68].

Приютские – далеко не первые «люди в жестянке», добравшиеся до юпитерианской субсистемы, зато первая негосударственная экспедиция. Сетевой приемник здесь, в этой глуши, сосет через соломинку заскорузлые сопли – вокруг только пара сотен микрозондов с мышиными мозгами и несколько механических динозавров, оставшихся от НАСА или от Европейского космического агентства. Теперь они находятся так далеко от колыбели в Солнечной системе, что немалая часть ячеек памяти в их аппарате связи используется под буферный накопитель информации: доползая до Юпитера, новости порядком стареют.

В компании примерно половины проснувшихся пассажиров

Эмбер с восхищением смотрит за этой картиной из общего зала. Конструкционно общие залы представляли собой этакие вытянутые «гильзы» с двойными стеклами, помещенные в центр корабля; стены прошиты трубами, где хранился основной запас корабельной воды, а в одном конце «гильзы» стоит видеоэкран, в реальном времени транслирующий трехмерное изображение плывущей под ними планеты. Торец корабля тщательно уплотнен и заизолирован – так, чтобы между его обитателями и захваченными магнитосферой Юпитера заряженными частицами оказалось как можно больше всего.

– Вот бы там искупаться! – вздыхает Лили. – Только представьте – нырнуть в такое море… – В окне-экране появляется ее аватарка, скользящая в купальнике на серебристого цвета серфинговой доске вниз по километрам вакуума.

– Смотри не подгори, – подкалывает кто-то – надо думать, Кэс; кожа аватарки Лили вдруг краснеет, словно жарящееся мясо; фигурка отчаянно размахивает ручками, будто предупреждая.

– И тебе того же желаю! И окну, в которое ты пролез.

Виртуальный вакуум за окном заполнила возня аватарок – по большей части таких, что были сделаны по образу и подобию человеческому. Они сошлись в потешной битве – так половина детей на борту сбрасывала подсознательный страх перед неизвестным. Ведь за пределами корабля-приюта таилась враждебная окружающая среда – тому порукой был поджаренный аватар Лили.

Эмбер берет инфоблокнот и возвращается к работе. Ей предстояло заполнить кипу бланков и тьму документов, прежде чем экспедиция приступит к работе. В голове у нее – грозная мешанина цифр и фактов. Масса Юпитера – $1{,}9 \times 10^{27}$ кг. Вокруг него обращается двадцать девять лун и примерно двести тысяч мелких тел вроде обломков метеоритов, по размерам превышающих фрагменты колец, ведь Юпитер, как и Сатурн, тоже располагает кольцами, пусть и не столь заметными. В общей сложности сюда добрались шесть больших государственных орбитальных платформ и еще двести семнадцать микрозондов, из коих все, за исключением шести, частно развлекательные. Первую пилотируемую экспедицию снарядили шесть лет назад лаборатории ESA; за ней последовали парочка сумасшедших космических старателей и коммерческая станция, разбросавшая полмиллиона пикозондов по всей юпитерианской системе. Теперь прибыл и «Алый», а вместе с ним еще три судна с человеческим грузом (одно с Марса, а два других – с низкой околоземной). Колонизация будто бы идет полным ходом – если бы не одно «но»: задействовано было как минимум четыре

взаимоисключающих Великих Плана касательно того, как нам обустроить старый добрый Юпитер.

Кто-то тыкает в Эмбер пальцем:

– Эй, что творишь?

Она открывает глаза. Перед ней – Сю Ань собственной персоной.

– Домашку разгребаю. Мы тут, конечно, прилетели на Амальтею, но наш банковский счет остался в Рено, поэтому кто-то должен заполнить все бумаги. Моника просила меня с этим помочь. Та еще фигня.

Ань наклоняется поближе к экрану блокнота и всматривается в перевернутый текст.

– Агентство по защите окружающей среды?

– Оно самое. «Предварительный анализ возможного влияния на окружающую среду» – форма 204-б, страница вторая. Мне нужно перечислить все непроточные водоемы в пяти километрах от зоны добычи полезных ископаемых. Если же шахта пролегает ниже уровня грунтовых вод – перечислить все ручьи, водоемы и реки на расстоянии, равном глубине шахты в метрах, умноженной на пятьсот метров, вплоть до максимального расстояния в десять километров ниже по течению в направлении главного уклона местности. Для всех водоемов требуется составить список всех подвергающихся опасности или включенных в списки охраняемых видов птиц, рыб, млекопитающих, рептилий, беспозвоночных или растений, обитающих в пределах десяти километров…

– …от шахты на Амальтее, что обращается на расстоянии 180 тысяч километров от Юпитера, не имеет атмосферы и на поверхности которой можно схватить смертельную дозу облучения всего за полчаса? – Ань покачивает головой – и тут же портит всю игру, хихикая.

Эмбер глядит наверх. На стенке-экране перед ней, где все еще в разгаре виртуальная драка, кто-то – наверное, Ник или Борис – пристал к ее аватарке: сзади ее жмет огромный мультяшный пес с хлопающими ушами и неправдоподобно большим причиндалом, явно намереваясь вступить в цифровой половой контакт.

– Вот мерзавцы! – Стряхивая первоначальное оцепенение, вызванное абсурдностью сцены, Эмбер отшвыривает электронные бланки и выводит на экран новый аватар, придуманный ею накануне вечером. Новичка зовут Спайк, и он – очень злой тип. Снося псу в один удар голову, он мочится ему в трахею (человеческую – зато анатомически правдоподобную), а Эмбер тем временем сканирует окрестности, пытаясь догадаться, кто из этих хохочущих малолетних придурков мог быть автором похотливой псины.

– Дети, остыньте!

Эмбер оборачивается на голос. На звуки всеобщего разгула выходит одна из прото-Франклинов – темнокожая женщина лет двадцати с небольшим.

– Вас уже и пятьсот секунд одних нельзя оставить, чтоб драка не началась?

– Это не драка, а силовой обмен мнениями! – поправляет Эмбер.

– Ну да, ну да. – Франклин со скрещенными руками и чопорно-покровительственным выражением на ее (их!) лице отклоняется назад, зависая в воздухе. – Мы уже слышали эту сказочку. В любом случае, – женщина широким интерактивным жестом очищает экран от детских аватарок, – у меня новость, мерзкие детишки. Нашу заявку утвердили! Как только выключим двигатель и оформим все бумаги, фабрика начнет работу. Пришло время всем показать, из какого теста мы сделаны…

Эмбер вспоминает события пятилетней давности.

Она в каком-то двухэтажном сельском доме где-то на западе. Это временное жилище – на тот срок, пока ее мать проводит аудит на мелкой фабричке, где кропают микросхемы допотопного СБИС-типа [69] для нужд Пентагона – тех, что еще остались после сокращений бюджета. Мать маячит над ней, угрожающе взрослая, в темном костюме и с инфосерьгами в ушах.

– Ты пойдешь в школу, и точка!

Мать – блондинка-мадонна, Снежная Королева, из самых эффективных охотниц за головами, что есть у налогового управления: может вогнать в панику взрослых мужиков-управленцев просто моргнув. А вот Эмбер, встрепанная восьмилетняя оторва, пока еще не умеет давать отпор по-настоящему. И протест ее выглядит жалко.

– Не хочу! – Демоны метакортекса нашептывают ей, что такая реакция небезопасна, и Эмбер уточняет: – Мам, там меня затравят. Я слишком на них не похожа. Кстати, я знаю, ты хочешь, чтобы я общалась с ровесниками, но разве не для этого Интернет? Я прекрасно могу общаться и дома.

И – вот так неожиданность: мать опускается на колени и заглядывает дочери в глаза. Происходит это на ковре в гостиной, декорированной в ретростиле семидесятых годов: сплошной коричневый вельвет и ядовито-оранжевые обои. Домашнюю обслугу-роботов нигде не видать: все попрятались в страхе.

– Послушай, милая. – Голос у матери хрипловатый, насыщенный эмоциональными переливами не менее, чем эфир в ее офисе – духами, скрывающими вонь страха клиентов. – Я знаю,

что́ тебе пишет отец, но это все неправда. Тебе нужно общество – физическое общество детей твоего возраста, потому что ты натуральная, а не какой-то искусственный уродец, несмотря на всю головную начинку. А натуральным детям, таким, как ты, нужна компания, иначе они вырастут странными, с отклонениями. Ты ведь так много для меня значишь! Я хочу, чтобы ты выросла счастливой, а этого не произойдет, если не научишься ладить со сверстниками. Ты станешь киберуродцем, Эмбер. Чтобы сохранить душевное здоровье, ты должна ходить в школу, укреплять свою ментальную иммунную систему. То, что нас не убивает, делает нас сильнее, так ведь?

Ее слова – грубый моральный шантаж, просчитываемый на раз-два, манипуляция во всей красе. Но аналитический блок предостерегает Эмбер от резких выпадов, указывая, что эмоциональное состояние матери намекает на вероятность рукоприкладства: ноздри чуть расширены, дыхание учащенное, щеки красные. Эмбер, в союзе с вживленным в мозг блоком и метакортексом распределенных киберагентов, в свои восемь лет уже достаточно взрослая, чтобы моделировать, предвидеть и избегать телесных наказаний, но внешность ребенка провоцирует старших, росших в более примитивную эпоху. Эмбер вздыхает и надувает губки, давая матери понять: соглашаться дочь не желает, но силе – подчиняется.

– Ну ладно! Если ты так хочешь…

Мать встает, ее взгляд обращен куда-то вдаль – наверное, велит «Сатурну» прогреть двигатель и открыть ворота гаража.

– Да, я этого хочу, глупышка. А теперь пойди надень туфли. Заеду за тобой после работы. Кстати, у меня есть для тебя сюрприз: сегодня вечером поедем вместе смотреть новую церковь. – Мать улыбается, но улыбка не находит отклика в ее глазах – это просто сокращение лицевых мышц. Как Эмбер уже усвоила, таким вот образом мать симулирует классическое среднеамериканское воспитание – веря, что таковое пригодится Эмбер где-то в стремительном потоке будущего. Церкви нравятся ей самой ничуть не больше, чем ее дочери, но споры бесполезны. – Ты же будешь хорошей девочкой?..

Имам молится в гироскопически стабилизированной мечети.

Его мечеть не особо велика, и имам в ней – единственный правоверный: он возносит Аллаху молитву каждые семнадцать тысяч двести восемьдесят секунд. Он передает по Сети приглашение на молитву, но в пространстве Юпитера нет других верующих, и откликнуться на его призыв некому. Время в промежутках между молитвами он посвящает неотложным

проблемам систем жизнеобеспечения и учебе. Ученик Хадита и специалист по системам, основанным на познании [70], Садек участвует в совместном проекте с другими учениками, создающими пересмотренные и согласованные версии всех известных иснад, чтобы создать основу исследования сути исламской юриспруденции с новой перспективой – той, которая им отчаянно потребуется, если произойдет долгожданный контакт. Если инопланетяне ответят. Может быть, они сумеют разъяснить досадные вопросы, которые терзают ислам в век ускоренного сознания. Уж на плечи Садека, представителя ислама на орбите Юпитера, эти вопросы давят особенно тяжко.

Садек – худой мужчина с коротко остриженными черными волосами и выражением постоянной усталости в глазах: в отличие от команды «Алого», он со своим кораблем один на один. Первоначально его корабль был иранским отделяемым блоком китайской капсулы «Шеньчжоу-В», с китайским же модулем космической станции типа 921, приклепанным на его хвостовую часть. Однако сия несуразная химера, словно созданная в шестидесятых годах двадцатого века – похожая на алюминиевую стрекозу, трахающуюся с банкой «кока-колы», – обрела на носу плазменный парус типа 2M2P [71], построенный прямо на орбите одним из предприятий «Daewoo»; подгоняемый солнечным ветром, он донес Садека и его тесную космическую станцию до Юпитера всего за четыре месяца. Один тот факт, что Садек сюда добрался, мог сам по себе считаться триумфом веры, однако имам страдал от гнетущего одиночества. Обратив зеркала своей мини-обсерватории к «Эрнесту Алому», он поразился его размерам и продуманности конструкции. Налицо привилегии европейского финансирования, полуавтономных инвестиционных фондов с различными протоколами бизнес-циклов, запустивших прогресс коммерческого освоения космоса. Сам Пророк, да пребудет с ним мир, осудил ростовщичество, но наверняка бы призадумался, глядя на то, как эти капиталистические свиньи демонстрируют свою мощь над БКП [72]…

Закончив молитву, Садек проводит на коврике еще несколько драгоценных минут. В этом окружении ему непросто медитировать: если молча стоять на коленях, начинаешь слышать гудение вентиляторов, обонять запах старых носков и пота, ощущать во рту металлический привкус озона, исходящий от генераторов кислорода «Электрон». Трудно стать ближе к Аллаху в этом подержанном космическом корабле – подачке высокомерной России амбициозному Китаю. В конце концов корабль сей достался истинно верующим, нашедшим ему наилучшее применение. На игрушечной космической станции их

эмиссар зашел очень далеко, но кто скажет наверняка, намеревался ли Аллах послать людей жить сюда, на орбиту вокруг распухшей, как красная язва, планеты?

Покачивая головой, Садек сворачивает коврик и ставит его у единственного на весь корабль иллюминатора. Им овладевает тоска по дому – и по детству в душно-запыленном Йезде, и по долголетней учебе в Куме [73]. Он крепит дух свой, обводя взглядом станцию, что ныне ему столь же близка, сколь была когда-то квартирка на четвертом этаже панельного дома, где ютились родители Садека, рабочий автозавода с женой-домохозяйкой. Внутреннее пространство корабля, и без того не большее, чем у школьного автобуса, загромождено от пола до потолка кладовыми отсеками, консолями инструментов и целыми слоями голых труб и кабелей. Около теплообменника, постоянного источника тревоги, в конвективных потоках кружится пара глобул антифриза, две заблудшие в невесомости медузы. На руках Садек отталкивается и плывет по станции, разыскивая пластиковую грушу с герметиком, приготовленную как раз для таких случаев. Найдя, раскатывает кожух с инструментами и велит одному из своих агентов найти подходящую суру из ремонтной инструкции: пора заделать это протекающее сочленение раз и навсегда.

Его ждет где-то час серьезной работы; потом он отведает рагу из сублимированной баранины с чечевичной пастой и отварным рисом, выпьет бутылочку крепкого чая, затем займется проверкой последовательности операций очередного маневрирования на орбите. Быть может, если на то будет воля Аллаха, никаких новых системных сбоев не возникнет, и он посвятит своим исследованиям час или два между вечерней и последней молитвами. А послезавтра, возможно, даже удастся на пару часов расслабиться и посмотреть один из старинных фильмов, которые так его восхищали, помогали проникнуть в чужие культуры. Например, «Аполлон-13». Нелегко быть единственным членом экипажа во время долгой космической миссии, но Садеку еще труднее, потому что ему не с кем поговорить: сигнал до Земли идет целых полчаса. К тому же, насколько ему ведомо, он здесь – единственный правоверный на полмиллиарда километров вокруг.

Эмбер вспоминает, как набрала парижский номер и стала ждать ответа. Женщину на экране телефона она узнала тогда сразу: мать называет ее «отцовской подстилкой» (как-то Эмбер наивным образом полюбопытствовала, что означает «подстилка», и мать влепила ей тумака – не сильного, воспитательной острастки ради).

– Папа там?

Вид у женщины слегка удивленный. Волосы у нее светлые, как и у матери, но явно крашеные, подстриженные очень коротко, по-мужски.

– *Oui*. В смысле, да. – Она неуверенно улыбается. – Хочешь с ним поговорить?

– Хочу его *увидеть*. – Эмбер стискивает телефон, как спасательный круг. Моделька – дешевая, одноразовая, этакая игрушка из коробки с хлопьями для завтрака, и его корпус из пластокартона уже начал размягчаться в ее влажной ладошке. – Мама мне не разрешит, тетя Нетти…

– Тише. – Аннет, прожившая с отцом Эмбер вдвое дольше, чем он сам жил с мамой, улыбается. – Ты уверена насчет этого телефона? Твоя мама о нем не знает?

Эмбер оглядывается. В комнате отдыха она сейчас одна – время переменки пока что не подошло, но учителю она сказала, что ей очень нужно выйти.

– Уверена. Вероятность по двадцати наиболее значимым факторам выше нуля целых девяти десятых. – Ее модуль байесового анализа замечает, что точный расчет невозможен, ведь мать еще никогда не ловила ее с одноразовыми телефонами, но… будь что будет. Да и потом, у папы не будет неприятностей, раз он об этом не знает, так ведь?

– Отлично! – Аннет смотрит куда-то в сторону. – Мэнни! Звонок-сюрприз!

На экране появляется папа. Она видит его лицо целиком, и выглядит он моложе, чем в прошлый раз – наверное, перестал носить неуклюжие старинные очки.

– Привет, Эмбер! Ты где там? Мать знает, что ты мне звонишь? – На этом последнем вопросе его голос выдает тревогу.

– Нет, – уверенно отвечает она, – это телефон из пачки хлопьев.

– Уф… Послушай, милая, всегда помни: никогда не звони, если мать может об этом узнать. Иначе она спустит на меня всех своих псов-юристов с ножницами и раскаленными щипцами. Скажет им, будто это я заставил тебя позвонить. Поняла?

– Да, папочка. – Она вздыхает. – Знаешь, почему я звоню?

– Хм! – На секунду он кажется застигнутым врасплох, потом – серьезно кивает. Папа Эмбер нравится: он всегда воспринимает ее слова всерьез. И пусть ей жутко неудобно брать взаймы телефон у одноклассницы или пробивать ходы через мамин сетевой брандмауэр, кусачий не хуже питбуля, игра всегда стоит свеч. – Мои уши в твоем распоряжении. Есть какие-то новости? Как твои дела?

Придется говорить кратко: эти одноразовые телефоны позволяют беседовать лишь в рамках заранее оплаченной суммы, а международный тариф у них просто запредельный, и сигнал окончания разговора может прозвенеть в любую минуту.

– Я хочу вырваться, папа. Я серьезно. Мамуля с каждой неделей становится все более чокнутой: таскает меня по разным церквям, а вчера закатила скандал из-за того, что я разговаривала со своим терминалом. Хочет отвести меня к школьному психологу – а для чего? Я устала ее постоянно слушаться! Не такая уж я и маленькая! Всякий раз, когда я пробиваю брандмауэр, она пытается спустить на меня контекстного ограничителя, из-за него у меня голова болит. Даже думать ясно не выходит! – Совершенно неожиданно для самой себя Эмбер начинает плакать. – Прошу тебя, вытащи меня отсюда!

Изображение отца дрожит, картинка смещается: на экране возникает встревоженная тетя Аннет.

– Ты ведь знаешь, что твой папа ничего не может сделать. Иначе юристы твоей мамы свяжут его по рукам и ногам.

Эмбер шмыгает носом:

– А ты можешь помочь?

– Попробую, – обещает папина подстилка, и на этой ноте телефон подыхает.

Разведывательный дрон «Эрнеста Алого» сбрасывает модуль с инструментами, и тот начинает пятидесятикилометровое контролируемое падение к похожей на картошку скале. На его фоне, как импрессионистская заставка для рабочего экрана безумного космолога, висит огромный прибывающий диск Юпитера. Пьер кусает нижнюю губу, концентрируя разум на управлении модулем.

Эмбер в черном спальном мешке зависает у него над головой, как огромная летучая мышь, рассматривает его стриженные «под горшок» волосы и жилистые руки, лежащие по краям интерактивного рабочего стола. Свобода в это время смены ей – как бальзам на душу. Раб на денек – интереснейший опыт, а заодно и отдых: жизнь на «Эрнесте Алом» настолько заполнена делами, что на бездельничанье времени ни у кого не остается (во всяком случае, пока не будут собраны большие жилые модули «Поселения-1» и пока не раскроется в направлении Земли широкополосная тарелка связи). Они вкладывают все силы в осуществление чрезвычайно сложного плана, разработанного на Земле командой поддержки, дурака валять некогда: проект полагается на беззастенчивую эксплуатацию детского труда – дети расходуют меньше ресурсов. Повзрослев, они станут

богачами (но это обстоятельство, впрочем, не останавливает яростные протесты на Земле). Для Эмбер возможность поручить кому-то свою работу в новинку, и она старается не упустить ни единой минуты.

– Эй, подстилка, – лениво интересуется она, – как там твои дела?

– Справляюсь, спасибо, – фыркает Пьер.

Эмбер подмечает, что он все время прячет от нее взгляд. Ему тринадцать – не пора ли начать увлекаться девочками в эти-то золотые годы? Видя, как он тих и сосредоточен, она запускает скрытый агент-зонд разведать его внешние границы. Ни намека на то, что он заметил, но зонд отскакивает, не способный вклиниться в его ментальную защиту.

– Модуль вышел на круизную скорость[74], – неохотно добавляет он, когда двухтонная конструкция из металла, керамики и синтетических алмазов устремляется к поверхности Барни со скоростью 300 км/ч. – И прекрати копаться у меня в мозгах – и без твоих соплей управление на три секунды запаздывает.

– Хочу и копаюсь, мальчик на побегушках. – Эмбер показывает ему язык.

– А если я из-за тебя уроню модуль? – Он обращает к ней серьезный взгляд.

– Ты прикрывай свою задницу, а я уж как-нибудь прикрою свою, – брякает она и тут же заливается густой краской. – Ну ты понял, да?

– Я-то? Я-то – да. – Пьер широко ухмыляется и возвращается к рабочему столу. – Ну а вот насчет тебя я не уверен. На твоем месте я бы следил за языком. Уж больно много ты двусмысленностей выдаешь, и все – сальные и несмешные. Так тебя когда-нибудь примут за взрослую бабу.

– Ты занимайся своим делом, а я займусь своим, – с нажимом произносит Эмбер. – И для начала – доложи-ка обстановку.

– Всё пучком. – Пьер откидывается назад, сплетает пальцы рук, поглядывая на экран. – Модуль продрейфует еще пятьсот секунд, затем на полпути пройдет автокоррекция курса – ну а там уже и тормозные двигатели перед посадкой запустятся. А нам с тобой придется еще час ждать, пока он развернется и начнет разматывать катушку кабеля. Тебе прямо все-все подробности разжевать?

– А то! – Эмбер расправляет спальник на манер крыльев и зависает в воздухе. Сейчас она чувствует себя поистине королевой положения, и напускные строгости-формальности Пьера ее скорее смешат. М-да, похоже, он взаправду к ней неровно дышит.

С интерактивного окна звякает оповещение.

– Тебе письмо, – сообщает Пьер все тем же скучным тоном. – Мне зачитать?

– Какое такое письмо? – На экран выпрыгивает сообщение: змеистый шрифт, строка букв ползет справа налево, совсем как текст в ее корпоративном документе, ныне надежно припрятанном в депозитной ячейке банка в Цюрихе. У нее уходит какое-то время на скан текста грамматическим агентом, способным сладить с арабским, и еще минута – чтобы до нее дошел смысл послания. Когда все эти этапы пройдены, Эмбер разражается руганью – громогласной и долгой.

– Мамка, ну что ты за сволочь такая! Ну *зачем* так поступать!!!

Корпоративный документ прибыл в огромной коробке курьерской службы «Федерал экспресс», адресованной Эмбер. Произошло это в ее день рождения, когда мать была на работе, и Эмбер запомнила все настолько хорошо, словно это было час назад.

Она помнит, как подняла руку и приложила большой палец к инфоблокноту курьера, ощутив покалывание от идентификаторов, анализирующих ее ДНК. Потом она затащила коробку в комнату. Когда Эмбер потянула за петельку, коробка сама по себе раскрылась, извергнув компактный трехмерный принтер, стопку бумаги листов на двести или триста с текстом, отпечатанным дурацкими старомодными чернилами, и маленькую черно-рыжую в пятнах кошечку с большим символом «@» на боку. Кошка вылезла из коробки, забавно тряся головой и прижимая уши, потянулась – и уставилась на девочку.

– Ты Эмбер? – промурлыкала она.

– Ну да, – робко откликнулась Эмбер. – А ты – от тети Аннет?

– Нет, мать твою, от Зубной Феи. – Кошка подступила поближе и ткнулась головой в ее коленку, измазывая ей весь юбочный подол ароматической железой меж ушей. – Слушай, а тунца на кухне не сыщется?

– Мама не любит морепродукты. – Эмбер развела руками. – Говорит, это все плоды карго-культуры. Кстати, у меня сегодня день рождения!

– Ну с праздничком, мать тебя за ногу. – Кошка зевнула – совсем как настоящая. – Я твой подарочек от папки. Мудозвон уложил меня в спячку и сунул в коробку, чтобы я тебе показала, как работать с другими подарочками. Но послушай моего совета – выкинь этот хлам к хренам собачьим. Добром это все для тебя не кончится…

– А что за остальные подарки? – перебила Эмбер кошку, радостно хлопая в ладоши. – Какой-то новый секретный девайс? Или пистолет, чтобы я застрелила отца Уоллеса?

– Херушки. – Кошка, снова зевнув, свернулась на полу возле принтера. – Это какая-то завиральная бизнес-моделька, призванная вырвать тебя из когтей мамаши. Но советую с этим всем поосторожнее: папец твой говорит, что законность этого дела узко ограничена юрисдикцией. Твоя мама может спалить поляну, если узнает, как оно все работает.

– Ну, блин, все равно – здорово. – Вообще, Эмбер в восторге уже просто потому, что сегодня ее день рождения, мать на работе, а она дома совсем одна, если не считаться с телевизором, настроенным на режим «морального большинства». С тех пор как в арсенал родительницы, способствующий окучиванию Эмбер, добавилась религия, дела пошли ну совсем уж туго. До такой степени туго, что самая лучшая вещь в мире, какую тетя Аннет могла отправить ей, – это какая-то выстроенная отцом афера, позволяющая забрать Эмбер отсюда. Если это не сработает, мама отведет ее в церковь сегодня вечером, и она уверена, что в конечном итоге снова устроит сцену. Терпимость Эмбер к своевольному идиотизму быстро уменьшается, и, хотя создание ее меметического иммунитета вполне может быть настоящей причиной того, что мама навязывает ей это дерьмо – иногда посылы маминых поступков вообще трудно раскусить, – обстановка зримо накалилась с тех пор, как Эмбер исключили из воскресной школы за то, что она энергично защищала теорию эволюции.

Кошка принюхивается, брезгливо тычет лапой в принтер.

– Ну что, – говорит она, – врубай давай.

Эмбер открывает крышку принтера, вынимает блоки упаковочного пенопласта.

Включенный в сеть прибор урчит и веет теплом через решетку в задней стенке; пока формующие головки охлаждаются, он сканирует метрику Эмбер и принимает ее как свою хозяйку.

– Что теперь делать? – спрашивает девочка.

– Найди страницу с заголовком README, потом – по шагам, вперед. – Кошка явно скучает. Жмурясь, она выдает с издевательским французским акцентом: – Лё р’идми имеет указания пур эксекусьон кор’пор’ативного документа. В случае непоняточек обр’атитесь за помощью к ля ИИНеко. – Нахальная зверюга морщит нос, словно сгоняя с него муху. – Предупреждение от Аннет: не доверяй кошке сверх меры, животину эту частенько перепрошивали, так что она очень избалованная. А еще твоя мать настраивала нейросеть у этой

штуки еще тогда, когда они с твоим отцом были вместе. Конец предупреждения. Ох, ну и сука же эта парижанка! Клянусь, еще раз встретимся – нассу ей в ящик с трусами, налиняю прямо в биде. – Голос кошки переходит на низкий злобный бубнеж.

– Ну-ну, не куксись. – Эмбер быстро просматривает распечатку с README. Папа ей всегда говорил, что корпоративные документы – орудие мощное, а этот оказался и вовсе экзотикой по любым стандартам: есть некое общество с ограниченной ответственностью, зарегистрированное в Йемене, находящееся на перепутье между шариатом и глобальными мастодонтами от мира юрисдикции. Ухватить суть оказалось нелегко, даже располагая персональной сетью без трех минут разумных цифровых агентов с безлимитным доступом к целым библиотекам международных торговых законов; осмысление далось не без тягот. Эмбер нашла документацию в высшей степени загадочной; ее взволновало отнюдь не то, что половина бумаг была написана на арабском (это бы уладили грамматические агенты), и даже не то, что в тексте было пруд пруди S-выражений и трудно усваиваемых кусков на ЛИСПе [75], а то, что компания, похоже, провозглашала своей целью… рабовладение.

– Что за фигня? – вытаращилась Эмбер на кошку. – Это как понимать?

– Ты меня спрашиваешь? – Кошка злобно прищурилась. – Эту галиматью, по-твоему, я сочинила? Твой отец – тот еще чудачок, а твоя маман его ненавидит только за то, что до сих пор любит, у нее от этого крыша едет, смекаешь? Может, она это дело сублимирует, если те церковные идеи, которыми она тебя потчует, для нее что-то всерьез значат. Твой отец полагает, что она помешалась на контроле над тобой. Как бы то ни было, но, когда он сбежал, она добилась судебного запрета на контакты с тобой, но забыла прикрыть и его подружку, и теперь та купила этот мешок гребаных сюрпризов и послала тебе. В общем, родич твой создал и зарегистрировал эти компании и запрограммировал этот принтер – в отличие от принтера твоей маман, не подрубленный к сетевому фильтру, – исключительно для того, чтобы ты смогла уйти от нее легально, просекаешь? Ты же этого хотела?

Эмбер быстро пролистала вводную часть документа (по большей части написанные на UMLe [76] заунывные графики и схемы), отыскивая суть плана. Йемен – одна из немногих стран, где разом действуют традиционный суннитский закон шариата и устав обществ с ограниченной ответственностью. Владеть рабами там разрешено: подвох скрыт в том, что рабовладелец покупает

опцион, гарантийно обеспеченный доходом подписавшего договор работника, причем проценты по сделке растут быстрее, чем несчастная жертва способна их выплачивать, – а компании являются юридическими лицами. Если Эмбер продаст себя в рабство, то компании придется понести юридическую ответственность за ее поступки и содержание.

Остальная часть юридического аппарата – процентов девяносто – является набором изменчивых корпоративных механизмов, созданных на базисе конституций, позволяющих создавать отвечающие полноте Тьюринга уставы компаний, играющих роль номинальных владельцев для рабовладельческого контракта. А на дне всей этой корпоративной игры в наперстки таится трастовый фонд, в котором Эмбер – главнейший акционер и получатель доходов. Став совершеннолетней, она обретет полный контроль над всеми компаниями в структуре и сможет выкупиться из своего рабства, а до той поры ее личный трастовый фонд надзирает за компанией, владеющей ею самой, пресекая попытки перепродать Эмбер кому-то еще. И финальный аккорд: сеть компаний уже провела общий слет акционеров, поручивший срочно доставить имущество трастового фонда в Париж. Билет на самолет в один конец прилагается.

– Мне, наверное, стоит согласиться? – без уверенности в голосе спрашивает у кошки Эмбер. Трудно судить, насколько электронная зверюга умна – копни поглубже, и за всеми ее семантическими схемами наверняка вскроется зияющая пустота, – но пока что доводы с ее стороны звучат как минимум интересно, как максимум убедительно.

Сев, кошка накрыла хвостом лапы.

– Ну, я ничего тебе навязывать не стану. Если дашь согласие – сможешь уехать, жить с отцом, но в случае чего твоя маман запросто завалится к нему верхом на атомной бомбе с кнутом в руке, а тебя просто обвяжут цепями и уволокут обратно ее верные юристики. И, да, хочешь совет? Свяжись с Франклинами и уболтай их принять тебя в космоэкспедицию – уж в космосе-то никто не всучит тебе прошение явиться в суд. Кроме того, у них зреют долгосрочные планы выхода на рынок CETI, чтобы заняться расшифровкой инопланетных посланий. Раз уж хочешь услышать мое искреннее мнение, жизнь в Париже – та еще хрень, а твой сраный предок и его парижаночка – совершенно невыносимые тусовщики. У них в жизни нет времени для ребенка – да что там, даже для кошки вроде меня, если подумать. Из вечера в вечер они только и делают, что шатаются по фэшн-вечеринкам, дискотекам и операм, – словом, по всей этой чепухе для не вполне созревших взрослых. Они тебя только с пути собьют, мелюзга. К черту это –

расти рядом с предками, которые берут от жизни не в пример больше тебя.

– Гм. – Эмбер морщит нос, наполовину задетая кошачьим вопиющим интриганством, наполовину понимающая, что тут есть над чем подумать. Вычислительные мощности ее мозга распределяют задачу, перегружая домашнюю сеть: часть анализирует хитроумную карточную пирамиду структур компаний, часть – прикидывает, где план может пролететь, часть раздумывает – с некоторым трепетом – над тем, как здорово будет снова повидаться с папой. Но если у него действительно не будет на нее времени…

– Расскажи-ка о Франклинах. Это семейная пара? – спрашивает она у кошки. Все это время 3D-принтер усердно трудится: из криогенной высоковакуумной рабочей зоны под аккомпанемент негромкого шипения вынимаются последние крохи тепла. Недра машины рождают когерентные пучки атомов из конденсатов Бозе – Эйнштейна [77], парящих в вакууме на границе абсолютного нуля. Выстраивая на них интерференционные структуры, машина создает атомную голограмму, выстраивая идеальную копию какого-либо оригинального предмета, точную на атомном уровне. Никаких нескладных нанотехнологических частей, способных сломаться, перегреться или как-то изменить агрегатное состояние: полчаса – и из принтера появится нечто, клонированное с точностью до индивидуальных квантовых состояний всех атомов. Кошка пододвигается ближе к теплому ветерку из воздуховодов системы охлаждения и как будто сосредотачивается на чем-то своем.

– Боб Франклин умер года за два-три до твоего рождения. Твой предок с ним общие дела вел. Да и мать, кстати, тоже. В общем, он выгрузил бóльшую часть своего сознания в Сеть, и его последователи-попечители периодически воссоздают придурка путем загрузки в свои импланты. Этакий борганизм, при деньгах и харизме. Фишечка в том, что наш Боб незадолго до смерти вплотную налег на космические программы, а кореш твоего предка разработал для него хитроумную финансовую схему, и теперь они – или он, уж не знаю, как оно там точнее, – замахнулись на постройку космической станции. Ее забросят аж на Юпитер, разберут там на части пару-тройку мелких лун и начнут постройку фабричного обогатительного комплекса по добыче гелия-3. Как раз связано с тем CETI-замутом, я уже про него говорила, но в дальней перспективе оно, конечно, по-всякому может сыграть.

Смысл кошачьей болтовни аккуратно минует уши Эмбер – потом придется выяснить поподробнее, что это за зверь такой,

обогатительный фабричный комплекс, добывающий гелий-3, – но сама идея дать деру в космос смотрится классно: форменное приключение! Эмбер обводит взглядом гостиную, и та кажется ей хронокапсулой – мини-мавзолеем со стенами, обшитыми деревом, где увяз глубоко образ той Америки, которой в реальности и не существовало никогда. Тот самый симулякр, в который хотела сбежать ее родительница. Этакая камера Скиннера [78] для дрессировки, превращения дочери в шелковую.

– А на Юпитере интересно? – спрашивает она. – Я знаю, что он – большой и не очень плотный, но там хотя бы весело? Инопланетяне будут?

– Если хочешь когда-нибудь повидать этих ублюдков, уж туда тебе в первую очередь дорога, – протягивает кошка. Принтер, рыгнув, выплевывает фальшивый, но убедительно состаренный паспорт, замысловатую металлическую печать с выгравированной арабской вязью и вакцину широкого спектра действия, созданную под иммунную систему Эмбер. – Прилепи вакцину себе на руку, подпиши три верхних экземпляра контракта, положи все в конверт и шевели батонами – нам еще на самолет успеть надо.

Судебный иск настигает Садека за обедом.

Сидя в одиночестве в тесной, заполненной гудением каморке своей станции, Садек просматривает документ. Он написан на крайне неуклюжем арабском, налицо грубый машинный перевод. Истица – американка, женщина, что особо чудно́,– христианской веры. В сущности, ее иск – та еще нелепица. Садек доедает хлеб, убирает за собой и моет тарелку и только после сосредотачивается на сути послания. Какой-то глупый розыгрыш? Похоже, нет; будучи одним-единственным *кади* за пределами марсианской орбиты, Садек обладает уникальной квалификацией, чтобы услышать обращение, да и случай – тот самый, когда справедливость всяко необходима.

Женщина, ведущая богобоязненную жизнь, – конечно, не истинно верная, но в какой-то степени смиренная и интуитивно чувствующая веру, – лишилась единственной дочери из-за махинаций мужа, бросившего ее несколько лет назад. То, что женщина растила дочку в одиночестве, поражает Садека – как поражает любая огорчительная черта европейского быта, – но когда он читает краткий свод бесчестных дел ее бывшего мужа, то соглашается, что иногда нужно выбрать из двух зол меньшее, – любого ребенка, взращенного подобным проходимцем, ждала бы печальная судьба. И этот человек лишил истицу дочери, причем незаконным методом – не взяв дитя в дом, не предприняв попытки заняться воспитанием, а просто хитроумно поработив по

западным юридическим традициям и зашвырнув во тьму дальнего космоса, где ребенка используют в качестве слуги прогресса сомнительные силы самозваного «прогресса». Те самые силы, коим Садек, посланец уммы на юпитерианской орбите, призван всячески противостоять.

Садек в задумчивости приглаживает короткую бородку. История скверная, но как он может помочь?

– Компьютер, – диктует он, – пиши ответ истице: сочувствую вашим страданиям, но не вижу способа помочь вам. Ваше сердце взывает о помощи пред Богом, благословенно имя Его, но это, несомненно, дело для светских властей Дар-аль-Харба [79]. – Он делает паузу и прикидывает: взаправду ли это так? В голове вращаются юридические шестерни. – Если бы истица смогла отыскать способ, при помощи которого шариат мог бы обеспечить над ее дочерью главенство, то я возьмусь за дело об ее вызволении из рабства, к вящей славе Господней, благословенно имя Его, и ради Пророка, да пребудет с ним мир. Конец письма, подпись, отправление.

Расстегнув ремни, удерживающие его за столом, Садек воспаряет и барражирует в направлении дальней стены своего тесного жилья. Пульт управления телескопом втиснут между ультразвуковой прачечной и патронами с гидроксидом лития, очищающими воздух от углекислоты. Пульт уже включен: Садек проводил общее исследование внутреннего кольца, ища признаки водяного льда; за несколько секунд он подключает к контроллеру телескопа систему навигации-слежения и дает ему команду искать большой иностранный корабль неверных. В голове настойчиво бьется тревожная мысль: вдруг им что-то было в письме той женщины упущено? Оно же пришло с несколькими приложениями огромного размера – стоило бы с ними ознакомиться. Садек рассеянно просматривает сводку новостей с Земли, присылаемых наставниками, и терпеливо ждет, когда телескоп разыщет крупицу света, внутри которой томится в порабощении дочь несчастной истицы.

Стоит начать с ними диалог – и пусть все непростые вопросы сами себе ответят. Если у него выйдет убедить их, что планы неосуществимы, не будет нужды воздевать меч войны, защищая праведных от Вавилонской башни последних дней, какую намереваются возвести неверные. И если эта женщина, Памела, не солгала, Садеку не придется кончать свои дни здесь, в межпланетном холоде, вдали от престарелых родителей, брата, коллег и друзей; за одно это он будет ей весьма благодарен, потому что в глубине своего сердца он знает – в нем куда больше от ученого, нежели от воина.

– Извините, но борг усваивает иск, – отвечает секретарь. – Подождите еще минутку.

– Скотство. – Эмбер смаргивает спрайт-автоответчик Бинарной Бетти с глаз долой и окидывает свою каюту недовольным взглядом. – Прошлый век какой-то! За кого они себя держат?

– За дока Роберта Франклина, – вворачивает кошка. – Проигрышное суждение, если хочешь знать мое мнение. Боб был так одержим своей идейкой, что теперь из него вырос целый хиппарский групповой разум, по которому он размазан.

– Умолкни уже! – рычит Эмбер, но тут же раскаивается. – Прости. – Она отращивает автономную нить с полным парасимпатическим нервным контролем и отдает ей команду успокоить себя. Отращивает еще парочку, чтобы стать экспертом по шариатским законам. Она понимает, что перетягивает на себя слишком широкую полосу слабого приютского канала связи и это время ей потом придется отработать, но иного выхода нет, мать зашла слишком далеко – на сей раз это война.

Вылетев из каюты, Эмбер несется вдоль центральной оси обитаемого модуля – вся из себя бунтующая ракета в поисках достойной для вымещения гнева цели. Вот бы сейчас задать кому-нибудь жару, ух!

Но тело уже велит ей остыть и сосчитать до десяти. На задворках метакортекса агент по сборке информации утешительно потчует ее собранными знаниями, и Эмбер уже не чувствует себя заступившей за грань отчаяния. Да, она рассердилась, раздосадовалась, чуть утратила самообладание, но не более. Примерно так же она себя чувствовала, когда мама заметила, что она слишком сдружилась с Дженни Морган, – и перевела ее в новую школу в другом районе. Мама сказала тогда, что получила на работе новое назначение, но Эмбер-то знала, что та сама о нем попросила – лишь бы и дальше держать дочь в зависимости. Мать – помешанная на контроле психопатка, еще с тех самых пор, когда была вынуждена примириться с уходом отца; именно тогда она начала запускать коготки в Эмбер, но это не далось легко, потому что Эмбер умна и до мозга костей напичкана электроникой. Но теперь мамуля снова отыскала способ достать ее – даже у Юпитера. Эмбер попросту с ума бы сошла от ярости, не удерживай крышку над бурлящим котлом эмоций помощники в ее мозгу.

И Эмбер, вместо того чтобы срываться на кошке или безуспешно трезвонить через Бинарную Бетти, отправляется на охоту за борганизмом в его логово – в биопространстве.

Всего на борту «Эрнеста Алого» шестнадцать боргов-взрослых – насельников руин посмертного образа Боба Франклина. Они одолжили часть мощностей своих мозгов тому, что наука смогла воскресить из разума покойного интернет-миллиардера, самого первого Бодхисатвы эры выгрузок сознания (разумеется, если закрыть глаза на колонию лангустов). Наставница у них – женщина по имени Моника: пластичная и кареглазая, с растровыми имплантами в роговице и холодной сардонической манерой разговора, способной язвить чужие «эго» не хуже ветра в пустыне. Воссоздавать Боба у нее получается лучше других, кроме, пожалуй, стремного парня, зовущего себя Джеком. Но Моника хотя бы не тупит, если становится снова самой собой, а вот Джек, в отличие от нее, на людях вообще не являет себя. Видимо, поэтому именно ее, а не его провозгласили лидером экспедиции.

Эмбер отыскивает Монику в четвертой теплице – та колдует над водным фильтром, в котором поселились головастики. Ее фигура почти не видна под огромным раструбом, и только полосы липучки от ее набора инструментов тянутся наружу, колыхаясь на ветерке подобно неким сухопутным водорослям синего цвета.

– Эй, Моника! Найдется минутка? – окликнула ее Эмбер.

– Конечно, и даже не одна. Не подсобишь? Подай-ка компенсаторный гаечный ключ и шестигранник номер шесть.

– Сейчас. – Эмбер ловит одно из синих щупалец и исследует все вшитые в него лузы и кармашки. Некая конструкция из батареек, сервоприводов, маховикового противовеса и лазерного гироскопа собирается в ее руках сама собой, и Эмбер, пожав плечами, вручает результат скрытой раструбом Монике. – Вот.

– Ты пришла поговорить о своем обращении в иную веру, да?

– Именно! Не хочу я никуда обращаться. Плевать мне, что там хочет вывернуть мама, – я не мусульманка и никогда ею не буду! И судья не посмеет меня тронуть – у него на это никаких прав нет. – Пыл в ее голосе борется с неуверенностью.

Под отстойником фильтра что-то звякает.

– Лови! – Из-под раструба вылетает пластиковый мешок, ощетинившийся крепежом. – Я тут пока зачищу кое-что…

Эмбер хватает мешок, но слишком поздно понимает, что тот полон болтающихся в водной среде головастиков. Слизистые ленты, напичканные крошечными, похожими на запятые тварюшками, разлетаются по всему помещению – и рикошетят от стен дождем лягушачьего конфетти.

– Ой!

Моника наконец выбирается из-под трубы. Оглядывается и вздыхает:

– Ну вот еще чего не хватало…

Она отталкивается от того, что в общественном сознании считается полом, тянет из фильеры полосу впитывающей бумаги, сжимает в комок и закупоривает вентиляционную решетку над дренажом. Вооруженные контейнерами для сборки биоматериала Моника и Эмбер управляются с головастиками – к тому моменту, как все отловлены, фильера рычит и щелкает, вырабатывая целлюлозу из баков с водорослями в полосы чистой бумаги.

– Не знаешь, как сюда попала жаба? – спрашивает Моника, сдувая прядь со лба.

– Не-а. Но я видела одну в общем отсеке – за смену до конца последнего цикла. Она там прыгала повсюду, я ее поймала и подбросила обратно Оскару, он же в них души не чает!

– Придется с ним обсудить этот вопрос. – Моника смеряет раструб хмурым взглядом. – Я сейчас залезу обратно и водворю фильтр на место. Хочешь, подключу Боба?

– Гм-м… – Эмбер раздумывает. – Не уверена. Решай сама.

– Ладно, вот тебе Боб. – Черты Моники смягчаются на мгновение, а потом обретают исключительную решительность. – Что ж, смотрю, у тебя есть выбор. Хотя мать обложила со всех сторон, верно?

– Так и есть, – отвечает Эмбер понуро.

– Ясно. Считай, что я идиот, и расскажи обо всем подробно с самого начала.

Эмбер, держась за трубу, проползает немного и опускает голову, чтобы та оказалась поближе к Монике/Бобу, парящей в невесомости.

– Я сбежала из дома. Мать меня буквально в угол зажала – у нее были родительские права, а у отца нет. Поэтому папа помог мне продать себя в рабство компании. Компанией владеет трастовый фонд, а я стану его владельцем, когда достигну совершеннолетия. Так как сейчас я движимое имущество компании, она указывает мне, что юридически следует делать. Однако одновременно была основана и холдинговая компания, приказы которой отдаю я. Поэтому я в определенной степени самостоятельна. Правильно?

– Узнаю почерк Манфреда, – отзывается Моника/Боб. Ее голос с северо-английским акцентом, обретя ту ироничную вальяжность возрастного IT-специалиста из Силиконовой долины, уходит в едва ли не средиземноморское звучание.

– Проблема в том, что бóльшая часть стран не признает рабства. А в других, которые его признают, нет эквивалента компаний с ограниченной ответственностью, не говоря уже о таких, которые могут управляться другой фирмой из-за границы.

Папа выбрал Йемен – там есть дурацкая разновидность шариатских законов, у страны дерьмовая репутация по части прав человека, но они соответствуют уровню юридических стандартов, принятых в Евросоюзе, и ведут дела через турецкий законодательный брандмауэр. Так вот, формально я, пожалуй, янычарка, у которой христианка мать, что делает меня неверной христианкой-рабыней исламской компании. Но теперь эта стерва отошла в шиизм. Обычно мусульмане считают, что если отец был мусульманином, то и дети тоже мусульмане, то есть религия наследуется по отцовской линии. Но она подбирала секту очень тщательно и взяла такую, что исповедует прогрессивный взгляд на права женщин – они нечто вроде исламских либеральных конструктивистов! По своим временам Пророк ведь на голову опережал современников, и они считают, что нужно следовать его примеру – хотя бы в отношении равенства полов. Как бы то ни было, теперь мать может утверждать, что я мусульманка, и по йеменским законам со мной следует обращаться как с мусульманской собственностью компании. А их законы весьма неохотно допускают рабство мусульман. Суть не в том, что у меня есть права как таковые, а в том, что мое пасторальное благополучие становится предметом ответственности местного имама, и… – Эмбер беспомощно поводит плечами.

– А он еще не пытался заставить тебя жить по каким-то новым правилам? – уточняет Моника/Боб. – Не намеревался ограничить твою свободу воли или воздействовать на твое сознание? Скажем, включить тебе подавители полового поведения?

– Пока нет, – хмуро признает Эмбер. – Но он не лыком шит. Вполне возможно, что он использует мать и меня заодно как способ добраться до всех нас. Допустим, подаст на нас арбитражный иск, что-нибудь в этом духе. Или даже хуже! Прикажет мне полностью прогнуться под свои специфические толкования шариата. У них разрешены импланты, но требуется непременное концептуальное фильтрование. А если мне подрубят эту фигню, я в нее в итоге поверю!

– Так почему бы просто не отречься? – Моника плавно отплывает назад.

– Две причины. – Эмбер делает глубокий вдох. – Можно отречься от ислама – так я стану вероотступницей и автоматом аннулирую договор с холдингом, но тогда я попаду в лапы матери и стану от нее зависеть. Можно заявить, что документ не имеет юридической силы, потому что я была в США, когда подписала его, а рабство там вне закона, но и тогда мать сцапает меня, потому что я несовершеннолетняя. И даже если я замотаюсь в тряпки и стану вести себя очень по-мусульмански, мать, хоть и

не имея надо мной власти, будет иметь – по закону – доступ к концептуальному фильтрованию. О, Боб, она все очень хорошо продумала!

– О да. – Развернувшись, Моника опускается на пол. С ее лица на Эмбер глядят глаза Боба. – Что ж, твои проблемы я выслушал. Теперь попробуй придумать, как бы в таком случае поступил твой отец. Он каждый день, еще до завтрака, выдавал на-гора с десяток отменных идей – это и сделало его знаменитым. Мать загнала тебя в угол – придумай, как от нее улизнуть!

– Ладно. – Эмбер обнимает толстый гидропонный трубопровод, будто спасательный круг. – Тут у нас юридический парадокс, ловушка, созданная из законов. Допустим, смогу я поговорить с судьей… хотя смысл? Она наверняка имеет и на него влияние. – Эмбер щурится. – Эй, Боб. – Выпуская трубу, она отталкивается от нее и воспаряет. Волосы струятся за ней, словно шлейф кометы. – Как надо действовать, чтобы заиметь себе *новую* юрисдикцию?

Моника отвечает с улыбкой:

– Ну, если мне не изменяет память, самый верный способ – произвести захват каких-нибудь территорий и объявить их своими угодьями. У меня есть друзья, с которыми тебе будет не лишним познакомиться. Они не очень-то коммуникабельные, да и сигнал отсюда до них идет с задержкой в два часа… Но, думаю, на твой вопрос они ответили уже очень давно. А почему бы тебе сначала не поговорить с имамом? Узнать, что у него на уме. Возможно, он тебя удивит. В конце концов, он мотался здесь еще до того, как твоя мамуля решила использовать его влияние против тебя…

«Алый» завис на тридцатикилометровой орбите, вращаясь вокруг талии похожей на картофельный клубень Амальтеи. Склоны горы Ликтос, возвышающейся на десяток километров над эквипотенциальной средней отметкой, кишат дронами.

Укладывая на склоны прозрачные листы, они вздымают облака красной сульфатной пыли. В такой близости от Юпитера, всего в 180 тысячах километров от вихрящегося ада его облаков, газовый гигант занимает половину неба изменчивым циферблатом: Амальтея обращается вокруг своего хозяина менее чем за двенадцать часов. Противорадиационные экраны «Алого» работают на полную мощность, окутывая корабль короной волнистой плазмы. Радио в таких условиях бесполезно, и люди-шахтеры управляют своими дронами через сложную сеть лазерных лучей. Дроны покрупнее разматывают катушки толстого электрического кабеля севернее и южнее места посадки: когда

цепь замкнется, она станет петлей, пронизывающей магнитное поле Юпитера и генерирующей электрический ток, а также чуть замедляющей орбитальный момент Амальтеи.

Эмбер вздыхает и уже в шестой раз за последний час бросает взгляд на веб-камеру, закрепленную на стене каюты. Она сняла все плакаты и велела игрушкам убраться по своим местам. Через 33,33 минуты крошечный иранский кораблик поднимется над отрогом Моштари – настанет время для разговора с учителем. По правде говоря, на этот самый момент Эмбер всяко не молится. Если там окажется какой-нибудь старый седой болван самого закоснелого и фундаменталистского толка, то проблем не избежать. На Западе неуважение к старшим уже поколениями было неотъемлемой частью подросткового опыта, и межкультурная ветка, по которой она получала сведения об исламе, подсказала ей, что не все культуры были в восторге от такого отношения. А если молодой, умный, изворотливый… тогда совсем пиши пропало. Когда Эмбер было восемь лет, она провела ревизию «Укрощения строптивой» – сейчас ей совершенно не улыбается сыграть главную роль в собственном (межкультурном) варианте этого произведения.

Снова вздохнув, она окликает:

– Пьер!

– Да? – Его голос несется снизу: он сидит у двери аварийного отсека и плавными движениями рук-ног управляет роботом-шахтером на поверхности объекта Барни. Робот похож на протяженную многоножку, очень медленно, на цыпочках, пробирающуюся по микрогравитационным условиям. Длина объекта не превышает полукилометра по самой длинной оси, а поверхность астероида покрывает вязкая коричневая корка углеводородов и сернистых соединений, сдутых с Ио юпитерианскими ветрами. – Я уже на подходе.

– Смотри у меня. – Эмбер глядит на экран. – Сто двадцать секунд до следующего импульса. – Если быть честной, грузовую капсулу на экране она украла, но Боб сказал, что если вернуть ее на место, то ничего страшного не произойдет. Правда, она не сможет этого сделать до тех пор, пока капсула не доберется до объекта Барни и они с Пьером не найдут достаточное количество водяного льда, чтобы ее заправить. – Нашел что-нибудь?

– Пока ничего особенного. Есть ледяная жила возле одного из полюсов – грязная, зато льда не менее тысячи тонн. А вся поверхность хрупкая из-за смолы. И знаешь что, Эмбер? В этом оранжевом дерьме полным-полно фуллеренов.

Эмбер ухмыляется своему отражению на экране. Это хорошая новость. Как только направляемая ею капсула совершит посадку,

Пьер поможет проложить сверхпроводящие кабели вдоль длинной оси объекта Барни. Петля получится длиной лишь в полтора километра и даст всего киловатт двадцать мощности, но конденсационный фабрикатор, также находящийся в капсуле, использует эту энергию для превращения коры Барни в полезный продукт со скоростью примерно два грамма в секунду. Используя бесплатные чертежи, предоставленные Сообществом свободных структур, через двести тысяч секунд они получат систему из шестидесяти четырех 3D-принтеров, дающих структурированную материю со скоростью, ограниченной только доступной энергией. Они начнут с большой палатки-купола и кислородно-азотной смеси для дыхания, закончат мощным сетевым кэшем и каналом прямой широкополосной связи с Землей. Через миллион секунд на руках у Эмбер окажется полностью снаряженная и обеспеченная всем необходимым колония на одного человека.

Экран начинает мигать.

– Черт! Брысь, Пьер! – Входящий вызов требовательно пульсирует. – Алло? Кто это?

На экран выводится образ тесной, весьма в стиле двадцатого столетия, космической капсулы. В капсуле – молодой мужчина лет двадцати пяти или чуть больше, с загорелым лицом, коротко остриженными волосами и бородой. На нем комбинезон цвета оливкового масла – стандартный наряд под скафандр. Он парит между терминалом телеоператорной стыковки и фотографией Каабы в Мекке, оправленной в золоченую рамку.

– Добрый вечер, – серьезно произносит он. – Я сейчас говорю с Эмбер Масх?

– Эм, ну да, это я. – Эмбер во все глаза таращится на незнакомца, ни капельки, по ее мнению, не похожего на зловещий душный образ аятоллы в черной накидке. – А вы кто?

– Я – доктор Садек Хурасани. Надеюсь, я вам не мешаю? Можете говорить со мной?

Он кажется столь взволнованным, что Эмбер на автомате отвечает кивком.

– Конечно. Это моя мать вас впутала? – Они общаются на английском, и Эмбер вдруг осознает: у Садека хорошая дикция и странно высокопарная, с легкими запинками, речь – значит, он не пользуется грамматическим модулем: выучил язык сам, самым тяжелым способом. – Если да, держите ухо востро. Формально она не лжет, но всегда выворачивает все так, чтобы другие люди делали то, что ей нужно.

– Да, всё так. – Пауза. Их все еще разделяет расстояние в световую секунду; даже и такая пустяковая задержка не проходит бесследно. – Что ж… вы уверены, что о матери следует говорить в

подобном тоне?

Эмбер, набрав в грудь побольше воздуха, выдает:

– Взрослые хотя бы могут развестись. Если бы я могла от нее сбежать как-то – уже б давно сбежала. Она… – Эмбер запинается, беспомощно подыскивая нужное слово. – Вы послушайте. Она из тех, кто не умеет проигрывать. И если ей грозит поражение, уж она-то непременно все выкрутит так, чтобы соперника раздавила юридическая лавина, – вот как она поступила со мной. Неужели непонятно?

– Не уверен, что все понял, – глядя на нее с сомнением, отвечает доктор Хурасани. – Может, мне сначала объяснить, почему я обратился к вам?

– Не вопрос, валяйте. – Эмбер поражает отношение Садека к ней: он разговаривает с ней как со взрослой. Такое новое ощущение! Общаясь с человеком старше двадцати лет, да притом не одним из борганизма Боба, она почти позволяет себе забыть, что за спиной Хурасани все еще маячит зловещая материнская тень.

– Я инженер. Кроме того, я изучаю *фикх*, юриспруденцию. Фактически я достаточно квалифицирован, чтобы быть судьей. Правда, я пока младший по рангу судья, но это все равно тяжелая ответственность. Ваша мать, да пребудет с ней мир, подала мне прошение. Вы об этом знаете?

– Да. – Эмбер напряглась. – Но она вам врет обо мне. Вернее, искажает факты.

– Гм. – Садек задумчиво приглаживает бороду. – Что ж, это мне и надлежит уяснить, верно? Ваша мать вверила себя воле Божьей, и вы – ребенок мусульманки, и она потому заявляет…

– Она просто использует вас как свое оружие! – обрывает его Эмбер. – Я ж в рабство продалась, только бы от нее подальше оказаться, понимаете? Я стала рабыней компании, а она пытается изменить правила, чтобы вернуть меня. И знаете что? Я не верю, что ее хоть на секунду заинтересовала ваша религия – ей нужна только я!

– Но материнская любовь…

– Да о какой любви речь! – выпаливает Эмбер. – Ей нужна только *власть*!

Выражение лица Садека ожесточается:

– Вы мыслите как неверная. Я хочу установить истину, поэтому спросите себя: чем поспособствует нахальство вашим же интересам? – Он секунду молчит и продолжает, но уже без негодующих нот в голосе. – У вас действительно было столь плохое детство из-за нее? – Пауза, заминка. – Вы поймите, мне нужны ответы на эти вопросы, чтобы я понял, какое решение

будет верней всего.

– Моя мать… – Эмбер замолкает. Мглистое облако обращений к памяти клубится в ее сознании. Запросы расходятся в пространство вокруг ядра ее мозга, как протуберанцы. Активируя набор синтаксических анализаторов сети и фильтров классов, она превращает память в визуальные образы, изображения и исторгает их в крохотный мозг веб-камеры. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Иные из этих воспоминаний настолько болезненны, что Эмбер, не удержавшись, зажмуривается.

Мать в полном боевом офисном облачении, склонившаяся над Эмбер и обещающая ей вырвать ее лексические импланты, если она и дальше будет учить грамматику с ними. Мать, извещающая Эмбер, что они снова переезжают, и за руку уводящая ее прямо из школы, прочь от друзей, которые только-только начали ей нравиться. Мать, застукавшая на телефонном звонке отцу, рвущая телефон пополам, отвешивающая звонкие пощечины. Мать, утаскивающая ее за руку в церковь. – Моя мать… очень любит контроль.

– Вот как. – Взгляд Садека затуманивается. – Вот, значит, какие чувства вы питаете к ней. И давно у вас так много… нет, простите, что спрашиваю. Вы, несомненно, знаете толк в имплантах. А бабушки, дедушки – вы с ними общались?..

– Бабушки-дедушки? – Эмбер шмыгает носом. – Родители матери умерли. Отцовские – еще живы, но с ним не общаются. Моя мать им больше по нраву. Для них я сущий ужас. Я слишком много знаю. О налоговых категориях и потребительских профилях, о всяком другом таком. Я могла вести вскрытие и анализ big data прямо у себя в голове, когда мне было четыре. Я устроена совсем не так, как маленькие дети во времена их детства, но им-то невдомек, что времена меняются. Вы ведь знаете, что старики нас на дух не переносят? Иные церкви только так и зарабатывают – проводят обряды экзорцизма по просьбам тех взрослых, что думают, что в их детей вселился дьявол.

– Что ж. – Садек снова рассеянно теребит бороду. – Должен сказать, мне еще многое предстоит узнать. Но вы же поняли, что ваша мать приняла ислам? Это значит, вы тоже – мусульманка. По закону родители имеют право выступать от вашего лица до достижения совершеннолетия.

– Я не мусульманка… и не ребенок. – Эмбер смотрит на экран. Кажется, в ее голове вырисовывается что-то толковое. Кажется, ее голову вдруг отягощают идеи, целый ворох, и все – прочнее камня и раза в два древнее времени. – Я никому не принадлежу. Что ваши законы говорят о людях, рожденных с

имплантами? Что они говорят о тех, кто хочет жить вечно? Я, гражданин судья, не верю ни в одного бога. Не верю в пределы и ограничения, и потому мать не может – физически – заставлять меня делать то, чего я не желаю. Не смеет представлять мои интересы.

– Мне необходимо все обдумать, – молвит Садек с видом врача, размышляющего над диагнозом. Он смотрит прямо Эмбер в глаза. – Вскоре я свяжусь с вами снова. А пока – помните: если захотите поговорить, я к вашим услугам. Если вы решите, что я могу что-то сделать в интересах смягчения душевной вашей боли, – только скажите. Да пребудет же мир с вами и со всеми, кто дорог вам.

– И вам не хворать, – хмуро откликается Эмбер и разрывает связь. – А это еще что? – Еще один сигнал, мигающий на экране, привлекает ее внимание.

– Думаю, это посадочный модуль, – подсказывает Пьер. – Он еще не сел?

Она резко развернулась к нему.

– Эй, я же ясно тебе тогда сказала – *брысь!*

– Я бы пропустил все шоу. – Он ехидно ухмыляется. – У Эмбер-то новый дружок! Ну погоди, скоро всем разболтаю.

Один суточный цикл сменяет другой, и одолженный 3D-принтер, брошенный Эмбер и Пьером на поверхность объекта Барни, извергает все новые растровые атомные рисунки и атомные сети квантового плетения, становящиеся управляющими схемами и каркасами новых принтеров. Здесь нет неуклюжих наносборщиков, роботов размером с вирус, что сортировали бы деловито молекулы, – одни лишь квантовые чары атомарной голографии, рождающие модулированные конденсаты Бозе – Эйнштейна, слагающиеся в причудливые кружевные сверхпроводящие структуры. По петлям кабелей, пронизывающих магнитное поле Юпитера и медленно превращающих орбитальный момент астероида в энергию, струится электричество. Маленькие роботы копошатся в оранжевом грунте, добывая для фракционной установки сырье. Машинный сад Эмбер постепенно расцветает, сам себя же развертывает в соответствии со схемой, разработанной учениками ремесленного училища в Польше, почти не требуя человеческого участия.

В вышине на орбите Амальтеи плодятся и взаимодействуют сложные финансовые инструменты. Разработанные с конкретной целью упрощения торговых операций между инопланетными разумными существами (обнаруженными, как все полагали, восемь лет назад в рамках проекта SETI), они так же успешно

играют роль фискальных брандмауэров космических колоний. Банковские счета «Эрнеста Алого», калифорнийские и кубинские, успешно растут – с момента входа в близ-юпитерианское пространство приют застолбил примерно сто гигатонн скальных обломков и небольшую луну, вполне соответствующую определению «суверенный планетоид» по типологии Международной астрономической комиссии. Борганизм усердно работает, направляя детский труд на добычу юпитерианского гелия-3, – его участники столь сосредоточены на этой задаче, что бóльшую часть времени пользуются собственными личностями, не утруждаясь запуском Боба, дающего им один на всех мессианский порыв.

В световом получасе отсюда усталая Земля то спит, то снова пробуждается в циклах своей древней орбитальной динамики. В Каире теологический институт обсуждает дары, принесенные нанотехнологиями: если использовать репликатор для изготовления копии полоски бекона, точной вплоть до молекулярного уровня, но никогда не находившейся в свиной туше, то считать ли такой продукт нехаляльным? Если разум правоверного скопирован в памяти вычислительной машины путем симуляции всех мозговых синапсов, то является ли теперь компьютер мусульманином? А если нет, то почему? И если да, то каковы его права и обязанности? Религиозные бунты на Борнео лишь подчеркивают всю остроту этих технотеологических вопросов.

Другие бунты – в Барселоне, Мадриде, Бирмингеме, Марселе – выносят на повестку дня социальный хаос, рожденный дешевыми процедурами по обращению старения вспять. «Ликвидаторы зомби» (обозленные толпы молодежи, выступающие против геронтократии Европы, лишившейся своих седин) стоят на том, что люди, родившиеся до сверхсетевого периода, не способные обращаться с имплантами, не являются истинно разумными. Злость молодежи уравнивается лишь гневом динамичных семидесятилетних из поколения «бэби-бума», чьи тела частично восстановлены, но разумы так и остались в более медленном и более предсказуемом столетии. Псевдомолодые «бумеры» ощущают себя преданными, вынужденными вернуться на рынок труда, но не способными тягаться с ускоренной уймой имплантов культурой нового века; их добытый тяжким трудом опыт дефляционное время сделало безнадежно устаревшим.

Бангладешское экономическое чудо стало типичным для новой эпохи. Нацию захлестнула волна дешевой и неподконтрольной биоиндустриализации с темпом роста, превышающим двадцать процентов: бывшие рисоводы теперь

снимают урожаи пластика и разводят коров для переработки молока в шелк, а их дети изучают морскую культуру и проектируют дамбы. Мобильные телефоны имеются у восьмидесяти процентов населения, а грамотность поднялась до девяноста процентов, и беднейшая прежде страна наконец-то вырвалась из своего исторического инфраструктурного капкана и начала развиваться. Еще одно поколение, и они станут богаче, чем Япония.

Радикально новые экономические теории строятся вокруг пропускной способности, скорости света как фундаментальном ограничении на минимальную задержку передачи данных и идеях CETI, проекта по связям с внеземными цивилизациями. Космологи и квантовые физики строят причудливую теоретическую основу для решения задачи о релятивистском распространении финансовых инструментов. Пространство, вмещающее информацию, и структура, ее обрабатывающая, приобретают ценность, а пассивная материя вроде золота обесценивается. Выродившиеся ядра традиционных фондовых бирж вышли в свободное падение, дымовые трубы микро– и био–нанопроцессоров шатаются и обрушаются – землю сотрясает поступь репликаторов и самомодифицирующихся идей. Наследники новой эры смахивают на новую волну варваров-контактеров, которые закладывают свое будущее на тысячелетие против шанса получить подарок от залетного инопланетного разума. Некогда атлант силиконового века «Майкрософт» окончательно сползает в небытие.

С прорывом в австралийской глуши «зеленой слизи» – грубого биомеханического репликатора, жрущего все на своем пути, – удалось сладить ковровыми бомбардировками вакуумными бомбами. ВВС США латают и приводят в рабочее состояние две эскадрильи B-52, передав их в распоряжение постоянного комитета ООН по самореплицирующимся видам оружия; CNN выявили, что один из пилотов-добровольцев с телом двадцатилетнего юноши и пустым пенсионным счетом уже когда-то летал на этих бомбардировщиках над Лаосом и Камбоджей. Эти новости затмили объявление Всемирной организации здравоохранения об окончании пандемии ВИЧ – после более чем полувека нетерпимости, паники и миллионов смертей.

– Ровно дыши! Тренировки помнишь? Если пульс подскочит или во рту пересохнет – бери передышку минут на пять.

– Заткнись, Неко. Я тут вообще-то сосредоточиться пробую. – Эмбер возится с титановым карабином, стараясь продеть в него стропу. Ей мешают толстые перчатки. Есть высокоорбитальные

скафандры – простые легкие одежки для жизнеобеспечения; но здесь, в недрах радиационного пояса Юпитера, ей пришлось обрядиться в лунный спецкостюм «Орлан-ДМ», состоящий, как лук, из тринадцати слоев. Перчатки у такой штуки, понятное дело, жесткие; но обстановочка снаружи – поистине чернобыльская: яростная метель из альфа-частиц и секущих протонов. Без защиты тут делать нечего.

– Уф, получилось. – Эмбер крепко затягивает ремень, дергает, проверяя, карабин и переходит к следующему крепежу, стараясь не смотреть вниз, потому что стена, к которой она цепляется, не снабжена снизу полом. В двух метрах внизу все просто обрывается, и до ближайшей твердой земли – сто километров.

А твердь поет ей дурацкую песенку:

> Я жажду тебя, а ты жаждешь меня —
> о-о-о, это сила притяжения…

Она опускает ноги на торчащую из стены платформу (этакий карниз для суицидника) – металлизированные липучки держат крепко, можно разворачиваться до тех пор, пока не окажется снаружи голова. Ее капсула весила что-то около пяти тонн – чуть побольше, чем старый «Союз», – была под завязку набита чувствительным к внешним условиям оборудованием, которое ей понадобится на поверхности, и увенчана большой усиленной антенной.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь? – спрашивает чей-то голос через интерком.

– Ну само собой, я… – Эмбер запинается. Списанная из научно-производственного объединения «Energiya» стальная баба, полная запутанных трубопроводов, не умеет в широкополосную связь, а в одиночестве накатывают клаустрофобия и беспомощность. Некие части сознания тут просто не работают. Давным-давно, когда Эмбер было четыре, мать сводила ее в известный пещерный комплекс где-то на Западе. Стоило гиду выключить свет на глубине полкилометра под землей, как она завопила от страха и удивления, когда к ней прильнул мрак. Теперь пугал, правда, не мрак, а отсутствие мысли. Потому что на сотню километров ниже нее не было разумов, и даже на поверхности копошились лишь тупицы-роботы. Казалось, что все, делающее Вселенную дружественной средой для разумных приматов, сосредоточено внутри огромного корабля, зависшего где-то позади нее, и она с трудом давит в себе желание сбросить стропы и вскарабкаться обратно по пуповине, все еще соединяющей капсулу с «Эрнестом Алым».

Все будет в порядке, форсирует Эмбер утешительную мысль. Хоть и остаются в ней кое-какие сомнения, надо хотя бы поверить. *Когда уходишь из дома, всегда волнуешься – я же об этом читала.*

Странный пронзительный свист, коснувшийся ушей, заставил ее похолодеть. Чудной звук оборвался внезапно… и через малый временной интервал повторился. Напряженная, Эмбер все-таки узнала его – сопела такая разговорчивая в прошлом кошка, свернувшаяся в тепле герметичной части капсулы.

– Ну, поехали, – говорит она. – Пора трогать нашу телегу.

Анализатор речи стыковочного устройства «Алого» признает за ней право раздавать команды и аккуратно выпускает капсулу. Из сопел вырываются струйки газа, по стенкам проходит низкочастотная вибрация, и Эмбер наконец-то отправляется в путь.

– Ну что, Эмбер, как полет? – слышит она знакомый голос – и смаргивает. Она летит уже полторы тысячи секунд – почти полчаса.

– А сам-то как? Много аристократов успел казнить, Робес-Пьер?

– Хо-хо! – Пауза. – Кстати, я отсюда вижу твою голову.

– И как она смотрится? – В горле застрял комок, и она не может понять отчего. Пьер, вероятно, подключился к одной из маленьких обзорных камер, разбросанных по корпусу большого материнского корабля. И наблюдает за тем, как она падает.

– Да как обычно – нормально, – лаконично отвечает он. Снова пауза, но уже дольше. – Знаешь, это все так потрясно. Кстати, Сю Ань привет тебе передает.

– Привет, Сю Ань, – отвечает Эмбер, подавляя желание извернуться и глянуть вверх, – вверх относительно ее ног, а не вектора движения, – чтобы проверить, виден ли корабль.

– Привет, – робко отзывается Сю Ань. – Ты такая храбрая!

– Но все равно не могу обскакать тебя в шахматы. – Эмбер хмурится. Сю Ань и эти ее суперводоросли. Оскар – и его жабы, они же фармацевтические фабрики. Другие, кого она знала три года, на кого почти не обращала внимания, никогда не думая, что станет по ним скучать. – Слушай, а ты потом заглянешь ко мне в гости?

– В гости? – с сомнением спрашивает Сю Ань. – А когда у тебя все готово будет?

– Долго ждать не придется. – С производительностью 4 килограмма структурированной материи в минуту принтеры на поверхности уже выдали ей материалы для постройки многих нужных штук: жилого купола, оборудования фермы для

выращивания водорослей и креветок, ковшового конвейера, чтобы накрыть все добро защищающим слоем грунта, и шлюзовой камеры. Все это уже лежит внизу, ждет ее заселения в новый дом. – Как только участники борганизма вернутся с Амальтеи – так сразу.

– Эй, так они что, отправляются туда? Откуда тебе известно?

– А ты сама у них спроси. – На самом деле «Алый» собрался встряхнуться и поднять свою орбиту до самых внешних лун во многом именно ради нее. Эмбер хочет побыть в одиночестве и тишине как минимум пару миллионов секунд – и сообщество Франклина ей оказывает огромную честь.

– Ты, как всегда, впереди планеты всей, – говорит Пьер; его восхищение не спрятать даже под помехами на линии связи.

– Ты тоже хорош, – отвечает она – слишком уж поспешно. – Как налажу у себя цикл жизнеобеспечения – залетай в гости.

– Непременно! – отвечает он. Красный свет заливает бок капсулы рядом с ее головой, и она смотрит вверх как раз вовремя, чтобы увидеть, как вспыхивает ярко-синяя лазерная линия приводного фонаря «Эрнеста Алого».

Восемнадцать миллионов секунд – почти десятая часть года Юпитера – пролетают.

Имам задумчиво теребит бороду, разглядывая экран диспетчера. Пилотируемые суда нынче заявляются в систему Юпитера каждый цикл – на орбите становится тесновато. На момент его прибытия тут и двухсот-то человек не было, а теперь население вполне тянет на небольшой городок. Как показывает карта зоны сближения на дорожном мониторе, бóльшая часть людей обитает в центре. Имам делает глубокий вдох, пытаясь не замечать вездесущий запах нестираных носков, и сосредотачивается на карте.

– Компьютер, что там с моим коридором? – вопрошает он.

– Данные по коридору: продолжительность окна до начала маневра сближения – 695 секунд с настоящего момента. Максимальная скорость: 10 метров в секунду в пределах десятикилометровой зоны, снижается до 2 метров в секунду в радиусе одного километра. Загружаю карту запрещенных векторов тяги. – На карте вспыхивают малиновым сектора, отгороженные, чтобы выхлоп двигателей не повредил другие аппараты в зоне сближения.

Садек вздыхает.

– Сближаемся с использованием системы «Kurs». Надеюсь, она у них поддерживается?

– Система поддержки наведения и стыковки «Kurs» доступна до уровня оболочки три.

– Хвала Пророку, да пребудет с ним мир. – Садек проходится по меню подсистемы наводки, устанавливая эмулятор пусть старенькой, но чрезвычайно надежной стыковочной системы «Союзов». Наконец-то он сможет покинуть корабль. Он оглядывается не веря: прожил в этой консервной банке два года – и вот уже совсем скоро ее оставит. Происходящее до сих пор кажется ему сном.

С кратким всхрапом оживает бортовое радио:

– Браво Один-один, это имперская диспетчерская. Необходим вербальный контакт, прием.

Садек чуть вздрагивает от удивления. Голос звучит нечеловечески – в скором темпе и с механическими синтезированными интонациями, как и у многих слуг Ее Величества.

– Браво Один-один – диспетчерской. Я вас слушаю, прием.

– Браво Один-один, вам назначена посадочная зона в четвертом туннеле, люк дельта. Система «Kurs» активирована. Удостоверьтесь, что ваше управление установлено на 7–4-0 и переключено на наши команды.

Уткнувшись в экран, Садек наскоро проверяет настройки стыковочной системы.

– Диспетчерская, всё, как вы сказали.

– Браво Один-один, оставайтесь на связи.

Следующий час, пока диспетчерская направляет его суденышко на посадку, идет издевательски медленно. Оранжевая пыль застилает единственный иллюминатор. За один километр до посадки Садек принимается спешно закрывать полки и шкафчики, запирая на замок все, что могло упасть. Когда с этим покончено, он расстилает коврик на полу перед консолью и молится с закрытыми глазами минут десять. Его тревожит отнюдь не посадка, а то, что ждет его после нее.

Владения Ее Величества простираются перед потрепанным модулем, как покрытая ржавчиной снежинка диаметром в полкилометра. Ее сердцевина погребена в рыхлом снежке сероватых обломков, и она лениво машет хрупкими руками в сторону гнутого оранжевого горизонта. Тонкие волоски, фрактально ветвящиеся до молекулярного уровня, отщепляются от главных коллекторных плеч через равные промежутки времени. Гроздь стручков, похожих на виноград без косточек, цепляется за корни массивного сооружения. Он уже видит окутанные искрящейся плазмой огромные стальные петли

генератора, поднимающиеся с обоих полюсов снежинки; кольца Юпитера образуют радугу из черноты, встающую позади них.

Наконец потрепанная космическая станция находится на последнем подходе. Садек внимательно наблюдает за данными симулятора «Kurs», выводя их прямо в поле зрения. Есть вид с внешней камеры на скалу и «виноград». Когда обзор расширяется к выпуклому потолку корабля, он облизывает губы, готовый перейти на ручное управление и снова развернуться; но скорость снижения замедляется, и к тому времени, когда он достаточно близко, чтоб узреть царапины на блестящем металлическом стыковочном конусе впереди судна, она измеряется сантиметрами в секунду. Раздается легкий хлопок, затем приходит дрожь, за ней – рябь. Защелки на стыковочном кольце срабатывают – посадка завершена.

Садек снова глубоко вздыхает и пытается встать. Здесь есть гравитация, но не очень большая: ходить невозможно. Собираясь направиться к панели жизнеобеспечения, он тут же замирает, услышав шум с дальнего конца стыковочного узла. Повернувшись, он как раз успевает увидеть, как люк открывается ему навстречу, дыша облаком пара, а затем…

Ее Императорское Величество сидит в тронном зале, угрюмо теребя новый перстень с печаткой, подаренный ей личным конюшим. Это комок структурированного углерода массой почти пятьдесят граммов, расположенный в простой полосе добытого астероидами иридия. Он сверкает сине-фиолетовыми бликами своих внутренних лазеров, потому что, помимо того, что он является частью государственных драгоценностей, он также служит оптическим роутером, частью промышленной инфраструктуры управления, которую она строит здесь, у края Солнечной системы. Ее Величество носит простые черные армейские брюки и фуфайку, сотканную из тончайшего паучьего шелка, но ноги у нее босые: ее вкус в одежде проще всего описать как «молодежный». Но некоторые стили так или иначе попросту непрактичны в условиях микрогравитации. Будучи монархом, она носит корону. И у нее есть кошка – или искусственная тварь, которой снится, что она кошка, – спящая на спинке императорского трона.

Фрейлина (по совместительству – инженер гидропоники) провожает Садека до двери и оставляет его.

– Если тебе что-нибудь понадобится, пожалуйста, скажи, – застенчиво говорит она, затем кланяется хозяйке и семенит прочь.

Садек подходит к трону, садится на пол, выложенный

простыми плитами из черного композита, – трон растет из центра этой обыденности, подобно экзотическому цветку, – и ждет, когда же его заметят.

– Доктор Хурасани, полагаю? – Она улыбается ему, но это не невинная улыбка дитя и не понимающий оскал взрослого, просто – теплое приветствие. – Приветствую в моих владениях. Пожалуйста, не стесняйтесь пользоваться всем, что вам необходимо, и я желаю вам очень приятного пребывания.

Садек хранит серьезность. Императрица молода, ее лицо все еще отмечено детской округлостью, к тому же при микрогравитации почти все лица напоминают полную луну. Но тот, кто сочтет ее юной и незрелой, допустит грубую ошибку.

– Я благодарен Вашему Величеству за снисходительность, – бормочет он. Позади нее стены сверкают как бриллианты, словно светящийся калейдоскоп. Это уже самая большая офшорная – или внепланетная – гавань данных в человеческом космосе. Ее корона, больше похожая на компактный шлем, который покрывает верхнюю и заднюю части головы, также блестит и отбрасывает дифракционные радуги, но бóльшая часть его излучения находится в ближнем ультрафиолете, невидимом за исключением слабого светящегося нимба, который он создает вокруг ее головы.

– Присаживайтесь, – предлагает она жестом. С потолка слетает, распускаясь, дутое кресло и разворачивается в ее сторону, приглашающе раскрытое. – Вы, верно, устали: управляться с кораблем в одиночку утомительно. – Она сочувственно прищуривается, как будто бы вспоминая. – Тем более два года кряду… случай почти беспрецедентный.

– Ваше Величество слишком добры ко мне. – Садек мостится в кресле, кладет локти на гибкие подлокотники и смотрит на королеву. – Полагаю, ваши усилия принесли плоды?

Она разводит руками:

– Я продаю самый ценный товар, которого всегда не хватает на любом пограничье… – Мимолетная улыбка касается ее губ. – Здесь ведь не Дикий Запад, верно?

– Справедливость не может быть продана, – жестко парирует Садек. Затем секунду спустя добавляет: – Прошу прощения, не намеревался вас оскорбить. Я собирался сказать одно: пусть вы и заявляете, что ваша цель – верховенство закона, то, что вы продаете, является и должно быть чем-то другим. Справедливость без Бога, проданная тому, кто больше заплатит, – это не справедливость.

Королева кивает.

– Если оставить в стороне упоминание о Боге, то согласна: я не могу ею торговать. Зато могу продать участие в справедливой

системе. Новый рубеж оказался гораздо теснее, не так ли? Нашим телам могут понадобиться месяцы на путешествие между мирами, однако нашим спорам и аргументам для этого нужны лишь секунды или минуты. До тех пор пока все соглашаются подчиняться моим решениям, физическое принуждение может подождать до момента, когда нарушителя закона можно будет *коснуться*. И все согласны с тем, что моей правовой системе легче подчиняться, что она лучше приспособлена для условий космоса, чем любая земная. – В ее голос проникают вызывающе-стальные нотки, а нимб становится ярче. Ему откликаются свечением стены тронного зала.

Пять миллиардов входных битов в секунду. Если не больше. Садек восхищен, ведь на голове Ее Величества красуется истинное инженерное чудо, пусть даже и упрятанное по большей части в стены и пол огромного здания.

– Есть законы, открытые нам Пророком, и законы, которые мы можем установить, разбирая его намерения. Есть и другие формы законов, в соответствии с которыми живут люди, и различные интерпретации Закона Божьего даже среди тех, кто изучает Его Слово. И как же при отсутствии Слова Пророка вы можете устанавливать моральные границы?

– Гм-м…

Она постукивает пальцами по подлокотнику трона, и сердце Садека проваливается в пятки. Он наслушался всех этих историй у рейдеров-перехватчиков, корсаров из советов директоров, признанных мастеров «зеленого шантажа», знающих все те земные законы, из которых произошла здешняя адская законодательная смесь, как свои пять пальцев… Она может обрести субъективный год опыта всего за минуту. Может извлечь воспоминания из кортикальных имплантов и заставить тебя снова и снова переживать в своем кошмарно мощном симуляторе пространства моменты своих худших ошибок. Она – *королева*. Она – первый человек, обретший во владении такое количество массы и энергии, которого хватило, чтобы обогнать весь мир в императивных технологиях. Она – первая держательница персональной юрисдикции, и она же – первая, кто, пользуясь этим, объявила легальными определенные эксперименты, открывающие к исследованию все перекрестки и дальние просторы в царстве массы, энергии и информации. Она – форс-мажор, неодолимое обстоятельство: теперь даже информационные солдаты Пентагона признают автономию Империи Кольца. Тело, сидящее перед Садеком на троне, на самом деле содержит лишь малую часть ее личности. Она никоим образом не является первой выгрузкой, ни частичной, ни полной,

но она – первый удар того шторма, что разыграется, когда высокомерные достигнут своей цели и смогут разбирать на части планеты и превращать их массы в мозги. А он только что усомнился в нравственности ее предвидения.

Императрица поджимает губы… затем широко и хищно улыбается. Кошка на спинке ее трона садится и потягивается, поглядывая на Садека искоса.

– Знаете, мне впервые за несколько недель попеняли, что я личность – так себе. Часом не общались снова с моей мамашей, доктор Хурасани?

Пришел черед Садека неловко развести руками.

– Я подготовил судебное решение.

– Вот как. – Ее Величество с наигранным равнодушием крутит-вертит на пальце огромное бриллиантовое кольцо. И именно она, слегка нервничая, смотрит ему в глаза. Хотя что он может сделать, чтобы заставить ее подчиниться решению?

– Ее мотивы нечисты, – коротко объявляет Садек.

– Это значит?..

Садек делает глубокий вдох:

– Да.

Эмбер Масх улыбается:

– Значит, можно поставить точку?

– Только если вы сумеете мне доказать, что способны поступать по совести даже при отсутствии Божественного Откровения.

Ее реакция застает доктора Хурасани врасплох.

– Ну разумеется! Это следующий номер моей программы: получение Божественного Откровения.

– Что? От… инопланетян?

Кошка, цокая коготками, аккуратно спускается Ее Величеству на колени и ждет, когда ее соизволят погладить.

– Ага, – говорит Эмбер. – Я ведь завоевала доверие Фонда Франклина настолько, что он одолжил мне средства на постройку этого замка вовсе не в обмен на оформление кое-каких документов. Мы ведь уже много лет знаем, что у инопланетян существует целая Сеть по обмену информационными пакетами, и мы всего лишь берем крошки с барского стола. Как выяснилось, неподалеку отсюда, в реальном пространстве, находится узел этой Сети. Гелий-3, независимая юрисдикция, тяжелая промышленность на Ио – у всей этой активности есть цель.

Садек облизнул неожиданно пересохшие губы:

– И вы намереваетесь передать им ответ по узконаправленному лучу?

– Нет, мы поступим гораздо лучше: отправимся к ним с

визитом. Сократим цикл обмена сигналами до реального времени. Мы прибыли сюда, чтобы построить звездолет и набрать для него команду, даже если ради этого придется выпотрошить всю систему Юпитера.

Кошка зевает и таращится на имама хитрыми глазками.

– Эта глупая девчонка хочет привезти свою совесть на встречу с кем-то настолько умным, что он вполне может оказаться богом, – сообщает она. – И вы нам подходите. У нас только что открылась вакансия корабельного теолога. Полагаю, я не смогу вас убедить отказаться от такого предложения?

Глава 5. Роутер

Проходит несколько лет, и двое с кошкой собираются в несуществующем баре, чтобы как следует напиться.

В воздухе посреди бара разворачивается релятивистская струя. Бар – это планетарий, передающий точное изображение пространства за воображаемыми стенами. Преломление звездного света сгущает цвет в сторону фиолетового у дверного проема, сияет в радужном спектре над столами, затем тускнеет до туманного красного свечения перед подмостками на задворках зала. Эффект Доплера мало-помалу проявился за последние несколько месяцев, когда корабль набрал обороты. В отсутствие видимого звездного движения – или жесткой связи с модулем управления корабля – это самый простой способ для пьяного пассажира почувствовать, как пугающе быстро движется «Странствующий Цирк». Некоторое время назад импульс корабля превысил половину его массы покоя, и сейчас один его килограмм соразмерен выбросу многомегатонной водородной бомбы.

Рыжевато-коричневая кошка, избравшая себе роль самки – для того, чтобы морочить голову тем людям, которые думают, что все рыжие кошки самцы, – лениво растянулась на деревянном полу перед баром, прямо под коромыслом звездной радуги. Как и следовало ожидать, она заняла единственный луч солнечного света, который был внутри звездолета. В тени за стойкой сидят двое мужчин, погруженные в свои мрачные мысли: один держит бутылку чешского пива, другой – полупустой коктейльный бокал.

– Будет не так уж плохо, если она подаст мне какой-нибудь знак, – говорит один из них, наклоняя пивную бутылку, чтобы осмотреть дно на предмет осадка. – Нет, все не так. Это правильный вид внимания. Я даже не знаю, стою ли для нее чего-нибудь.

Второй откидывается на спинку стула, щурится на выцветшую коричневую краску потолка.

– Поверь тому, кто знает, – говорит он. – Будь ты в курсе, тебе не о чем было бы тут мечтать. В любом случае то, чего хочет она, и то, чего хочешь ты, – вполне возможно, не одно и то же.

Первый мужчина проводит рукой по волосам. Туго завитые черные локоны на миг становятся серебряными под его состаривающим прикосновением.

– Пьер, если талант делать покровительственные заявления – это все, чем ты разжился, спариваясь с Эмбер…

Пьер смотрит на него со всей злобой, на какую способен

девятнадцатилетка.

– Радуйся, что у нее здесь нет ушей, – шипит он. Его рука рефлекторно стискивает бокал, но физическая модель, действующая в баре, не позволяет тому треснуть. – Ты же чертовски много выпил, Борис.

Кошка льдисто хохочет.

– Заткнись, ты, – говорит Борис, поглядывая на животное. Он опрокидывает бутылку, позволяя осадку стечь в горло. – Может, ты и прав. Прости. Не хочу показаться грубым по отношению к Ее Величеству. – Он пожимает плечами и ставит бутылку на стол. – Я просто в депрессию тут впадаю, вот и все.

– Хорошо получается, – замечает Пьер.

Борис снова вздыхает.

– Очевидно. Будь я на твоем месте…

– Ага, знаю, ты бы сказал мне, что самое интересное – это поиски, и это совсем не то же самое, когда она выгоняет тебя после ссоры, и я бы не поверил ни единому слову, так как мне было бы грустно, одиноко и все такое. – Пьер фыркает. – Жизнь несправедлива – от этого и танцуй.

– Я лучше пойду. – Борис встает.

– Иди. И не подходи к Сю Ань, пока не просохнешь. – Пьер все еще сердится.

– Тихо ты, я уже. На что мне ветвь-ограничитель [80], как думаешь? – Борис обиженно моргает. – Усиливаю социальный контроль. Гм-м, обычно он не позволяет так напиваться. Во всяком случае, когда возможен публичный ущерб репутации.

Он медленно растворяется в воздухе, оставляя Пьера одного в баре с кошкой.

– Сколько нам еще придется терпеть это дерьмо? – спрашивает Пьер вслух. Личность Бориса изнашивается, как и у других. Противоречия в карманной вселенной корабля растут вместе со злостью.

Кошка не оборачивается.

– В нашей текущей системе отсчета мы сбрасываем основной отражатель и начинаем замедляться еще через два миллиона секунд, – говорит она. – Домой прибудем через пять или шесть мегасекунд.

– Разрыв солидный. По крайней мере, культурологический – как считаешь? – лениво спрашивает Пьер. Он щелкает пальцами: – Официант, еще коктейль! Повторить!

– Думаю, что разрыв в десять – двадцать раз больше дозволенного, – говорит кошка. – Если бы ты следил за новостями из дома, заметил бы значительное ускорение развертки роутеров с коммутируемой квантовой запутанностью. У них там очередной

сетевой бум – через месяц, правда, закончится, потому что они используют уже имеющиеся подземные сети темной оптики [81].

– Коммутируемая… запутанность? – Пьер ошеломленно качает головой. Официант – безликое тулово в длинном накрахмаленном фартуке с черным галстуком – перегибается через стойку и предлагает ему бокал. – Звучит почти так, будто в этом есть смысл. А что еще?

Кошка переворачивается на бок, потягивается, выпускает когти.

– Погладь меня – расскажу, – предлагает она.

– Пошла в жопу, – отвечает Пьер. Он поднимает бокал, снимает ледяную вишенку с коктейльной палочки, бросает ее в сторону винтовой лестницы, сбегающей к нужникам, и залпом выпивает половину напитка – холодной розовой жижи с карамельным привкусом и этаноловой ноткой. Он с размаху ставит бокал обратно, и едва не расплескавшиеся остатки служат доказательством того, что он балансирует на грани опьянения. – Тварь продажная.

– Одурманенный любовью примат-торчок, – беззлобно отвечает кошка и вскакивает на ноги. Она выгибает спину и зевает, обнажая клыки цвета слоновой кости. – Я бы всех вас, макак, в песок прикопала, да и дело с концом. – Еще раз потянувшись, она оглядывает пустой бар. – Кстати, когда ты собираешься извиниться перед Эмбер?

– Не собираюсь я перед ней извиняться! – кричит Пьер. В наставшем замешательстве и тишине он поднимает свой бокал и пытается осушить его, но лед уже опустился на дно, и, зашедшись кашлем, он разбрызгивает половину коктейля по столу. – Ни за что, – тихо хрипит он.

– Слишком много гордости, а? – Кошка крадется к краю стойки, согнув хвост в кошачьем вопросительном знаке. – Один в один случай Бориса. Вы, макаки, такие предсказуемые. Кто вообще придумал набрать экипаж звездолета из представителей подросткового постчеловечества?

– Пшла, – велит Пьер. – Я сейчас буду бухать.

– Уйдешь в отрыв по «масх-имуму», надо полагать, – шутит кошка, отворачиваясь. Но у капризного юноши нет для нее ответа – он просто материализует себе еще выпивки из обширных запасов корабля.

Тем временем в другом разделе ячеистой реальности «Странствующего Цирка» иная версия все той же самой зверушки (имя – ИИНеко, характер – насмешливый) беседует с дочерью своего бывшего владельца, повелительницей Империи Кольца.

Аватарке Эмбер на вид лет шестнадцать, у нее растрепанные светлые волосы и острые скулы. На самом деле все не так: в субъективной системе отсчета Эмбер сейчас половина третьего десятка, но видимый возраст немногое значит и в симуляторных пространствах, где живут выгрузки сознаний, и в настоящем мире – постлюди стареют с различными скоростями.

Эмбер в черном лоскутном платье и переливчатых пурпурных гетрах расслабленно развалилась поперек подлокотников того, что считается неформальной версией ее трона – вычурной бессмыслицы из монокристалла углерода, допированного полупроводниками, и, в отличие от настоящего трона на орбите Юпитера, являющейся не более чем предметом мебели в виртуальном пространстве. Картина смахивает на утро после бурной вечеринки в готском ночном клубе, обставленном по истинно готской традиции: застойный дымный воздух, помятый бархат, деревянные церковные скамьи, огарки свеч и мрачные картины в стиле польского авангарда. Любое королевское изречение здесь безнадежно смазалось бы из-за расслабленной позы Эмбер – нога перекинута за подлокотник трона, в пальцах выплясывает указка о шести осях. Но тут – ее личные покои, и она не при исполнении. Персона королевских манер включается только для формальных и деловых встреч.

– «Бесцветные зеленые идеи спят яростно» [82], – предполагает Эмбер.

– Ну нет, – откликается кошка. – Скорее уж «приветствую вас, земляне, явите мне вашего лидера – и скомпилируйте меня в нем».

– Ну вот ты меня и поймала, – признает Эмбер. Она постукивает каблуком по трону и крутит на пальце перстень. – Ни в коем случае, черт возьми, я не буду грузить какой-то глючный инопланетный мозг на мои нежные серые клеточки. Еще и семиотика странная у тебя. Что говорит доктор Хурасани?

ИИНеко садится посреди алого ковра у подножия трона и лениво выгибается, утыкая нос себе в промежность.

– Садек погружен в толкование священных писаний. Он не хочет, чтоб его в это все втягивали.

– Ну ладно. – Эмбер смотрит на кошку. – И как давно ты носишь в себе этот шматок исходного кода?..

– Ровно двести шестнадцать миллионов четыреста двадцать девять тысяч пятьдесят две секунды, – отвечает ИИНеко и самодовольно пищит. – Назовем это примерно шестью годами.

– Ясно. – Эмбер зажмуривается. Мысли тревожно перешептываются о всевозможных последствиях явления. – И он начал говорить с тобой…

– Примерно через три миллиона секунд после того, как я взяла его и запустила прямо в базовой среде, размещенной в эмуляторе нейросети, смоделированном на найденных в стоматогастральном ганглии лангуста компонентах. Надеюсь, понятно?

Эмбер вздыхает.

– Жаль, что ты не рассказала об этом папе. Или Аннет. Все могло быть иначе!

– И как же? – ИИНеко перестает вылизывать задницу и смотрит на Ее Величество каким-то особенно непроницаемым взглядом. – Специалистам потребовалось десять лет, чтобы понять первое сообщение, где была карта окрестностей пульсара с указаниями на самый ближний роутер межзвездной сети. Знание того, как подключиться к роутеру, не поможет, пока он находится на расстоянии трех световых лет, не так ли? Кроме того, было забавно наблюдать за идиотами, пытающимися «взломать инопланетный код», даже не спрашивая себя: «А не ответ ли это на уже известном языке на сообщение, которое мы сами и послали несколько лет назад?» Долбозавры. К тому же Манфред слишком часто меня бесил. Все со мной сюсюкал, как с домашним животным.

– Но ты… – Эмбер прикусывает губу. *Но ты и была домашним животным, когда он тебя приобрел*, собиралась сказать она. Чужое сознание – все еще относительно новое: его не существовало, когда Манфред и Памела впервые взломали когнитивную сеть кошки, и, согласно Обществу скептиков Земли, его все еще не существует. Эмбер и сама не верила в претензии ИИНеко на самосознание, предпочитая считать ее этаким зомби наоборот, существом без самосознания, запрограммированным вести себя так, чтобы все вокруг считали ее самосознающей. – Я знаю теперь, что у тебя есть самосознание, но папа тогда не знал. Не знал же?

Кошка пристально смотрит на нее и медленно сужает глаза до щелочек, выказывая то ли удовольствие, то ли что-то более тонкое. Иногда Эмбер с трудом верится: четверть века назад Кошка начинала как грубая нейросетевая игрушка с Дальневосточной фабрики развлечений, модернизированная, но все еще по большей части технологическая эмуляция живого существа.

– Ладно, прости. Давай сначала. Ты выяснила, чем являлось то второе инопланетное послание; ты, только ты и никто больше, совершенно в одиночку. Притом что аналитики CETI потратили в объединенных усилиях, одна ГАЙДНА [83] знает, сколько лет-эквивалентов вычислительного времени, пытаясь расшифровать

его семантику. Надеюсь, ты простишь меня, если я скажу, что в это сложно поверить?

Кошка зевает.

– Надо было Пьеру рассказать, а не тебе. – ИИНеко бросает взгляд на Эмбер, замечает ее грозную мину и поспешно меняет тему: – Решение было интуитивно очевидным, но не для людей. Люди – такие насквозь… *вербальные* существа. – Подняв заднюю лапу, кошка сначала почесала за левым ухом, потом замерла, не опуская оттопырившуюся конечность. – Кроме того, команда CETI шарила с фонарями, а я-то полагалась на нюх. Они все искали простые числа; когда это не сработало, начали пытаться создать машину Тьюринга, что работала бы без остановки. – Кошка изящно опустила лапу. – Никто не пытался взглянуть на данные как на карту подключений, представленную на содержимом тех же самых единственных земных пакетов данных, которые мы пересылали в дальний космос. Кроме меня. Ну, твоя мать тоже приложила руку к моей думалке.

– Взглянуть как на карту… – Эмбер осекается. – Ты должна была проникнуть в сеть связей отца?

– Ну да, – говорит ИИНеко. – Я должна была многократно разветвиться и порвать его паутину взаимного доверия. Но я этого не сделала. – Кошка зевнула. – Памела меня так-то не меньше вымораживала. На дух не переношу людишек, пытающихся мною вертеть.

– Ладно, уже без разницы. Но брать эту штуку на борт было глупо и рискованно.

– Да ну? – Кошка бросает на нее дерзкий взгляд. – Я не выпускала ее из песочницы. К тому же я в итоге сумела ее запустить. С семьсот сорок первой попытки. Она бы славно поработала на интересы Памелы, если бы я захотела, но она доступна здесь и сейчас – к твоим услугам. Хочешь, подгружу ее тебе?

Эмбер выпрямляет спину и садится на троне.

– Разве ты не слышала? Если думаешь, что я запущу какой-то левый кусок нейрокода пришельцев на своем ядре или даже в метакортексе, – ты чокнутая. Ее можно запустить на твоей грамматической модели?

– Конечно. – Будь ИИНеко человеком, она бы, несомненно, беспечно пожала плечами. – Но эта штука безопасна, Эмбер, как есть тебе говорю. Я выяснила, что она представляет собой.

– Я хочу поговорить с ней, – выпаливает Эмбер и добавляет, пока кошка не ответила: – А что она из себя представляет?

– Стек протоколов. Главным образом он позволяет новым узлам включаться в сеть, предоставляя услуги преобразования

протокола высокого уровня. Стек должен научиться «думать» как человек, чтобы переводить для нас, когда мы прибудем прямиком к роутеру, поэтому они прикрепили поверх него нейронную сеть лангуста – они хотели сделать стек архитектурно совместимыми с нашими ресурсами. Но там нет никаких бомб замедленного действия, уверяю тебя: у меня было достаточно времени, чтобы проверить. А теперь… ты уверена, что не хочешь попробовать запустить эту штуку у себя в голове?

Привет из пятого десятилетия века чудес.

Солнечная система, лежащая примерно в двадцати восьми триллионах километров, – всего лишь в трех световых годах позади ускоряющегося старвиспа [84] «Странствующий Цирк», – бурлит от перемен. За последние десять лет произошло больше технологических достижений, чем за всю предыдущую историю человечества, и еще больше – всяческих непредвиденных случайностей.

Многие трудные проблемы оказались легко решаемыми. Планетарный геном и протеом были картографированы столь исчерпывающе, что биологические науки теперь сосредоточены на проблеме фенома, построения фазового пространства, определяемого пересечением генов и биохимических структур, и понимания того, как расширенные фенотипические признаки генерируются, способствуя эволюционному приспособлению. Биосфера стала сюрреалистической: маленькие драконы были замечены гнездящимися в Шотландском нагорье, а на американском Среднем Западе еноты были пойманы за тем, что программировали микроволновые печи.

Вычислительная мощность Солнечной системы ныне составляет около тысячи MIPS на грамм и вряд ли увеличится в ближайшем будущем – вся пассивная материя, кроме ничтожной доли процента, пока еще заперта под доступными планетарными корками, а соотношение разум/масса достигло стеклянного потолка, который будет сломан только тогда, когда люди, корпорации или другие постлюди соберутся демонтировать более крупные планеты. Уже, впрочем, положено начало на орбите Юпитера и в поясе астероидов. Гринпис отправил на Эрос и Юнону скваттеров-колонистов, но почти все остальные астероиды пали жертвами территориального захвата, невиданного со времен Дикого Запада, и надежно окольцованы флотилиями специализированных нанодобытчиков и расширяющимися облаками мусора. Лучшие умы процветают в свободном падении, разумы окружены мыслящим эфиром из расширений, на много порядков превосходящим в мощности их биологическую основу.

Одна из таких сверхлюдей – Эмбер, королева Империи Внутреннего Кольца, первой самопровозглашенной силы на орбите Юпитера.

На дне земного гравитационного колодца расцвела крупная финансовая катастрофа. Дешевые иммортагены, вышедшие из-под контроля омолодители личности и формальная новая теория неопределенности выбили почву из-под ног индустрии страховок и завещаний. Делать ставки на продолжение существования худших сторон человеческой жизни – болезней, старения и смерти – стало вернейшим способом обеднеть, и пятидесятичасовая спираль дефляции сожгла бескрайние фондовые поля дотла. Гениальность, красота, практически вечная жизнь – в развитых странах все это теперь считается неотъемлемым правом каждого, и даже самые бедные захолустья испытывают теперь на себе продолжительные последствия коммерциализации интеллекта.

Но не все так сладко и светло в эпоху зрелых нанотехнологий. Всеохватное усиление интеллекта не приводит к широкому распространению рациональности. Новые религии и мистические культы буйно цветут по всей планете; подавляющая часть Сети непригодна для использования, разрушенная нескончаемыми семиотическими джихадами. Индия и Пакистан наконец устроили себе долгожданную ядерную войну. Внешнее вмешательство посредством наноспутников США и Евросоюза не дало большей части выпущенных МКБР поразить свои цели, однако последовавший за этим вал сетевых атак и василиск-заражений [85] спровоцировал хаос. К счастью, выживать в информационной войне оказалось легче, чем в ядерной, особенно после открытия простых фильтров сглаживания, благодаря которым девять из десяти грозных фракталов Лэнгфорда, поражающих нейросети на бионосителях, оказались не способны вызвать ничего страшнее легкой головной боли.

В этом десятилетии новые открытия – источник слабой отталкивающей силы, что в ответе за изменение скорости расширения Вселенной после большого взрыва, а на гораздо менее абстрактном уровне – экспериментальная реализация при помощи квантовых цепей запутывания Оракула Тьюринга, устройства, определяющего, может ли данная задача быть вычисленной за конечное время. Экстремальная космология переживает пик роста. Иные из особо продвинутых исследователей обсуждают вероятность того, что Вселенная была создана как вычислительное устройство, программа которому заложена в значении константы Планка; теоретики опять вещают об использовании искусственных червоточин для обеспечения

мгновенных связей между отдаленными уголками пространства-времени.

Большинство уже и позабыло о хорошо известной внеземной передаче, полученной пятнадцатью годами ранее. Очень немногие знают что-либо о второй, куда более сложной передаче, полученной немного позже. Многие из них сейчас являются пассажирами или наблюдателями «Странствующего Цирка», легкого старвиспа, движущегося из Солнечной системы на лазерном луче, генерируемом установками Эмбер на низкой орбите Юпитера (сверхпроводящие тросы, крепящиеся к Амальтее, тянутся через магнитосферу Юпитера, обеспечивая гигаватты электричества для подпитки лазеров энергией, которая, в свою очередь, исходит от орбитального импульса маленькой луны).

Произведенный «Эйрбас-Циско» годами ранее, «Странствующий Цирк» – это тихая гавань, изолированная от основного бурливого потока человеческой культуры. Сложность его систем ограничена по массе: пункт назначения находится почти в трех световых годах от Земли, и даже с высоким ускорением и релятивистскими крейсерскими скоростями сей старвисп весом в один килограмм и его стокилограммовый легкий парус доберутся к цели лишь за семь лет – по оптимистичным расчетам. Отправка зонда размером с человека выходит за рамки даже великого энергобюджета новых орбитальных государств в системе Юпитера; путешествовать на сверхсветовой скорости ужасно дорого. Вместо огромного самодвижущегося корабля с живыми пассажирами в стазисе, мечты ушедших поколений, звездолет представляет собой нанокомпьютер размером с банку кока-колы, выполняющий нейронную симуляцию загруженных состояний мозга нескольких десятков людей. К тому времени, когда его обитатели снова перенесутся домой для загрузки в клоны своих старых тел, человеческая цивилизация, согласно линейной экстраполяции, претерпит столько же изменений, сколько за предыдущие пятьдесят тысячелетий – за всю историю человечества на Земле.

Но Эмбер это устраивает, потому что то, что она ожидает найти на орбите вокруг коричневого карлика Хёндай $^{+4904}/_{-56}$, стоит того, чтобы подождать.

Пьер рулит в другой виртуальной среде, которая в настоящее время отвечает за главную систему управления «Странствующего Цирка». Он наблюдает за роботами, обслуживающими паруса, когда приходит сообщение. Два посетителя уже поднимаются по лучу с орбиты Юпитера. Единственный его компаньон тут – Сю

Ань, появившаяся вскоре после него, и она занята какой-то своей работой. Главная управляющая виртуальная машина – как и все другие доступные человеку среды на этом уровне стека виртуализации корабля – представляет собой конструкцию, построенную по образцу известного фильма: она напоминает мостик давно затонувшего океанского лайнера, пусть даже и с подспудно информативными пользовательскими интерфейсами, зависшими перед видом на океан за окнами. Повсюду мягко поблескивает полированная латунь.

– Что это было? – крикнул он, откликаясь на тихий звон колокольчика.

– У нас гости, – повторяет Ань. – Они уже буферизуют линию; одно подтверждение их получения высасывает бóльшую часть нашей нисходящей полосы пропускания.

– Как думаешь, кто такие? – спрашивает Пьер, закидывая пятки на спинку незанятого кресла рулевого и мрачно взирая на бесконечную гладь серо-зеленого эфирного океана.

– Их пока еще не распаковали. Но есть пояснительная записка от Боба и компании. Один из них – какой-то адвокат, а другой – кинопродюсер.

– Кинопродюсер?

– Фонд Франклина говорит, что с его помощью можно будет покрыть наши судебные затраты. Мьянма рвет и мечет. Они уже наложили штраф на оригинальное воплощение Эмбер там, внизу, и пытаются дотянуться своим шемякиным судом до всех нас. А еще эта Орегонская христианская реконструкционистская империя…

– Ой-ей. – Пьер морщится. Ежедневные новости с Земли, модулированные на коммуникационный лазер малой мощности, становятся все паршивее. С другой стороны, Эмбер ведь невероятно богата: фьючерсы на добрую волю, сграбастанные за счет доверия к ее отцу, указывают, что люди готовы прыгать выше головы, только бы как-то ей угодить. А еще у Эмбер прорва недвижимости – сто гигатонн скальных пород на низкой орбите Юпитера и столько кинетической энергии, что хватит на всю Северную Европу на целый век. Но увы – ее межзвездная авантюра влетает походя в немалые деньги, растрачивая такие объемы средств, что поддержание ее сродни растопке горнила ассигнациями. Теперь даже просто сдерживать экологические протесты по поводу удаления с орбиты малой луны Юпитера – тяжкий труд. Более того, целый рой мелких национальных управ пробудился от сна и пытается законодательно пробиться к общей кормушке, застолбить себе что-то ценное. Пока еще никто не пытался произвести насильственный захват власти (к Империи

Кольца привязано лазеров на двести гигаватт – Эмбер серьезно относится к своему суверенному статусу, даже подала заявку на место в ООН и членство в ЕК), но досадные судебные иски аукаются то отказом в сотрудничестве, то экономическими санкциями. – Что еще про них известно?

– Пф-ф-ф. – Сю Ань явно чем-то раздосадована. – Не гони коней, они самолично к нам загрузятся через пару деньков. Может быть, чуть больше времени уйдет на адвоката – у него с собой огромный инфодамп. Думаю, там очередной полубезумный коллективный иск.

– Держу пари, так и есть. Никак этим ребятам невдомек…

– Что невдомек? Здешний правовой свод?

– Ну да. – Пьер кивает. – Одна из самых разумных идей Эмбер – шотландские законы образца одиннадцатого века возродить и дополнить новыми положениями о казарменном праве, дуэлях и компургации [86]. – Морщась, он засылает пару своих привидений поглядеть на прибывших, а затем возвращается к починке парусов. Межзвездная среда – абразивная, запыленная: всякая крупица на соразмерных им скоростях несет энергию артиллерийского снаряда. Потому-то лазерный парус постоянно приходится латать – он никогда не бывает целым. Большая часть массы приводной системы отведена под серебристые хлопья ботов, штопающих и латающих вечно испаряющуюся мембрану, тонкую, как мыльный пузырь. И высшее проявление умения здесь – в знании того, как наилучшим образом распределить ремонтные ресурсы по тем направлениям, где они необходимее всего, минимизировав на линиях подвески напряжение, избежав резонанса и дисбаланса тяги. Тренируя ремонтных ботов, Пьер размышляет о полных ненависти письмах от старшего брата (тот все винит его в несчастном случае с их отцом), о религиозных предписаниях Садека – косной чуши, по его мнению, – о непостоянстве могущественных женщин и о бесконечных глубинах в его собственной девятнадцатилетней душе.

Пока он размышляет, Сю Ань, очевидно, заканчивает с делами и выбегает – не через полированную дверь красного дерева в задней части рубки, а просто распавшись и где-то еще материализовавшись заново. Гадая, не раздражена ли она, Пьер поднимает глаза, как только первое из его привидений является на карте памяти, и вспоминает, что произошло, когда он встречал первого гостя. Его глаза расширяются:

– Черт побери!

Это не кинопродюсер, а адвокат, только что закачавшийся в виртуальную вселенную «Странствующего Цирка». Кто-то же должен сказать Эмбер. И хотя последнее, что он хочет делать, –

это говорить с ней, ему, похоже, придется ей позвонить, потому что это не просто обычный визит. Адвокат означает неприятности.

Возьмите мозг и спрячьте его в бутылку. Еще лучше: возьмите копию мозга и суньте ее в модель бутылки – или тела – и подавайте ей сигналы, имитирующие неврологические входы. Считайте выходные данные и направьте их к модели тела в модели Вселенной, что полна моделей физических законов, – вот цикл и замкнулся. Рене Декарт бы все понял. Вот так в двух словах можно описать состояние пассажиров «Странствующего Цирка». Они – люди, привязанные к физическим телам, но их нейронное программное обеспечение (и карта внутричерепного программного обеспечения, на котором это НПО работает) было перенесено в виртуальную машинную среду, работающую на большом компьютере, и вся Вселенная, которую они воспринимают, выражаясь словами старика Эдгара По, «лишь сновиденье в сновиденьи».

Вот эти мозги в бутылках – наделенные не просто властью, но полным диктаторским контролем над реальностью, в которой находятся, – порой перестают заниматься задачами сугубо физическими, с которыми вынуждены иметь дело мозги в живых телах. Например, менструация – уже не что-то непреложное. Рвота, стенокардия, истощение и судороги – все это необязательно. Так же как и физическая смерть, распад телесных тканей. Но иные виды деятельности не прекращаются, потому что люди (даже те, что были преобразованы в описательное ПО, пропущены через высокочастотную лазерную линию связи и внесены в стек виртуализации) не хотят, чтобы те прекращались. Дышать, например, уже не нужно, но угнетение дыхательного рефлекса рождает беспокойство, если только не взломать гипоталамическую карту, чем большинство гомоморфных выгрузок предпочитают не заниматься. Кроме того, остается еда – не для избежания голода, а удовольствия ради; и если ничто не мешает пировать жареным дронтом, приправленным сильфием [87], то почему бы и нет? Похоже, человеческая зависимость от сенсорного ввода никуда не денется. И это все без учета секса и технических новшеств, которые становятся возможными, когда Вселенная, равно как и тела в ней, изменчива.

Публичная аудиенция с гостями проходит в еще одном фильме: парижский дворец Карла IX, тронный зал – прямиком из «Королевы Марго» Патриса Шеро. Эмбер настояла на подлинности периода, и реалистичность тут сейчас выкручена на

одиннадцать очков из десяти. 1572 год – педаль в пол; физический максимум.

Пьер раздраженно ворчит, непривычный к своей бороде. Гульфик ему жмет, и косые взгляды сообщают ему: он не единственный член королевского двора, который чувствует себя неуютно. И все же Эмбер блистает в платье Изабель Аджани в роли Маргариты де Валуа, а яркий солнечный свет, струящийся сквозь витражи высоко над толпой статистов, придает этому событию некое варварское величие. Зал кишит телами в священнических одеяниях, дублетах и платьях с глубоким вырезом – некоторые из них заняты настоящими людьми. Пьер шмыгает носом – кто-то (наверное, Гэвин со своим историческим бзиком?) постарался, чтобы и запахи были реконструированы достоверно. Он чертовски надеется, что никого не стошнит. По крайней мере, никто вроде не обрядился в Екатерину Медичи.

Группа актеров, изображающих солдат-гугенотов, приближается к трону, на котором восседает Эмбер; они медленно шагают вперед, сопровождая довольно ошеломленного парня с длинными прямыми волосами, облаченного в парчовую куртку, которая, кажется, сделана из золотой ткани.

– Его светлость, военный прокурор Алан Глашвиц! – объявляет лакей с пергамента. – Здесь – по приказу августейшей гильдии-корпорации «Смут и Седжвик Ассошиэйтс», с вопросами юридического значения для обсуждения с Ее Королевским Высочеством!

Грохочут фанфары. Пьер бросает взгляд на Ее Королевское Высочество: та отвечает грациозным кивком. Впрочем, вид у нее слегка осоловелый – царит влажный летний день, а в ее сотне одежек наверняка очень жарко.

– Добро пожаловать на самые дальние рубежи Империи Кольца, – объявляет Эмбер звонким чистым голосом. – Я приветствую вас и приглашаю представить мне прошение на сем полностью открытом заседании.

Пьер переводит взгляд на Глашвица, который, по-видимому, чем-то обеспокоен. Он, несомненно, усвоил основы придворного протокола Империи Кольца (население перешло отметку в восемнадцать тысяч – растущее маленькое княжество), но реальность зрелища – подлинно-старомодной монархии, укорененной в триединой связке власть – информация – время, – никому еще не удавалось принять и осознать сиюсекундно.

– Я бы рад, – говорит он слегка натянуто, – но когда кругом столько людей…

Пьер пропускает следующую реплику, потому что кто-то отвешивает ему шлепок по левой ягодице. Он вздрагивает и

оборачивается. Сю Ань на него не смотрит – ее взгляд обращен к трону: хрестоматийная придворная дама, внемлющая королеве. На ней абрикосового цвета платье с узкими рукавами и лифом такого фасона, что оголяет все, что выше сосков. В ее волосах – целое состояние: жемчуга и диаманты. Заметив его взгляд, она подмигивает.

Пьер застывает на месте, отключая их от потока реальности, и она поворачивается к нему лицом.

– Мы теперь одни?

– Думаю, да. Ты хочешь о чем-то поговорить? – спрашивает он, и его щеки заливает жар. Шум вокруг них – это случайный шорох машинно-порожденных декораций толпы, но люди неподвижны, поскольку сейчас их общая нить реальности протекает независимо от остальной Вселенной.

– Ну конечно! – Она улыбается ему, пожимает плечами. Эффект, производимый на ее грудь корсажем, поразителен – кажется, в таком и скелет обрел бы пышный бюст. – О, Пьер. – Сю Ань улыбается и вновь подмигивает. – Тебя легко выбить из колеи. – Щелкая пальцами, она меняет свой наряд: афганская бурка, абсолютная нагота, деловой костюм и снова – придворный наряд. Ее улыбка – единственная константа. – Теперь, когда я забрала твое внимание, перестань таращиться на меня – и посмотри-ка на него.

Еще более смущенный, Пьер следит за ее рукой, протянутой в сторону застывшего в пространстве мавританского эмиссара.

– Садек…

– Садек знает нашего гостя, Пьер. С этим парнем что-то не так.

– Думаешь, я сам не знаю? – Пьер смотрит на нее с досадой, позабыв о смущении. – Я уже видел его раньше: я много лет слежу за его выходками. Он – верный пес матери Эмбер. Выступал ее адвокатом по разводу, прижимал самого Манфреда Масха.

– Извини. – Сю Ань отводит взгляд. – В последнее время ты сам не свой, Пьер. Знаю, у тебя какие-то нелады с Эмбер. Я очень волнуюсь. Ты не обращаешь внимания на мелочи.

– Как думаешь, кто предупредил Эмбер? – спрашивает он снисходительно.

– О! Ладно, значит, ты в курсе дела, – говорит она. – Но все-таки, хоть я и не до конца все понимаю, вижу – ты расстроен. Я могу чем-нибудь помочь?

– Слушай. – Пьер кладет руки ей на плечи. Она не реагирует, лишь смотрит прямо в глаза. Она невысокая – всего метр шестьдесят ростом, – и Пьера настигает дикое чувство: что-то вроде юношеской неуверенности в девичьих намерениях. Чего же

она хочет? – Я знаю, что рассеян, и мне очень жаль – постараюсь быть бдительнее. В последнее время все чаще хочется запереться наедине со своими мыслями. А нам лучше возвратиться в зал, пока никто не заметил.

– Может, сначала обсудим твою проблему? – спрашивает Сю Ань, прося довериться.

– Я… – Пьер качает головой. *Я мог бы рассказать ей все*, с дрожью осознает он, и его метакортекс к тому настойчиво ведет. Конечно, у него есть привидения-советчики, и им можно сколько угодно изливать душу, но Сю Ань реальный человек, его подруга. Она судить не станет, и модель ее человеческого социального поведения гораздо лучше, чем у любой экспертной системы, но время идет, и, кроме того, Пьер чувствует себя грязно.

– Не сейчас, – говорит он. – Давай вернемся назад.

– Как скажешь. – Она кивает, затем отворачивается, шагает прочь, шурша юбками, и он снова размораживает реальность, занимая свое место в большой Вселенной – как раз в тот момент, когда уважаемый гость подает королеве коллективный иск, а королева отвечает назначением судебной дуэли.

Хёндай $^{+4904}/_{-56}$ – коричневый карлик, шар мутного водорода, сконденсировавшийся в звездной колыбели. Он в восемь раз тяжелее Юпитера, но этого недостаточно, чтобы зажечь и поддерживать термоядерный огонь в его недрах. Беспощадная сила тяготения сжала его в сферу вырожденной материи, окруженную оболочкой газово-жидкостной смеси. Он лишь немного шире того газового гиганта, у которого люди черпают энергию для своего судна, но в разы плотнее. Миллиарды лет назад близкий проход блуждающей звезды, не скованной никакими гравитационными цепями, обычно удерживающими звезды на месте, вышвырнул его из родной системы, отправив в бесконечное странствие через вечную тьму Галактики – в одиночестве, разделенном лишь танцем замерзших лун. В ту эпоху, когда «Странствующий Цирк» направился к своей цели, сбросил свой главный отражатель и замедлился, используя луч лазера, отраженный от сброшенного зеркала на оставшуюся часть паруса, Хёндай $^{+4904}/_{-56}$ пролетал от Земли чуть меньше, чем в одном парсеке – ближе системы Альфа Центавра. Темный, как ночь в видимой области спектра, он мог бы влететь незамеченным во внешние области Солнечной системы, и только там, освещенный Солнцем, стать видимым в обычные телескопы. Появлением имени карлик был обязан проведенным в начале века инфракрасным обзорам неба, обнаружившим его в луже остаточного теплового излучения.

На стеке виртуализации «Странствующего Цирка» симулируются шестьдесят три сознания, скопированные и выгруженные из биологических тел, большая часть которых все еще здравствует у себя дома. Целая толпа, но и в толпе можно почувствовать себя одиноким – к сожалению, даже в том случае, когда именно ты устроил вечеринку. А уж в особенности когда преследуют мысли о долгах, пусть даже ты и миллиардер и главный наследник самого большого репутационного фонда человечества. Наряд Эмбер – черный свитер и черные гетры – мрачен, как и ее настрой.

– Вас что-то тревожит. – Сухонькая мужская рука опускается на спинку кресла по соседству. Эмбер сразу оглядывается – и кивает, признав человека рядом.

– Да, пожалуй. Садись. Что-то ты на аудиенции сидел тише воды, ниже травы.

Худой смуглый мужчина с аккуратно подстриженной бородкой и высоким изборожденным морщинами лбом усаживается рядом с ней.

– Меня несколько смущали все эти роли. Почему де Валуа?

– Скажу так: мне ее шляпка идет. – Эмбер откидывается назад в кресле. – А знаешь, у Маргариты была интересная жизнь… – произносит она мечтательно.

– В смысле, полная греха и разврата?

– Садек! – Эмбер закрывает глаза. – Прошу, давай не будем хоть сейчас устраивать священную войну за абсолютную мораль. Нам предстоит выход на орбиту, поиск роутера и установление контакта, а я очень устала. Как выжатый, блин, лимон.

– Прошу прощения, о королева. – Он осторожно склоняет голову. – Это из-за вашего молодого человека? Он плохо с вами обращается?

– Не совсем. – Эмбер замолкает. Садек, взятый на борт «Странствующего Цирка» корабельным теологом – на тот случай, если они повстречаются с богами, – мнит заботу об ее душевном равновесии чем-то наподобие хобби. Порой это чуть гнетет, порой льстит, и всегда остается некий сюрреалистический фактор. Садек – аятолла в беспрецедентно младых летах; своих коллег по исследованиям он опережает на голову благодаря сложным квантовым поисково-аналитическим девайсам, доступным гражданам Империи Кольца. И когда они вернутся домой, его оригинал, надо думать, тоже станет аятоллой. Он бережно обращается с культурными различиями, его логическое мышление безупречно, он искусно избегает прямой конфронтации с Королевой и все время подыскивает пути направления ее в моральном развитии.

– Обычное недопонимание, – говорит наконец Эмбер. – Я бы отложила это все до тех пор, пока мы не управимся с миссией.

– Как вам будет угодно. – Похоже, Садек не утешился таким ответом, но это в порядке вещей. Он еще не отряхнул с ног прах юношества, прожитого в индустриальном Йезде. Время от времени Эмбер подумывает, не являются ли их разночтения отражением фундаментальных различий между ранним двадцатым и ранним двадцать первым веками – в миниатюре. – Но возвращаясь к делам насущным: вы уже установили, где роутер?

– Через несколько минут… ну или через пару часов… да, будем знать наверняка, – говорит Эмбер чуть громче, одновременно генерируя набор поисковых привидений. – Эй, Борис? Знаешь, куда мы движемся?

Развернуться в ее сторону у Бориса выходит с трудом. Сегодня он нацепил аватарку в виде велоцираптора, в которой не так-то просто маневрировать в тесных пространствах.

– Подвиньтесь! Подвиньтесь! – раздраженно рычит он, затем, прокашлявшись грозно и гортанно, добавляет: – Я копаюсь в визуальной памяти паруса.

С изнанки тонкий, как мыльная пленка, лазерный парус усеян нанокомпьютерами, друг от друга отстоящими на жалкий микрометр. Каждый из них может быть включен в режиме клеточного автомата, каждый оснащен световыми датчиками – стоит им слиться в одну гигантскую фазированную оптическую решетку, и весь парус станет сетчаткой глаза шириной более сотни метров. Сейчас Борис скармливает этому «глазу» образы, которые описывают все, что отличается от неизменного звездного пейзажа. Скоро воспоминания сгустятся и вернутся, как образы тьмы в движении – холодные, мертвые слуги угасшего солнца.

– Но где он будет находиться? – спрашивает Садек. – Вы точно знаете, что мы ищем?

– Конечно. Найти его не составит труда, – говорит Эмбер. – Он выглядит как-то так. – Она тычет указательным пальцем в вереницу стеклянных окон, выходящих на мост. Ее перстень вспыхивает рубиновым светом, и что-то неописуемо странное мерцает в поле зрения – вместо привычного морского пейзажа. Гроздья жемчужных бусин, образующих спиральные цепочки, дискообразные структуры и цветные завитки, сплетающиеся друг с другом, висят в пространстве над погруженной во мрак планетой. – Похоже на скульптуру Уильяма Лэтэма [88], сделанную из странной материи, не так ли?

– Очень абстрактно, – одобрительно говорит Садек.

– Эта штука живая, – добавляет Эмбер. – А когда мы попадем

в поле ее зрения, она попытается нас съесть.

– Как это? – Садек неловко подбирается в кресле.

– Тебе что, никто не говорил? Я-то думала, мы всех проинструктировали. – Эмбер кидает ему блестящий золотой гранат, и он ловит подношение. Инфодамп растворяется в руке у Садека, и его окутывают привидения, вбирающие знание с ним на пару. – Вот черт, – мягко добавляет она.

Садек замирает на месте. Глифы осыпающейся каменной кладки, заросшей плющом, покрывают его кожу и темный костюм, предупреждая, что он чем-то занят в своей личной вселенной.

– Р-р-р-р! Босс! Нашел что-то! – кричит Борис, пуская слюни на пол мостика.

Эмбер поднимает глаза. *Пожалуйста, пусть это будет роутер*, думает она.

– Выводи на главный экран.

– Вы уверены, что это безопасно? – нервно спрашивает Сю Ань.

– Безопасных вещей не существует, – огрызается Борис, стуча своими огромными когтями по палубе. – Вот. Глядите.

Вид за окнами переходит в перспективу на пыльно-синеватом горизонте: завихрения водорода и белые структуры кристаллов метана, перемешанные на температурном уровне выше точки замерзания кислорода остаточным вращением Хёндай $^{+4904}/_{-56}$, являются их взору. Уровень интенсификации изображения огромен – невооруженный человеческий глаз не увидел бы ничего, кроме черноты. Над краем гигантской планеты возвышается маленький бледный диск: Каллид, самая большая луна коричневого карлика, или вторая по размеру планета – бесплодная скала, чуть больше, чем Меркурий. Экран приближается к луне, проносящейся над ландшафтом, изрытым кратерами и укутанным пылью ледяных вулканов. Наконец прямо над далеким горизонтом что-то бирюзовое мерцает и вращается на фоне холодной тьмы.

– Вот он, – шепчет Эмбер, и в ее животе порхают бабочки, а все ужасные образы, вырисовывающие их возможную незавидную судьбу вблизи роутера, исчезают, как тени в полдень. – Вот он! – Окрыленная, она встает на ноги, желая разделить этот момент с теми, кого знает и ценит. – Проснись, Садек! Кто-нибудь, тащите сюда эту проклятую кошку! А где же Пьер? Он должен это увидеть!

За пределами замка правят ночь и разгул. Толпа – пьяная и шумная в предчувствии Варфоломеевской резни. В вышине цветут

фейерверки, в открытые окна влетает теплый ветерок, благоухающий вареным мясом, древесным дымом, разверстой выгребной ямой. Тем временем герой-любовник крадется вверх по плотно закрученной каменной лестнице в почти полной темноте. Он пьян, на дорогой льняной рубашке видны пятна пота и жира. Он останавливается у третьего окна, чтобы подышать свежим воздухом и провести обеими руками по своей гриве длинных, нечесаных и грязных волос. «*Зачем я это делаю?*» – удивляется он. Это так не похоже на него, эта возня вокруг да около…

Он продолжает подниматься по спирали. Наверху, в вестибюле, освещенном фонарем, свисающим на цепи с крюка, зияет дубовая дверь. Он отваживается ступить в будуар, отделанный почерневшими от времени дубовыми панелями. Шаг за порог наносит еще один удар по предварительной договоренности. Что-то другое, помимо его собственной воли, направляет его ноги, и он чувствует незнакомую пульсацию в груди, предвкушение и тепло, расслабленность там, внизу, и все эти чувства срываются на крик: *где же ты?*

– Сюда. – Он видит, что она ждет его в дверях. Она раздета, на ней – многослойные нижние юбки и жесткий корсет, от коего верхушки ее грудей раздуваются, как блестящие купола. Ее узкие рукава наполовину распущены, волосы растрепаны. Он полон ее алчных взоров, ее хватки, удерживающей его спину прямо, ее привкуса во рту. Она – магнит для его реальности, невероятно притягательная, столь напряженная, что вот-вот взорвется.

– Работает? – спрашивает она.

– Да. – Он чувствует, как перехватывает дыхание, как переполняют противоречивые чувства нереальности происходящего и страсти; он идет к ней. Они экспериментировали с полами и раньше, всячески обыгрывая экстремальный диморфизм исторической эпохи, но *так* еще никогда не делали. Он приоткрывает губы, целует ее, чувствуя тепло своего языка меж ее губ, силу своих рук, смыкающихся на ее талии. Она прижимается к нему теснее, ощущая его возбуждение.

– Так вот каково это – быть тобой, – говорит она с удивлением и интересом. Дверь в комнату приоткрыта, но терпеть дальше невозможно: перенаправленный в его тактильный сенсориум из ее физиологической модели поток ощущений захлестывает его. Она льнет к нему бедрами, тонет в его объятиях, давит на его возбужденное естество и низко постанывает. Когда его восприятия достигают чувства ее тела, он почти падает в обморок – будто растворяясь, он ощущает, как что-то твердое упирается в промежность, он превращается в текучую

воду и уносится прочь. Каким-то образом он поднимает ее, обхватив за талию, – как перехватывает дыхание! – и несет, спотыкаясь, в спальню. Он бросает ее на туго набитый матрас, и она стонет громче.

– Давай! – требует она. – Давай сейчас же!

Каким-то образом он оказывается на ней сверху, чулки спускаются вокруг его лодыжек, юбки завязываются вокруг ее талии; она целует его, прижимаясь к нему бедрами и бормоча что-то настойчивое. Затем его сердце подкатывает к самому горлу, и возникает ощущение, что Вселенная заполняет его изнутри с такой силой, что и вдохнуть не выходит – горячая и мощная. Он так сильно хочет, чтобы она попала к нему внутрь, но в то же время ему страшно. Он чувствует молниеносное прикосновение своего языка к ее соскам, когда наклоняется ближе, чувствует себя незащищенным, испуганным и восторженным, когда входит в нее. Начиная растворяться в этой Вселенной, он кричит в уединении своей собственной головы:

Я не знал, что это ТАКОЕ чувство!..

А после она обращается к нему с ленивой улыбкой и спрашивает:

– Ну как?

Она, очевидно, предполагает, что если ей это понравилось, то и ему – тоже.

Но все, о чем он может думать, – ощущение того, как Вселенная вливается в него и как хорошо это ощущается. Все, что он слышит, – крики отца («Ты что, педик какой-то?»), все, что чувствует, – свою собственную внутреннюю грязь.

Привет из последней мегасекунды перед разрывом.

Солнечная система яростно мыслит на скорости 10^{33} MIPS – мысли пузырятся и кружатся в эквиваленте миллиона миллиардов неаугментированных человеческих умов. Кольца Сатурна светятся отработанным теплом. Сохранившие убеждения монахи Церкви Последних Дней соотносят фазовое пространство своего генома с информацией о своем происхождении в попытке воскресить предков. Над экватором Земли стройными листьями росянки раскрылись орбитальные лифты непрерывного цикла, несущие поток пассажиров и грузов на орбиту и обратно. Поверхность Меркурия подверглась нашествию маленьких ракообразных роботов – те валом прокатились по бесплодным скалам, выдавливая из себя черную слизь фотоэлектрических преобразователей солнечной энергии и серебряные нити электромагнитных катапульт. Светящееся облако промышленных наномов рисует дымку вокруг самой близкой к Солнцу планеты,

медленно сжимающейся под натиском обильной солнечной энергии и решительных роботов-добытчиков.

Первоначальные воплощения Эмбер и ее придворных плавают на высокой орбите над Юпитером, возглавляя огромную сеть торговли пассивной материей, и рынок сей берет в оборот доступную массу внутренней системы Юпитера. Торговля реакционной массой идет оживленно, налажены поставки алмазно-вакуумных двухфазных структур для сборки и выгрузки в нижние слои Солнечной системы. Далеко внизу, над самыми облаками, несется сквозь бури заряженных частиц титаническая раскаленная добела дуга сверхпроводящего кабеля, оставляя за собой след возбужденной плазмы. В магнитосфере гиганта по низкой орбите она переводит кинетическую энергию в электрический ток и направляет его в фасетчатый глаз орбитальных лазеров, нацеленный в систему Хёндай $^{+4904}/_{-56}$. Пока лазеры функционируют, Эмбер может продолжать свою исследовательскую миссию, но Империя Кольца – часть постчеловеческой цивилизации, эволюционирующей в бурных глубинах Солнечной системы, чья главная задача – не отстать от сумасшедшего поезда вышедшей из-под контроля истории.

В стерильных океанах Титана обретает форму новая биология – сюрреалистические разновидности искусственной жизни, основанные на мультиадаптивной архитектуре. В ледяной дали за орбитой Плутона, конденсируясь из суперкриогенных бозонных газов, рождаются невозможные квантовые структуры и уходят вглубь, к скоростному умному ядру, сформованные так, чтобы ничто не нарушило их квантовые грезы.

Там, в жарких глубинах, все еще живут люди, но их уже трудно узнать. Судьба человечества до двадцать первого века была отвратительной, жестокой и короткой. Хроническое недоедание, недостаток образования и эндемические заболевания привели к тому, что умственные способности людей были искалечены, а тела – сломаны. Теперь большинство людей – существа многозадачные. Их плотские мозги укреплены в ядрах распределенных личностей, и большая часть мыслей витает не в биотелах, а на структурах виртуальной реальности, далеких от их тел в физическом мире. Незыблемое становится переменным, и по миру несутся войны, революции и их изощренные аналоги последних дней. Большинству людей принять смерть глупости оказалось даже сложнее, чем смерть смертности. Некоторые заморозили себя, чтобы переждать бурные времена, надеясь, что в будущем, неопределенном и постчеловеческом, они очнутся. Многие другие переписали ядро своей личности, чтобы научиться справляться со все быстрее изменяющимися требованиями

реальности. Среди обитающих здесь существ можно найти таких, которых в прошлом веке никто не счел бы за людей – продукты скрещивания людей и корпораций, несколько видов зомби, дегуманизированных собственной оптимизацией, ангелы и черти пространства мысли, финансовые инструменты, наделенные хитроумным самосознанием. Даже популярная фантастика в эти дни самоуничтожилась.

Ничто из этого, за исключением самой незначительной сводки новостей, не доходит до «Странствующего Цирка»: старвисп Эмбер – реликт, оставшийся в стороне от громкой поступи ускоряющегося прогресса. Но на борту «Странствующего Цирка» произойдут наиважнейшие события, оставшиеся в «человеческой» части светового конуса истории.

– Поздоровайся с медузой, Борис.

Борис, на этот раз в человеческом обличье, свирепо смотрит на Пьера и сжимает кувшин обеими руками. Содержимое кувшина лениво крутит своими щупальцами: одно из них почти вываливается из раствора, выбивая из него насаженную на кол коктейльную вишенку.

– Достанется тебе за это, – грозит Борис. Мглистый эфир вокруг его головы плюется демоническими образами мести.

Сю Ань пристально смотрит на Пьера, следящего, как Борис подносит кувшин к губам и начинает пить. Детеныш медузы – маленький, бледно-голубой, с кубовидными колокольчиками и четырьмя пучками щупалец, свисающих из каждого угла, – легко скользит вниз. Борис на мгновение вздрагивает, когда нематоцисты впиваются ему в рот, но через мгновение медуза соскальзывает вниз, и тем временем его биофизическая модель фиксирует степень повреждения его разорванной стрекательными клетками ротоглотки.

– Уф, – говорит он, делая еще один глоток «маргариты» из морской осы [89]. – Никогда не пытайтесь повторить это дома, дети.

– Ну-ка. – Пьер протягивает руку. – Я повторю.

– Придумай свой чертов стиль, – усмехается Борис, но отпускает кувшин и передает Пьеру. Пьер отпивает. Коктейль из медузы напоминает ему фруктово-желейные напитки жарким гонконгским летом.

Жжение в нёбе – острое, но оно быстро стихло, немного оставшись только там, где алкоголь омыл легкие ожоги от щупалец, – вот и все, что эта модель вселенной позволяет медузе-убийце сделать с людьми.

– Неплохо, – говорит Пьер, промокая подбородок. Он толкает

кувшин через стол к Сю Ань. – А это что за чучело Масленицы? – Он показывает большим пальцем за спину, на стол, втиснутый в угол напротив медной стойки бара.

– Да какая разница? – спрашивает Борис. – Это ведь просто декорация.

Бар – заведение трехсотлетней давности с пивным меню на шестнадцать страниц и деревянными стенами, окрашенными в цвет несвежего эля. Воздух густо пропах табаком и пивными дрожжами, но ни первого, ни вторых здесь на самом деле нет. Эмбер извлекла этот образ из коллективной памяти борганизма Боба Франклина, через неупорядоченные электронные письма ее отца, комментирующие ее телесное происхождение, – оригинал находится в Амстердаме, если этот город все еще существует.

– Мне не все равно, кто это, – говорит Пьер.

– Да забей, – тихо говорит Ань. – Думаю, это адвокат за фильтром приватности.

Пьер оглядывается через плечо и свирепо смотрит на нее.

– Неужели?

Сю Ань кладет руку ему на запястье:

– Ну да. Но ты просто не обращай внимания. Ты же знаешь, до суда тебе не придется иметь с ним дел.

Плетеный человек неловко пристроился в уголке – антропоморфная фигура из веток и сушеного тростника, обвязанная красным платком. В его плетеной правой руке – кружка с пивом. Время от времени он поднимает ее, будто хочет сделать глоток, и напиток куда-то девается в странной мешанине его плетеной головы.

– К черту суд, – кратко говорит Пьер. *И Эмбер тоже к черту – за то, что она назвала меня своим общественным защитником*.

– С каких это пор судебные процессы идут с невидимым человеком? – спрашивает Донна, журналистка, влетая в бар вместе с пятнистым историческим следом, намекающим на то, что она только что вышла из подсобки.

– С тех пор как… – Пьер моргает. – Черт побери! – Как только из ниоткуда явилась Донна, следом точно так же материализовалась ИИНеко. Может, впрочем, она всегда была тут – лежала себе, свернувшись калачиком, перед плетеным человеком. – Ну зачем вы последовательность-то нарушаете, а? – жалуется Пьер. – Эта вселенная испорчена!

– Ну вот сам ее и почини, – говорит ему Борис. – Остальные же как-то справляются. – Он щелкает пальцами. – Официант!

– Простите. – Донна качает головой. – Не хотела никому навредить.

Сю Ань, как всегда, более сговорчива.

– Как поживаете? – вежливо спрашивает она. – Не желаете испробовать сей дивный коктейль с ядовитой кубомедузой?

– Здоровье дороже, – отвечает Донна, крепко сложенная немка-блондинка с хорошо развитой мускулатурой – судя по аватарке, которую она представляет публике. Вокруг нее роятся точки-видоискатели, непрестанно собирающие репортаж, который ее метакортекс деловито нарезает и сшивает в отснятый материал, затем интегрируемый в непрерывный журнал путешествия. Донна – внештатник медиаконсорциума ЦРУ – загрузилась на борт «Цирка» в одном потоке пакетных данных с иском. – Спасибо, Сю Ань.

– Ты сейчас записываешься? – спрашивает Борис.

Донна фыркает.

– Я *всегда* записываюсь. – Она мимолетно улыбается: – Я всего лишь сканер, забыл? До прибытия осталось пять часов. А потом я могу остановиться.

Пьер смотрит через стол на руки Сю Ань: костяшки пальцев побелели, напряглись.

– Мне велено по возможности ничего не упустить, – продолжает Донна, не замечая реакцию Ань. – Сейчас я представлена восемью людьми – все записывают!

– Всего-то восемью? – спрашивает Сю Ань, приподнимая бровь.

– Ага, и расслабляться не приходится! Только не говори мне, что тебе не нравится то, что ты здесь делаешь.

– Итак… – Пьер снова смотрит в угол, избегая встречаться взглядом с этой девицей-живчиком. У него такое чувство, что будь поблизости какие-нибудь холмы, она бы на них забралась и врубила бы диско на полную громкость. – Эмбер рассказала тебе о здешнем протоколе секретности?

– А что, он есть? – спрашивает Донна, и целых три ее привидения оборачиваются к нему. Очевидно, Пьер затронул больной вопрос.

– Он есть, – эхом откликается Пьер. – Никаких съемок в частной зоне, а также при устном отказе в праве записи. Никаких тайных симуляций и подлогов.

Похоже, Донну его слова задевают.

– У меня есть принципы, знаете ли. Захват копии личности в виртуальной среде для записи реакции разве не считается фактически похищением по законам Империи Кольца?

– Мы же сможем обо всем договориться? – спрашивает Сю Ань как бы у всего бара. – Цивилизованные люди всегда находят компромисс.

– Только не с судебным иском, – ворчит Пьер, снова

отворачиваясь в угол.

– Не вижу причин для беспокойства, – говорит Донна. – Это касается только Эмбер и ее оппонентов по ту сторону черты.

– Да действительно, о чем весь сыр-бор! – беспечно восклицает Борис. – Скажи-ка, у твоих опционов какая цена?

– У моих?.. – Донна качает головой. – Я не инвестирована.

– Допустим. – Борис даже не утруждает себя тем, чтобы сфабриковать улыбочку. – Вот просто возьмем и допустим – но! Когда ты вернешься домой, твоя метрика доверия, что-то мне кажется, до небес вымахает. Если, конечно, человечество к тому времени вдруг не откажется от распределенных рынков доверия для оценки стабильности партнеров…

Не инвестирована. Пьер, слегка удивленный, мысленно взвешивает это откровение. Он-то думал, что все на борту, кроме, пожалуй, Глашвица, полностью инвестированы в компанию экспедиции.

– Я не инвестирована, – настаивает Донна. – Я независимая участница. – На губах у нее расцветает улыбка, едва ли не смущенная, идущая вразрез с ее прямодушной манерой. – Как и ваша кошка.

– Как и… – Пьер резко оборачивается. Да, Кошка там – тихо сидит на столе рядом с соломенным чучелом. Кто знает, что за мысли бродят в ее пушистой голове. *Надо с Эмбер поговорить об этом*, думает он с тревогой. *Да, это все определенно стоит обсуждения…*

– Твоя репутация здесь, в «Цирке», не пострадает? – спрашивает он вслух.

– Нисколько! – щебечет Донна. Когда подходит официант, она говорит: – Мне одну «Шнайдервайссе». – И снова непринужденно обращается к ним: – А вы вообще-то верите в сингулярность?

– В смысле, сингуляристы ли мы? – ухмыляется Пьер.

– Нет-нет, что вы, ни в коем случае! – Донна тоже осклабляется и кивает Сю Ань: – Я не о том. Перефразирую вопрос получше: верите ли вы в представление о сингулярности, и если да – то в какое именно?

– Это вы тоже запишете? – спрашивает Сю Ань.

– Не могу же я в симуляцию утащить вас и имитирующей реальности представить?

Официант вручает Донне глиняную пивную кружку, и она откидывается на спинку.

– Ах, ну да. – Сю Ань бросает на Пьера предостерегающий взгляд, подкрепленный уведомлением по очень личному каналу, которое появляется у него перед взором: [*не шути с ней, тут дело*

серьезное]. Борис следит за Сю Ань с кисло-тоскливой миной. Пьер старается не обращать внимания на всю эту подковерную возню и обмозговать вопрос журналистки как следует. – Сингулярность чем-то похожа на древний христианский миф о вознесении, правда ведь? Души взлетают на небеса, оставляя бренные тела. – Он фыркает, протягивает руку и невозбранно нарушает реальность, материализуя прямо из воздуха кружку ледяной сангрии. – Так выпьем же за вознесение всех нердов.

– Но откуда это явление берет отсчет? – спрашивает Донна. – Мои читатели, поймите – им ваше мнение нужно…

– Оно берет начало от запуска корабля четыре года назад, – убежденно выдает Пьер.

– А я думаю, все началось, когда отец Эмбер освободил выгруженных лангустов, – замечет Сю Ань.

– Ничего еще не началось, – хмыкает Борис. – Сингулярность – это момент разгона изменений до небывалой скорости. Значит, ее определяет непредсказуемость следующего за ее наступлением будущего, так? Так что ни о каком начале речи нет.

– А вот и есть, – парирует Пьер. – Она произошла 6 июня 1969 года, в одиннадцать утра по восточно-побережному времени. Как раз тогда осуществили первейшую передачу пакетов данных от порта одного сопряженного процессора к другому аналогичному, тем самым установив первое в мире интернет-соединение. *Вот* где начало сингулярности, и с тех пор мы живем в мире, непредсказуемом на основе предшествующих событий.

– Да ну вас, – протягивает Борис. – Нагромождение вероисповедных несуразиц – вот что такое эта ваша сингулярность. То же самое христианское вознесение, перелицованное под гиков-атеистов.

– Ну-ну, – Сю Ань скептически буравит его взглядом. – Вот мы, шестьдесят с гаком сознаний, перебрались сюда – осознанно, замечу, – прямиком из черепушек при помощи безумного союза нанотехнологии и электронного спинового резонансного картирования; теперь мы функционируем как программное обеспечение внутри операционной системы, разработанной для виртуализации ряда физических моделей и обеспечения симуляции реальности, которая не позволяет нам сойти с ума от сенсорной депривации! И весь этот пакет данных – на «железе» размером с кончик пальца, втиснутом в звездолет размером со старый бабушкин «Уокмэн», на орбите вокруг коричневого карлика чуть более чем в трех световых годах от дома, на пути к сетевому роутеру, созданному небывало древними высокоразвитыми инопланетянами. И ты говоришь, что разговоры о фундаментальных изменениях в человеческом образе жизни –

так, ерунда?

– Гм. – Борис смущается. – Не так выразился. Ерунда – сама сингулярность, а совсем не выгрузки или…

– Ну да, ну да. – Сю Ань хитро улыбается Борису, и тот сникает.

Донна, сияя словно пятак, с энтузиазмом наблюдает за перепалкой.

– Великолепно! – восклицает она. – А расскажите-ка, что это за лангусты, на которых вы все время ссылаетесь?

– Они – друзья Эмбер, – пробует объяснить Сю Ань. – Много лет назад ее отец очень помог им. Вы же знаете, что они по факту – первые выгруженные в Сеть сознания? Плоды скрещивания нервных тканей калифорнийских лангустов, эвристического интерфейса для программирования и многообразия экспертных систем построения цепей вывода обратной логики. Их держали в закрытых условиях, но они просочились за сетевые фильтры родной лаборатории и утекли в интернет. Манфред заключил с ними сделку – защита их свободы в обмен на помощь с управлением орбитальным заводом Боба Франклина. Дело давнее – тогда еще не умели нормально обустраивать самосбор. Потом лангусты настояли, чтобы Франклин – такое было одно из контрактных условий – забросил их копии в межзвездные просторы по системе сверхдальней космической связи. Им хотелось улизнуть, но винить их, зная, что с тех пор началось в Солнечной системе, лично мне не в чем.

Пьер делает большой глоток сангрии.

– Кошка, – произносит он.

– Кошка? – Донна резко поворачивает голову, но Неко снова как сквозь землю провалилась, вычеркнула задним числом свое присутствие из истории событий этого публичного пространства. – А что с кошкой?

– Это семейный питомец, – поясняет Сю Ань. Она, хмурясь, протягивает руку к кружке Бориса с медузой. – ИИНеко тогда еще не была в сознании, но позже… когда SETI@home наконец получили ответ на сообщение, – ох, так много лет прошло! – она вспомнила лангустов. И расколола послание как орешек – когда все команды CETI еще мыслили в рамках фон-неймановских архитектур и концепт-ориентированного программирования. Сообщение представляло собой семантическую сеть, разработанную так, чтобы идеально сочетаться с переданными давным-давно лангустами и обеспечивать высокоуровневый интерфейс к коммуникационной сети, к которой мы собираемся подключиться. – Сю Ань сжимает пальцы Бориса в своих. – SETI@home зарегистрировала эти координаты как источник

передачи, хотя публично было сказано, что сообщение пришло из гораздо более отдаленного места. Они не хотели сеять панику: инопланетяне – у самых ближних наших космических рубежей! Так или иначе, когда Эмбер освоилась, она решила нагрянуть туда в гости. Так и появилась эта экспедиция. ИИНеко создала виртуального лангуста и с его помощью протестировала инопланетную передачу – отсюда и канал связи, который мы собираемся открыть.

– А теперь все немного прояснилось, – говорит Донна. – Но судебный процесс… – она бросает взгляд на полого плетеного мужчину в углу.

– Ну, тут у нас проблема, – дипломатично замечает Сю Ань.

– Нет, – отрезает Пьер. – У *меня* – проблема. И во всем виновата Эмбер.

– Хм? – Донна пристально смотрит на него. – Зачем же винить Королеву?

– Потому что именно она выбрала лунный месяц в качестве отчетного периода для компаний в своем домене и назначила дуэли для разрешения корпоративных конфликтов, – ворчит он. – И компургацию, но это неприменимо к нашему случаю, ведь в радиусе трех световых лет нет ни одного признанного сервера репутации. Дуэль для гражданских исков – в наши дни и века! И она назначила меня своим защитником. – *Самым традиционным способом, какой только можно себе представить*, – вспоминает он с теплом и трепетной ностальгией. Все-таки он принадлежал ей душой и телом еще до того катастрофического эксперимента. Возможно, ситуация переломилась, но… – Я должен принять этот иск от ее имени, в состязательной позиции.

Он оглядывается через плечо. Плетеный человек безмятежно сидит и льет пиво в невидимую глотку, как усталый батрак на ферме.

– Дуэль, – объясняет Сю Ань озадаченному рою привидений Донны, ползающему по новой концепции в тумане замешательства, – это не физический бой, само собой, а просто состязание способностей. В свое время идея была хорошая – она обрубала дорожки всем сутяжникам, что подтягивались в Империю Кольца, но адвокаты матери королевы весьма настойчивы; за эти годы у нее развилась настоящая одержимость идеей взять реванш. Не знаю, насколько это все волнует лично Памелу, но этот ее придурок-адвокат превратился в натурального одержимого крестоносца. Не думаю, что ему понравилось, когда на него натравили музыкальную мафию. Но это еще не все, потому что если он победит – получит все в свое распоряжение. В смысле – *совсем все*.

Хёндай $^{+4904}/_{-56}$ висит посреди пустоты в десяти миллионах километров за парусом «Странствующего Цирка», как след от исполинского укуса, сорвавшего кожуру Вселенной с небесной сферы и открывшего в ней окно во внешнюю тьму. Тепло от гравитационного сжатия ядра согревает его, излучаясь при абсолютных шестистах градусах, но ничтожное излучение не в силах убить вечный лед, сковывающий Каллид, Ямбе, Селий и Метанейру, мертворожденные планеты, подвешенные на орбите вокруг коричневого карлика.

Планеты – не единственные структуры, вращающиеся вокруг массивной водородной сферы. Вблизи, проносясь над вершинами облаков всего в двадцати тысячах километров, глаз Бориса с фазированной антенной решеткой фиксирует нечто раскаленное, состоящее из металла. Что бы это ни было, оно вращается вне плоскости эклиптики, прослеживаемой ледяными лунами, и в неправильном направлении. Еще дальше пятнышко отраженного изумрудного лазерного луча выхватывает на фоне звездного пейзажа яркую жемчужину – их цель – роутер.

– Нашли! – кричит Борис. Он рябит и превращается в человека, заодно ретроактивно убеждая карманную вселенную корабельного мостика в том, что пребывал в этом обличье все прошедшее время. Эмбер бросает косой взгляд. Садек все еще окутан плющом, его кожа имеет текстуру выветренного известняка. – Самое тесное приближение – шестьдесят три световые секунды, срок – восемьсот тысяч. Могу дать нам более тесный контакт, если будем маневрировать, но потребуется время, чтобы достичь стабильной орбиты.

Эмбер задумчиво кивает, отсылая копии самой себя на работу с механикой. Большой световой парус громоздок, но может питаться двумя источниками энергии: оригинальным лазерным лучом с Юпитера и его отражением, идущим от теперь уже далекого основного светового паруса. Искушение – в том, чтобы сразу подогнать корабль к роутеру, полагаясь на луч как на источник постоянного ускорения, и пришвартоваться на космический порог. Но риск прерывания луча слишком высок. Прерывания случались и ранее, от нескольких секунд до нескольких минут, шесть раз за все время полета. Она не уверена в том, что именно вызывает простои луча (у Пьера есть теория, что объекты облака Оорта закрывают лазер; она считает, что, скорее всего, виновато урезание мощностей в Империи Кольца), но последствия мощностных потерь при маневрировании в квазизвездном гравитационном колодце гораздо серьезнее, чем временная утрата тяги во время свободного межзвездного полета.

– Давай просто перестрахуемся, – говорит она. – Здешний гравитационный колодец весьма глубок, и нам нужно играть в пинбол аккуратно. Не хочу, чтобы мы оказались на траектории свободного полета – без подачи мощности и с отрубленным парусом, жестко и разрушительно тормозя о верхние слои какого-нибудь из местных спутников.

– Вот это я понимаю – предусмотрительность, – соглашается Борис. – Марта, а ну-ка поработай над этим. – Жужжание, будто от роя мух, свидетельствует, что гетероморфная рулевая принялась за работу. – Думаю, мы сможем получше взглянуть на роутер через два миллиона секунд, но если мы куда-то торопимся…

– Нет необходимости в анализе протокола, – небрежно бросает Эмбер. – Где же… а вот ты где. – Она наклоняется и подбирает ИИНеко – та ластится к ее рукам, лижет ей пальцы язычком, похожим на наждачную бумагу. – Кошка, ну а ты что скажешь?

– Хочешь пожарить на этой штуке картошечки? – спрашивает зверюга, уставившись на артефакт в центре главного экрана на мостике.

– Нет, просто поговорить, – отвечает Эмбер.

– Ну ладно. – Образ кошки тускнеет и начинает двигаться рывками, забирая местную вычислительную мощность на такой скорости, что зримые параметры физической модели нарушаются. – Сейчас откроем порт.

Проходит субъективная минута или две.

– Где же Пьер? – тихо спрашивает себя Эмбер. Некоторые показатели технического обслуживания, которые она может прочитать со своим привилегированным доступом ко всем корабельным системам, вызывают беспокойство. «Странствующий Цирк» работает почти на восьмидесяти процентах загрузки. Что бы ИИНеко ни делала для того, чтобы установить интерфейс роутеру, это занимает ужасно много вычислительной мощности и пропускной способности. – И где этот чертов адвокат? – добавляет она как бы запоздало.

«Странствующий Цирк» невелик, но его легкий парус послушен при управлении. ИИНеко захватывает скопление ячеек на его поверхности, превращая их из прямых отражателей в сопряженные фазами зеркала: маленький лазер на корпусе корабля начинает мерцать 1000 раз в секунду, и луч отражается от модифицированного сегмента зеркала, фокусируясь в когерентную точку прямо перед далеким лазурным огоньком роутера. Кошка увеличивает частоту модуляции, добавляет пучок каналов, использующих различные длины волн, и начинает

выдавать сложный набор заранее выработанных сигналов, какими обеспечивают обычно формат кодирования для высокоуровневых данных.

– Оставьте адвоката мне. – Эмбер вздрагивает, оглядывается по сторонам – и ловит на себе взгляд Садека. Он сдержанно улыбается – одними краешками губ. – Дипломатия и юристы – вещи несовместимые.

– Твоя правда! – Роутер потихоньку увеличивается – прямо перед ними. Вереницы перламутровых сфер закручиваются причудливыми петлями вокруг скрытого ядра, не то расширяясь, не то выворачиваясь наизнанку в систолических импульсах, порождающих перестройки структуры волну за волной. Алое пятнышко лазерного света окрашивает одну из бусин; внезапно она ярко вспыхивает, отражая данные обратно на корабль.

– Ого! – вырывается у Эмбер.

– Контакт, – мурлычет кошка.

Кончики пальцев Эмбер белеют там, где она сжимает подлокотники своего кресла.

– Что они нам передают? – тихо спрашивает она.

– Не передают – говорят напрямую, – поправляет Неко. – Это торговая делегация, и к нам они загружаются прямо сейчас. Я могу использовать эту переговорную сеть, которую они нам ранее прислали, чтобы подрубить их напрямую к нашим системам, если хочешь.

– Стоп! – Эмбер нервозно привскакивает с места. – Не давай им свободного доступа! О чем ты только думаешь? Запри их в тронном зале, и мы дадим официальную аудиенцию через пару часов. – Она делает паузу. – Тот сетевой слой, посланный ими… Ты можешь сделать его доступным для нас и создать нам на его основе слой перевода в их систему отображения грамматики?

Кошка оглядывается, раздраженно постукивая хвостом.

– Послушай, лучше просто загрузи себе эту сеть да и не парься.

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь на этом корабле запускал чужеродный код, пока мы его тщательно не проверим, – настаивает Эмбер. – Пускай будут заперты на территории Лувра как можно тщательнее. Играем только по нашим правилам, иначе никак, ясно?

– Ясно, – ворчит Неко.

– Торговая делегация, значит, – размышляет Эмбер вслух. – Как бы поступил папа?

Вот он только что был в баре, разговаривал с Сю Ань, копией Бориса и привидением Донны-журналистки, а вот внезапно

оказывается в совершенно другой обстановке.

Сердце Пьера, кажется, колотится в грудной клетке, но он заставляет себя оставаться спокойным, оглядывая тусклую, обшитую дубовыми панелями комнату. Это неправильно, настолько неправильно, что означает либо крутой сбой систем, либо действие пугающего уровня привилегий на его персональное царство. Единственный человек на борту «Цирка» с такими привилегиями – это…

– Пьер?

Она стоит у него за спиной, и Пьер сердито оборачивается.

– Зачем ты меня сюда притащила? Совсем такт растеряла?

– Пьер…

Он осекается и смотрит на Эмбер. Он не может долго сердиться на нее, особенно – глядя в глаза. Она не настолько глупа, чтобы хлопать перед ним ресницами, но при этом – обезоруживающе мила. Но все же что-то глубоко внутри него протестует против ее присутствия.

– Что случилось? – коротко спрашивает он.

– Я не знаю, почему ты меня избегаешь. – Она делает шаг вперед, останавливается и прикусывает губу. – Не поступай так со мной. Это… больно, знаешь ли.

– Конечно, это больно. – Ему самому больно от этих слов. В голове все еще звучат крики отца – как тогда, в детстве, когда отец застал его со старшим братом, Лораном. Теперь ему нужно сделать выбор между отцом и Эмбер, но он не хочет выбирать. Ему стыдно. – Я… в общем, у меня кое-какие проблемы.

– Из-за той ночи?

Он кивает, и теперь она делает шаг вперед.

– Мы можем поговорить об этом, если хочешь, – только скажи. – Она наклоняется к нему, и он чувствует, как его оборона рушится. Он протягивает руку и обнимает ее, Эмбер обнимает его в ответ и кладет подбородок ему на плечо, и в этом нет ничего плохого – как может что-то настолько хорошее быть плохим?

– Мне стало не по себе, – бормочет он, зарывшись в ее волосы. – Мне бы в черепушке порядок навести…

– О, Пьер. – Она гладит его по затылку. – Ты должен был сказать. Если тебе что-то не нравится, мы не будем это делать.

Как объяснить, что ему сложно вообще признать, будто что-то пошло не так?

– Ты притащила меня сюда не для этого, – говорит он, меняя тему.

Эмбер отпускает его и почти с опаской отступает.

– Что же с тобой такое? – спрашивает она.

– Что-то случилось. – Он не столько спрашивает, сколько

утверждает. – Мы что, уже установили контакт?

– Да, – подтверждает она, скорчив гримасу. – В Лувре сейчас заперта инопланетная торговая делегация. И это – проблема.

– Инопланетная торговая делегация. – Он перекатывает слова по внутренней стороне рта, пробуя их на вкус. Они кажутся парадоксальными, холодными и медлительными – после горячих слов страсти, которые он так старался не произнести. Что ж, сам виноват, что сменил тему.

– Торговая делегация, – повторяет Эмбер. – Мне следовало заранее угадать. Мы же хотели сами пройти через их роутер – так ведь?

– Ага. – Пьер вздыхает. – Думали, так оно и будет. – Молниеносный рывок в модуль управления Вселенной обнаруживает, что у него еще осталась некая свобода действий, так что Пьер материализует кресло и усаживается в него. – Сеть червоточин, соединяющих роутеры, самовоспроизводящиеся узлы связи, на орбите вокруг большинства коричневых карликов галактики. Так ведь было написано в брошюре? Именно этого мы и ожидали. Ограниченная пропускная способность, не слишком полезная для зрелого сверхразума, превратившего свободную массу своей Солнечной системы в компьютер, но достаточная, чтобы позволить ему вести переговоры со своими соседями. Разговоры, осуществляемые через сеть с коммутацией пакетов в реальном времени, не ограничиваются скоростью света, но связаны общей системой отсчета и задержкой между сетевыми прыжками…

– Да, примерно так и есть, – соглашается Эмбер с высоты своего рубинового трона, материализованного рядом с его креслицем. – Но торговой делегации мы все же не ждали. Знаешь, они ведь уже загружаются к нам на борт, но что-то во всем этом мне видится ну очень уж подозрительным.

Пьер морщит лоб.

– Ты права, в этом нет никакого смысла, – наконец говорит он. – Ни капельки.

Эмбер кивает.

– Я ношу с собой привидение отца – так вот, он тоже думает, что дело нечисто.

– Послушай своего старика. – Губы Пьера кривит горькая усмешка. – Мы собирались прыгнуть в самое Зазеркалье, но, похоже, кто-то нас опередил. Вопрос – почему?

– Не нравятся мне такие вопросы. – Эмбер тянется к нему, и их пальцы сплетаются. – И еще этот иск. Нужно провести дуэль как можно скорее.

Он выпутывается из ее хватки.

– Я был бы куда спокойнее, если бы ты не назначала меня дуэлянтом.

– Тихо. – Обстановка преображается – ее трон пропадает, и оказывается, что сидит она на подлокотнике его кресла, без пяти секунд у него на коленях. – У меня есть хорошие на то причины.

– Какие?

– Ты можешь сам выбрать оружие. На самом деле у тебя есть и выбор поля боя. Суть ведь не в том, чтобы просто околачивать врагов мечом, пока те не умрут! – Эмбер лукаво улыбается. – Фишка законодательной системы, где средством разрешения корпоративных исков устанавливается дуэль, а не классическое отправление правосудия, в том, чтобы непосредственно выяснять, кто лучший слуга общества и кто, таким образом, заслуживает предпочтительного обхождения. Было бы дико продолжать применять законодательную систему, предназначенную для разрешения человеческих конфликтов, в разрешении споров между корпорациями, большинство которых – программные абстрактные бизнес-модели. Интересы общества лучше обеспечивает система, способствующая эффективной торговой активности, а не тяжбам. Она сметает все эти корпоративные извороты и дает стимул выжить самым приспособленным. Вот почему в сценарии с ксенокоммерцией я хотела установить основой конкурса тест на выявление наибольшего соревновательного преимущества. Думаю, если предполагать, что они и вправду торговцы, у нас бы нашлось больше добра, чем у какого-то чертова адвоката из глубин земного светового конуса.

– Хм. – Пьер хлопает глазами. – А я-то наивно думал, что ты хотела подгрузить мне модуль фехтовальной кинематики, чтобы я насадил того стяжателя на пику.

– Я так хорошо тебя знаю, что сейчас просто дивлюсь – как тебе такая мысль вообще в голову пришла? – Она сползает по ручке кресла и приземляется к нему на колени, теперь они – лицом к лицу друг с дружкой. – Блин, Пьер, я же знаю, что ты не какой-нибудь там мачо-психопат!

– А адвокаты твоей матери тоже, выходит, не психопаты?

– Нет! Всего лишь адвокаты. Выдрессированные работать с прецедентами. Лучший способ устроить им заворот мозгов – сделать так, чтобы прецеденты заработали иначе. – Она прижимается к груди Пьера. – Ты порвешь их в клочки, уверена. Пустишь зелеными клочками по закоулочкам фондовых бирж и побьешь все рекорды ежемесячного роста. – Руки Пьера смыкаются у нее за поясницей. – Герой ты мой!

Сад Тюильри наводняют сконфуженные лангусты.

ИИНеко перекроила виртуальное царство, вживив символические врата в тщательно ухоженные сады снаружи. Ворота около двух метров в диаметре похожи на замыленные патиной бронзовые петли, возвышающиеся этакой неуместной аркой над гравийной дорожкой в саду. Огромные черные лангусты – каждый с маленького пони – выползают из голубого буферного поля петли, подергивая усиками. Существовать в реальном мире они не смогли бы, но физическая модель здесь была видоизменена, позволяя им передвигаться и дышать – особой милостью.

Эмбер, вступая в огромную приемную залу, презрительно фыркает.

– Ничего этой кошатине доверить нельзя, – ворчит она.

– Это что, не твоя идея? – вопрошает Сю Ань, пробираясь мимо статисток-фрейлин и пытаясь не упустить из рук подол Эмбер. В проходе по обеим сторонам торчат гвардейцы, образуя живой коридор, где ничто не препятствует королевскому продвижению.

– Дать кошке похозяйничать? Моя, – раздраженно отвечает Эмбер. – Но вот слать ей же, этой кошке, под хвост целостность – совсем не моя! Я не потерплю подобного!

– Никогда не видела смысла в этом средневековом антураже, – замечает Сю Ань. – Сингулярности не избежишь, прячась в прошлом.

Пьер, следуя за королевой на некотором расстоянии, качает головой, понимая, что лучше не затевать ссору с Эмбер из-за ее представления о театральных декорациях.

– Этот «средневековый антураж» стильно выглядит, – с нажимом выдает Эмбер, стоя перед своим троном и ожидая, пока рассядутся перед ней фрейлины. Грациозно садится – спина прямая как линейка, пышные юбки вздымаются облаками. Ее платье представляет собой замысловатую скульптуру, которая использует человеческое тело внутри в качестве опоры. – Он производит впечатление на деревенщину и выглядит убедительно для средств массовой информации. Плюс некое соборное традиционное чувство. Антураж намекает на политические глубины страха и отвращения, присущие деятельности моего двора, как бы говорит людям – не связывайтесь с ней. Он напоминает нам, откуда мы пришли… и ничего не говорит о том, куда мы идем.

– Но вся эта чепуха не имеет никакого значения для группы инопланетных лангустов, разве не так? У них нет культурного бэкграунда, позволяющего все это уразуметь. – Сю Ань занимает свое место позади трона. Эмбер бросает взгляд на Пьера и машет

ему рукой.

Пьер оглядывается кругом, ища реальных людей, а не пустые лица статистов, чья роль – придавать пейзажу дополнительную биологическую текстуру. Вон там, в красном платье, кажется, Донна-журналистка? И вон там тоже, со стрижкой покороче, в костюме мужчины: везде шныряет, проныра. А вон там, позади епископа, – Борис.

– Ну хоть ты ей скажи, – умоляет его Сю Ань.

– Не могу, – разводит руками Пьер. – Мы ведь пытаемся установить контакт, верно? Но мы не хотим слишком много выдавать о том, кто мы есть и как мы мыслим. Уловка с историческим дистанцированием не позволит им узнать о нас слишком много – фазовое пространство технологических культур, которые могли бы произойти от предъявляемых нами истоков, слишком велико, чтобы с легкостью вычислить единственно верный исход. Так что пусть и дальше используют врученных нами лангустов как посредников, а больше мы им не выдадим. Постарайся оставаться в образе герцогини пятнадцатого века – это не чья-то прихоть, а вопрос национальной безопасности.

– Вот как. – Сю Ань хмурится, когда лакей спешит поставить за ней складной стул, и поворачивается лицом к огромному красно-золотому ковру, тянущемуся до самого порога. Трубят фанфары, распахиваются двери – делегация ракообразных заходит внутрь.

Лангусты огромные, как волки, черные, колючие и зловещие. Их монохромная хитиновая броня дико контрастирует на фоне пестрых одежд человеческого столпотворения. Усы – большие и острые, как шпаги, – шевелятся, сканируя обстановку. Впрочем, невзирая на устрашающий вид, лангусты явно чувствуют себя неуверенно: их глазные стебли клонятся то в одну, то в другую сторону, хвостища неуклюже волочатся по полу вслед за неохотно переставляемыми суставчатыми ногами.

Самый первый в делегации лангуст останавливается рядом с троном и таращится на Эмбер, припав к полу.

– Я не соответствовать, – жалуется он. – Нет жидкого дигидроген-монооксида, и ваш вид не так представлял первичный контакт. Непоследовательность, объясните?

– Добро пожаловать на «Странствующий Цирк» – космический линкор человечества, – спокойно отвечает Эмбер. – Я рада видеть, что ваш переводчик работает как следует. Да, вы правы – водной среды здесь нет. Лангусты обычно не нуждаются в ней, когда приходят к нам. А мы, люди, не являемся водными обитателями. Могу я спросить, кто вы такие, когда не носите тел, одолженных у ракообразных?

Пришелец явно смущен. Второй лангуст встает на дыбы и постукивает длиннющими костистыми усиками. Солдаты в живом коридоре крепче сжимают копья, но напряжение достаточно быстро спадает.

– Мы – вунши, – достаточно ясно представляется первый лангуст. – Таков для вас био-совместный слой перевода. Основан на карте, полученной из вашего местоположения двести триллионов световых километров назад.

[*Он хочет сказать – двадцать лет назад*], шепчет Пьер в частный канал, открытый всем реальным людям в зале аудиенции. [*Они не различают единицы измерения времени и пространства – это говорит нам о чем-нибудь?*]

[*Особо ни о чем*], откликается Сю Ань.

– Мы – вунши! – повторяет лангуст. – Мы пришли для обмена интересом. Есть ли у вас то, что нужно нам?

Эмбер морщит лоб. Пьеру видно, как сильно выросла тактовая частота ее мыслей.

– Это невежливый вопрос, – наконец тихо говорит она.

Лапы лангустов нервно скребут по каменному полу. Щелкают их ротовые придатки.

– Вы приемлете наш слой-перевод? – спрашивает вожак.

– Вы про передачу, которую отправили нам двести пятьдесят триллионов световых километров назад? – уточняет Эмбер.

– Верно! – выпаливает лангуст, совершая какие-то странные приседания на своих суставчатых ногах. – Мы вам передавали.

– Мы не можем интегрировать эту сеть, – мягко отвечает Эмбер, и Пьер заставляет себя сохранять невозмутимое выражение лица. (Вряд ли лангусты уже наловчились читать язык человеческого тела, но они, несомненно, будут как-то документировать все, что происходит здесь, для дальнейшего анализа.) – Она происходит от совершенно другого вида. Цель нашего визита сюда состоит в том, чтобы соединить наш вид с сетью. Мы хотим обмениваться полезной информацией со многими другими видами.

Лангусты сразу заволновались.

– Вы не можете это сделать! Вы же не *обозначение непереводимого понятия!*

Эмбер удивленно воздевает руку.

– Вы сказали «обозначение непереводимого понятия»? Не уверена, что поняла вас, – можно перефразировать?

– Мы, как и вы, – не *обозначение непереводимого понятия*. Сеть предназначена для *обозначения непереводимого понятия*. Мы в сравнении с *непереводимым представлением 1* – как одноклеточный организм по сравнению с нами. Мы, вы: не умеем

в *непереводимое представление 2.* Попытка произвести торговлю с *обозначением непереводимого понятия* равнозначно смерти либо превращению в *непереводимое представление 1!*

Эмбер щелкает пальцами, и время останавливает свой ход. Она смотрит на Сю Ань, Пьера и остальных приближенных.

– Как это понимать?

ИИНеко, до сей поры невидимая, проявляется на ковровой дорожке у трона.

– В точности – никак. У них швах с семантикой, поэтому макросы так обозначились.

– С семантикой? В смысле? – спрашивает Сю Ань.

Кошка широко, по-чеширски, ухмыляется, и ее образ начинает таять.

– Погоди! – вскрикивает Эмбер.

Неко исчезает, не обращая на нее внимания, но после себя оставляет некий нечеткий след. Этот след – карта нагрузки на лингвистическую нейросеть, трехмерная и запутанная.

– *Непереводимое представление 1* при проекции в грамматическую сеть лангустов – это что-то вроде понятия Бога, перегруженное атрибутами мистицизма и дзен-образной непостижимости, – несется из пустоты кошачий голос. – Но, если хотите знать мое мнение, думаю, имеется в виду оптимизированная выгрузка, обладающая самосознанием, которая функционирует гораздо быстрее, чем в мерах реального времени. Ее вунши принимают за божество и нам то же самое навязывают. Есть желающие подчиниться?

– Вот ведь жулье! – негодующе бормочет Эмбер. – Громкими метаграмматическими словесами прикрываются, думая, что на нас, новичков в этом районе, это подействует – и мы купимся.

– Скорее всего. – ИИНеко отворачивается и начинает вылизывать бок.

– Что же нам теперь делать? – спрашивает Сю Ань.

– Что делать? – Эмбер изгибает подведенную карандашом бровь и улыбается, мигом снимая со своего образа лет десять. – Пудрить им мозги! – Она щелкает пальцами снова, и время возобновляет ход. Не заметно никаких нарушений целостности ситуации – разве что ИИНеко все еще торчит у подножия трона. Зверюга поднимает голову и бросает на королеву злобный взгляд.

– Мы понимаем ваше беспокойство, – спокойно говорит Эмбер, – но мы же снабдили вас физиологическими моделями и нейронной архитектурой тел, которые вы носите! Мы хотим общаться. Почему бы вам не показать свое настоящее «я» или свой реальный язык?

– Это торговый язык! – протестует лангуст номер один. –

Вунши есть метаболически изменчивая коалиция из большого числа миров. Единообразный интерфейс отсутствует. Проще соответствовать одному плану и говорить на одном языке, что оптимизирован для вашего понимания!

– Так-так. – Эмбер подается вперед. – Давайте посмотрим, правильно ли я поняла вас – вы коалиция особей нескольких видов, предпочитаете использовать обобщенную модель пользовательского интерфейса, которую мы вам прислали, предлагаете нам модуль языка, который в ходу у вас? И вы хотите наладить с нами торговые отношения?

– Обмен интересами! – подчеркивает вунш, все приседая на своих костистых лапах. – Мы можем дать вам многое! Чувство идентичности с тысячью цивилизаций! Безопасные проходы к сотням сетевых архивов, приспособленных для тех, кто не является *обозначением непереводимого понятия!* Практичное управление всеми рисками коммуникации! Техники манипулирования материей на молекулярном уровне! Решение алгоритмических итерационных систем, основанных на квантовой запутанности!

[*Мечут перед нами старомодные нанотехнологии и яркие стекляшки*], говорит Пьер в переговорный канал. [*Насколько отсталыми они нас возомнили?*]

[*Переборщили мы с физической моделью*], добавляет Борис. [*Они, похоже, думают, что эта средневековая реальность всамделишная, а мы – просто прилипалы на хвостах у могущественной расы лангустов*].

Эмбер изображает улыбку.

– Все это очень интересно, – заверяет она делегатов-вуншей. – Я как раз назначила пару представителей для ведения дальнейших переговоров с вами. Переговоры пройдут в формате конкурса в пределах моего двора. Представляю вашему вниманию Пьера Наке [90], моего личного коммерческого представителя. Кроме того, возможно, вы захотите заключить сделку с Адамом Глашвицем, независимым дельцом, на данном собрании отсутствующим. Остальные предложения могут быть представлены в назначенном порядке, если стартовые условия вас устраивают.

– Устраивают, – откликается лангуст номер один. – Мы устали и дезориентированы долгим переходом через врата в это место. Можем возобновить переговоры позже?

– О да. – Эмбер кивает. Парламентский церемониймейстер, безмозглый, но весьма колоритный статист, управляемый ее паучьей сетью личностных нитей, выводит резкую ноту на своей трубе. Первая аудиенция подходит к концу.

За рубежами светового конуса «Странствующего Цирка», по другую сторону бездны между маленьким передвижным царством Эмбер и закрученной в водоворотах времени Империей, формируется новая, особая реальность.

Добро пожаловать в момент максимального изменения.

Около десяти миллиардов человек живут в Солнечной системе, и разум каждого из них окружен экзокортексом распределенных агентов; нити личности выплетаются прямо из их голов, чтобы бежать по облакам полезного тумана – бесконечно гибким вычислительным ресурсам, тонким, как аэрогель, – в котором они живут. Туманные глубины полны частиц с высокой пропускной способностью; бóльшая часть биосферы Земли законсервирована и сохранена для дальнейшего изучения. На каждого живого человека приходится тысяча миллионов программных агентов, несущих информацию в самые далекие уголки адресного пространства сознания.

Солнце, которое долгое время было ничем не примечательным слегка изменчивым карликом класса G2, исчезло в поглощающем его сером облаке почти полностью – за исключением узкого пояса вокруг плоскости эклиптики. Солнечный свет падает, не изменяясь, на внутренние планеты – за исключением Меркурия, который больше не существует: планета полностью демонтирована и превращена в солнечные высокотемпературные нанокомпьютеры. Куда более яркий свет озаряет Венеру, отныне окруженную сверкающими папоротниками из углеродных кристаллов, которые накачивают угловой момент в едва вращающуюся планету через огромные сверхпроводящие петли, намотанные вокруг ее экватора. Эта планета тоже должна быть демонтирована. Юпитер, Нептун, Уран – всех их ждет та же участь, но задача по уничтожению газовых гигантов займет гораздо больше времени, чем разборка небольших скалистых тел внутренней системы.

Десять миллиардов жителей этой радикально изменившейся звездной формации все еще помнят, что они были людьми; почти половина из них существовала до наступления нового тысячелетия. Некоторые из них и остаются людьми, не затронутыми стремлением к мета-эволюции, заменившей суматошные дарвиновские изменения целенаправленным телеологическим прогрессом. Они обретаются в закрытых поселениях и горных фортах, молясь и проклиная нечестивых нарушителей естественного порядка вещей. Но восемь из каждых десяти живых людей включены в фазовый переход. Это самая всеобъемлющая революция в человеческой истории со времен

открытия речи.

Планету то и дело лихорадит от утечек серой слизи – нанорепликаторов, вышедших из-под контроля, но их успешно сдерживает иммунная система планетарного масштаба, когда-то бывшая Всемирной организацией здравоохранения. Более странные катастрофы угрожают фабрикам бозонной сборки в облаке Оорта. Фабрики антиматерии парят над солнечными полюсами. Солнечная система проявляет все симптомы вышедшего из-под контроля всплеска интеллекта – лавинообразные отклонения, столь же естественные для технологической цивилизации, сколь проблемы с кожей у человеческого подростка.

Экономическая карта планеты изменилась до неузнаваемости. И капитализм, и коммунизм, враждующие идеологические дети индустриального мировоззрения, так же устарели, как и божественное право королей: компании живы, а мертвые люди тоже могут вернуться к жизни. Глобализм и трайбализм подошли к завершению, разойдясь соответственно в однородную интероперабельность и радиус Шварцшильда [91] по части изолированности. Существа, которые пока помнят, что были людьми, планируют деконструкцию Юпитера и создание титанических масштабов имитационного пространства, расширяющего среду обитания, доступную в пределах Солнечной системы. Если преобразовать всю незвездную массу Солнечной системы в процессоры, среда вместит столько же человеческих разумов, сколько цивилизация с планетой, на орбите которой находится десять миллиардов человек, вокруг каждой звезды в галактике.

Более зрелая версия Эмбер все еще обитает внизу, в бурлящем хаосе пространства близ Юпитера; жив также и Пьер, хотя он переместился на несколько световых часов дальше, поближе к Нептуну. Никто не может сказать, вспоминает ли она иногда о своем релятивистском близнеце. В каком-то смысле это не имеет значения, потому что к тому времени, когда «Странствующий Цирк» вернется на орбиту Юпитера, для мыслящих на большой скорости людей, вернувшихся домой, пройдет ровно столько же субъективного времени, сколько и в реальной Вселенной – между указанным моментом и концом эры звездообразования, спустя многие миллиарды лет.

– Как ваш корабельный теолог, заявляю – никакие они не боги.

Эмбер терпеливо кивает. Она внимательно наблюдает за Садеком.

Садек сердито кашляет.

– Скажи ей, Борис.

Борис откидывает свой стул назад и поворачивается к королеве.

– Он прав, Эмбер. Они торговцы, и к тому же не очень умные. Трудно разобраться в их семиотике, пока они прячутся за моделью лангуста, которую мы отгрузили в их направлении двадцать лет назад, но они определенно не крестоносцы и определенно не человеческого происхождения. И не трансгуманистического. Я думаю, что это кучка тупых деревенщин, урвавших в свое распоряжение игрушки, оставленные кем-то гораздо более умным. Они – как те фракции отверженных на Земле. Представь себе – они просыпаются однажды утром и понимают, что все остальные ушли в Великую среду загрузки в небе. Оставив их наедине с планетой. Как вы думаете, что они делают со всем миром, с гаджетами, о которые спотыкаются? Некоторые будут разбивать все, что им попадется, но другие не так глупы. Но они мыслят мелко. Как барахольщики. Весь их экономический прогноз – просто игра с отрицательной суммой. Вряд ли они отправились в гости к инопланетянам, чтобы улучшиться и вознестись, – скорее уж чтобы стянуть что-нибудь ценное.

Эмбер встает и идет к окнам в передней части мостика. В черных джинсах и толстом свитере она едва ли похожа на феодальную королеву, роль которой играет для туристов.

– Брать их на борт было большим риском. Мне это совсем не нравится.

– Сколько ангелов может танцевать на булавочной головке? – Садек лихо улыбается. – У нас есть ответ. Но они могут даже не осознавать, что танцуют с нами. Это не те боги, которых вы боялись найти.

– Не те. – Эмбер вздыхает. – Они не слишком отличаются от нас. Мы ведь не особо-то хорошо приспособлены к этой среде, не так ли? Мы влачим телесные образы за собой, полагаясь на псевдореальности, которые можем сопоставить с нашими человеческими чувствами. Мы – эмуляции, а вовсе не туземцы от мира искусственных интеллектов. Где, кстати, Сю Ань?

– Могу разыскать ее. – Борис хмурится.

– Я попросила ее проанализировать время прибытия инопланетян, – припозднилась с объяснениями Эмбер. – Они близко – слишком близко. И явились с завидной скоростью – стоило нам только тронуть роутер. Думаю, теории ИИНеко ошибочны. Настоящие хозяева сети, к которой мы подключились, вероятно, используют для связи протоколы куда более высокого

уровня; разумные информационные пакеты для создания эффективных шлюзов коммуникации. Эти «вунши» же, судя по всему, скрываются в засаде для новичков, чтобы потом их как-то использовать. Этакие извращенцы, прячущиеся за школьными воротами, – вот кто они такие. Не хочу подставляться им до того, как мы наладим контакт с *реальным* чуждым разумом!

– Возможно, у нас нет особого выбора, – замечает Садек. – Если проницательности у них, как вы подозреваете, нет, они могут испугаться, если вы измените их окружение. Или даже напасть на нас. Я сомневаюсь, что они вообще понимают, как создали зараженную метаграмму, которую передали обратно в наш адрес; она для них – всего лишь инструмент по приманке простодушных инопланетян, облегчающий процесс переговоров. Кто знает, где они им разжились?

– Грамматическое оружие. – Борис медленно поворачивается. – Встройте пропаганду в свою программу перевода, если вы хотите установить выгодные торговые отношения. Как мило. Неужели эти парни никогда не слышали об оруэлловском новоязе?

– Видимо, нет, – медленно произносит Эмбер, делая паузу на мгновение, чтобы через видеопоток запустить книгу и все три киноверсии «1984», а затем и межавторский цикл романов-продолжений. Она неловко вздрагивает, заново интегрируя воспоминания. – Ох, не самая приятная картина. Напоминает мне… – Она щелкает пальцами, вспоминая папин любимый мультсериал «Дилберт» [92].

– Дружелюбный фашизм, – говорит Садек. – «Кто бы ни был у нас у руля – это все не имеет значения». Таких сказок я наслушался еще у родителей, пока рос в революцию. Не питать сомнений в себе – значит отравлять душу, и эти чужаки хотят навязать нам свою уверенность.

– Думаю, надо проведать Пьера, – объявляет во всеуслышание Эмбер. – Что-то мне не хочется, чтобы они его первым отравили. – Она позволяет себе ухмылочку: – Это ведь моя работа.

Журналистка Донна пребывает везде одновременно. Удобное умение – позволяет вести беспристрастное освещение новостей, ведь можно брать интервью одновременно у всех сторон конфликта.

Прямо сейчас одна из Донн сидит в баре с Аланом Глашвицем, который, очевидно, еще не осознал, что может добровольно модулировать уровень дегидрогеназы этанола, и который, следовательно, близок к тому, чтобы напиться до бесчувствия. Она способствует этому процессу: ей увлекательно

наблюдать за этим озлобленным молодым человеком, потерявшим свою молодость из-за беглого процесса самосовершенствования.

– Я полноправный партнер, – объявляет он с горечью, – в «Глашвиц и его „я“». Вот я – одно из этих «я». Мы все партнеры, но только Глашвиц Первый обладает хоть каким-то влиянием. Старый ублюдок – если бы я знал, что вырасту таким, то сбежал бы и влился в какую-нибудь коммуну хиппи-антиглобалистов. – Осушая стакан, он щелкает пальцами, требуя наполнить тот снова, до краев. – Я просто проснулся однажды утром и обнаружил, что меня воскресила моя прежняя сущность. Он сказал, что ценит мой юношеский задор и оптимистические перспективы, а затем предложил мне миноритарную долю с опционами на акции, на которые уйдет пять лет. Ублюдок.

– Расскажи мне об этом, – сочувственно просит Донна. – Мы все тут идиопатические типы, но среди нас пока еще не было ни одного мультиплекса.

– Чертовски верно. – В руках Глашвица появляется еще одна бутылка «Будвайзера». – Только что я стою в этой парижской квартире и вижу полное унижение от переодетого в девку коммунистического мудака по имени Масх и его скользкой французской сучки-менеджера, а в следующий момент я уже лежу на ковре перед столом моего альтер эго и он предлагает мне работу младшего партнера. Прошло уже семнадцать лет, и вот вся эта дикая чепуха, которую вытворял этот парень Масх, – обычная деловая практика, а я уже вшестером занимаюсь в приемной исследованиями, потому что я сам в версии 1.0 никому не доверяю серьезные дела. Унижение – вот как это называется.

– Именно поэтому ты здесь. – Донна выжидает, пока он сделает большой глоток из бутылки.

– Ну да. Это лучше, чем работать на самого себя, скажу я тебе, – это не то же самое, что быть самозанятым. Знаешь, как порой ощущается отвращение к своей же работе? Это все действительно дерьмово, когда видишь себя со стороны, опытного, поднаторевшего. Ты не просто далек от его клиентской базы – ты, блин, далек от него и от самого себя, вот что получается. Так что я вернулся в колледж и зубрил законы искусственного интеллекта и этики, юриспруденцию загрузки и рекурсивный деликт. А потом вызвался приехать сюда добровольно. Он все еще ведет дела Памелы, и я подумал… – Глашвиц пожал плечами.

– Кто-нибудь из твоих дельта-личностей препятствовал? – спрашивает Донна, рожая еще горстку привидений, чтобы сфокусироваться на интервьюируемом со всех сторон. На

мгновение она задумывается, разумно ли это. Глашвиц опасен – власть, которую он имеет над матерью Эмбер, принудившая ее подписать ему доверенность, намекает на сумрачное прошлое, полное темных тайн. Может быть, в ее постоянных судебных тяжбах кроется нечто большее, чем простая семейная вражда?

Лик Глашвица в кадре – этюд, исследующий множественность перспектив.

– Один пытался, – бросает он пренебрежительно: один из видоискателей Донны тут же фиксирует презрительное подергивание его щеки. – Я оставил его в холодильнике, у себя в квартире. Подумал, пройдет какое-то время, прежде чем кто-нибудь заметит. Это не убийство – я-то сам все еще здесь, верно? – и я не собираюсь заявлять о правонарушении гражданского характера против себя самого. Выйдет леворекурсивный судебный процесс, если я сделаю это сам с собой.

– А что думаешь про инопланетян и грядущую дуэль? – подкидывает новую тему для разговора Донна.

Глашвиц усмехается.

– Маленькая стерва-королева похожа на своего отца, не так ли? Он тоже ублюдок. Фильтр конкурентного отбора, который она навязала, – это зло. Он покалечит ее общество, если она будет придерживаться его слишком долго, но в краткосрочной перспективе это главное преимущество. Так что она хочет, чтобы я торговался за свою жизнь, и я не могу предъявить ей формальные претензии, если только не смогу превзойти ее любовничка, эту шпану из Марселя. Но он еще не знает, что у меня есть преимущество. Полное раскрытие информации. – Он пьяно салютует бутылкой. – Видишь ли, я знаю эту кошку. Ту, что с коричневым знаком «@» на боку, сечешь? Раньше она принадлежала старику Манфреду, ублюдку. Вот увидишь. Ее мама, Памела, бывшая жена Манфреда, она мой клиент в этом деле. И она дала мне ключи от доступа к этой зверюге. Полный… ик!.. контроль. Ухватив ее за мозги и сняв этот проклятый слой перевода, стыренный у этих мафиози из CETI@home, я смогу говорить с пришельцами прямо.

Пьяный и футуршокированный, Алан Глашвиц явно вскочил на своего конька.

– Я достану их дерьмо… и дизассемблирую его. За дизассемблированием – будущее промышленности, сечешь?

– Дизассемблирование? – уточняет Донна, наблюдая за ним с брезгливым восторгом из-под маски абсолютной объективности.

– Черт возьми, да! Сингулярность в самом разгаре, она всегда влечет дисбаланс. Там, где есть дисбаланс, кто-то всегда

наживается, разбирая останки. Слушай, знал я как-то одного ик… экономиста, вот кем он был. Работал на еврофедералов, латексный фетишист. Он как-то говорил мне о фабрике где-то в Брюсселе. Там была линия разборки, конвейер – кладешь дорогущий сервер прям в коробке на один конец, его достают из коробки, а после рабочие его развинчивают, выковыривают диски, память, процессоры, всю-всю начинку. Раскладывают по коробочкам, клеят ценники, все остальное в помойку – на хрен оно кому упало… Дело в том, что производитель заламывал так много за запчасти, что выгоднее им было купить целую машину и раздербанить ее. Разнести на составляющие – и потом эти составляющие продать. Черт побери, они же сорвали куш за изобретательность! Они уже тогда знали: за дизассемблированием – будущее.

– А что случилось с фабрикой? – спрашивает Донна, не в силах отвести взгляд.

Глашвиц салютует пустой бутылью звездной радуге, протянутой через весь потолок.

– А, да кому какое дело? Закрылись… ик… лет десять назад. Закон Мура победил, и рыночек помер. Но дизассемблирование… конвейерный каннибализм… это же дорога в будущее! Возьми старый актив и вдохни в него новую жизнь. Вот увидишь, это золотые горы. – Он ухмыляется, его взгляд теряет от алчности осмысленность. – Вот как я с этими космическими лангустами поступлю. Выучу их суржик, ну а потом… потом они так и не поймут, что их свалило.

Крохотный звездолет дрейфует на высокой орбите над мутным коричневым киселем атмосферы. Здесь, глубоко в гравитационном колодце Хёндай $^{+4904}/_{-56}$, он – пылинка, застрявшая между двумя источниками света: сверкающим сапфировым лучом двигательных лазеров Эмбер на орбите Юпитера и изумрудным блеском самого роутера – гипертороида, свитого из странной материи.

На мостике «Странствующего Цирка», где обычно собираются для кооперативной работы над закрытыми данными, в эти дни никогда не бывает пусто. Пьер проводит здесь все больше времени: он счел мостик удобным полигоном для оттачивания своей торговой кампании и настройки арбитражных макросов. Покуда Донна в баре выведывает нюансы стратегии мультиплексного адвоката, Пьер в своем неоморфном обличье – две головы и шесть рук, сверкающие жидким металлом, – с нечеловеческой прытью тасует тензорные карты плотности информационного трафика, окружающего ворох нагих

сингулярностей роутера.

В пустоте помещения за мостиком что-то мелькает – значит, Сю Ань все время была там. С минуту она наблюдает за Пьером в молчаливой задумчивости.

– У тебя найдется минутка?

Образ Пьера множится – одно привидение продолжает корпеть над информационной панелью, другое поворачивается, скрещивает руки на груди и ждет, когда она заговорит.

– Я знаю, ты занят, – начинает она и замолкает. – Неужели это так важно?

– Очень важно. – Пьер расплывается, заново синхронизируя свои дубли. – От роутера отходят четыре червоточины – ты знала? Каждая дает излучение порядка 10^{11} кельвинов, и каждая длина волны несет соединения для передачи данных, мультиплексированные, со стеком протоколов, который по меньшей мере одиннадцать слоев глубиной, но может быть и больше – на это указывают признаки самоподобия в заголовках фреймов. Ты знаешь, сколько это в пересчете на данные? Примерно в 10^{12} раз больше нашего широкополосного восходящего канала из дома. Но в сравнении с тем, что бытует по ту сторону роутера… – Пьер качает головой.

– Там – что-то даже больше?

– *Невообразимо* больше. Эти червоточины – простые каналы с низкой пропускной способностью по сравнению с теми умами, к которым они подключаются. – Образ Пьера в который раз расплывается перед ней, не в силах оставаться на месте, не в силах отключить внимание от передней панели. Он встревожен или взбудоражен? Сю Ань не может определить наверняка. У Пьера иногда эти два состояния неразличимы. Он легко поддается эмоциям.

– Я думаю, что у нас есть общий план ответа на парадокс Ферми. Трансценденты – существа высшего порядка со сверхчеловеческим интеллектом – не проходят через этот роутер, так как им не хватает пропускной способности. Попытка прогрузиться через одну из этих червоточин сродни выгрузке сверхразума в тельце плодовой мушки; это, конечно, если мои предположения о них верны. Маршрут на скорости медленнее световой им тоже не доступен – не возьмешь с собой достаточно компьютронных мощностей. Если…

Пьера снова понесло. Но, прежде чем он успевает расплыться, Сю Ань подходит и кладет руки ему на плечи.

– Пьер, успокойся. Отвлекись. Освободи свой разум.

– Я не могу! – Она видит – он не на шутку взволнован. – Я должен придумать какую-то торговую стратегию получше, чтобы

снять Эмбер с крючка этого иска, а затем сказать ей, чтобы она вытащила нас отсюда! Находиться так близко к роутеру – слишком опасно, и дело тут даже не в этих вуншах!

– Остановись!

Он приостанавливает множественность своего присутствия, сосредотачивается лишь на одной личности, на здесь-и-сейчас.

– Что такое?..

– Так-то лучше. – Сю Ань медленно обходит Пьера по кругу. – Тебе бы научиться со стрессом справляться…

– Стресс! – фыркает Пьер. Он пожимает плечами – впечатляющий жест, когда у тебя три пары лопаток. – От стресса, если нужно, я могу отрешиться. Стресс – лишь побочный эффект нашей формы существования: в киберпространстве мы прибегаем к физическим симуляциям, неспособные испытать новую среду в «сыром» виде, как она есть. Что же ты хочешь от меня, Сю Ань? Только честно. Я так занят, мне нужно создать торговую сеть…

– У нас сейчас большие проблемы с вуншами, даже если ты думаешь, что с ними все не так сложно, – терпеливо объясняет Сю Ань. – Борис считает их паразитами, игроками с отрицательной суммой, которые выслеживают новичков вроде нас. А Глашвиц, сдается мне, намерен заключить с ними сделку. Эмбер предлагает полностью изолировать этих пройдох и поговорить с кем-то, кто по-настоящему будет слушать.

– Если кто-то будет, – язвительно замечает Пьер. – Какие еще крупицы мудрости к нам снизошли с вершины трона?

Сю Ань делает глубокий вдох. *Он просто выводит меня из себя*, осознает она, *и вот что хуже всего – он сам это не понимает. Выводит из себя… оставаясь притом весьма милым малым.*

– Значит, создаешь торговую сеть? – спрашивает она.

– Именно так. Из юридически ориентированных клеточных автоматов, аж с двумя различными валютными стандартами для покупки приоритета качества обслуживания и пропускной способности. Половина функционала вытряхнута из ИИНеко. Цена падает с расстоянием – так, как будто все понятие денег было введено, чтобы способствовать развитию сетей дальнего сообщения. Если я смогу подключиться первым, пока Глашвиц будет лезть со своими предложениями интеллектуальной собственности по смехотворным ценам…

– Он не собирается никуда лезть, Пьер, – говорит она как можно мягче. – Да услышь ты меня, наконец – Глашвица заинтересовали вунши! Он намерен предложить *им* сделку. Эмбер хочет, чтобы ты их игнорировал. Понял хоть это?

– Понял. – Как раз в этот момент один из колоколов связи

издает раскатистое «бом». – Ого, это уже интересно.

– Что такое? – Образ Сю Ань вытягивает шею, и та превращается в некое подобие не то змеиной, не то жирафьей; все для того, чтобы заглянуть в окно в другой реальностный слой, раскрывшееся в воздухе прямо перед ними.

– Нам звонок от… – Пьер не договаривает – просто извлекает из экрана материализовавшееся представление, аккуратно завернутое в облатку серебристого света, и передает его Сю Ань. – Примерно в двухстах световых годах отсюда! Кое-кто хочет поговорить. – Он улыбается. Снова раздается звон – теперь уже с главного пульта рабочей станции. – И снова здравствуйте. Интересно, что там написано.

Направить второе сообщение в переводчик – секундное дело. Однако поначалу оно почему-то не подлежит переводу. Какая-то странная и разрушительная интерференция в нейросети поддельных лангустов чуть было не размолола сообщение в фарш – Пьер едва успевает отыскать и устранить ее.

– Любопытно! – комментирует он.

– Не спорю. – Сю Ань позволяет своей шее вернуться в нормальное состояние. – Я пойду расскажу об этом Эмбер.

– Да, тут не отвертеться, – с тревогой в голосе соглашается Пьер. Он глядит ей прямо в глаза, но того, что она надеется увидеть в его взгляде, попросту нет – притом что теперь эмоции не упрятаны на самое дно. – Я не удивлен, что их переводчик не захотел передать это сообщение целиком.

– Это намеренно искаженная грамматика, – бормочет Сю Ань, – и в этот раз нам без шуток угрожают.

Она с хлопком телепортируется в направлении приемной залы Эмбер. Судя по всему, у вуншей на редкость дурная репутация по ту сторону роутера, и Эмбер должна узнать об этом.

Глашвиц, борясь с сосущим чувством под ложечкой, наклоняется к лангусту номер один. В реальном мире после беседы в баре прошла всего килосекунда, но за прошедшее субъективное время адвокат успел отменить похмелье, отточить свой план и перейти к действиям. Причем – отправившись прямо в Тюильри.

– Вам солгали, – говорит он тихим доверительным голосом, надеясь про себя, что вытрясенные из матери Эмбер ключи доступа к Неко дадут ему шанс контролировать и созданную кошкой виртуальную вселенную.

– Солгали? Контекст низведен в прошлом, подвержен грамматической коррупции? Лингвистическое зло?

– Последнее. – Глашвицу приходится находиться гораздо

ближе к двухметровому виртуальному лангусту, чем хотелось бы, но он все равно ловит кайф от происходящего. Объяснять простофиле, как его одурачили, – всегда удовольствие, особенно если он, пойманный, сидит в клетке, а у тебя есть ключи. – Они не сказали вам правды об этой системе.

– Мы получили заверения, – ясным голосом говорит лангуст номер один. Придатки у его ротового аппарата сходятся-расходятся, но сам голос звучит напрямую в голове. – Вы не опубликовали ваш фенотип, почему?

– Эта информация стоит денег, – говорит Глашвиц. – Но я могу дать вам ее в кредит.

Следует краткий спор. Достигается соглашение о спорном обменном курсе, метрика доверия для оценки ответов кое-как оговаривается.

– Разгласите все, – настаивает вунш-парламентер.

– В том мире, откуда мы явились, есть много разумных видов, – говорит адвокат. – Та форма, которую вы носите, принадлежит лишь одному из них – тем, кто решил уйти от вида, первым воспользовавшегося открывшимся инструментарием. Я тоже представитель этого вида. Некоторые виды созданы искусственно, но мы все торгуем информацией ради собственной выгоды.

– Отрадно слышать, – заверяет его лангуст. – Мы любим покупать виды.

– Покупаете виды, значит? – Глашвиц чуть склоняет голову.

– Мы неутолимо жаждем быть *не теми, кем являемся*, – говорит ракообразное. – Мы ищем новые чувства, удивление! Плоть разлагается, дерево гниет. Мы ищем новое чуждое бытие. Отдай нам соматический тип, отдай свои мысли – и живи внутри наших грез.

– Думаю, тут можно что-нибудь устроить, – рассуждает Глашвиц. – Значит, людьми стать хотите… то есть получить в кредит право временно быть людьми, так? Но откуда такое желание?

– *Непереводимое представление 3* сулит *непереводимое представление 4*. Так велел нам Бог.

– Ладно, приму на веру. Так какова ваша истинная форма?

– Жди – и ты увидишь, – говорит лангуст и мелко трясется.

– Что это с вами?

– Жди.

Лангуст дрожит и дергается. Под прочным хитиновым панцирем мелькают формы, еле заметные, но весьма неприятные на вид.

– Мы желаем вашей поддержки, – объясняет лангуст; почему-

то его голос звучит как из-под подушки. – Желаем наладить прямые торговые цепи. Физические посланники, так?

– Так-так! То, что нужно! – восторженно восклицает Глашвиц. Вот же оно – то, что он так долго искал! Вот оно, то соревновательное преимущество, что докажет Эмбер в ею же установленном порядке дуэльных испытаний, что дела его – приоритетнее некуда! На нечто подобное он и надеялся. – Заключим соглашение напрямую, без этой интерфейсной облатки?

– Идет.

Голос лангуста вырождается в поскрипывающую тишину. Под панцирем что-то так и ходит ходуном. До ушей Глашвица вдруг доносятся шаги по гравийной дорожке позади.

– Что вы здесь делаете? – спрашивает он недовольно, оглядываясь за спину.

Перед ним – Пьер, снова в стандартном человеческом облике, с мечом на поясе и с массивным шестизарядным револьвером в руке.

– Эй!

– Адвокат, отойди от пришельца! – Пьер предупредительно поднимает оружие.

Глашвиц снова смотрит на лангуста номер один. С ракообразным происходит что-то очень странное: оно уменьшилось вполовину, подобравшись, его угрожающе потряхивает. Внутри панциря вызревает нечто темное, наливаясь чернотой, глубиной и текстурой.

– Как привилегированный советник, – говорит Глашвиц, делая глубокий вдох, – как представитель этого иноземного существа, выражаю свой решительный протест…

Лангуст безо всякого предупреждения вдруг встает на дыбы и бросается вперед. Его тяжелые шипастые лапы впиваются Глашвицу в плечи.

– Ай! – Адвокат пытается вывернуться, но лангуст уже нависает над ним, раззявив хелицеры. Плечо адвоката, сдавленное в чудовищных хитиновых объятиях, вдруг ломается с тошнотворным хрустом. Глашвиц, раскрыв рот, собирается закричать, но не успевает: четыре ротовых придатка обхватывают его голову и подтягивают к алчно щелкающим жвалам.

Пьер бросается в сторону в попытке найти линию огня, не проходящую через тело адвоката, но лангуст явно ему помогать не собирается. Рак разворачивается, прижимаясь к трепыхающемуся телу Глашвица, и раскалывает голову адвоката как орех. Мерзкий запах накатывает волной – физическая модель, похоже, поломалась, степень реализма взлетела гораздо выше

нормы.

– Черт! – шепотом ругается Пьер. Он фиксирует палец на спусковом крючке, жмет – кроме тихого щелчка проворачиваемого барабана, ничего за этим не следует. Влажный хруст не стихает – лангуст перемалывает лицо адвоката в кашу и, судорожно сглатывая, и плечи, и голову одним махом втягивает в желудок-мельницу. Пьер беспомощно смотрит на увесистый револьвер в руке.

– Твою ж дивизию… – Глянув на лангуста в последний раз, он разворачивается и со всех ног мчит к ближайшей стене. В саду для аудиенций остались еще раки, и ничто их не сдерживает.

[*Эмбер! Тревога!*], кричит Пьер в личный канал. [*У нас в Лувре – враг!*]

Лангуст, сцапавший Глашвица, отпускает тело и вновь, припав на лапы, содрогается. Пьер в отчаянии дергает спусковой крючок – барабан прокручивается вхолостую, и нет времени даже на то, чтобы проверить, есть ли в нем вообще патроны.

[*Они взломали биофизическую модель*], передает Пьер, разглядывая лангустов, и при виде их бесчинств его охватывает потрясение. *Я ведь могу тут и умереть*, осознает он, *и эта версия меня может кануть в Лету навсегда*.

Панцирь лангуста, дрожащего над окровавленными человеческими останками, вдруг раскалывается надвое, как грецкий орех. Из окровавленного нутра показывается гуманоид в позе эмбриона с бледно-поблескивающей влажной кожей. Он распрямляется, осматривая происходящее кругом пустыми, ярко-синими глазами, его чуть пошатывает. Рот новоявленного чудовища раскрывается, давая дорогу клокочущему шипящему звуку.

Пьер вскоре понимает, почему существо на вид кажется ему знакомым.

– А ты-то что здесь делаешь? – вскрикивает он.

Обнаженная женщина поворачивается к нему. Она – точь-в-точь копия Памелы, той самой опальной матери Эмбер, только руки у этой версии оканчиваются клешнями.

– *Справедливость!* – шипит она и шагает к нему, пошатываясь и клацая.

Пьер со всей силы выжимает неудобный скользкий крючок, и револьвер внезапно на это реагирует – раскатывается хлесткий выстрел, из револьверного дула вырывается дым, отдача едва не выбивает локоть из сустава. Копия Памелы переламывается пополам, из ее спины бьет фонтан крови; но прострел буквально за считаные секунды срастается – и вот она уже стоит снова, рыча и плюясь, явно намереваясь возобновить атаку.

– Вот говорил я Эмбер, в «Матрице» защищаться и то проще было бы, – бормочет себе под нос Пьер, отбрасывая револьвер и обнажая меч. Иноземная дрянь надвигается, выставив перед собой оканчивающиеся клешнями руки.

– *Справедливость*, – повторяет она.

– Ты не можешь быть той самой Памелой Масх! – протестует Пьер, чувствуя спиной, что упирается в стену. Теперь между ним и монструозной женщиной-лангустом – только длина меча, плюс-минус фут. – Памела Масх – в женском монастыре в Армении. Бьюсь об заклад, ты достала образ из памяти Глашвица – он же на нее работал!

Клешни щелкают у него чуть ли не перед самым лицом.

– *Партнерство в инвестициях!* – скрежещет чудовищный гибрид. – *Пост директора и мозги на завтрак!*

– Врешь, не возьмешь! – огрызается Пьер.

Женщина-лангуст бросается в сторону, пробуя обойти его оборону. Прыгает на него, но не угадывает верный маневр и насаживается на острие меча, продолжая алчно стричь клешнями. Пьер, обдирая мышцы спины о шершавую кирпичную стену, вытягивает сталь из фальшивой плоти взломанной биофизической модельки и наотмашь рубит чудовище-вунша по шее. Отдача от ударов выворачивает запястье, но он продолжает атаковать, и по сторонам разлетаются кровавые брызги. Кровь заливает меч, рубашку и что-то круглое на искромсанной шее, непрестанно работающее челюстями и не желающее умирать. Пьер смотрит на все это – и чувствует, как его мутит.

[*Где все, черт побери?*], отправляет он по внутреннему каналу. [*Враг в Лувре!*]

Он выпрямляется, судорожно втягивая воздух, чувствуя себя живым – перепуганным и смятенным, и притом – почти что веселым. Кругом, заглушая птичье пение, трещат сбрасываемые панцири – вунши принимают новые формы, наверняка еще более смертоносные.

[*Похоже, им не очень-то удается контроль над виртуальными средами*], добавляет Пьер. [*Быть может, мы для них уже сродни «непереводимому представлению 1»*].

[*Не беспокойся, я отключила входной канал*], приходит от Сю Ань. [*То есть больше их не последует – локализованы. Мы отфильтровываем пакетные данные вторжения*].

Из скорлупок лангустов вылупляются мужчины и женщины с пустыми глазами, все – в черных засаленных униформах. Они неуклюже носятся по землям царского дворца, ни дать ни взять сбитые с толку захватчики-гугеноты. За спиной Пьера что-то вспыхивает, и неподалеку материализуется Борис.

– Где враги, кого рубить? – спрашивает он бодро, взмахивая катаной – штукой очень древней, но все такой же смертоносной.

– Да вон же они. Пошли вместе. – Пьер выкручивает настройку подавителя эмоций на опасно высокий уровень. Рефлексы естественного отвращения почти отключаются, и он временно превращается в убийцу-социопата. Он шествует к только что вылупившейся твари, покрытой белым пушком, мяукающей и таращащейся на него огромными пустыми черными глазами, и приканчивает. Борис отворачивается, но тут какая-то тварь размером побольше делает свою последнюю ошибку, набрасываясь на него, – и он мигом разрубает ее пополам. Иные вунши пытаются отбиваться, когда Пьер и Борис приходят по их души, но к их услугам остается лишь их анатомия, смесь человеческой и ракообразной. Челюсти и жвалы не способны выстоять против мечей и кинжалов, и на землю льется ихор – кровь человеколангустов.

– Давай разветвимся, – предлагает Борис. – Пора с ними кончать.

Пьер на автомате кивает – из-за фильтров для него мало что имеет значение, кроме раскаленного огонька искусственной ярости, – и они разветвляются, пользуясь одним из бессчетных стратегических преимуществ карманной вселенной как полигона. Подмога им не требуется – пришельцы отдали все внимание атаке биофизической модели, вынудив вселенную имитировать реальность так точно, как только возможно, и совсем не приняли в расчет возможность более тонких методов ведения войны в виртуальном пространстве.

Осознание себя как единого целого возвращается к Пьеру лишь в приемной зале – он стоит, опершись на трон Эмбер, и его руки, лицо и одежда заляпаны кровавой мешаниной. Они с Борисом остались одни. Высокочастотный фильтр травматического опыта не шлет в долговременную память ужасы сечи в распараллеленных воплощениях, и Пьер с трудом помнит, что же только что произошло.

– Вроде все чисто! – громко объявляет он. – Что теперь?

– Ждем прихода Екатерины Медичи, – говорит кошка, материализуясь прямо перед ним чеширской усмешкой. – Заметил, что Эмбер в любых обстоятельствах отыщет способ спихнуть вину на мать?

Пьер бросает взгляд на кровавое месиво на тропинке снаружи, где первая женщина-лангуст напала на Глашвица.

– Думаю, я уже сделал это за нее. – Он вспоминает действие в третьем лице, удалив весь субъективный довесок из записи. – Семейное сходство было поразительным.

[*Надеюсь, оно только внешности касается*], бормочет ветвь воспоминаний Пьера, где образ все-таки задержался, но он удаляет ее, стирая резню из восприятия навсегда.

– Скажи королеве, что я готов говорить, – объявляет он.

Добро пожаловать в нисходящий склон на дальней стороне кривой ускорения прогресса.

В Солнечной системе Земля вращается по пыльному туннелю в космосе. Солнечный свет все еще достигает родного мира, но большая часть остального выхода звезды была отдана растущим концентрическим оболочкам компьютрония, сделанным из обломков самых внутренних планет.

Два миллиарда или около того в основном немодифицированных людей существуют в обломках фазового перехода, не понимая, почему огромная суперкультура, которую они так возрождали, затихла. Мало информации просачивается через их фундаменталистские брандмауэры, но то, что там есть, показывает тревожную картину общества, где больше нет тел. Надутая ветром мгла образует аэрогелевые башни размером больше циклонов, удаляя последние следы физической человеческой цивилизации с большей части Европы и североамериканских побережий. Анклавы все жмутся за своими стенами и удивляются чудесам и предзнаменованиям, бродящим по пустыне постиндустриальной цивилизации, ошибочно принимая технологическое ускорение за коллапс.

Туманные оболочки компьютрония, что окружают солнце, – концентрические облака нанокомпьютеров размером с рисовые зерна, питаемые солнечным светом, вращающиеся в оболочках, подобных упакованным слоям матрешки, – все еще незрелы: они удерживают едва ли тысячную часть физической планетной массы системы, однако уже поддерживают классическую вычислительную плотность 1042 MIPS – этого хватило бы на миллиард цивилизаций, таких же сложных, как та, что существовала непосредственно перед Великой перестройкой. Конверсия еще не достигла газовых гигантов, и некоторые скудные анклавы внешней системы остаются независимыми – Империум Кольца Эмбер все еще существует как отдельная сущность и будет существовать еще несколько лет, но внутренние планеты Солнечной системы, за исключением Земли, были колонизированы более тщательно, чем могла бы предполагать любая стародавняя гипотеза НАСА с начала космической эры.

Находясь вне ускоренной цивилизации, невозможно узнать, что происходит внутри. Проблема заключается в пропускной способности: в то время как можно передавать данные и получать

их, само количество вычислений, происходящих в виртуальных пространствах ускорения, затмевает любого внешнего наблюдателя. Внутри этого роя разумы в триллион или более раз сложнее, чем человечество, мыслят так же далеко за пределами человеческого воображения, как микропроцессор за пределами червя-нематоды. Миллионы случайных человеческих цивилизаций цветут на вселенских ландшафтах, спрятанных в уголке этого мирового разума. Смерть уже упразднена, жизнь – торжествует. Расцветают тысячи идеологий, человеческая природа приспосабливается там, где это необходимо. Экология мышления формируется в кембрийском взрыве идей: ибо Солнечная система наконец восходит к осознанности, и разум больше не ограничен простыми килотоннами серого жира, укрытого в хрупких человеческих черепах.

Бесцветные зеленые идеи, плывущие в яростном сне где-то посреди техноускорения, вспоминают о крошечном межзвездном корабле, запущенном годы назад, – и уделяют ему внимание. Вскоре, как осознают они, корабль прибудет в свой пункт назначения и сможет стать посредником в многовековом диалоге. Начинаются споры о доступе к межзвездным активам Эмбер, и Империи Кольца еще на некоторое время обеспечено процветание.

Но скоро операционное программное обеспечение на человеческой стороне сетевого канала потребует обновления.

Зал для аудиенций на «Странствующем Цирке» переполнен. Все пассажиры – кроме замороженного адвоката и пришельцев-варваров – здесь присутствуют. Они только что закончили просмотр записей о том, что произошло в Тюильри, о роковом последнем разговоре Глашвица с вуншами, завершившемся борьбой не на жизнь, а на смерть. Теперь пришло время принимать решения.

– Я не говорю, что вы должны следовать за мной, – обращается Эмбер к своему двору. – Просто мы пришли сюда именно за этим. Мы установили, что существует достаточная пропускная способность для передачи людей и необходимых для их запуска вспомогательных виртуальных машин; у нас имеются некоторые оценки уровня доброй воли в сети за роутером – как минимум нам свободно предоставили сводку о неблагонадежности вуншей. Я предлагаю скопировать меня и отправить на разведку на ту сторону червоточины. Более того, я собираюсь приостановить свою деятельность на этой стороне и передать ее тому экземпляру, который вернется, если не последует длительная пауза. Надолго ли – я еще не решила. Кто

со мной?

Пьер стоит за ее троном, положив руки на спинку. Глядя поверх ее головы на кошку, лежащую у нее на коленях, он уверен, что видит, как та смотрит на него прищурившись. *Забавно*, думает он. *Мы говорим о том, чтобы прыгнуть в кроличью нору и доверить свою личность тому, кто живет на другом конце – после того, как столкнулись с этими вуншами. Есть ли смысл?*

– Простите, пожалуйста, но я не дурак, – говорит Борис. – Это территория парадокса Ферми, не так ли? Мгновенная сеть существует, проходима, с пропускной способностью, адекватной человеческому эквиваленту разума. А где же инопланетные гости, где же их визиты в нашей истории? Должна быть какая-то причина их отсутствия. Думаю, подожду здесь и посмотрю, что вернется, а уж потом решу, пить ваш холодный яд или нет.

– Я наполовину решил передаться без резервного копирования, – говорит кто-то из задних рядов, – ну и ладно, ширины полосы только на полоумных и хватит. – Вяленький смех одобряет шуточку: слабая решимость идти сквозь роутер нуждается в поддержке.

– Я за Бориса, – говорит Сю Ань. Она смотрит на Пьера, ловит его взгляд: вдруг ему многое становится ясно. Он слегка покачивает головой. *У тебя никогда не было шанса – я принадлежу Эмбер*, думает он, но стирает эту мысль, прежде чем послать ей. Может быть, в другой ситуации его проблемы с королевским *droit de seigneur* [93] раздулись бы еще больше, расколов его решимость; может быть, в другом мире это уже произошло? – По-моему, это очень опрометчиво, – торопливо добавляет она. – Мы слишком мало знаем о пост-сингулярных цивилизациях.

– Это не сингулярность, – язвительно говорит Эмбер. – Всего лишь короткий всплеск ускорения. Как космологическая инфляция.

– Масштабирующая сознания, а после сглаживающая неоднородности и отличия в их изначальной структуре, – мурлыкает кошка. – Кстати, как дела с моим правом голоса?

– Оно у тебя есть. – Эмбер вздыхает и смотрит через плечо. – Пьер?..

– Я с тобой, – отвечает он с дрогнувшим сердцем.

Она ослепительно улыбается:

– Ну тогда… не согласятся ли те, кто говорит «нет», покинуть вселенную?

Внезапно зал для аудиенций наполовину опустел.

– Я установлю сторожевой таймер на миллиард секунд в будущее, что перезапустит нас с этого момента, если вдруг роутер не вернет никого назад в промежуточное время, – серьезно

объявляет Эмбер, глядя в полные решимости лица аватарок тех, кто остался. И тут удивляется: – О, Садек! Никогда бы не подумала, что ты на такое решишься.

Он отвечает – без улыбки:

– Разве был бы я верен своей вере, если бы не был готов донести слова Мухаммеда, мир ему, тем, кто, возможно, никогда не слышал его имени?

Эмбер задумчиво кивает.

– Погнали, – настойчиво говорит Пьер. – Нельзя же вечно откладывать это дело.

– Какой же ты испорченный, – жалуется ИИНеко.

– О'кей. – Эмбер кивает. – Давайте сделаем это.

Она нажимает воображаемый выключатель, и время останавливается.

В дальнем конце червоточины, на расстоянии двух сотен световых лет в реальном пространстве, когерентные фотоны начинают воплощать в своем танце историю сущности человеческой – пред совокупностью чувств зрителей. И все спокойно на орбите вокруг Хёндай $^{+4904}/_{-56}$, – по крайней мере, пока…

Глава 6. Закат

Синтетический драгоценный камень размером с банку колы дрейфует в безмолвной темноте. Ночь тиха как могила и холоднее, чем середина зимы на Плутоне. Тонкие, как мыльные пузыри, паруса-паутинки поникли, импульс сапфирового лазерного луча, раздувавший их, давно уже пожух. Древний свет звезд выхватывает очертания огромного планетоида под увитым паутиной и отделанным драгоценностями трупом старвиспа.

Восемь земных лет прошло с тех пор, как «Странствующий Цирк» вышел на близкую орбиту вокруг холодного коричневого карлика Хёндай $^{+4904}/_{-56}$. Прошло пять лет с тех пор, как стартовые лазеры Империи Кольца без предупреждения отключились, бросив корабль с легким парусом в трех световых годах от дома. От роутера, странного инопланетного артефакта на орбите вокруг коричневого карлика, не было никакого ответа с тех пор, как экипаж старвиспа загрузил себя через свой странный интерфейс квантовой запутанности для передачи в любую инопланетную сеть, к которой он подключается. На самом деле ничего не происходит, разве что течет неспешно струйка секунд, отсчитываемых до того момента, когда сторожевой таймер оживит сохраненные снимки экипажа, утратив веру в возвращение загруженных в роутер копий.

Между тем вне светового конуса…

Эмбер резко просыпается, словно после ночного кошмара. Она порывисто садится, с ее груди спадает тонкая простыня. Прохладный ветерок, гуляющий вдоль спины, осушает холодный пот, и ее быстро начинает пробирать дрожь.

– Где я? Это… это что, спальня? Как я тут оказалась? – бормочет она, неспособная вспомнить, как включается внутренняя речь. – Ох, понятно. – Глаза Эмбер расширяются от ужасного осознания. – Значит, это не сон…

– Приветствую тебя, Эмбер-человек, – говорит призрачный голос, который, кажется, исходит из ниоткуда. – Я вижу, ты проснулась. Может быть, тебе что-нибудь нужно?

Эмбер устало трет глаза. Прислонившись к кровати, она осторожно оглядывается по сторонам. Она смотрит в прикроватное зеркало, в котором видно ее отражение: молодая женщина, худощавая, как все те, чей геном содержит код p53 [94], с растрепанными светлыми волосами и темными глазами. Она могла бы сойти за танцовщицу или воительницу, но не за королеву – это точно.

– Что тут происходит? Где я нахожусь? Кто ты такой, откуда ты в моей голове?

Ее глаза сужаются. Аналитический интеллект выходит на первый план, когда она оценивает свое окружение.

– Роутер, – вспоминает она: горсть структур странной материи, вращающихся вокруг коричневого карлика в нескольких световых годах от Земли. – Как давно мы прошли через него? – Оглядевшись, она видит комнату, обнесенную плотно прилегающими каменными плитами: в них вделан оконный проем в стилистике твердынь крестоносцев многовековой давности, но без стекла – с пустым белым экраном. На хладном каменном полу ворсистый ковер, на ковре – кровать, на кровати – она сама; больше ничего в комнате нет. Весь этот интерьер несет на себе энигматическую печать кадра из фильма Стэнли Кубрика: какой-то он слишком продуманный – и оттого неестественный. Вот только смеяться не тянет.

– Я жду, – объявляет она и откидывается на спинку кровати.

– Судя по нашим записям, эта реакция указывает на то, что теперь ты полностью осознаешь себя, – говорит голос-призрак. – Это хорошо. Ты уже очень долго без сознания. Объяснения грядут сложные и дискурсивные, так что могу предложить тебе освежающие напитки. Что бы ты хотела?

– Кофе, если он есть. Хлеб и хумус. Что-нибудь надеть. – Эмбер скрещивает руки на груди, внезапно смутившись. – Но лучше бы – панель управления этой вселенной. Какая-то она некомфортная. – Что не совсем честно: у среды явно имеется всеобъемлющая и для людей подходящая биофизическая модель, никакой не дерганый шутер от первого лица. Взгляд Эмбер фокусируется на левом предплечье, где давнишний рубец с десятицентовую монетку размером красуется на память о старом происшествии с гермоклапаном на юпитерианской орбите. Эмбер на мгновение замирает. Ее губы беззвучно шевелятся, но она заперта в этой вселенной, не в состоянии разделить или соединить вложенные реальности простым вызовом подпрограмм, склеенных с ее сознанием с тех самых пор, как она была подростком. Наконец она спрашивает:

– И сколько я была мертва?

– На порядок дольше, чем ты была жива, – говорит голос-призрак. Поднос с хлебом, хумусом и оливками застывает в воздухе над ее кроватью, а в углу комнаты появляется шкаф. – Я могу начать объяснения прямо сейчас или подождать, пока ты закончишь есть. Что бы ты предпочла?

Эмбер снова оглядывается по сторонам, потом смотрит на белый экран в оконном проеме.

– Давай прямо сейчас. Вынесу как-нибудь, – говорит она с тихой горечью. – Я хочу как можно скорее понять свои ошибки.

– Мы можем сказать, что ты человек решительный, – говорит голос-призрак с ноткой гордости. – Это очень хорошо, Эмбер. Тебе понадобится вся твоя решимость, если уж ты собираешься выжить здесь…

В храме близ башни, возвышающейся над иссушенными равнинами, настало время покаяния, и мысли жреца, живущего в ней, полны сожаления. Сейчас Ашура, десятый день Мухуррама, согласно часам реального времени, все еще настроенным на темп другой эпохи: тысяча триста сороковая годовщина мученичества третьего имама, Саида аль-Шухады.

Жрец башни провел неопределенное время в молитве, как бы замкнувшись в вечном моменте медитации и декламации. Теперь, когда огромное красное солнце медленно опускается к горизонту бесконечной пустыни, его мысли устремляются в настоящее. Ашура – совершенно особенный день, День искупления общей вины и зла, совершенного через бездействие; но Садек по своей природе должен смотреть вперед, в будущее. Он знает, что это недостаток, характерный для его поколения.

Поколения шиитского духовенства, ответившего на неумеренность прошлого века отстранением улама, отказом от закона Хоменеи и его последователей, передачей власти народу и уходом в парадоксы современности. Особым интересом Садека, его страстью и вдохновением в теологии являлась программа переоценки эсхатологии и космологии. Тут же, в башне из белой обожженной солнцем глины, на бесконечной равнине, что существует лишь в воображаемых пространствах звездолета размером с банку из-под безалкогольного напитка, священник проводит свои процессорные циклы в созерцании одной из самых злобных проблем, когда-либо возникавших перед муджтахидом, – парадокса Ферми.

(Однажды Энрико Ферми обедал, а его коллеги обсуждали возможность заселения других миров высокоразвитыми цивилизациями. *Если они где-то там есть, почему до сих пор не наведались в гости?* – заметил итальянский физик.)

Садек заканчивает свои вечерние молитвы почти в полной тишине, затем встает, потягивается, как обычно, и покидает маленький уединенный дворик у подножия башни. Калитка – кованое железо, согретое солнечным светом, – слегка скрипит, когда он открывает ее. Взглянув на верхнюю петлю, он хмурится, желая, чтобы она была чистой и целой. Лежащая в основе среды физическая модель признает его контроль: тончайший красный

ободок вокруг оси петли становится серебристо-свежим, скрипы прекращаются. Закрыв за собой ворота, Садек входит в башню.

Он взбирается тяжелой, ровной поступью по винтовой лестнице, извивающейся все выше и выше над ним. Узкие щелевидные окна тянутся вдоль внешней стены лестницы. Через каждое он зрит другой мир. Там, снаружи, наступила ночь – в месяц Рамадан; и в вышине – зеленое туманное небо, и слишком близко – горизонт. Садек тщательно избегает мыслей о последствиях этого многообразного пространства. Идя от молитвы, от чувства священного, он не хочет терять свою близость к вере. Он и так достаточно далеко от дома, тут есть о чем подумать. Он окружен странными и любопытными идеями, затерянными в разъедающей пустыне веры.

На верхней площадке лестницы Садек подходит к двери из старого дуба, окованной железом. Ей тут не место: это культурная и архитектурная аномалия. Ручка представляет собой петлю из черного металла. Садек смотрит на нее так, словно это голова аспида, готового ужалить. Тем не менее он протягивает руку и поворачивает ручку, переступая порог в сказочный дворец.

Все нереально, напоминает он себе. *Не более реально, чем мираж, вызванный одним из джиннов «Тысячи и одной ночи»*. Тем не менее он не может удержаться от улыбки – сардонической улыбки самоуничижительного юмора, смягченного разочарованием.

Похитители Садека пленили его душу и заперли ее – его самого – в очень странной тюрьме, храме с башней, что поднимается до самого рая. И то, что находится в башне, – классическая литания средневековым вожделениям, просто-таки сущность, выделенная из литературы пятнадцати столетий: дворы с колоннами, прохладные бассейны, выложенные богатой мозаикой, комнаты и залы, набитые всеми вообразимыми предметами роскоши из пассивной материи, бессчетные пиршественные столы, терзающие его аппетит, и дюжины прекрасных не-женщин, жаждущих утолить любое его желание. Садек – просто мужчина, и желаний у него много, но он не смеет позволить себе поддаться искушению. *Я не умер*, рассуждает он, *поэтому как я могу быть в раю? Следовательно, это должен быть ложный рай, искушение, посланное, чтобы сбить меня с пути истинного. Возможно. Если только я не умер, потому что Аллах, мир Ему, считает человеческую душу, отделенную от тела, мертвой. Но если это так, разве выгрузка не грех? В таком случае это не может быть рай, потому что я грешник. Кроме того, вся эта затея такая ребяческая!*

Садек всегда был склонен к философским исследованиям, и

его ви́дение загробной жизни более разумно, чем у большинства людей, включая идеи, столь же сомнительные в рамках ислама, как идеи Тейяра де Шардена для католической церкви двадцатого века. Если в его эсхатологии и есть какой-то ключевой признак ложного рая, то это семьдесят две безмозглые прекрасные гурии, ждущие своего часа. Из этого следует, что на самом деле он не может быть мертв.

Сам вопрос о реальности настолько неприятен, что Садек поступает так, как каждую ночь: беспечно шагает мимо бесценных произведений искусства, торопливо пробирается по дворам и коридорам, не обращая внимания на ниши, в которых голые супермодели лежат, широко расставив ноги, взбирается по лестнице – пока не оказывается в маленькой комнате без мебели с единственным высоким окном. Там он сидит на полу, скрестив ноги, медитируя, не в молитве, а в более сосредоточенном рассуждении. Каждую ложную ночь (ибо невозможно выяснить, как быстро проходит время вне данного кармана киберпространства) Садек сидит в думах, борясь с демоном Декарта в одиночестве своего собственного разума. И каждый вечер он задает себе один и тот же вопрос: *могу ли я сказать, что это – самый настоящий ад? Ежели нет – как мне отсюда сбежать?*

Голос-призрак говорит Эмбер, что она мертва уже почти треть миллиона лет. Она была восстановлена из хранилища – и снова умерла – множество раз за этот промежуток времени, но она не помнит об этом; она – ветвь от главной ветви, и другие ветви умерли в одиночестве.

Воскрешения сами по себе не внушают Эмбер чрезмерного беспокойства – она ведь рождена в эпоху пост-человеческой морали. Более того, кое-какие аспекты повествования о собственной участи кажутся ей до смешного неубедительными: с таким же успехом ей могли сказать, что ее накачали наркотиками и привезли сюда, не уточнив, самолетом, или поездом, или вовсе автомобилем.

Ее не смущают заверения голоса, что она далеко от Земли, а если точнее – примерно в восьмидесяти тысячах световых лет. Выгружаясь через роутер на орбите Хёндай $^{+4904}/_{-56}$, она понимала, что идет на риск, может попасть куда угодно, а то и вовсе в никуда. Ей кажутся сомнительными слова о том, что она все еще в световом конусе своей отправной точки. Из исходной передачи SETI однозначно следовало, что сигналы в сети роутеров – самовоспроизводящихся коммуникаторов на орбитах встречающихся в Галактике повсеместно коричневых карликов –

передаются мгновенно. Она почему-то ожидала, что к этому времени окажется гораздо дальше от дома.

Несколько больше ее настораживают утверждения призрака о том, что человеческий фенотип вымер по меньшей мере дважды, что планета его происхождения неизвестна и что Эмбер – практически единственный человек, оставшийся в публичных архивах. В этот момент она, до поры дувшая на стакан в попытках охладить кофе, вступается:

– Что-то здесь не так! Вы же сами говорите – я *умерла!* – Здесь она позволяет себе подпустить в голос язвинки. – Помните? Я только что прибыла. Тысячу секунд назад по субъективному времени я находилась в узле управления звездолета и обсуждала, как мне и моим друзьям быть с роутером, у которого мы кружились по орбите. Мы согласились пройти через него в качестве торговой миссии. Ну и вот я пробуждаюсь здесь, в постели, в невесть каком веке, без своих дополнений и ключей к реальности – и даже не могу понять, симуляция это или нет. Вам придется объяснить, почему вам нужна моя старая версия, прежде чем я смогу разобраться в своей ситуации, и я могу сказать, что не собираюсь помогать вам, пока не узнаю, кто вы. И кстати, как насчет остальных? Где они сейчас? Я ведь была не одна, понимаете?

Призрак – уже не только голос – на секунду застывает на месте, и Эмбер чувствует водянистый прилив ужаса: *неужели я зашла слишком далеко?*

– Произошел несчастный случай, – торжественно объявляет он, трансформируясь из полупрозрачной копии собственного тела Эмбер в очертания человеческого скелета, всего в наростах остеосаркомы – очевидно смертельных. – Наш консенсус мнит, что вы лучше всего подходите для ликвидации последствий. Дело касается демилитаризованной зоны…

– Демилитаризованной? – Эмбер качает головой и прерывается на глоточек кофе. – И что ты имеешь в виду? Что это за место?

Призрак снова мерцает, принимая за аватарку абстрактный вращающийся гиперкуб.

– Пространство, занимаемое нами, является коллектором, примыкающим к той самой демилитаризованной зоне. А зона – пространство вне нашей основной реальности, и само по себе оно открыто для сущностей, свободно пересекающих наш брандмауэр, загружаясь в Сеть и выгружаясь наружу. Мы используем зону для выявления информационной цены мигрирующих субъектов, разумных валютных единиц и тому подобного. По прибытии мы заложили вас против будущих опционов на фьючерсы

человеческих видов.

– Валюта! – Эмбер не знает, радоваться или ужасаться: обе реакции кажутся вполне уместными. – Это вы так обходитесь со своими гостями?

Призрак игнорирует ее вопрос.

– В зоне развивается вышедшая из-под контроля семиотическая утечка. Мы уверены, что только вам под силу совладать с ней. Если согласитесь, мы произведем с вами обмен ценностями, иными словами, заплатим, наградим за сотрудничество, вернем на родину, репатриируем.

Эмбер осушает кофейную чашку.

– Экономические отношения наших видов не имеют прецедента – так почему я вам должна доверять? Зачем вы меня оживили? Может, где-нибудь неподалеку бегает другая версия меня, с опытом побольше? – Она скептически приподнимает бровь. – Какие-то у нас с вами оскорбительные завязываются отношения…

Призрак продолжает увиливать от ее попыток выяснить, что к чему. Он растет, мерцает, обретает прозрачность и в конце концов превращается в чуть запыленное окно, в котором мелькают чужие пейзажи: над зелеными выпуклыми холмами и смахивающими на круги сыра замками плывут облака, поросшие деревьями.

– Характер утечки: в демилитаризованной зоне вышел на волю инопланетный разум, – объявляет он. – Пришелец применяет некорректную семиотику к сложным структурам, предназначенным для обеспечения торговли. Вам он известен, Эмбер. Мы требуем от вас решения. Убейте чудовище, и мы представим линию доверия: контроль реальности почти на правах собственника, введение в курс правил торговли, предоставление дополнений и маршрутных полос. Можем даже обновить до возможности консенсуса вас и нас, если вы вдруг захотите.

– Этот монстр… – Эмбер подается вперед, нетерпеливо вглядываясь в окно. Какая-то ее часть очень сомневается в этой последней пропозиции. *Обновить меня до призрачного фрагмента чужого группового разума? Ну-ну, не стоит хлопот*, надменно думает она. – Что он из себя представляет? – Лишенная способности запускать добавочные потоки себя и анализировать сложные задачи, она чувствует себя слепой и беспомощной. – Он – какая-то часть вуншей?

– Данные неизвестны, но явился он вместе с вами, – говорит призрак. – Случайным образом активировался через несколько секунд после этого. Он буйствует в пределах зоны – и, если это будет продолжаться, наш хаб отрежут от сети, и вы умрете вместе с нами. Вы поможете нам, Эмбер? Прошу, спасите нас.

Единственное воспоминание, что принадлежит кому-то другому, стартует быстрее, чем управляемая ракета, – и оно гораздо более смертоносно.

Одиннадцатилетняя Эмбер – неуклюжий длинноногий ребенок, разгуливающий по улицам Гонконга, неотесанный турист, осматривающий жаркое сердце Поднебесной. Это ее первый и последний отпуск перед тем, как Фонд Франклина пристегнет ее к грузовому отсеку космоплана «Шэньчжоу» и отправит на орбиту из Синьцзяна. Пока она свободна, хотя и заложена на сумму в несколько миллионов евро; она – маленький тайконавт [95], готовый работать в течение долгих лет на орбите Юпитера, чтобы расплатиться с сетью, которая ныне владеет ею. Это не совсем рабство: благодаря папиной корпоративной игре Эмбер не нужно беспокоиться о том, что мама преследует ее, пытаясь возвратить в постчеловеческую тюрьму взросления, как старомодную маленькую девочку. А теперь у нее есть немного карманных денег, и номер в Хилтоне, и свой личный пульт от удаленного Франклин-помощника, и она решила устроить себе туристическое просвещение в стиле восемнадцатого века – устроить с размахом, потому что…

Потому что это ее последний день на свободе в случайным образом развивающейся биосфере. В этом десятилетии все самое интересное происходит в Китае. Здесь горячо и тесно, прямо как в ядре звезды, а с устаревшим и отставшим здесь обходятся безо всякой жалости. Рвение националистов догнать Запад передало эстафету рвению потребителей достать самые свежие и модные штучки, какие только есть в мире, – тут нарасхват идут и самые оригинальные туристические сувениры с причудливо-старомодных улиц Америки, и самые передовые, быстрые и умные обновления для тела и души. А Гонконг жарче и быстрее почти любого другого места в Китае, что значит – и во всем мире тоже. Это такое место, где туристы из Токио ходят, разинув рты, – запуганные и шокированные будущим гламуром высокотехнологичной жизни.

На Жардин-Базаре, *скорее Жардин-Раздрае,* мелькает мыслишка: Эмбер купается во влажном шуме. На крышах дорогих торговых центров и роскошных отелей из стекла и хрома растут геодезические купола, такие ажурные, что кажется, они вот-вот уплывут прочь, подхваченные горячим бризом с моря. Из Кай-Тека больше не доносится рев аэробусов, не видно в небе штормовых туч полированного алюминия, проливающихся дождем бледнолицых туристов на торговые центры и рыбные рынки Кулуня и Новых Районов. Идут последние напряженные

дни Войны Против Неразумия, и в небе проплывают невероятные формы. Эмбер пялится, задрав голову, на шеньянский F-30, набирающий высоту по почти перпендикулярной земле траектории. Ворох недоступных пониманию несущих поверхностей, сходящихся в точке перспективы, отрицающей пространственное мышление, а заодно и взгляд радаров, – это китайский истребитель, или ракетный модуль, или вовсе суперкомпьютер с крылышками? Чудо техники уносится вдаль – над зеркалом вод Южно-Китайского моря, – чтобы присоединиться к неусыпному патрулю, стоящему на страже капиталистического мира, – гаранту уверенности, что все в том мире защищены от Войск Неприятия Прогресса и ваххабитов.

Вдруг Эмбер на мгновение становится просто не по годам развитым человеческим ребенком. Ее подсознание отключается: цензор-боты китайского правительства, мощные информационные солдаты, подавляют ее когнитивные способности, препятствуя выгрузке сведений о своем наиболее грозном оружии. Воспользовавшись этими секундами, пока ее сознание пустует словно выеденное яйцо, худощавый парень с голубыми волосами резко толкает ее в спину и сдергивает с плеч рюкзак.

– Эй! – кричит она запинаясь. Ее разум затуманен, оптика не повинуется, не в силах ухватить биометрическую модель похитителя. Миг оцепенения, слепая зона для устройств слежки в реальном времени и время, потраченное на попытки удержать равновесие, а не на погоню, – три аспекта, дающих вору сбежать. А с отключенными дополнениями Эмбер не знает, как крикнуть «держи вора!» на кантонском.

Спустя несколько секунд истребитель пролетает, увлекая радиус действия цензор-поля за собой.

– Хватайте его, ушлепки! – кричит Эмбер, но любопытные туристы только и делают, что разглядывают невоспитанного ребенка-чужестранца. Какая-то старушка направляет на нее камеру одноразового телефона и что-то кричит через плечо. Эмбер берет ноги в руки и бежит. Она уже чувствует, как отдается где-то во внутренностях инфразвуковой сигнал тревоги рюкзака. Если не успеть вовремя, рюкзак устроит сцену. Покупатели бросаются врассыпную, женщина с коляской пытается откатиться подальше, но вместо этого чуть не сбивает ее с ног.

К тому моменту, когда Эмбер находит перепуганный рюкзак, вора и след простыл. Ей понадобилась почти минута утешений, чтобы рюкзак перестал вопить и втянул шипы достаточно, чтобы его можно было снова надеть. К этому времени поблизости нарисуется робот-полицейский.

– Идентифицируйте себя, – скрежещет он на синтетическом

английском.

Эмбер в ужасе смотрит на рюкзак – в боку огромная дыра, нутро изрядно полегчало. *Вот это потеря*, осознаёт она в отчаянии – хлюст с голубыми волосами украл все, что у нее было важного.

– Помогите, – тихо говорит Эмбер, протягивая рюкзак полисмену, сидящему где-то и смотрящему на нее через глаза робота. – Украли…

– Какая вещь отсутствует? – спрашивает робот.

– Моя «Hello Kitty», – говорит она, хлопая ресницами, включив умение притворяться на полную, заставляя совесть подчиниться и прекрасно понимая, что, если полиция узнает истинную природу ее кошки, последствия будут печальными. – Моего котенка украли! Помогите!

– Непременно, – говорит полицейский, ободряюще кладя руку ей на плечо – руку, которая превращается в стальную повязку, когда он толкает ее в фургон и сообщает ей формально-высокопарным языком, что она арестована по подозрению в магазинной краже и будет обязана предъявить сертификаты подлинности и полностью соответствующую действительности опись всех предметов, находящихся в ее распоряжении, если хочет доказать свою невиновность.

Физическим мозгом Эмбер не сразу понимает, что ее вежливо арестовывают, но ее внешние потоки уже кричат о помощи, а следопыты мобильной коммерции определяют отделение, куда ее везут, с помощью преодолеваемых машиной электронных пандусов и услужливого менеджера лицензий на программное обеспечение. Эти же внешние потоки подбирают ей агентов, чтобы уведомить Фонд Франклина, «Международную амнистию», «Партию за свободный космос» и папину адвокатуру. Женщина-полицейский средних лет доставляет ее в пункт временного задержания для расследования дел несовершеннолетних – с вишнево-бирюзовыми обоями на стенах – и к тому моменту телефон на столе дежурного уже разрывается от вызовов приставов, продавцов фастфуда и расторопных журналов о жизни звезд, увлекающихся слежкой за делами ее отца.

– Вы можете помочь мне вернуть кошку? – упорно спрашивает она у полицейской.

– Имя? – спрашивает та. В ее глазах поблескивают строки машинного перевода. – Да, я просить вас твердо заявить о своей идентичности.

– Кошку украли, – гнет свое Эмбер.

– Кошку? – Дама-офицер озадачена и явно раздражена: иметь дело с подростками-чужестранцами, несущими тарабарщину в

ответ на вопросы, – не ее амплуа. – Мы же у вас имя спрашиваем?

– Дело не в этом, – твердит Эмбер, – а в моей кошке! Украли у меня кошку, что ж тут непонятного? Помогите мне!

– Да, ясно, понятно. Ваши документы, пожалуйста.

– Документы? – Эмбер все больше беспокоится. Она не чувствует внешний мир – тут камеры погружены в ограничительные электромагнитные поля, в пределах которых царит пугающая, действующая на нервы сетевая тишина. – Я хочу свою кошку! Сейчас же!

Дама-офицер нервно пощелкивает пальцами, затем лезет в карман и достает оттуда удостоверение личности. Стучит по нему ногтем.

– Документы, – повторяет она.

– Я вас не понимаю! – кричит Эмбер и начинает плакать.

Дама-офицер странно смотрит на нее.

– Погоди. – Она встает и уходит, а через минуту возвращается с высоким мужчиной в деловом костюме и слабо светящихся очках в проволочной оправе.

– Не ломай комедию! – говорит он грубо и резко. – Как тебя зовут? Говори правду, а не то всю ночь в участке проведешь!

Эмбер рыдает в три ручья.

– У меня украли кошку, – выдыхает она.

Очевидно, ни мужчина-детектив, ни дама-офицер не знают, как с ней быть. Щедрый замес на эмоциях и неясных дипломатических перспективах их разумению нисколько не способствует.

– Подожди здесь, – говорят они и покидают камеру, оставляя Эмбер с пластиковой коалой-аниматроником и дешевой ливанской кофеваркой.

Последствия потери ИИНеко наконец-то доходят до нее, и Эмбер плачет громко и отчаянно. В любом возрасте трудно смириться с утратой и предательством, а кошка уже целый год была ее мудрым компаньоном и утешением, источником уверенности, который давал ей силы вырваться на свободу от сумасшедшей матери. Потерять свою кошку в Гонконге, где ее, вероятно, разрежут на запасные части или превратят в суп, слишком ужасно, об этом и думать не хочется. Исполненная отчаяния и безнадежной тоски, Эмбер воет на стены комнаты для допросов, а снаружи пойманные в ловушку нити ее сознания ищут резервные копии, с которыми можно синхронизироваться.

Но через час, когда она уже затихает, окунувшись в пучину безнадеги, громкий стук в дверь вдруг оповещает, что кто-то прибыл по ее душу – оказывается, давешняя офицерша с плохоньким модулем машинного перевода.

– Иди со мной. – Она тихонько вздыхает, глядя на заплаканное лицо Эмбер.

За столом дежурного ждет детектив с обернутой бечевкой коробочкой из влажного картона. Вокруг теснятся полицейские бюрократы в разных формах телеприсутствия.

– Опознай, пожалуйста, – говорит он, перерезая бечевку. Эмбер качает головой, чуя головокружение от потока нитей, устремившихся к ней для синхронизации их памяти.

– Что это? – спрашивает она, и вдруг картонка буквально взрывается, продавленная изнутри. Из пролома показывается треугольная голова, с любопытством втягивает воздух, стреляет пузырями из ноздрей, окантованных коричневым мехом.

– Чего ты так тормозила? – спрашивает ИИНеко, когда Эмбер запускает руки в коробку и достает ее оттуда. Шерсть у кошки – мокрая и спутанная от морской воды.

– Если ты хочешь, чтобы я устранила твоего инопланетянина, то для начала я хочу, чтобы ты дал мне привилегии на изменение реальности, – говорит Эмбер. – Кроме того, мне нужны последние версии всех, кто пришел со мной сюда. Соберите нас вместе и предоставьте им тоже корневые привилегии. Далее, нам потребуется доступ к другим вложенным вселенным в демилитаризованной зоне. И еще мне нужны пушки побольше! [96]

– Это не так-то просто, – говорит призрак. – Многие другие давно уже достигли точки прерывания. Есть еще по меньшей мере один выживший, но он недоступен в связи с тем, что является в настоящее время частью эсхатологического эксперимента. Остальные все потеряны в демилитаризованной зоне. Мы способны предоставить вам исключительный доступ, но сначала просим объяснить нужду в кинетическом оружии класса «пушка».

– Вы, ребята, вообще в популярной культуре ничего не смыслите? – Эмбер вздыхает, встает и потягивается, выжимая поддельное чувство сонной неги из мышц. – Еще понадобится моя… – Слово вертится у нее на языке: чего-то не хватает. – Так, погодите. Кажется, я что-то забыла… вот только не помню что. – *Это ведь важно*, озадаченно думает Эмбер. *При мне раньше кто-то был все время, кто-то… мурлычущий? Знающий? Помогающий?* – Ладно, черт с этим, – слышит она собственный голос. – Дай сюда того, из эксперимента. Его-то сможешь доставить?

– Тоже не так-то просто, – повторяет призрак. – Он заплутал в рекурсивно-ограниченной вселенной.

– Что? – Эмбер моргает, глядя на него. – Можно это же, но

другими словами?

– Наглядное представление, – говорит призрак и скатывает между ладонями плазму в светящийся шар, имеющий форму бутылки Клейна. Эмбер косится на нее. – Ближайшая ссылка из человеческой исторической базы данных – это Демон Декарта. Человек заперся в замкнутом пространстве и теперь не уверен в том, является ли объективно реальным. Так или иначе, от взаимодействия он отказывается.

– А ты можешь провести меня в это пространство? – спрашивает Эмбер. Карманные вселенные ей по плечу, это неотъемлемая часть ее жизни. – Дай мне какие-нибудь рычаги…

– Такой образ действий может быть сопряжен с риском, – предупреждает призрак.

– Мне все равно, – раздраженно говорит она. – Просто закинь меня туда. Это кто-то, кого я знаю, не так ли? Отправь меня в его сон, и я его разбужу.

– Просьба ясна, – откликается призрак. – Приготовься.

Без всякого перехода Эмбер оказывается где-то в другом месте. Она оглядывается вокруг, рассматривая богато украшенный мозаичный пол, побеленные стены с открытыми окнами, сквозь которые в ночном небе слабо мерцают звезды. Ее одежда каким-то образом заменилась фривольным бельем под почти прозрачным халатом, а волосы стали длиннее примерно на полметра. Все это очень дезориентирует. Стены каменные, и она стоит в дверях комнаты, где нет ничего, кроме кроватей, занятых…

– Черт, – восклицает она. – А ты кто такая?

Молодая и невероятно красивая женщина в постели смотрит на нее отсутствующим взглядом, а затем переворачивается на бок. Она абсолютно нагая и совершенно безволосая от ушей до пят, ее томная поза – это приглашение.

– Кто ты? – повторяет Эмбер.

Женщина на кровати подзывает ее к себе плавным жестом. Эмбер качает головой.

– Извини, подружка, это не для меня нарисовано. – Она отступает в коридор, робко шагая на непривычно высоких каблуках. – Это какая-то мужланская фантазия, верно? Да, думаю, ее какой-нибудь подросток со спермотоксикозом придумал. – Она оглядывается: в одном направлении коридор ведет мимо еще нескольких открытых дверей, а в другом – упирается в винтовую лестницу. Эмбер концентрируется, пытаясь приказать Вселенной доставить себя к логическому месту назначения, но ничего не происходит.

– Похоже, мне придется проделать этот нелегкий путь. Хотела

бы я… – Тут Эмбер хмурится. Ей хотелось бы, чтобы здесь был кто-то еще, но она не может вспомнить, кто именно. Поэтому она делает глубокий вдох и направляется к лестнице.

– Вверх или вниз? – спрашивает она себя. Наверное, все-таки вверх – так логичнее, ведь если это башня, спальня будет как можно выше. Поэтому Эмбер осторожно восходит по ступенькам, держась за спиралевидные перила. *Интересно, кто спроектировал данную вселенную? Какая роль предписана мне по ее правилам? Если подумать, то этот вопрос смехотворен. Вот же залеплю я местному затейнику пощечину,* думает она.

Лестница оканчивается у порога простой деревянной двери с незапертой задвижкой. Эмбер замолкает на несколько секунд, собираясь с духом, чтобы противостоять спящему, чудовищно увязшему в собственном солипсизме, о чем буквально кричал этот нелепый замок сексуальных фантазий. *Надеюсь, это не Пьер,* мрачно думает она, толкая дверь.

Комната за дверью – голые стены плюс деревянный пол. Никакой мебели, зато окно, расположенное высоко в стене, распахнуто настежь. Мужчина сидит здесь, скрестив ноги, одетый в мантию – сидит спиной к ней, тихо бормоча что-то под нос и слегка кивая. У нее перехватывает дыхание, когда она понимает, кто это. *Вот дерьмо!* – думает Эмбер, глаза у нее лезут на лоб. *Вот что, значит, все это время творилось у него в башке?*

– Я не звал тебя, – спокойно говорит Садек, не оборачиваясь и не удостаивая ее даже взглядом. – Уходи, искушение. Ты – лишь мираж.

Эмбер прочищает горло.

– Прости, что разочаровываю, но ты ошибаешься, – говорит она. – Нам необходимо поймать инопланетного монстра. Хочешь пойти на охоту?

Садек перестает кивать. Он медленно садится, потягиваясь, потом встает и смотрит на нее. Его глаза блестят в лунном свете.

– Как странно. – Он буквально раздевает ее взглядом. – Ты выглядишь как женщина, которую я когда-то знал. Раньше такого не было.

– Черт возьми! – Эмбер чуть не взрывается, но кое-как смягчается. – Что тут у тебя, Объединение теософов-сексуально-озабоченных солипсистов, сокращенно ОТСОС?

– Я… – Садек выглядит озадаченным. – Прости, но ты утверждаешь, что настоящая?

– Да, так же, как и ты. – Эмбер протягивает руку и хватает его за запястье. Он почти не сопротивляется, когда она тянет его к двери.

– Ты – первый настоящий гость за долгое время. – Похоже,

Садек шокирован.

– Так, послушай. – Эмбер волочит его следом за собой вниз по винтовой лестнице, на самый первый этаж. – Ты хочешь остаться здесь, что ли? Что это вообще за место?

– Ад – это извращение рая, – медленно произносит он, массируя пальцами свободной руки заросший подбородок. Внезапно он хватает Эмбер сзади за талию и резко тянет на себя. – Так, надо проверить, насколько ты реальна…

Эмбер, не привыкшая к такому обращению, реагирует мгновенно – ударом в пах.

– Настоящая! – взвизгивает Садек, падая спиной на лестницу. – Прости меня, прошу! Я просто хотел узнать наверняка!

– Знаешь что? – рычит она. – Еще раз тронешь меня своими грязными хваталками – оставлю тебя здесь навечно гнить! – Она уже готова отдать сигнал пришельцу за гранью этой карманной вселенной извлечь ее: угроза – максимально серьезная.

– Погоди! У тебя есть свободная воля, я вижу. Ты только что продемонстрировала. – Он тяжело дышит и умоляюще смотрит на нее. – Прости меня! Мне нужно было понять: ты из этих зомби или нет!

– Зомби? – Эмбер оглядывается по сторонам. Еще одна секс-кукла появилась позади нее, встав в открытом дверном проеме, одетая в облегающий кожаный костюм с открытой промежностью. Она приглашающе манит Садека. У ее ног постанывает, требуя внимания, еще одно тело, на котором из одежды – одни лишь стратегически расположенные полоски резины. Эмбер с отвращением поднимает бровь.

– Ты думал, что я – одна из них?

Садек кивает.

– В последнее время они поумнели. Некоторые научились говорить. Я почти принял одну за настоящего шайтана! – Садек содрогается.

– За шайтана, значит? – Эмбер смеряет его задумчивым взглядом. – Значит, не такой уж это и рай для тебя… – Поколебавшись, она протягивает ему руку. – Ладно, пошли уже отсюда.

– Прости, что принял тебя за зомби, – повторяет он.

– При сложившихся обстоятельствах, думаю, я могу простить тебя, – изрекает Эмбер, и призрак выдергивает их обоих обратно во внешнюю вселенную.

Еще больше линий-воспоминаний сходятся в точке настоящего момента.

Империя Кольца – огромное скопление самовоспроизводящихся роботов, которых Эмбер собрала на низкой орбите Юпитера и подкармливает кинетической энергией вместе с массой маленькой луны J-47-Барни, тем самым обеспечивая стартовую платформу для межзвездного зонда, который помогают ей строить папины деловые партнеры. Здесь же – ее судебная резиденция, ведущий юридический центр внешней Солнечной системы. Эмбер здесь королева, арбитр и повелитель, а Садек – ее судья и защитник.

Истец, которого Эмбер знает только как радарную вспышку в тридцати световых минутах от нее, подал иск в ее суд, обвиняя в уйме преступлений наполовину наделенную разумом финансовую пирамиду, которая прибыла в пространство Юпитера двенадцать миллионов секунд назад и в настоящее время, похоже, настроена на преобразование всех других разумов в регионе в свой особый мем-сет. Рой контратакующих многопоточных встречных исков, утверждающих в свою очередь, что данное световое пятнышко повинно в нарушении авторских прав, патентов и кодекса коммерческой тайны, требует теперь повышенного приоритета ее внимания и рассмотрения вопроса о намерениях нарушителя.

Прямо сейчас Эмбер нет дома в Кольце, чтобы лично выслушать дела. Она оставила Садека разбираться с упрямой механикой ее правовой системы – специально выстроенной так, чтобы сделать корпоративные судебные разбирательства занозой в чьей-то заднице, – и на пару с Пьером рванула с дипломатическим визитом в другую колонию у Юпитера, в Детскую Республику. Республика, семенем которой был корабль-приют Фонда Франклина «Эрнест Алый», за четыре года выросла в шипастую снежинку трех километров в ширину, и из ее сердцевины выглядывает медленно растущий цилиндр О'Нила [97]. Большинству на космической станции меньше двух лет от роду, но, несмотря на это, они уже пополнили ряды борганизма Фонда.

На склоне холма, притулившегося на внутреннем краю вращающегося цилиндра, – площадка, вымощенная чем-то похожим на грубый мрамор. Небо – бездна тьмы в вышине, медленно вращающаяся вокруг центральной оси, выстроенной на Юпитере. Эмбер лежит в плетеном кресле, вытянув перед собой ноги и закинув руку на лоб. Изысканные яства на столах вокруг нее если не съедены целиком, то хотя бы надкусаны. Сытая и сонная, Эмбер гладит кошку, свернувшуюся у нее на коленях. Пьер не с ней – надо думать, осматривает одну из экспериментальных экосистем-прототипов, выстроенную

борганизмом из чистого интереса; но Эмбер о нем не волнуется. Она только что отлично поела, у нее нет судебных исков, о которых стоит беспокоиться, и дома все идет в установленном порядке; в общем, такое блаженное времечко стоит еще поискать.

– Ты поддерживаешь связь с отцом? – спрашивает Моника.

– Хм-м-м. – ИИНеко тихо мурлычет, и Эмбер гладит ее по боку. – Мы переписываемся по электронной почте. Иногда.

– Я просто интересуюсь. – Моника для местных боргов – истинная мамочка. Она стройная, кареглазая, и у нее умиротворяющий голос, в котором отголоски йоркширского английского перемешались с наречием Силиконовой долины. – Знаешь, я получаю от него весточки. Время от времени. Теперь, когда Джанни Виттория ушел на пенсию, ему особо нечем заняться. В общем, он подумывает перебраться сюда.

– Сюда, на перийовий? – Эмбер встревоженно открывает глаза. ИИНеко утихает и обвиняющим взглядом буравит Монику.

– Не беспокойся, – с улыбкой отвечает та. – Думаю, он не станет учить тебя жить.

– Но здесь… – Эмбер садится. – Черт, – тихо говорит она. – Что на него нашло?

– Лихорадка средних лет, как говорят мои соседи со дна гравитационного колодца. – Моника пожимает плечами. – На этот раз Аннет его не остановила. Но он еще не решился рвануть в путешествие.

– Что ж, хорошо! Тогда он, может, и не… – Эмбер замолкает. – «Не решился»? А это еще что значит?

– Он подумывает выгрузить себя.

– Да ну! – вырывается у Эмбер. – Вот это точно вряд ли. Папа выгорел.

– Он полагает, что получит запал обратно, если оптимизирует себя для новой среды. – Моника загадочно улыбается. – А я уже ему говорила, что это все, что ему нужно.

– Я не хочу, чтобы мой отец приставал ко мне. Или моя мать. Или тетя Нетти и дядя Джанни. Так, памятка иммиграционному контролю! Никаких прав на въезд для Манфреда Масха или других названных лиц без разрешения через секретаря королевы.

– Что он такого сделал, что ты так нервничаешь? – лениво спрашивает Моника.

– Ничего, – протягивает Эмбер со вздохом. – И не подумай, что я какая-нибудь тварь неблагодарная. Просто он такой экстропианец, что мне даже неловко. Вся нынешняя мода ведь считалась симптомом апокалипсиса в прошлом веке – помнишь?

– Сдается мне, в подобных вопросах он опережал все человечество, – замечает весь Фонд Франклина устами одной

Моники. Эмбер отворачивается. *А Пьер бы понял,* думает она. Пьер бы понял ее отвращение к появлению Манфреда. Пьер тоже хочет занять свою нишу, не оглядываясь на родителей, хотя и по совсем другим причинам.

– Какой вообще прок от родителей? – спрашивает Эмбер с высоты своих семнадцати суровых лет. – Даже самые продвинутые из них мыслят косно. А еще от палеолитической традиции детского рабства так никто и не отказался. Это, по-моему, антигуманно.

– Сколько же тебе было лет, когда можно было спокойно оставить тебя одну дома? – бросает вызов Моника.

– Года три! Тогда-то у меня и появились первые импланты.

– Времена меняются, – замечает Моника. – Не списывай семью со счетов сгоряча – а вдруг наступит время, когда тебе захочется снова влиться в нее?

– Все вы, старички, так говорите, – с гримасой парирует Эмбер.

Эмбер ступает на траву – и сразу чувствует, как много возможностей здесь ей доступно. Вселенная легко поддается ее управлению, и она большая, с открытыми для нее исходниками – ничего общего с экзистенциальной ловушкой Садека. Эмбер дергает за ниточки подпроцессов, возвращая своему образу практичную одежду и короткую стрижку и попутно проводя полезную диагностику. Ее преследует неприятное чувство запуска в режиме совместимости – все признаки того, что доступ к интерфейсу управления системы имитации сильно втиснут в рамки прокси-сервера, – но спасибо и на этом.

– Ух ты! Наконец-то мы вернулись в реальный мир! – Она с трудом сдерживает свое волнение, забывая даже об обиде за то, что Садек счел ее всего лишь актрисой в картезианском спектакле его театра пуританского ада. – Смотри-ка! Демилитаризованная зона!

Они – на травянистом холме, откуда открывается вид на сверкающий город в стиле Средиземноморья. Он дремлет под смахивающим на фрактал Мандельброта не-Солнцем, зависшим в центре гиперболического пейзажа, который исчезает в кажущейся неодолимо далекой синеве. Круглые голубоватые кротовины открываются в стенах этого мира через равные промежутки времени, соединяясь с другими частями пространства-многообразия.

– Призрак, а насколько велика зона? В эквивалентах планетарного моделирования.

– Данная демилитаризованная зона – это встроенная

реальность, она направляет все передачи между роутером местной звездной системы и цивилизацией, которая построила его. Зона использует порядка одной тысячной мощности матрешечного мозга, частью которого является, хотя вышедшая из-под контроля утечка и перетянула в настоящий момент очень много мощности на себя. Кстати, вам знакомо понятие «матрешечный мозг»? – с суетной педантичностью осведомляется призрак.

Садек качает головой. Эмбер искоса смотрит на него.

– Берем все планеты звездной системы и разбираем их, – объясняет она. – Обращаем их в пылевой нанокомпозит, питающийся от теплообменников и распространяющийся по концентрическим орбитам вокруг центральной звезды. Внутренние орбитали разогреты до температуры, близкой к точке плавления железа, внешние – холодны, как жидкий азот, и каждый слой поглощает отработанное тепло следующей оболочки. Это как русская кукла, только сделанная из сфер Дайсона: оболочка, заключающая оболочку, заключающая еще одну оболочку. Пусть она и не предназначена для поддержания человеческой жизни, это компьютроний, материя, оптимизированная на атомарном уровне для вычислений, и все они работают с выгрузками – папа вот полагал, что наша собственная Солнечная система может поддерживать примерно в сто миллиардов раз больше жителей, чем Земля. По самым скромным подсчетам. Но – только в качестве выгрузок, живущих в симуляционном пространстве. Надо только разобрать все планеты и построить из полученного материала матрешечный мозг.

– Вот оно что. – Садек задумчиво кивает. – Вы именно это хотели сказать? – Вопрос его обращен к светящейся точке, которой призрак обозначает свое присутствие.

– По существу, – отвечает точка почти неохотно.

– По существу? – Эмбер оглядывается. *Миллиард неисследованных миров*, думает она, чувствуя, как голова идет кругом, *и это всего лишь роутер?* И все же – ей никак не удается отделаться от ощущения, будто здесь что-то не так.

Да, нужно быть чем-то бóльшим, чем человек, просто чтобы голова не пошла кру́гом от больших чисел, описывающих здешний размах. Но во всем происходящем нет ничего принципиально непостижимого. Отец говорил, что в такой цивилизации доведется жить ей самой спустя время, меньшее срока существования ее биологического тела. Но одно дело Земля 2020-х: отец с друзьями, распевающие «Разберите Луну! Раскрошите Марс!» в замке под Прагой в ожидании результатов бесстыже подтасованных выборов, Партия Космоса и Свободы,

пробивающаяся в лидеры в ЕС и выходящая на вторую космическую скорость; совсем другое – древняя инопланетная цивилизация в килопарсеках от дома. Где экзотическая ультранаука? Как насчет нейронных звезд, сверхплотных солнц из странной материи, структурированной для вычислений не на атомных и электронных, а на ядерных скоростях? *Не нравится мне все это,* думает Эмбер и генерирует копию себя, чтобы та установила канал личной связи с Садеком. [*Как-то слабенько они развиты*], отправляет она ему. [*Как думаешь, могут ли эти парни быть кем-то вроде вуншей? Паразитами или неумехами, ловящими чью-то технологическую попутку?*]

[*Думаешь, он лжет нам?*], отвечает вопросом на вопрос Садек.

– Хм-хм. – Эмбер спускается вниз по склону к площади в самом сердце виртуального города. – Как-то это все слишком по-человечески.

– Разве род человеческий не вымер? – спрашивает Садек с тоской в голосе.

– Ваш вид устарел, – самодовольно комментирует призрак. – Неверно адаптирован к искусственным реальностям. Плохо оптимизированные цепи, усложненные узкополосные сенсоры, неразбериха в глобальных переменных…

– Да-да, я все поняла, – говорит Эмбер, переключая свое внимание на город. – Так почему же ты думаешь, что мы сможем справиться с этим инопланетным божеством, на которого у тебя зуб?

– Он сам звал вас, – говорит призрак, сужаясь от эллипса до линии, а затем сжимаясь в безразмерную блистающую точку. – И вот он идет сюда! Мы-я не хотим рисковать быть разоблаченными. Позови нас-меня, когда одолеешь дракона. До встречи!

– О, черт. – Эмбер резко оборачивается, но призрака больше нет – только она и Садек остались под изливающимся с неба жаром солнца. Площадь, как и та, что была в Детской Республике, очаровательно проста; но в городе нет никого и ничего, кроме узорчатых чугунных скамеек под ярким полуденным солнцем, стола с солнечным зонтом над ним и чего-то пушистого, разлегшегося рядом в пятне солнечного света.

– Похоже, мы пока одни, – говорит Садек. Он криво улыбается, потом указывает на стол. – Может, просто подождем прибытия нашего монстра?

Эмбер озирается по сторонам.

– Призрак его вроде как боится. Интересно почему?

– Он сам напросился к нам. – Садек придвинул к себе стул и

осторожно уселся. – Это может быть очень хорошая новость… или очень плохая.

– Хм. – Эмбер заканчивает осмотр – и не находит никаких признаков жизни. Не зная, как быть, она садится за пикниковый столик напротив Садека. Он будто бы нервничает под ее пристальным взглядом, но, возможно, это просто смущение из-за того, что увидел ее в исподнем. *Если бы у меня была такая загробная жизнь, я б тоже смутилась*, думает Эмбер про себя.

– Эй, ты чуть не наступила на… – Садек замирает, удивленно глядя на что-то у левой ступни Эмбер. Потом он широко улыбается. – А ты что тут делаешь? – спрашивает он у слепого пятна в ее поле зрения.

– С кем это ты говоришь? – спрашивает она ошарашенно.

[*Со мной, тупица*], отвечает по внутреннему каналу кто-то подозрительно знакомый. [*Эти хероплеты, я смотрю, решили поднапрячь тебя, чтобы выдворить меня? М-да, высший балл*.]

– Кто это? – Эмбер прищуривается, глядя на брусчатку, генерируя толпу привидений и посылая их исследовать ключи модификации реальности. Слепое пятно ни на что не реагирует, оставаясь все таким же неосязаемым. – Ты – тот монстр-пришелец?

– А ты что подумала? – спрашивает слепое пятно с откровенной издевкой. – Что я – кошка твоего папаши? Ну да, это я. Сколько лет, сколько зим. Не хочешь свалить отсюда?

– Эм-м-м-м. – Эмбер осторожно протирает глаза. – Прости, но я тебя что-то не вижу. Ты где хоть? Мы… мы что, знакомы? – Странное чувство *знакомости* голоса из слепого пятна не оставляет ее: потеряно будто бы что-то важное и близкое, но что именно – ответа собственное самоощущение не дает. Память не откликается.

– О да, детка. – В не-голосе, доносящемся из туманного пятна на земле, слышится нотка уставшего от мира веселья. – Они взломали тебя крепко, и тебя, и этого чухана рядом с тобой. Дай контроль мне, и я все живенько поправлю.

– Ну нет! – восклицает Эмбер, опережая удивленно смотрящего на нее Садека. – Ты же чертов опасный пришелец!

– Ага, точно такой же, как и ты. Ну вспоминай давай уже. Мы сюда вместе с тобой, если что, явились! Вот только я, в отличие от тебя, не намерена позволять корпоративным призракам-идиотам пользоваться мной как универсальной разменной монетой.

– Разменной? – переспрашивает Садек. – Да я же тебя знаю! – Его лицо озаряет свет всепоглощающего изумления. – О чем ты толкуешь?

Слепое пятно зевает, обнажая острые белоснежные клыки. Эмбер трясет головой, пытаясь прогнать галлюцинацию.

– Дай-ка угадаю. Ты проснулась в комнате, этот инопланетный засранец тебе сказал, что человеческий вид вымер, и попросил что-нибудь со мной сделать – верно?

Эмбер кивает, чувствуя, как по спине проползает холодок.

– Он лжет? – спрашивает она.

– Ну ясен пень. – Теперь слепое пятно улыбается, и улыбка в пустоте уже никуда не девается – Эмбер взаправду ее видит, ее – но не тело, которому улыбка принадлежит. – По моим прикидкам, мы в шестнадцати световых годах от Земли. Вунши тут давеча прошли, порылись в помойке, да и свалили черт знает куда. Такая тут дыра, ты бы знала. Основная местная форма жизни – раздутая корпоративная экосфера, населенная плодящимися тут и там юридическими инструментами. Они обчищают проходящих мимо разумных существ и используют их как валюту. – Следом за улыбкой проявляется треугольная голова, глаза-щелочки и остроконечные уши – рожица хищная и до одури чуждая, но явно разумная; стоит Эмбер оглянуться на площадь, как силуэт неведомого существа проступает где-то с краю в поле зрения.

– Хочешь сказать, когда мы сюда пришли, нас схватили и покромсали нам память? – Эмбер вдруг понимает, что ей невероятных усилий стоит сосредоточиться. Но если взять за отправную точку улыбку, можно *почти* различить и все тело за ней. Существо похоже на… на мохнатого паука? Только с хвостом, аккуратно свернутым у передних лап.

– Ага. Вот только они не знали, что встретят кого-то вроде меня. – Улыбка знай себе растет в ширину – и мерцает, словно мираж в дрожащем мареве. – Хакерские причиндалы твоей маман самосовершенствуются, Эмбер. Помнишь Гонконг?

– Гонконг! – Миг безболезненного давления – и Эмбер ощущает, как со всех сторон падают гигантские невидимые барьеры. Она оглядывается и наконец видит площадь такой, какая она есть. Половина команды «Странствующего Цирка» тревожно ожидает ее появления, ухмыляется ИИНеко, свернувшаяся на полу у ее ног, а неимоверные массивы-стены автоусложняющихся данных отгораживают их маленький городок от зияющих дыр – интерфейсов к прочим роутерам в сети.

– С возвращением, – серьезно говорит ей Пьер, когда Эмбер, взвизгнув от удивления, наклоняется и берет кошку на руки. – Теперь, когда ты выбралась из застенков, давай-ка поразмыслим: как нам вернуться домой?

Добро пожаловать в шестую декаду третьего тысячелетия.

На самом деле придерживаться старой системы отсчета дат больше не имеет смысла – один-другой миллиард людей, что по-прежнему обитает в биологических телах, все еще заражены вирусными мемами, но основы теоцентрической датировки нокаутированы. По старому отсчету на дворе пятидесятые, но что это означает для каждого отдельно взятого – определяется скоростью хода реальности индивидуума, а она у различных выгруженных видов, распространившихся по Солнечной системе, различается на целые порядки. Для кого-то 2049-й случился еще вчера, а для других – по их собственному отсчету – уже минула тысяча веков.

И ныне, пока «Странствующий Цирк» стоит на приколе у инопланетного роутера на орбите коричневого карлика Хёндай $^{+4904}/_{-56}$, пока Эмбер с командой на другом конце этой червоточины силятся выбраться из сети безумно обширных инопланетных мыслительных сред, пока все это продолжается своим чередом, – чертовы идиоты-люди все же преуспели в том, чтобы сделаться устаревшими. Непосредственной причиной смещения с поста венца творения (или венца телеологического самостроения – как посмотреть на эволюционную биологию) стало нашествие самосознающих корпораций. Комбинация международного торгового права и нейронной архитектуры привела к появлению совершенно нового семейства видов, быстрых и смертоносных корпоративно-сетевых хищников, и даже само словосочетание «умные деньги» приобрело абсолютно новый смысл.

Меркурий давно исчез, разобранный сообществом дельцов, а Венера, на которую направили собранный и концентрированный солнечный свет, взорвалась и превратилась в плавучее скопление обломков. Миллион миллиардов медуз-нанокомпьютеров, каждый размером с кулак, ныне обращаются вокруг Солнца внутри бывшей орбиты Меркурия, их обратные стороны сияют ярко-алым, стравливая вычислительный жар. Миллиарды людей, оставшихся в биологических телах, отказываются иметь всякое дело с богохульной новой реальностью. Многие их идейные лидеры нарекли выгрузки и искусственные интеллекты «бездуховными машинами». Большинство из них робки и лелеют мемы самосохранения, усиливающие до паранойи некогда здоровое отвращение к «мыслевидящим» роботам, что насквозь зондируют сознание. Продажи шапочек из алюминиевой фольги достигли своего исторического максимума. Однако сотни миллионов людей уже обменяли биологические кукольные тела на машины мысли, и число таковых стремительно растет. Через несколько лет биологическая популяция станет абсолютным

меньшинством в числе постлюдей. А еще через некоторое время, вероятно, произойдет война. Обитатели мыслеоблака голодны и жаждут больше пассивной материи на переработку, а биологические тела неэкономичны в вопросах пользования залежей кремния и редкоземельных элементов, то есть планеты Земля.

Солнечная система завершает фазовый переход, движущими силами которого являются энергия и мысль. Показатель MIPS в секунду на килограмм суммарной массы находится на крутой части верхней ветви сигмоидальной кривой – дети мысли и их прожорливые наномеханические слуги реструктурируют все на своем пути, и пассивная материя оживает. Мыслеоблако, формирующееся вокруг Солнца, в конце концов станет кладбищем биоэкологии – знаком, издалека видимым в космосе всем, кто уже добрался до железного века, построил телескопы и способен понять наблюдаемую картину смертных мук пассивной материи и зарождения вложенной обитаемой реальности, просторнее и быстрее старой галактики. Агония биома знаменует вымирание биологической жизни – *всех* ее форм – в радиусе приблизительно светового года от звезды в течение нескольких сотен лет. Величественный мозг-матрешка хоть и является венцом разумной культуры, при этом – бесконечно враждебная среда для любой биологической жизни.

Пьер, Донна Всевидящее Око и Сю Ань рассказывают Эмбер о том, что обнаружили на базаре, – так они окрестили среду, которую призрак называет демилитаризованной зоной – за ледяной «Маргаритой», в отличной симуляции питейного заведения. Свобода обретена ими довольно давно: вот уже несколько лет как. Эмбер предстоит усвоить от них целую гору сведений.

– Физический слой имеет диаметр в половину светового часа, и еще он в четыреста раз больше массы Земли, – объясняет Пьер. – Конечно, он не сплошной – его самый большой компонент примерно такого же размера, как мой кулак.

Эмбер сощуривается, пытаясь вспомнить, насколько это много – масштабные факторы трудно воскресить в памяти в точности.

– Я тут повстречал одного старого чат-бота, который сказал, что он пережил свою первоначальную звезду, но я не уверен, что у него все дома. В любом случае если это правда, то мы находимся на расстоянии трети светового года от тесно связанной двойной системы – они используют орбитальные лазеры размером с Юпитер, чтобы питать ее, не приближаясь

слишком близко ко всем этим мерзким гравитационным колодцам.

Эмбер пугается, несмотря на свой здравый смысл, потому что этот причудливый базар в несколько сотен миллиардов раз больше, чем вся человеческая цивилизация. Она старается не показывать этого перед другими, но ее беспокоит, что возвращение домой может запросто оказаться замыслом, уходящим за горизонт экономических событий – сродни плану обогащения при помощи долларового вклада со стартовым капиталом в десятицентовую монетку. И все же она должна хотя бы попытаться. Само знание о существовании базара столь многое меняет…

– А сколько денег мы можем за себя выручить? – спрашивает она. – Что по здешним меркам вообще – деньги? Если предположить, что у них опосредованная дефицитом экономика… пропускная способность, быть может?

– Что ж. – Пьер как-то странно смотрит на нее. – Тут-то собака и зарыта. Тебе что, призрак ни о чем не рассказал?

– Ну, ему ведь не стоит очень-то доверять, разве нет? – Эмбер приподнимает бровь.

– Скажи ей, – тихо говорит Сю Ань и отворачивается, будто чем-то смущенная.

– У них взаправду экономика дефицита, – говорит Пьер. – Пропускная способность – это ограниченный ресурс; это-то и имеет значение. Вся эта цивилизация связана между собой локально, потому что, если отойдешь слишком далеко – потом целый век будешь новостей ждать. Обитатели мозгов-матрешек гораздо большие домоседы, чем кто-либо предполагал, – даже если много болтают по телефону. И они используют все, что к ним попадает из других когнитивных вселенных, в качестве, скажем так, валюты. Все мы прошли через щель для монеток – так стоит ли удивляться, что оказались в итоге в банке?

– Это так неправильно, что я не знаю, с чего начать, – ворчит Эмбер. – Как же они до этого маразма додумались?

– Меня не спрашивай. – Пьер пожимает плечами. – У меня отчетливое ощущение, что все разумное, что мы встретим в этом месте, будет иметь не больше понятия, чем мы сами: кто бы или что бы ни построило этот мозг, тут больше никого нет, кроме самодвижущихся корпораций и всяких залетных ребят вроде вуншей. Свет включен, но дома никого.

– Хочешь сказать, они сначала возвели эту махину, а потом вымерли? Глупо как-то звучит…

Сю Ань вздыхает.

– Они стали слишком большими и сложно устроенными,

чтобы перемещаться по ими же построенному – на первый взгляд просторному – чертогу. Вымирание обычно постигает те организмы, что стали слишком узкоспециализированными и застряли в какой-то отдельно взятой экологической нише. Если сингулярность предполагает максимизацию локальных вычислительных ресурсов как очень вероятное конечное состояние видов, использующих сложный инструментарий, разве удивительно, что никто из них так и не воззвал к нам?

Эмбер сосредоточилась на столе перед собой, положила ладонь на холодный металл и попыталась вспомнить, как сделать копию вектора своего состояния. Через мгновение ее привидение услужливо балуется с физической моделью стола. Сталь поддается под рукой как резина, приятная и эластичная.

– Ладно, у нас есть некоторый контроль над вселенной – по крайней мере, есть с чем работать. Кто-нибудь из вас пробовал что-нибудь изменить под себя?

– Это небезопасно, – твердо заявляет Пьер. – Чем больше нас соберется, тем лучше будет, когда мы начнем что-то такое делать. И нам нужно устроить что-нибудь наподобие персонального сетевого фильтра. Выстроить защитную стену.

– Как глубоко здесь проработана реальность? – спрашивает Садек; вопрос едва ли не самый первый за все время, заданный им по собственной воле, и Эмбер воспринимает его как добрый знак: наконец-то рак-отшельник показал голову из ракушки.

– Планковская длина в их мире составляет где-то сотую долю миллиметра. Слишком маленькая для наблюдения, но достаточно велика, чтобы с ней справились имитационные движки. Совсем не то, что в реальном пространстве-времени.

– Ну тогда, – Садек делает паузу, – они могут масштабировать свою реальность, если им это нужно?

– Верно, фракталы здесь работают. – Пьер кивает. – Но сам я не пробовал.

– Это место – ловушка, – решительно припечатывает Сю Ань.

– Не согласен, – раздраженно замечает Пьер.

– В смысле – «ловушка»? – уточняет Эмбер.

– Мы здесь уже давно, – говорит Ань и бросает взгляд на ИИНеко: та растянулась на каменных плитах и не то дремлет, не то, как и положено пост-человеческому существу низшего порядка, имитирует сон. – После того как Неко освободила нас, мы изучили обстановку. Есть тут всякие страшные штуки. – Она вздрагивает. – Люди не могут выжить в большинстве здешних симуляционных сред. Тут есть вселенные с физическими моделями, которые не поддерживают наш вид нейронных вычислений. Можешь перейти туда, но тогда придется

перенестись на совершенно новый тип логики – к тому времени, когда ты это сделаешь, будешь ли ты прежней собой? Однако существует и достаточное количество сред примерно такой же сложности, как мы, и они наглядно доказывают – тут больше не живут первоначальные хозяева. Только низшие формы жизни копаются в кучке обломков. Черви и паразиты ползают по укромно похороненному телу.

– Я натыкалась на вуншей, – вворачивает Донна. – Первые пару раз они съели моего призрака, но в конце концов я поняла, как с ними разговаривать.

– Есть и другие инопланетяне, – мрачно добавляет Сю Ань. – Все как один – совсем не те ребята, с которыми комфортно повстречаться в темной подворотне.

– Значит, нет никакой надежды установить контакт, – резюмирует Эмбер. – Тут уже нет высших форм жизни, благосклонных по отношению к нашим визитам.

– Наверное, так и есть, – соглашается Пьер. Похоже, своим же словам он ни капельки не рад.

– Все мы застряли в карманной вселенной с ограниченной пропускной способностью до дома и кучкой сумасшедших обитателей трущоб, которые переехали в заброшенную и потихоньку приходящую в упадок виллу и хотят использовать нас в качестве валюты. Бог ты мой, ну и срань. Я правильно все поняла?

– Правильно. – Сю Ань выглядит подавленной.

– Что ж! – Эмбер задумчиво смотрит на Садека. Тот таращится вдаль – на безумное бесконечное солнечное пятно, заселяющее площадь тенями. – Прием, птичка божья! У меня к тебе вопрос.

– А? – Садек несколько ошалело смотрит на нее. – Простите, у меня такое чувство… будто поверх одной удавки на горле еще одну затягивают, да потуже.

– Не оправдывайся. – Эмбер улыбается не самой приятной улыбкой. – Ты хоть раз в Бруклине бывал?

– Нет. А к чему это?

– К тому, что ты поможешь мне продать здешним ушлепкам Бруклинский мост. Как вам такая идея? А когда мы его продадим, попросим кого-нибудь из местных дурней нас до дома прокатить. Послушайте, что я тут придумала…

– Думаю, у меня получится, – говорит Садек, мрачно рассматривая бутылку Клейна на столе. Бутылка наполовину пуста, и ее жидкое содержимое незримо, спрятанное около изгиба четырехмерного резервуара. – Я проторчал здесь достаточно

времени, чтобы… – На этом моменте он вздрагивает.

– Я не хочу, чтобы ты причинил себе вред, – говорит Эмбер достаточно спокойно, потому что у нее есть зловещее чувство, что их выживание в этом месте имеет свой срок годности.

– О, не бойся. – Садек криво усмехается. – Одна карманная преисподняя, как по мне, от другой едва ли отличается.

– Ты же понимаешь, почему…

– Да-да, – бросает он небрежно. – Мы не можем посылать туда копии самих себя, это было бы отвратительно. Он должен быть ненаселенным, да?

– Ну, идея в том, чтобы доставить нас самих домой, а не оставлять тысячи наших копий запертыми в карманной вселенной здесь… разве не так? – неуверенно спрашивает Сю Ань. Она выглядит рассеянной: львиная доля ее внимания сконцентрирована на заборе опыта у дюжин привидений, которых она породила, чтобы позаботиться о безопасности по периметру их ставки.

– А кому мы все это продаем? – спрашивает Садек. – Если хочешь, чтобы я выставил товар максимально привлекательным…

– Это необязательно должна быть полная копия Земли. Просто сляпай убедительный рекламный проспектик предсингулярной человеческой цивилизации. У тебя – семьдесят два зомби в распоряжении, вот и вскопай им мозги, соедини вместе кучу применимых к ним переменных и перемешай, чтобы они выглядели немного более разнообразными.

Эмбер обращает свое внимание на дремлющую кошку.

– Эй, пушистый комок, как долго мы здесь находимся на самом деле, в реальном, так сказать, времени? Можешь ли ты стащить побольше ресурсов для Садека и его райского сада?

ИИНеко потягивается и зевает, совершенно натурально, по-кошачьи, и обращает к Эмбер прищуренный, абсолютно кошачий, взгляд, поводя торчащим трубой хвостом.

– Около восемнадцати физических минут. – Кошка снова потягивается и садится, чопорно сложив передние лапы и обвив их хвостом. – Призраки наседают, понимаешь? Не думаю, что смогу сдерживать их слишком долго. Они не очень хорошо умеют взламывать людей, но я думаю, что пройдет немного времени, и они создадут-таки новую копию тебя, которая будет более предрасположена к их стороне.

– Не понимаю, почему они не ассимилировали тебя вместе с остальными.

– Опять-таки вини свою мамашеньку – это она постоянно обновляет код управления цифровыми правами на мою личность. «Незаконное сознание – это кража авторских прав» – отстойный

постулат ровно до тех пор, пока инопланетянин не хочет перемонтировать тебе задний мозг с помощью отладчика; тогда-то он и спасает вам жизнь. – Неко опускает глаза и начинает вылизывать лапу. – Я могу дать вашему мулле около шести дней в субъективном времени. После этого все ставки отменяются.

– Тогда я берусь. – Садек встает. – Спасибо тебе. – Он улыбается ИИНеко и растворяется, оставляя за собой улыбку, полупрозрачную и повисающую в искусственном воздухе эхом. Священник возвращается в свою башню, но в этот раз с замыслом и планом на уме.

– Значит, остались только мы. – Сю Ань смотрит на Пьера, потом снова на Эмбер. – Кому ты собираешься втюхать этот безумный план?

Эмбер откидывается назад и улыбается. Позади нее Донна, чья аватарка обрела вид архаичной кинокамеры, подвешенной под моделью летучего дрона, снимает весь разговор для потомков. Эмбер лениво кивает репортерше:

– Именно она подала мне эту идею. Кто из наших знакомых настолько глуп, чтобы купиться на такую аферу?

Пьер подозрительно смотрит на нее.

– Кажется, мы это уже проходили, – медленно произносит он. – Ты же не собираешься снова заставить меня кого-нибудь убить?

– Не думаю, что это будет нужно, если только корпоративные призраки не почуют, что мы собираемся слинять от них… и не настолько жадные, чтобы захотеть убить нас.

– Вот видишь, с прошлого раза она научилась, – комментирует Ань, и Эмбер кивает. – Больше – никаких недоразумений, верно?

Эмбер лучезарно улыбается ей в ответ.

– Верно. И именно поэтому ты, – она указывает на Пьера, – пойдешь и узнаешь, нет ли здесь каких-нибудь вуншевских пережитков. Я хочу, чтобы ты сделал им предложение, от которого они не смогут отказаться.

– А сколько стоит одна только цивилизация? – спрашивает Слизень.

Пьер задумчиво смотрит на него. На самом деле это не земной моллюск: слизни на Земле не достигают двух метров в длину и не имеют кружевных белых экзоскелетов, чтобы держать их шоколадного цвета плоть в форме. Но ведь это и не тот инопланетянин, каким кажется. Это – неплатежеспособный корпоративный инструмент, который замаскировался под давно вымершую инопланетную загрузку в надежде, что его кредиторы

не узнают его, если он выглядит как случайно развившийся разумный индивид. Один из застрявших членов экспедиции Эмбер наладил контакт с ним пару субъективных лет назад, исследуя разрушенный город в центре брандмауэра. Теперь Пьер здесь, потому что Слизень, кажется, наиболее многообещающ. Последнее слово здесь самое важное, так как обещаний от пришельца много, а вот есть ли под ними нечто веское – хороший вопрос.

– Сама цивилизация не продается, – медленно произносит Пьер. Интерфейс перевода мерцает, накапливая его слова и преобразуя их в другую глубокую грамматику, не просто переводя его синтаксис, но и сопоставляя эквивалентные значения там, где необходимо. – Но мы можем предоставить вам привилегированный статус наблюдателя, если вы этого хотите. И мы знаем, кто вы такой. Если вы заинтересованы в том, чтобы найти новую биржу для торговли, ваши существующие активы интеллектуальной собственности будут стоить гораздо больше там, чем здесь.

Разбойничья корпорация слегка встает на дыбы и собирается в более толстый комок. Ее кожу усыпают красные пятна.

– Требуется время для размышления. А ваш обязательный учетный временной цикл является фиксированным или переменным сроком? И могут ли самостоятельные юрлица заключать договоры?

– Могу спросить своего патрона, – небрежно говорит Пьер. Он подавляет приступ тоски. Он все еще не уверен, где они с Эмбер находятся, но их отношения гораздо больше, чем просто деловые, и он беспокоится о риске, на который она идет. – У моей покровительницы – юрисдикция, в пределах которой она может изменить корпоративное право, чтобы удовлетворить ваши требования. Ваша деятельность в более широком масштабе может потребовать подставных компаний, – последнее понятие эхом отдается ему в переводе как «*организмов-хозяев*», – но об этом можно позаботиться.

Переводческая мембрана некоторое время колеблется, очевидно формулируя заново некоторые более абстрактные понятия таким образом, чтобы корпорация могла их понять. Однако Пьер вполне уверен, что Слизень примет это предложение. Когда он впервые встретился с ними, он хвастался своим контролем над оборудованием роутера на самых низких уровнях, но также жаловался на протоколы брандмауэра, блокировавшие отход (прежде чем довольно грубо попытаться съесть своего собеседника). Пьер смиренно ждет, оглядывая болотистый ландшафт илистых отмелей, перемежающихся

зарослями колючих фиолетовых папоротников. Слизень должен быть в отчаянии, чтобы принять причудливое предложение, которое Эмбер разработала специально под него.

– Звучит интересно, – объявляет он после краткой подтверждающей перебранки с мембраной. – Если я поставлю подходящий геном, вы сможете настроить для него контейнер?

– Думаю, да, – осторожно отвечает Пьер. – А вы, со своей стороны, предоставите нам необходимую энергию?

– От ворот? – На мгновение переводческая мембрана галлюцинирует человечком из палочек, пожимающим плечами. – Да запросто. Ворота все квантово запутаны: светишь когерентным излучением в одни, собираешь его из других. Только сначала вытащите меня из этого брандмауэра.

– А как же задержка из-за скорости света?

– Не проблема. Вы идете первыми. Пассивный инструмент, который я оставляю здесь, покупает мощность и отправляет ее вслед. В рамках госаппарата, управляющего Вселенной 1.0, сеть роутеров синхронна. Скорость распространения сообщений равна скорости света в вакууме, но червоточины сокращают дистанцию на расстояние между узлами. В передаче без потерь весь смысл сети. Кто доверит сознание каналу сообщения, который может частично рандомизировать его содержимое в процессе переноса?

Пьер закатывает глаза, пытаясь понять значение космологии слизняка. Но на самом деле времени нет – здесь и сейчас у них осталось порядка минуты физического времени, чтобы все уладить, если ИИНеко права; всего лишь минута до того, как разъяренные призраки начнут пытаться проникнуть в демилитаризованную зону грубо и без смазки.

– Если вы хотите попробовать это, мы будем рады помочь вам, – говорит он, думая о скрещенных на удачу пальцах, талисманах – кроличьих лапках – и надежных брандмауэрах.

– Договорились, – переводит ему ответ Слизня мембрана. – Теперь мы обмениваемся акциями / плазмидами / собственностью? После полного слияния?

Пьер пристально смотрит на Слизня:

– Но это же деловое соглашение! – протестует он. – При чем тут секс?

– О, приношу свои извинения. Какая-то ошибка перевода. Вы сказали, что это будет слияние компаний?

– Не в *таком* смысле. Это же контракт. Мы соглашаемся взять вас с нами. В ответ вы помогаете нам заманить вуншей в домен, который мы сооружаем для них, и настраиваете роутер на другом конце…

И так далее, и тому подобное.

Кое-как собравшись с духом, Эмбер вспоминает адрес, который дал ей призрак для загробной вселенной Садека. По ее собственному субъективному времени прошло уже около получаса с тех пор, как он ушел.

– Идешь? – спрашивает она кошку.

– Не думаю, что стоит, – говорит Неко и смотрит в сторону, блаженно безразличная.

– Ну приехали. – Эмбер напрягается, а затем открывает портал в карманное лимбо Садека.

Как и в прошлый раз, она оказалась внутри дома, стоящей на богато украшенном мозаичном полу в комнате с побеленными стенами и остроконечными окнами. Но в этот раз есть что-то еще, и спустя мгновение она понимает, что именно. Шум машин снаружи, воркование голубей на крышах, чей-то крик через улицу: здесь есть *люди*.

Она подходит к ближайшему окну и смотрит на улицу, потом отшатывается. На улице очень жарко. Пыль и дым висят в воздухе цвета цемента над грубо обработанными бетонными жилыми домами, их крыши усажены спутниковыми тарелками и безвкусными кричащими светодиодными рекламными панелями. Глянув вниз, она видит мотороллеры, автомобили – грязные, питающиеся ископаемым топливом бегемоты, тонны стали и огня в движении, несущие только одного человека: соотношение масс хуже, чем у допотопной ракетной установки. Пестро одетые люди расхаживают туда-сюда. Над ее головой пыхтит новостной геликоптер, ощупывая линзами объективов сверкающий поток машин.

– Совсем как дома, правда? – говорит Садек из-за ее спины.

Эмбер вздрагивает.

– Это здесь ты вырос? Это и есть Йезд?

– В реальном мире он больше не существует. – Садек выглядит задумчивым, но куда более оживленным, чем та едва наделенная самосознанием пародия на себя самого, какую она вытащила из этого здания всего несколько субъективных часов назад. Он улыбается: – Наверное, это хорошо. Его начали сносить уже тогда, когда мы только-только готовились к отбытию, понимаешь?

– Тут все так подробно проработано. – Эмбер разветвляет свои глаза и отправляет их маленькими виртуальными отражениями танцевать на улицах иранского промышленного пригорода. Над головой рассекают небесный простор огромные аэробусы, развозящие паломников на хадж, туристов – на побережные курорты Персидского залива, а прибыль – на

зарубежные рынки.

– Лучшее время, какое только вспомнить могу, – произносит Садек мечтательно. – Хотя тогда я провел здесь не так уж много дней, учился в Куме и Казахстане, готовился к полетам в космос, но это было в начале двадцатых годов. После Смуты, после свержения хранителей… это была молодая, энергичная, очень либеральная страна, полная оптимизма и веры во власть народа. Всего того, чего уже не было в других местах.

– А я-то думала, демократия для вас в новинку.

– Зря. – Садек качает головой. – Ты же знаешь, что в девятнадцатом веке в Тегеране были восстания сторонников демократии? Нет? Вот почему первая революция… а впрочем, ладно. – Он делает резкий жест. – Политика и вера – горючее сочетание. – Он хмурится. – Но ты оцени – это то, что нам требуется?

Эмбер вспоминает свои распределенные глаза – некоторые из них улетели за тысячу километров от ее локуса – и сосредотачивается на том, чтобы сложить свои впечатления от созданной Садеком симуляции.

– Выглядит убедительно. Но не чересчур.

– Такова и была моя идея.

– Ну, раз так… – Она улыбается. – Это только Иран? И оставлял ли ты им простор для роста?

– Я-то? – Он кривит бровь. – У меня и вопрос моральности этого… *проекта* вызывает достаточно сомнений, что уж говорить о вторжениях на территорию Аллаха, мир имени Его. Уверяю, здесь нет разумных живых существ, кроме нас. Люди – пустые оболочки из моих снов, манекены с витрин магазинов. Животные – грубые растровые изображения. Об этом ты и просила – ничего сверх тут нет.

– Ну раз так… – Эмбер делает паузу. Она вспоминает выражение перепачканного грязью лица маленького мальчика, бросающего мяч своим товарищам у заколоченного фасада заправочной станции на пустынной дороге; вспоминает оживленную болтовню двух синтетических домохозяек: одна в традиционной черной одежде, а другая в каком-то импортном ширпотребе. – А ты уверен, что они ненастоящие? – спрашивает она.

– Совершенно. – Но на мгновение тень сомнения все же проскальзывает по его лицу. – Ну что, пойдем? Оккупанты готовы к заселению?

– Пьер их уже окучивает. Пошли, конечно. Мы же не хотим, чтобы нас затоптали тут скваттеры. – Она машет рукой и отворяет дверь обратно на площадь, где спит ее кошка – кошмарный Чужой

из демилитаризованной зоны, преследующий сверхразумных мышек-сновидцев в многомерных реальностях. – Порой я задаюсь вопросом, есть ли сознание у меня самой. От одних мыслей – мурашки по коже. Но ладно. Пора впарить инопланетянам наш Бруклинский мост.

С обманщиком-призраком Эмбер встречается в отсеке без окон, стянутом прямиком из «Космической одиссеи 2001».

– Вы заключили монстра в тюрьму, – заявляет призрак.

– О да. – Эмбер ждет субъективное мгновение, чувствуя, как на краешке сознания деликатными щупальцами скребется что-то вроде попытки взлома по временному каналу. Она тут же чувствует непреодолимое желание чихнуть и горячую вспышку гнева, которая проходит почти сразу же.

– И ты изменила себя, чтобы блокировать внешний контроль, – добавляет призрак. – Чего же ты хочешь, индивидуум по имени Эмбер?

– А у вас что, нет никакого понятия об индивидуальности? – спрашивает она, злясь на его самонадеянные вмешательства в ее внутренние состояния.

– Индивидуальность есть ненужный барьер для передачи информации, – произносит призрак, превращаясь в свою первоначальную форму, полупрозрачное отражение ее тела. – Она снижает эффективность капиталистической экономики. Замечу, что крупный блок демилитаризованной зоны нам-мне по-прежнему недоступен. Ты уверена, что победила этого монстра?

– На все сто, – молвит Эмбер, заставляя голос звучать увереннее собственных чувств. Порой ее проклятая трансгуманистская кошка-робот не более предсказуема, чем обычная зверюга из плоти и крови. – Теперь встает вопрос об оплате…

– Оплата! – Похоже, призрак развеселился. Но Пьер рассказал ей, на что следует обращать внимание, и теперь Эмбер может видеть переводящие мембраны собеседника. Цветовой сдвиг показывает, что семантическая дистанция колоссальна. Существо кажется призрачной копией ее самой, но на самом деле в нем не сыскать даже самого отдаленного сходства с человеком. – Какая от меня-нас нужна оплата в местном торговом эквиваленте за предоставленные услуги?

Эмбер выдает с улыбкой:

– Мы хотим открытый канал назад к роутеру, откуда мы прибыли.

– Невыполнимо, – выпаливает призрак.

– Хотим открытый канал, который будет устойчив в течение

шестисот миллионов секунд нашего прохождения по нему.

– Невыполнимо!

– Мы можем предложить вам целую цивилизацию, – мягко замечает Эмбер. – Целую нацию людей, миллионы индивидуальных особей. Просто дайте пройти – и мы всё для вас устроим.

– Вы… так, пожалуйста, подождите. – Призрак слегка мерцает, становясь размытым по краям. Пока он советуется с другими узлами, Эмбер открывает личный канал к Пьеру.

[*Вунши уже на месте?*], пересылает она.

[*Перебираются*], отвечает Пьер. [*Они, на наше счастье, не помнят, как мы с ними обошлись на борту «Странствующего Цирка»: память к ним не прогрузилась. Слизень помог склонить их к сотрудничеству. Но меня все равно в дрожь от них бросает – это же, мать их, Похитители Тел, самые всамделишные*].

[*Да и пофиг*], беспечно отвечает Эмбер. [*Скажи, у нас все готово?*]

[*Садек говорит, что да*].

[*Ну и отлично. Пакуйте чемоданы. Скоро и мы отбываем*].

– Целую цивилизацию? – переспрашивает призрак, вновь обретая четкий вид. – Это же невозможно! Вы же прибыли… – Тут призрак замирает и чуть не рассыпается кучкой светящихся точечек. *Попался*, думает Эмбер. *Врунишка-лгунишка, спадают штанишки.* – В общем, вероятность того, что вы могли отыскать человеческую цивилизацию в архивах, крайне мала.

– Монстр, пришедший с нами и доставивший вам столько хлопот, – хищник, – уверяет на голубом глазу Эмбер. – Вобрал в себя целый народ, но мы самоотверженно перетянули его внимание на себя и увлекли за собой в роутер. Он всеяден, и внутри него все сохранилось в первоначальном виде – ничего не стоило извлечь и распаковать. Такая цивилизация уже была реконструирована по горячим следам в нашем собственном мире, и мы ничего не выгадаем, забрав ее с собой. Но мы должны вернуться и удостовериться, что никакие хищники этого вида более не доберутся ни до роутера, ни до высокоскоростного узла, который мы к нему подключили.

– Уверены, что разделались с ним? – спрашивает призрак. – Будет неприятно, если монстр укрылся в собственных архивах поглощения и снова появится оттуда.

– Могу гарантировать, что он больше не потревожит вас, если вы нас отпустите, – говорит Эмбер, в мыслях молясь на удачу. Призрак, похоже, не заметил огромного клина фрактально сжатых данных, который на порядок раздул ее личный объем. Она все еще чувствует прощальную улыбку ИИНеко у себя в голове, ее

зубы цвета слоновой кости, надежду, что Эмбер оживит кошку, если план побега выгорит.

– Мы согласны. – Призрак причудливо извивается, превращаясь в пятимерную сферу – бурно пузырящуюся и разрождающуюся вскоре маленькой пиктограммой, искажающей в своей призме реальность, на манер черной дыры с нуль-гравитацией. – Вот ваш проход. Предъявите нам цивилизацию.

– Хорошо. Вот она. [*Всем приготовиться!!!*]

Эмбер напрягает воображаемую мышцу – и растворяет одну из стен комнаты, тут же распахивая врата в экзистенциальный ад Садека, ныне ставший неплохим таким факсимиле иранского промышленного города образца двадцать первого века, населенный до отказа паразитами-вуншами, уверовавшими в свою удачу, – целому крупному континенту зомби, чьи сознания жаждут плоти.

Призрак проплывает сквозь распахнутые врата. Эмбер хватает пиктограмму, достает сокрытый в ней портал и сообщает всем своим:

[*Ну, погнали!*]

И время замерзает на миг – а потом…

Синтетический драгоценный камень размером с банку из-под кока-колы плывет в холодном вакууме на высокой орбите вокруг коричневого карлика. И вакуум этот озарен: сапфировый свет, такой же яркий, как свет полуденного солнца на Марсе, расцветает как безумный бриллиант и играет в парусах, тонких, как мыльный пузырь, что плавно несутся прочь от драгоценного камня, надуваясь и натягиваясь. Модуль доступа, оставленный беглым корпоративным инструментом-Слизнем, взломал аппаратную часть роутера, и его проход-червоточина теперь ярок, как ядерный взрыв, и передает энергию. Лазерный свет из звездной системы во многих световых годах отсюда гонит «Странствующий Цирк» в путь – назад в родную систему, что совсем недавно была человеческой.

Эмбер уединилась вместе с Пьером в симуляции ее дома на борту Империи Кольца. Одна стена комнаты – плита из сплошного блока алмаза, сквозь которую открывается вид с низкой орбиты на бурлящую ионосферу Юпитера. С такой высоты горизонт выглядит почти что плоским. Они – вдвоем в постели, сложенной будто из тысячелетних дубовых балок и являющейся более удобной копией ложа короля Англии Генриха VIII. Конечно, внешний вид ложа обманчив, как и почти у всего остального на борту Империи Кольца, а тем более в тесных симуляционных средах на борту «Странствующего Цирка», но важно здесь и

сейчас лишь то, что корабль постепенно набирает скорость, хоть с оставшейся частью паруса он сможет достичь только одной десятой доли от световой.

– Так, давай-ка еще раз. Ты сумела убедить роутерный народ, что симуляция Ирана, которая заселена телами-зомби, куда запихнулись вунши, – это человеческая цивилизация?

– Точно! – Эмбер потягивается и расплывается в самодовольной улыбке. – Но они же сами виноваты, эти чертовы автоматизированные бюрократы, если бы не использовали в качестве денег личности с самосознанием, вряд ли бы попались на такую удочку.

– Люди как валюта… ну и ну.

– Вообще, ничего удивительного. – Эмбер зевает, потом садится и властно щелкает пальцем: за спиной появляются пуховые подушки, а меж них материализуется серебряный поднос с двумя полными бокалами вина. – Корпорации – тоже формы жизни у нас дома, не так ли? И мы ими торгуем. Мы наделяем наши концерны искусственным интеллектом, но аналогия на деле залегает даже глубже. Посмотри на штаб-квартиру любой компании, обставленную произведениями искусства и дорогой мебелью, где личный персонал всюду кланяется и пресмыкается…

– Они новая аристократия, так ведь?

– Не совсем. Когда они захватывают власть, то, что получается, больше похоже на новую биосферу. Черт возьми, да даже новый первичный бульон: прокариоты, бактерии и водоросли, бездумно копошащиеся, меняющие деньги на плазмиды. – Королева передает своему супругу бокал с вином. Когда тот осушает его, он чудесным образом наполняется вновь. – Итак, достаточно сложные алгоритмы распределения ресурсов перераспределяют дефицит… и, если ты не отпрыгнешь с их пути, они перераспределят и тебя. Думаю, именно это произошло внутри мозга-матрешки, где мы оказались: судя по Слизню, то же происходит и в других местах. Стоит задаться вопросом, откуда взялись строители этого сооружения и куда ушли. И понимали ли они, что участь разумной жизни, овладевшей орудиями труда, должна была стать ступенькой в эволюции корпоративных инструментов.

– Может быть, они и пытались демонтировать компании до того, как те их в расход пустили. – Пьер выглядит обеспокоенным. – Накручивали национальную задолженность, импортировали престижные расширения наборов восприятия, пережевывали экзотические фантазии… Но, когда первобытная цивилизация мозга-матрешки включается в сеть, они смотрятся… – Он задумывается. – Как туземцы. Как первобытная

пост-сингулярная цивилизация, впервые увидевшая галактическую сеть. Пораженная, жаждущая сразу всех богатств. Они транжирят свой капитал, человеческий или инопланетный, растрачивают мем-машины, которые их построили… И не остается ничего, кроме продуваемой всеми ветрами пустоши, по которой скитаются корпоративные механизмы, разыскивающие, кем бы еще овладеть.

– Это лишь домыслы.

– Пустые домыслы, – соглашается он.

– Но мы не можем их игнорировать. – Эмбер кивает. – Может быть, какой-нибудь ранний корпоративный хищник построил машины, которые распространяли червоточины вокруг коричневых карликов и управляли сетью роутеров поверх них в попытке быстро заработать деньги. Не помещая их при этом в реальные планетные системы, которые, вероятно, будут содержать разумные виды, додумавшиеся сделать из камня топор, – размещение гарантировало бы, что лишь близкие к сингулярности цивилизации будут спотыкаться о них. Цивилизации, которые зашли слишком далеко, чтобы быть легкой добычей, скорее всего, не стали бы посылать корабль на поиски… таким образом, сеть обеспечивала бы постоянный приток новых для большого города деревенщин, пригодных к обдиранию. Только они привели механизм в движение миллиарды лет назад и вымерли, оставив сеть размножаться, и теперь там нет ничего, кроме сожженных цивилизаций-матрешек и воющих скорбно паразитов, таких, как наш призрак и вунши. И таких жертв, как мы. – Она вздрагивает и меняет тему разговора: – Кстати, о пришельцах, а Слизень-то счастлив?

– В последнюю мою проверку был вполне доволен, о да. – Пьер дует на свой бокал, и тот распадается на миллион светящихся точек. При упоминании взятого на борт беглого корпоративного инструмента на его лице отражается сомнение. – Я пока не доверяю ему выход за огороженные симуляционные среды, но те программы для управления лазером, которые он дал нам, весьма недурны. Просто я надеюсь, что ты меня послушаешь и тебе никогда не понадобится использовать его. Что меня тревожит, так это то, что ИИНеко проводит с ним слишком много времени.

– Так вот где она сейчас? А я-то волновалась…

– Кошки никогда не бегут на хозяйский зов сразу, верно ведь?

– Верно, – эхом откликается Эмбер, с тревогой созерцая образы облачных чертогов Юпитера. – Интересно, что ждет нас дома?

За окном со зловещей скоростью приближается к ним

воображаемая линия раздела юпитерианских дня и ночи, затягивая их в полный неопределенности закатный час.

Часть третья. Сингулярность

Каждую минуту в мире родится по простофиле.

Финеас Тейлор Барнум

Глава 7. Куратор

Сирхан стоит на краю пропасти и смотрит под ноги, на кипящие оранжево-серые поля облаков далеко внизу. Воздух у самого обрыва прохладен и слегка воняет аммиаком, хотя последнее можно списать и на воображение: герметичная стена парящего города не допустит ни малейшей течи. Но она так прозрачна, что кажется, стоит протянуть руку – и коснешься облачных вихрей. Кругом ни души: мало кому нравится подходить так близко к краю. От взгляда во мглистые глубины по спине бегут мурашки. Безбрежный океан газа настолько холоден, что человеческая плоть замерзнет в нем за секунды, а тверди не сыщешь и в десятках тысяч километров внизу. Сгущает чувство изоляции и медлительность связи – на таком расстоянии от системы о скоростном канале можно забыть. Львиная доля жителей теснится у узла, где удобно и тепло, да и задержка невелика – постлюдям по нраву собираться в стаи.

Город-кувшинка цветет сам собой под ногами Сирхана, из его ядра несутся гул и ропот бесконечных автомодельных циклов разрастания – на манер кубистской бластомы в верхних слоях атмосферы Сатурна. Огромные трубы втягивают из атмосферы метан и другой газ, который, впитывая энергию, превращается сначала в полимер, а потом и в алмаз, давая выделяющийся водород в подъемные ячейки высоко наверху. А над сапфировым куполом главного аэростата сияет лазурная звезда, переливающаяся лазерными отблесками, – это возвращается первый и к настоящему времени последний межзвездный корабль человечества, тормозя последним рваным лоскутом своего паруса при выходе на орбиту.

Сирхан, злорадно предвкушая, воображает, как отреагирует матушка, едва разузнает о своем банкротстве, и тут огонек лазера мигает. Мерзкие серые капли окропляют стену у него над головой, расползаются мокрым пятном. Отступая на шаг, Сирхан рассерженно смотрит вверх.

– Чтоб вам пусто было! – Он отходит от края, и его преследует не то голубиное урчание, не то глумливый клекот. – Вот я вам сейчас покажу! – Он полощет рукой воздух над головой. Громко хлопают многочисленные крылья, налетает порыв ветра – и обретает плотность: над головой у Сирхана образуется зонт из невесомых сцепившихся друг с другом нанороботов, взвесью повисших в воздухе. Придется голубям поискать другой объект обстрела.

Раздраженный, Сирхан топает прочь от периметра и

останавливается на травянистом холмике в паре сотен метров вглубь от обрыва и вбок вдоль кривой скругления кувшинки, на противоположной стороне от музейных корпусов. Здесь, вдали от людских толп, можно, не боясь ничьей назойливости, спокойно посидеть в тишине, да и голуби, эти летающие кучки дерьма, не достанут: слишком далеко от края. Летающий город, хоть и является продуктом технологий, которые пару десятков лет назад никто и вообразить не мог, все же полон недосмотров. Сингулярность послужила чем-то вроде эпохи инфляции для ПО и технологий, и косяки масштабировались пропорционально общей сложности. Но, несомненно, голубиное нашествие – самая необъяснимая проблема, с которой данная биосфера столкнулась.

Сирхан садится под яблоней, еще более надежно ограждаясь от не самых приятных проявлений кибер-природы, и выстраивает свои миры вокруг себя.

– Когда прибывает моя бабушка? – спрашивает он по винтажному телефону. На другом конце – мир слуг, где все подчинено строгому порядку и знает свое место. Город жалует его, и на то у него есть свои причины.

– Она еще в капсуле, сейчас осуществляет маневр воздушного торможения. Ее биотело прибудет на дно колодца менее чем через две мегасекунды. – В этой анимации аватар города – викторианский дворецкий, тактичный, почтенный и всегда невозмутимый. Сирхан избегает инвазивных интерфейсов. Для восемнадцатилетнего юноши он небывало консервативен и предпочитает неброско встроенным виртуальным нейросетям голосовые команды и антропоморфных агентов.

– Вы уверены, что перенос пройдет успешно? – с волнением спрашивает Сирхан. Когда он был маленьким, он слышал о своей бабушке множество историй, и эти легенды редко не противоречили друг другу. И все же, если старая ведьма впервые решилась на такое дело в таком возрасте, она должна обладать куда большей гибкостью, чем мать ей приписывала.

– Я уверен настолько, насколько могу быть, юный господин, когда речь идет о тех, кто настаивает на сохранении оригинального фенотипа и не пользуется преимуществами внесетевых резервных копий или медицинских имплантов. Я сожалею, что всезнание не входит в мою компетенцию. Могу осуществить для вас какие-нибудь другие специальные запросы…

– Нет. – Сирхан вглядывается в сверкающий лазерный огонек, различимый даже сквозь мембрану-пузырь, удерживающую в себе пригодную для дыхания смесь газов и триллионы литров горячего водорода в куполе над ним. – Если, конечно, вы уверены, что она успеет прибыть раньше корабля. – Настраивая глаза на

ультрафиолет, он видит эмиссионные пики и медленное мерцание узкополосной амплитудной модуляции – все, на что могут рассчитывать системы связи корабля, пока он не вошел в зону покрытия сетевой магистрали системы. Корабль отправляет все тот же запрос, твердит его всю последнюю неделю и уже всем надоел: с борта спрашивают, почему их перенаправляют в систему Сатурна и почему отказывают в выдаче тераватт двигательной энергии в долг.

– Будьте абсолютно уверены в этом. Разве что вдруг случится повышение мощности в их двигательном луче! – утешительно ответствует Город. – И вы можете быть также уверены, что вашу бабушку ожидает комфортабельное оживление.

– Что ж, надеюсь, все так и есть. – Нехилая такая отвага нужна, чтобы согласиться на межпланетный вояж в таком возрасте и телесной форме без всяких дополнений-апгрейдов, думается ему. – Если меня не будет поблизости, когда она проснется, попросите ее от моего лица выделить время на интервью. Для архивов, само собой.

– С превеликим удовольствием. – Город вежливо склоняет голову.

– На этом все, – снисходительно молвит Сирхан, и окно прислуги закрывается, вновь открывая вид на синий лазерный сполох в зените. [*Не везет тебе, матушка*], говорит он на субвокале, записывая момент в журнал. Бóльшая часть его разветвленного внимания сейчас сфокусирована на богатом историческом наследии, что вот-вот свалится на него из недр сингулярности, принесенное этим лазерным ветром на тридцатилетнем картезианском театре, путешествующем под звездным парусом. Но слегка отвлечься на злорадство все-таки не помешает. [*Отныне все ваши активы принадлежат мне*]. Сирхан улыбается – сам себе. [*Мне всего-то надо позаботиться, чтоб хотя бы теперь они не пошли по ветру*].

– Не понимаю, зачем им перенаправлять нас к Сатурну. Вряд ли они уже закончили все работы по демонтажу Юпитера, да и не похоже на то… – говорит Пьер, задумчиво катая меж большим и остальными пальцами бутылку холодного пива.

– Почему бы не спросить Эмбер? – спрашивает сидящий за дощатым столом велоцираптор. Украинский акцент Бориса никуда не делся – его не исправляет даже динозавровая гортань. Модуль академического английского с легкостью поставил бы ему произношение, но самому Борису акцент нравится.

– Когда? – Пьер покачивает головой. – Она же все время проводит со Слизнем. Даже не разветвляет сознание для

сторонних обращений, и у личных ключей доступ приостановлен. Я уже почти ревную. – Впрочем, судя по интонации, Пьера это едва ли тяготит.

– А чего тут ревновать? Попроси ее разветвиться, да и дело с концом. Скажи – поговорить охота, ну или потрахаться, или просто развеяться… сам же все знаешь!

– Хо-хо-хо, как все просто. – Пьер с мрачной усмешкой заливает в себя остатки пива, швыряет бутылкой в рощу саговников и щелкает пальцами; материализуется очередное пиво – вдогонку выпитому.

– Так или этак, но до Сатурна две мегасекунды, – говорит Борис и начинает точить свои дюймовые резцы о край стола. Клыки крошат доски, будто размокшую картонку. – Хр-р-рум. Какой-то странный у нас спектр эмиссии во Внутренней системе, сечешь? Донышко у гравитационного колодца сплошь туманом затянуто. Я тут подумал, вдруг волна обращения материи уже и за орбиту Юпитера заползла?

– Хм. – Пьер делает большой глоток и отставляет бутылку в сторону. – Может, это и объясняет наше перенаправление. И все равно – почему они не включили для нас лазерную сеть Кольца?

После того как команда «Странствующего Цирка» вошла в роутер, массивная когорта двигательных лазеров не проработала и сотни мегасекунд, бросив судно дрейфовать в холодном мраке, и причины тому до сих пор остались неясными.

– Хрен поймешь, почему не отвечают. – Борис пожал плечами. – По крайней мере, кто-то живой там есть – они же выдали нам курс, типа, следуйте к тем-то и тем-то орбитальным элементам. Уже что-то. Но я ж тебе с самого начала твердил: превращать систему полностью в компьютроний – идея так себе, в долгосрочной-то перспективе. Представь, куда теперь все зашло?

– Хм-хм. – Пьер рисует в воздухе круг. – ИИНеко! – зовет он. – Ты меня слышишь?

– Не кантуй меня. – В кругу материализуется еле заметная ухмылка – призрачный намек на клыки и торчащие во все стороны усы. – Я тут, между прочим, яростно дрыхну…

Борис закатывает один подергивающийся глаз и роняет слюни на стул.

– Хрум-хрум, – рычит он голосом заправского динозавра. – Зачем ты спишь? Мы, если ты вдруг забыла, в гребаной симуляции.

– Просто люблю спать, – отвечает кошка, возвращая своему хвосту видимость и сразу за этим недовольно топорща его. – Ну, чем вас наградить? Блохами?

– Нет уж, спасибочки, – суетится Пьер. В последний раз, когда

он в сердцах обматерил ИИНеко, она наводнила три карманных вселенных крысами – маленькими, серыми и очень проворными, целой крысиной ордой. Межзвездным полетам на консервных банках с умной материей всегда сопутствует неудобство: ничто не сдерживает изобретательность пассажиров с доступом к системе контроля реальности. Бар мелового периода, где они сейчас сидели, был просто развлекаловкой за авторством Бориса – причем довольно консервативной в сравнении с иными симулированными средами в «Странствующем Цирке». – Скажи-ка, у тебя есть какие-нибудь новости о том, что происходит внизу? Мы всего в двадцати объективных днях пути от выхода на орбиту…

– Они не посылают нам энергию. – Теперь ИИНеко полностью материализуется, крупная, крутобокая, оранжево-белая – с завитком коричневого меха в форме буквы «@», украшающим ее ребра. Зачем-то она усаживается на стол, нахально водружая филейную часть на нос велоцираптора Бориса. – Без движущего лазера пропускная способность – так, пшик. Они передают латиницей со скоростью 1200 символов в секунду, коли хочешь знать. – При колоссальной емкости корабельных носителей в несколько авабит и дикой пропускной способности передатчика, подобное сложно не воспринять как плевок в душу. Авабит – это число Авогадро единиц памяти, 6×1023, в миллиарды раз больше емкости всех компьютеров в Сети образца начала тысячелетия.

– Эмбер велит, чтоб ты пошел и повидался с ней прямо сейчас. В комнате аудиенций. Само собой, визит неформальный. Думаю, она хочет обсудить ситуацию.

– Неформальный? То есть можно не наряжаться в парадную аватарку?

Кошка фыркает.

– Вот сама-то я в меху, – шаловливо заявляет она, – а под мехом – ни ху-ху. – Она исчезает прежде, чем челюсти Бориса-велоцираптора отхватывают от нее кусок.

– Пошли. – Пьер встает со вздохом. – Посмотрим, что Ее Величеству от нас нужно.

Добро пожаловать в восьмое десятилетие третьего тысячелетия, когда последствия фазовых изменений в структуре Солнечной системы наконец-то становятся заметными в космологическом масштабе.

По всей Солнечной системе существует около одиннадцати миллиардов футуршокированных приматов в различных состояниях жизни и бессмертия. Большинство из них

группируются там, где межличностная полоса пропускания самая горячая, в водной зоне вокруг Старой Земли. Биосфера Земли пребывает в палате интенсивной терапии уже несколько десятилетий, и странные вспышки раскаленных репликаторов вспыхивают на ней прежде, чем Всемирная организация здравоохранения успевает все исправить, – серая слизь, сумчатые волки, драконы. Последняя великая трансглобальная торговая империя, управляемая из Гонконга, рухнула вместе с капитализмом, устаревшим из-за множества превосходных детерминированных алгоритмов распределения ресурса, известных под общим названием «Экономика 2.0». Меркурий, Венера, Марс и Луна – все они находятся на пути к распаду; масса закачивается на орбиту вместе с энергией, изъятой из тумана свободно летающих термоэлектриков, которые так плотно сгущаются вокруг солнечных полюсов, что Солнце напоминает пушистый алый шар шерсти размером с юного красного гиганта.

Люди, конечно, разобрались в инструкции к новой реальности, но едва ли являются продвинутыми пользователями; дарвиновский эволюционный отбор прекратился, когда язык и использование инструментов сошлись, оставив средний по палате носитель мема, к сожалению, недостаточно умным. Теперь ярко горящий светоч разума более не удерживается людьми – их кросс-инфекционный энтузиазм простерся на мириады других носителей, несколько типов которых качественно лучше мыслят. По последним подсчетам, в солнечном пространстве около тысячи нечеловеческих разумных видов, разделенных поровну меж постлюдьми, самоорганизующимися естественным образом ИИ и млекопитающими нелюдями. Обычное нейронное шасси млекопитающих легко модернизируется до уровня человеческого разума у большинства видов, которые могут нести, кормить и охлаждать полкилограмма серого вещества, и потомки сотни оспариваемых этикой докторских диссертаций теперь требуют равных прав. К ним примыкают не обретшие покоя мертвецы – паноптикум интернетных зарегистрированных призраков людей, что жили достаточно недавно, чтобы запечатлеть свою личность в средствах информационного века, – и далеко идущие богословские мемы от реформированной Церкви Типлера Астрофизика и Святых Последних Дней (желающие обращаться ко всем возможным человеческим существам в реальном времени с призывами к истинному спасению).

Человеческая мемосфера оживает, хотя вопрос о том, как долго она еще пробудет узнаваемо человеческой, остается открытым. Информационная плотность внутренних планет заметно сходится к 6×10^{23} бит на моль, один бит на атом,

поскольку деконструированная пассивная материя внутренних планет (кроме Земли, сохранившейся до сих пор в качестве живописного исторически ценного здания в самом сердце технопарка) превращается в компьютроний. И дело тут не только во внутренней системе. Те же самые силы действуют и на спутниках Юпитера, и на спутниках Сатурна, хотя для того чтобы уничтожить сами газовые гиганты, потребуются не просто десятилетия, а тысячи лет. Даже всего бюджета солнечной энергии не хватит, чтобы перекачать огромную массу Юпитера до орбитальной скорости менее чем за века. И к тому времени, когда солнечный мозг-матрешка будет завершен, мимолетные примитивные мыслители из африканских равнин, вероятно, полностью исчезнут или превзойдут все пределы, заданные плотской архитектурой.

Уже совсем скоро.

А тем временем в колодце Сатурна назревает вечеринка.

Сирханов город-лилия барахтается внутри гигантской и почти невидимой сферы в верхних слоях атмосферы Сатурна: воздушный шар километрового диаметра с оболочкой из усиленного фуллереном алмаза внизу и горячим водородным газовым мешком наверху. Это один из нескольких сотен мегатонных пузырей, дрейфующих в морях турбулентного водорода и гелия – верхних слоях атмосферы Сатурна. Пузыри засеяны в ней обществом творческого терраформирования, субподрядчиками Всемирной выставки 2074 года.

Города изящны. Все они выращены из концептуального семени длиной в несколько мегавесов. Скорость их размножения мала (для создания пузыря требуются месяцы), но всего за пару десятилетий экспоненциальный рост умостит стратосферу благоприятной для человека местностью. Конечно, темпы роста замедлятся ближе к концу, поскольку требуется больше времени, чтобы фракционировать изотопы металлов из мутных глубин газового гиганта, но, прежде чем это произойдет, первые плоды роботизированных заводов на Ганимеде будут выливать углеводороды в смесь. В конечном счете Сатурн – облако с верхней гравитацией, дружественной человеку, 11 метров в секунду в квадрате – будет иметь планетарную биосферу с почти стократной площадью поверхности Земли. И это будет чертовски хорошо, потому что в противном случае Сатурн никому не нужен, кроме как в качестве бункера термоядерного топлива на далекое будущее, когда Солнце потухнет.

Именно эта лилия устлана ковром из травы, а центр диска возвышается на пологом холме, увенчанном сверкающим

бетонным горбом Бостонского музея науки. Он выглядит странно нагим, лишенным своего фона из шоссе и мостов реки Чарльз; но даже щедрые килотонны пассивной материи, загруженные небесными лифтами, вознесшими музей к орбите, не смогли бы донести обрамляющий контекст вместе с ним. *Возможно, кто-то и соорудит дешевый фон для диорамы из смарт-тумана*, думает Сирхан, но сейчас музей стоит гордый и изолированный, одинокий редут классической науки в изгнании из быстро мыслящего ядра Солнечной системы.

– Пустая трата денег, – ворчит женщина в черном. – Вообще, чья это была дурацкая идея? – Она тычет в музей бриллиантовым наконечником своей трости.

– Это же манифест, – рассеянно говорит Сирхан. – Ты же знаешь, у нас ныне столько ньютонов импульса, что мы можем послать наши культурные посольства, куда захотим. Лувр находится на пути к Плутону – слыхала?

– Трата энергии. – Она неохотно опускает трость и опирается на нее, корча гримасу. – Неправильно все это.

– Ты же выросла во время второго нефтяного кризиса, так? – спросил Сирхан. – А на что это было похоже тогда?

– На что похоже? Ну, бензин подскочил до пятидесяти баксов за галлон, но у нас все еще хватало при этом на бомбардировщики, – говорит она пренебрежительно. – Мы знали – все будет хорошо. Если бы не эти проклятые назойливые постгуманисты… – Ее лик весь изборожден морщинами, он стар как грех, и из-под поблекших до цвета гнилой соломы волос глаза ее сверкают неподдельной яростью, но в то же время Сирхан улавливает в ее словах какую-то самоуничижительную иронию, которую не понимает. – Такие, как твой дедушка, черт бы его побрал. Если бы я снова была молода, я бы пошла и помочилась на его могилу, чтобы показать ему, что думаю о том, что он сделал. Если у него есть могила, – добавляет она почти нежно.

Точка отката памяти: запись для семейной хроники, повелевает Сирхан одному из своих привидений. Как преданный делу историк, он регулярно записывает каждое свое переживание: как до того, как оно войдет в книгу его сознания – эфферентные сигналы ведь самые чистые, – так и в своем собственном потоке самости, несмотря на грозящую нехватку памяти. Но его бабка на протяжении десятилетий была на диво последовательна в своем отказе приспосабливаться к новым условиям.

– Ты ведь записываешь, не так ли? – Она принюхивается.

– Ничего я не записываю, бабушка, – мягко говорит он. – Просто сохраняю память для будущих поколений.

– Ха! Ну-ну, посмотрим, – говорит она подозрительно.

Внезапно она издает резкий лающий смешок. – Нет, лапушка, *ты* посмотришь. Меня-то там не будет, так что мне не грозят разочарования.

– Ты собираешься рассказать мне о моем дедушке? – спрашивает Сирхан.

– А оно мне надо, языком ворочать? Знаю я вас, постлюдей – вы просто пойдете куда надо и сами спросите у его призрака. Вот только не отнекивайся! У каждой сказки по две стороны, дитя, и версию этого пройдохи услышало куда больше ушей, чем полагается по чести. Оставил мне твою мать на воспитание, и ничего с него было не взять, кроме вороха бесполезной интеллектуальной собственности и кучи исков от мафии, с которыми тоже надо было как-то разобраться… не знаю, что я вообще в нем нашла. – Анализатор голоса оповещает Сирхана, что бабушка слегка привирает. – Он – никчемный мусор, не забывай об этом. Ленивый идиот не мог самостоятельно создать даже одного стартапа: он должен был отдать все это, все плоды своего гения, кому-то еще.

Памела ведет Сирхана медленным шагом, под аккомпанемент ворчанья и перестука наконечника трости по тротуару. Они обходят кружным путем вокруг одного крыла музея и останавливаются у старинной, на совесть выстроенной погрузочной площадки.

– Даже коммунизм на свой лад он так и не построил. – Старуха кашляет. – Ему бы крепости в руки, чтоб взялся за эти вдохновенные грезы об игре с положительной суммой по-взрослому да употребил бы это все на дело… В былые времена ты всегда знал свое место – и никаких тебе вывертов. Люди были настоящими людьми, работа – настоящей работой, а корпорации – просто вещами, которые делали то, что им говорят, и ничего больше… Потом и она пошла во все тяжкие – и это тоже его заслуга.

– Она? Ты имеешь в виду мою, хм, мать? – Сирхан снова обращает внимание своего первичного сенсориума на ее мстительное бормотание. Во всей этой истории оставались еще аспекты, с которыми он не совсем знаком, но которые ему нужно обрисовать, чтобы убедиться, что все идет так, как должно, – когда судебные приставы войдут, чтобы вернуть разум Эмбер.

– Он прислал ей нашу кошку. Из всех подленьких, низких и откровенно бесчестных поступков, которые он когда-либо совершал, этот был самый худший. Кошка была моей, но он перепрограммировал ее и сбил с пути истинного, удалось превосходно. Дочке тогда было всего двенадцать – впечатлительный возраст, я уверена, ты согласишься. Я пыталась

воспитать ее правильно. Дети нуждаются в морали – особенно в меняющемся мире, даже если им это не очень нравится. Самодисциплина и стабильность, иначе взрослости тебе не видать как своих ушей. Я боялась, что со всеми своими апгрейдами она никогда не сможет по-настоящему разобраться в том, кто она такая, что в конечном итоге она станет больше машиной, чем женщиной. Но Манфред никогда по-настоящему не понимал детство – в основном из-за того, что сам никогда не взрослел. Он всегда был склонен вмешиваться в чужие дела.

– Расскажи мне о кошке, – тихо говорит Сирхан. Один взгляд на дверь погрузочной платформы говорит ему, что ее недавно ремонтировали. С краев хлопьями сахарной ваты облетает тонкая белая патина отработанных робопылинок, из-под нее поблескивает металлическая поверхность, сверкающая на солнце синеватыми переливами. – Она вроде как пропала без вести?

Памела фыркает.

– Когда твоя мать сбежала, кошка выгрузилась на ее старвисп и избавилась от своего физического тела. Уж она-то не была тряпкой – единственная во всей этой шайке-лейке. Может, она просто не хотела, чтобы я потащила ее в суд как враждебного свидетеля. А может даже, твой дед установил в нее программу самоликвидации. К сожалению, я не могу ручаться, что это не так. После того как он перепрограммировал себя, чтобы считать меня своим заклятым врагом, вполне мог и не такой фортель выкинуть.

– То есть, когда мать умерла, чтобы избежать банкротства, кошка… решила здесь не задерживаться? Не оставив после себя ничего? Как примечательно! [*И как суицидально*], добавил он про себя. Если личность искусственного происхождения грузит свой вектор состояния на килограммовый межзвездный зонд, не оставляя за собой архивных копий, а зонд тот улетает за три четверти расстояния до Альфы Центавра, и в его конструкции не предусмотрено надежных способов возвращения в целости, этой личности явно не хватает более чем нескольких методов в фабрике объектов.

– Эта зверюга мстительна. – Памела в сердцах вонзает трость в землю, отпускает ее. Оборачивается к Сирхану и смотрит ему в глаза, чуть запрокинув голову. – Какой же ты у меня высокий мальчик.

– Человек, – на автомате поправляет он. – Прости, но я еще не определился с этим.

– Человек, мальчик, штука, зови, как хочешь. У тебя есть пол, разве не так? – резко спрашивает она, выжидающе разглядывая его, и наконец он кивает. – Никогда не доверяй людям, не способным определиться, мужчины они или женщины. С такими

ни за что в разведку не пойдешь.

Сирхан, поставивший свою репродуктивную систему в режим ожидания, не желая испытывать связанных с ней неудобств, пока она ему не потребуется, прикусывает язык.

– Чертова кошка, – жалуется бабушка. – Свела бизнес-планы твоего деда с дочуркой моей и утащила прочь, во мрак. Науськала ее против меня. Подначила ее участвовать во всем этом безрассудном раздувании пузырей, из-за которого и произошло в конце концов перенасыщение рынка, уничтожившее Империю Кольца. И теперь она…

– Она на корабле? – с готовностью спрашивает Сирхан.

– Может статься. – Памела сощуривается на него. – Хочешь и у нее интервью взять?

Сирхан даже не пытается отрицать:

– Я историк, бабуля. Этот зонд побывал там, где еще не бывал ни один человеческий сенсориум. Может, вести, что он нам принес, и стары, и, возможно, сыщутся стародавние иски, которые захотят поживиться командой, но… – Он разводит руками. – Работа есть работа. Мое дело – исследовать руины, и я его хорошо знаю.

– Ха! – Она пристально смотрит на него и очень медленно кивает. Подается вперед и складывает морщинистые руки на набалдашнике трости: суставы на пальцах смахивают на грецкие орехи. Кости настоящего скелета – не экзоскелета одежд – знай себе скрипят, подстраиваясь под ее доверительную позу. – Ты получишь свое, лапушка. И я свое получу. – Шестьдесят горьких лет – и вот уже скоро главная цель окажется прямо на расстоянии плевка. – Между нами говоря, твоя мать так и не поймет, что ее свалило.

– «…между нами говоря, твоя мать так и не поймет, что ее свалило», – произносит кошка, скаля игольчатые зубы на королеву в большом кресле, вырезанном из монолитного куска вычислительного алмаза. Королева – в кругу друзей: все важные ей люди собрались вокруг. Ну и еще где-то здесь присутствует Слизень. – Просто еще одна судебная тяжба грозит – ты с этим справишься.

– Да пошли они к черту, если не понимают шуток, – говорит Эмбер немного угрюмо. Несмотря на то что является правительницей этого встроенного пространства, полностью контролируя лежащую в его основе модель реальности, она позволила себе состариться до достойных двадцати с чем-то лет: одетая небрежно в серые спортивные штаны, она не выглядит как некогда могущественный правитель луны Юпитера или, если уж

на то пошло, ренегат-командир обанкротившейся межзвездной экспедиции.

– Ладно. Думаю, что вы и в этот раз сможете справиться без моей помощи. Так что, если ни у кого нет предложений…

– Прошу прощения, – говорит Садек. – Но нам не хватает понимания в этом деле. По моим данным – хотелось бы мне знать, как они убедили улама пойти на такое, – имеют место две разные законодательные системы по правам и ответственностям неупокоенных, кем мы, очевидно, и являемся, и обе упоминались как абсолютные системные стандарты. Они, случаем, не выслали кодекс вместе с требованиями?

– Срут ли медведи под елками? – клацнув пастью, выдает Борис с присущей своей аватарке-динозавру вспыльчивостью. – Уголовный кодекс с полным графом зависимостей и деревом синтаксического разбора уже взял наш процессор за задницу, пока мы лясы тут точим. Всей этой юридической тарабарщиной я уже по горло сыт. Если вы…

– Борис, осади коней! – приказывает Эмбер. В тронном зале закипают страсти. Она не знала точно, чего ожидать по возвращении домой из экспедиции к роутеру, но вот процедуры объявления банкротства уж точно ждала в последнюю очередь. Впрочем, такого вряд ли здесь хоть кто-то ждал. Ее объявили ответственной за долги, накопленные призраком самой себя, ее собственной незагруженной личностью, что осталась дома, состарилась во плоти, вышла замуж, обанкротилась и умерла, не выплатив алименты на ребенка.

– Я на это не подписывалась, – подвела Эмбер черту, многозначительно взглянув на Садека.

– Не поспорю – заварушка тут достойная самого Пророка, мир ему. – Садек, кажется, столь же потрясен, сколь и она, последствиями этого судебного процесса. Внимательный его взгляд скользит по комнате, аккуратно огибая саму Эмбер и Пьера – ее долговязого любимчика, звездного навигатора и любовника. Богослов сплетает и расплетает пальцы.

– Ладно, хватит. Говорю же – тебя я не виню. – Эмбер заставляет себя улыбнуться. – Мы все напряжены из-за того, что заперты здесь без пропускной способности. Как бы там ни было, я чую под всеми этими тяжбами руку моей досточтимой матушки. Но, уверена, какой-нибудь выход мы придумаем.

– Мы могли бы продолжить путь. – Предложение поступает от Сю Ань, сидящей в самом дальнем конце комнаты. Скромная и застенчивая, она обычно не открывает рот без веской причины. – «Странствующий Цирк» в хорошем состоянии, не так ли? Мы могли бы вернуться к лучу от роутера, разогнаться до

крейсерской скорости и поискать другое жилье – где-нибудь, как-нибудь… В радиусе сотни световых лет должно быть несколько подходящих коричневых карликов.

– Мы потеряли слишком много парусной массы, – замечает Пьер. Он тоже старается на нее не смотреть, и Эмбер стоит немалых усилий делать вид, что она никак не замечает его смущение. – Мы выбросили половину нашего стартового паруса, чтобы заручиться тормозным зеркалом у Хёндай $^{+4904}/_{-56}$, и почти что восемь мегасекунд назад мы снова сократили площадь паруса еще вдвое, чтобы замедлиться и выйти на орбиту Сатурна. Мы не сможем провернуть тот же номер еще раз – объема попросту не хватит. – Лазерный парус работает как зеркало: с его помощью можно ускоряться или тормозить, сбрасывая половину паруса и разворачивая луч запуска для направления на корабль с обратной стороны. Но так можно сделать всего несколько раз, а потом парус закончится. – Словом, бежать нам некуда.

– Некуда *что*? – Эмбер сощуривается на него. – Что-то ты меня поражаешь.

– Знаю. – И Пьер действительно знает, ведь в своем сообществе мысли он носит маленького гомункула, модель Эмбер, и она куда точнее и детальнее, чем любая модель любовника, которую человек мог построить в себе до эры выгрузок. Да и Эмбер при себе носит маленькую куколку Пьера, спрятав ее в устрашающих чертогах своего разума: уйму лет назад они обменялись ими, чтобы лучше друг друга понимать. Но теперь в его голове она просыпается не слишком часто: не так-то и хорошо уметь моментально предугадывать все действия любовника. – А еще я знаю, что ты собираешься ворваться и схватить быка за… ах, нет, неверная метафора, речь ведь о твоей матери?

– О матери. – Эмбер задумчиво кивает. – А где Донна?

– Знать не знаю.

Сзади раздается хриплый рев, и Борис бросается вперед, зажав во рту видеокамеру – та молотит его по морде своими лапами-опорами от штатива.

– Опять по углам ныкаешься? – презрительно бросает Эмбер.

– Я же камера! – протестует камера, обиженная и смущенная, поднимаясь с пола. – Я всего лишь…

Пьер ставит нахалку перед собой и прижимается лицом к рыбьему глазу видоискателя:

– Хоть в этот раз стань человеком, merde!

Камера превращается в очень раздраженную блондинку в костюме колониальной охотницы. Объективов, сумок для фотоаппаратов и микрофонов при ней, похоже, больше, чем у

штатного репортера CNN.

– Пошел на хер! – кричит она на Бориса.

– Не люблю, когда за мной шпионят, – резко говорит Эмбер. – Тем более что тебя на эту встречу не приглашали – так ведь?

– Я архивариус. – Донна воротит нос, явно отказываясь признать вину. – Ты же сама сказала – это моя обязанность.

– Ну да, так и есть. – Эмбер смущена, но ей, как королеве, не нравится, что смущают ее в собственной же приемной зале. – Ну ладно, ты слышала, о чем мы тут говорили. Что можешь сказать о душевном состоянии моей матери?

– Абсолютно ничего, – выпаливает Донна. Она явно дуется и уже не заинтересована в том, чтобы кому-то в зале помогать. – Я и встречалась-то с ней всего один раз. Знаешь, а ты становишься похожей на нее, когда злишься!

– Я… – На этот раз Эмбер натурально теряет дар речи.

– Давай запишу тебя на пластическую операцию, – предлагает ИИНеко, добавляя после вполголоса: – Только так все сходства будут наверняка устранены.

Обычно обвинения Эмбер в любом сходстве с матерью, пусть даже незначительном, провоцировали блэкаут в симуляционной среде, служившей экипажу «Странствующего Цирка» капитанским мостиком. Раз Эмбер позволяет кошачьей дерзости пролететь мимо ушей, значит, она не на шутку выбита из колеи.

– А что это вообще за судебный иск? – спрашивает Донна, как всегда любопытная и подспудно раздражающая. – Я вот даже не в курсе.

– Ужасный иск! – горячо восклицает Эмбер.

– Поистине зловещий, – добавляет, двигая бровями вверх-вниз, Пьер.

– Искусно сработанный, но в корне ошибочный, – задумчиво выводит Садек.

– А что он от вас требует? – спрашивает Донна Всевидящее Око, архивариус и экс-видеокамера.

– Это требование урегулирования. – Эмбер делает глубокий вдох. – Черт возьми, ты можешь рассказать это всем – долго скрывать все равно не выйдет. – Она вздыхает. – После того как мы улетели, кажется, моя вторая половина – то есть мое первоначальное воплощение – вышла замуж. За Садека, собственно. – Она кивает иранскому богослову – тот выглядит таким же ошеломленным, как и в первый раз, когда только-только услышал об этой части истории. – И у них родился ребенок. Затем Империя Кольца обанкротилась. Ребенок этот требует от меня выплаты алиментов, задним числом копившихся почти двадцать лет, – на том основании, что юридическая нежить, к коей мы все

относимся, несет солидарную, так сказать, ответственность за долги, накопленные телесными воплощениями. Юридический прецедент, созданный для того, чтобы временно предотвратить самоубийства людей, бегущих от банкротства. Хуже того, срок действия права удержания имущества считается по субъективному времени от момента в системе отсчета Империи Кольца спустя полтора года после нашего отлета. Для моей второй половины, будь она жива, он бы уже истек, но мы пребывали в релятивистском полете, и я все еще являюсь обязанной по выплатам из-за сокращения времени. Это уже второй прецедент, созданный, чтобы не позволять людям использовать парадокс близнецов для избегания ответственности. По долгу накапал жуть какой большой процент, ибо я отсутствовала двадцать восемь лет физического времени.

Вот так вот и получилось, что этот тип, мой сын, которого я даже в глаза ни разу не видела, владеет сейчас «Странствующим Цирком» со всеми потрохами. И мои счета ныне закрыты – у меня даже не хватит денег, чтобы купить нам физические тела для выгрузки. Если у кого-то из вас нет тайника, пережившего крах рынка после нашего отлета, мы все в глубокой заднице.

Обеденный стол красного дерева длиной в восемь метров украшает выложенный плитами пол огромной музейной галереи. Он стоит под скелетом гиганта-аргентинозавра и подвешенной к потолку космической капсулой «Меркурий» [98] столетней давности. Стол освещен свечами, на нем красуются разложенные на двух противолежащих концах ложки и вилки из серебра в компании фарфоровых тарелочек. Сирхан восседает в кресле с высокой спинкой в тени грудной клетки трицератопса. Напротив него сидит Памела – она оделась к обеду по моде своей юности и салютует ему бокалом с вином.

– Почему бы тебе не рассказать мне о своем детстве? – спрашивает она. Высоко над ними кольца Сатурна мерцают сквозь стеклянную крышу, как светящиеся брызги краски, разбросанные по полуночному небу.

Сирхан опасается открыться ей, но утешает себя тем, что Памела уже явно не в том положении, чтобы использовать все, что он ей скажет, против него.

– О каком детстве ты хотела бы узнать? – спрашивает он.

– В смысле – «о каком»? – Она хмурится, многочисленные морщины на лице слагают причудливый узор.

– У меня ведь их было несколько. Мама все давила и давила на кнопку рестарта, все надеялась, что мне от этого будет добро. – Теперь его очередь хмуриться.

– О да, было дело! – выдыхает Памела, явно записывая его слова, чтобы и их против заблудшей дочери в случае чего задействовать. – Как думаешь, почему она так поступала?

– Это был единственный известный ей способ вырастить ребенка, – оправдывает мать Сирхан. – У нее самой не было ни братьев, ни сестер. И, возможно, она реагировала на собственные недостатки характера. [*Уж я-то точно больше одного ребенка не рискну заводить*], говорит он себе самодовольно. [*Скоплю денег на невесту, наберусь зрелости – тогда и только тогда*]. Будучи сверх меры осторожным, Сирхан не собирается повторять ошибки своих предков по материнской линии.

– Моей вины тут нет, – тихо говорит Памела. – Ее отец имел ко всему этому самое непосредственное отношение. Но какое… какое *другое* детство у тебя было?

– Много всяческих… Общее было одно – мать с отцом постоянно ссорились. Она все никак не соглашалась принять ислам, а он был слишком упрям, чтобы признавать, что для нее играет роль содержанца. Они были как две нейтронные звезды, завернутые в спираль гравитации, вусмерть дестабилизированную. Затем были другие мои жизни, раздвоенные и реинтегрированные, проходящие параллельно. Я, помнится, был и молодым пастухом во времена Среднего царства в Египте, и стопроцентно американским ребенком, выросшим в Айове в пятидесятых годах двадцатого века, и разок застал пришествие тайного Мессии – во всяком случае, предки его верили, что он тайный Мессия. Вот, как-то так. – Сирхан пожимает плечами. – Возможно, поэтому я и пристрастился к истории как к науке.

– Твои родители никогда не думали переделать тебя в девочку? – спрашивает у него бабушка.

– Мама пару раз порывалась, но отец ей запретил. Вернее, решил, что это против закона Всевышнего, – вспоминает он. – Можно сказать, что мне было дано весьма консервативное воспитание.

– Ой, да брось. Вот когда я была маленькой девочкой – тогда да, тогда никакого самостоятельного выбора идентичности не было. И никакого спасения – один эскапизм. А у тебя никогда, получается, не было проблем с самоопределением?

Приносят закуску, нарезанную кубиками дыню на серебряном подносе. Сирхан терпеливо ждет, пока его бабушка положит себе порцию.

– Чем большим количеством людей ты становишься, тем больше ты знаешь, кто ты есть, – говорит Сирхан. – Ты узнаешь, каково это – быть другими. Отец подумал, что, возможно,

мужчине не стоит слишком много знать о том, что значит быть женщиной. [*И дедушка не согласился, но ты уже знаешь это*], добавляет он для своего собственного потока сознания.

– Тут я с тобой совершенно согласна. – Памела улыбается ему, как могла бы улыбаться покровительствующая тетушка, если бы в сей улыбке не сквозило что-то азартное и акулье, заставляющее быть начеку. Сирхан пытается не выдать смущения. Он быстро отправляет в рот ложку с ломтиками дыни и тут же разветвляется, посылая парочку привидений полистать пыльные тома этикета и предупредить его, если он вдруг допустил оплошность. – Ну и как тебе понравилось твое детство?

– «Понравилось» – не вполне уместное слово, – отвечает он как можно ровнее, кладя ложку в сироп так, чтобы тот не разбрызгался. *Как будто детство – что-то, что может кончиться,* с горечью думает он. Сирхан значительно моложе гигасекунды и уверен, что проживет по меньшей мере терасекунду, если и не в точной нынешней молекулярной конфигурации, то хотя бы в некоем разумно стабильном физическом воплощении. И он намерен оставаться молодым в течение всего этого огромного промежутка времени, а может, и в следующие за ним петасекунды, хотя тогда, миллионы лет спустя, думает он, связанные с неотенией проблемы едва ли будут его интересовать. – Это еще не конец. А что насчет тебя? Ты наслаждаешься своей старостью, бабушка?

Памела почти вздрагивает, но сохраняет железный контроль над своим выражением лица. Алая кровь в капиллярах ее щек, видимая Сирхану через крошечные инфракрасные глаза, которые он держит на плаву в эфире над столом, выдает ее.

– В молодости я совершила несколько ошибок, но сейчас все хорошо, – беззаботно отвечает она.

– Ты ведь так мстишь, я прав? – спрашивает Сирхан, улыбаясь и кивая, чтобы со стола убрали закуски.

– Ах ты маленький!.. – Она пристально смотрит на него, не желая продолжать, – взор ее очень тяжел. – Что ты вообще знаешь о мести?

– Я – семейный историк. – Сирхан невесело улыбается. – И прежде, чем мне стукнуло восемнадцать лет, я прожил промежуток от двух до семнадцати раз сто, спасибо маминой страсти к рестартам. Не думаю, что мама поняла, что мой первичный поток сознания все в дневник записывал.

– Это чудовищно. – Памела берет свой бокал и делает глоток, пряча смущение. А у Сирхана такого заслона нет – в его стакане забродивший виноградный сок, от которого у него только язык щиплет. – Я бы никогда не обошлась так ни с одним своим

ребенком.

– Так почему же ты не хочешь рассказать мне о своем детстве? – спрашивает ее внук. – Для семейной истории, конечно.

– Ты все запишешь, – заявляет она, стуча стаканом по столешнице.

– Я как раз об этом думаю. – Сирхан приосанивается. – Написать старомодную книгу о трех поколениях и интересных временах. Упражнение в постмодернистской истории, но слегка бессвязное: иначе как задокументировать историю людей, что наугад меняют пол, проводят годы мертвыми, прежде чем снова появиться на сцене, и спорят с собственными релятивистскими сохраненными копиями? Конечно, я мог бы проследить историю дальше, если ты расскажешь мне о своих родителях, хотя я уверен, что их с нами уже нет, и на прямые мои вопросы они ответить не смогут: но сей путь в итоге уткнется в вульгарный первичный бульон, верно? Поэтому я подумывал использовать в качестве опоры всего повествования точку зрения ИИНеко, как центрального наблюдателя. Вот только эта дурацкая игрушка куда-то пропала. Но, поскольку большая часть истории еще не изведана и ждет нас в человеческом будущем, а наша работа начинается там, где перо самописца реальности отделяет будущее от прошлого, я могу с тем же успехом начать и отсюда.

– Ты, похоже, всерьез нацелился на бессмертие. – Памела изучает его лицо.

– Да, – спокойно и честно отвечает он. – Откровенно говоря, я могу понять желание состариться в отместку, но, прости меня за эти слова, мне трудно понять твою готовность следовать этой процедуре! Разве это не ужасно больно?

– Стареть – естественно, – ворчит Памела. – Когда прожил достаточно долго, чтобы все твои амбиции умерли, дружеские связи распались, любимые забылись – или кто-то их у тебя жестоко отобрал… что еще остается? Если ты чувствуешь себя усталым и старым духом, почему бы в конце концов не постареть и телом? В любом случае, желание жить вечно – аморально. Подумай обо всех ресурсах, которые ты занимаешь и которые нужны молодым! Даже выгрузки через некоторое время столкнутся с весьма конечным пределом хранения данных. Это чудовищно эгоистичное заявление – сказать, что решил жить вечно. И если есть что-то, во что я еще верю, так это государственный долг. А долг – обязанность уступить дорогу новому. Долг и контроль.

Сирхан переваривает ее тираду, кивая самому себе, а на столе тем временем является главное блюдо – жареная свинина в медовой глазури с морковью и бататом. Но вдруг откуда-то

сверху раздается стук.

– Это еще что такое? – недовольно вопрошает Памела.

– Один момент. – Зрение Сирхана распадается на туманный калейдоскопический вид музейного зала, когда он сортирует привидения, следящие за каждой вездесущей камерой видеонаблюдения. Он хмурится: что-то ползает по балкону между капсулой «Меркурий» и экспозицией старинных стереоизограмм из случайных последовательностей точек. – Бог ты мой. Кажется, в Музее что-то не в порядке.

– Что – не в порядке? В каком еще смысле – «не в порядке»?

Нечеловеческий вопль разрывает эфир над столом, а затем сверху раздается грохот. Памела неуверенно встает, вытирая губы салфеткой.

– Нам же ничего не угрожает? – спрашивает она.

– Угрожает – еще как! – Сирхан дымится от гнева. – Да весь наш обед под угрозой, ба! – Он задирает голову кверху. На балконе мелькает чей-то оранжевый мех, затем «Меркурий» начинает опасно раскачиваться на своих тросах. С поручня спрыгивает нечто гибкое, с двумя лапищами, покрытое оранжевой шерстью. Оно бесцеремонно хватается за бесценную реликвию, пробирается внутрь капсулы и усаживается верхом на манекене, одетом в потрескавшийся от времени скафандр Ала Шепарда. – Это же обезьяна! Город! Я сказал, Город! Что эта обезьяна делает на моем званом обеде?

– Господин, приношу свои глубочайшие извинения, но я не знаю! Прошу уточнить, о какой именно обезьяне речь! – ответствует Город, деликатно оставаясь голосом без тела. В его интонациях – отчетливая озорная нотка, но Сирхан не обращает на это внимания.

– В смысле – «о какой»? Ты что, не видишь ее? – спрашивает он, фокусируя взгляд на беснующемся в повисшем под потолком «Меркурии» примате. Тот пошлепывает губами и выкатывает глаза, запуская пальцы в уплотнитель на открытом люке капсулы, что-то гукает себе под нос и высовывает из иллюминатора сверкающий голый зад.

– Осторожно! – кричит Сирхан своей бабушке и машет рукой в воздухе, намереваясь приказать роботуману отвердеть. Но поздно – обезьяна выводит пронзительную газовую руладу, и на стол проливается дождь из дымящихся полужидких фекалий. Памела кривит морщинистое лицо в ужасе и омерзении, прячет нос в вовремя подхваченной салфеточке.

– Чтоб тебя, твердей уже давай! – злится Сирхан, но пыльца из наноботов, повисшая в воздухе, отказывается реагировать.

– В чем ваша проблема? Атака незримой обезьяны? –

спрашивает Город.

– Незримой? – озадаченно переспрашивает Сирхан.

– Ты что, не видишь, что она натворила? – визжит Памела. – Только что нагадила на главное блюдо, чтоб ты знал!

– Не вижу ничего такого, – неуверенно говорит Город.

– Давай помогу. – Сирхан выкатывает один свой глаз, фокусируется на орангутанге и передает данные напрямую в кортекс Города. Зверюга шарит лапами по крышке люка, как будто выискивает места кабельных соединений.

– О боже, – восклицает Город. – Меня только что взломали. Но это же невозможно!

– Как видишь, очень даже возможно, – разъяренной змеей шипит Памела.

– Взломали? – Сирхан перестает указывать воздуху, что делать, сосредотачиваясь на своей одежде. Ткань вмиг прочнеет, обращаясь в бронированный воздухонепроницаемый костюм. Пузырчатый визор вырастает из воротника и закрывает Сирхану лицо. – Город, пожалуйста, снабди мою бабушку аналогичным костюмом сию же секунду. И сделай его полностью автономным.

Воздух вокруг Памелы заворачивается в кристаллический бутон, а бутон, в свою очередь, опадает на нее сферой безопасности, похожей на гигантский хомячий шар.

– Если тебя взломали, то первый вопрос – кто это сделал, второй – почему, третий – как. – Сирхан нервно проводит самопроверку, но в его собственной матрице идентичности нет никаких признаков несоответствий; к тому же в пределе полудюжины световых часов для него раскидано множество узлов, на которых дремлют его «горячие следы», готовые к реактивации; в отличие от Памелы, человеческого существа старого образца, Сирхана убить классическими средствами практически невозможно. – Что это за шутки?

Орангутанг ворвался в музей не так давно, и считаные секунды прошли с тех пор, как Город осознал свое печальное положение. Но секунд этих хватает, чтобы мощные волны защитных мер пронеслись по обители-кувшинке. Мелкая незримая робовзвесь в воздухе ширится и полимеризируется, формируя защитные барьеры, что перехватывают голубей-пассажиров прямо в полете, запирают каждое здание и останавливают людей на улице. Город проверяет доверенную кибернетическую базу, начиная с самого простого и охраняемого ядра и продвигаясь наружу, к периферии, а Памела катится к отступлению, в безопасность этажа-мезонина и сада ископаемых. Сирхан с налитыми кровью глазами направляется к лестнице, намереваясь свернуть взломщику шею старыми проверенными

физическими методами.

– Кто ты такой, чтобы вламываться и портить нам обед? – кричит он, ступенька за ступенькой взбегая вверх. – Представься сейчас же!

Орангутанг нащупывает ближний кабель и дергает за него, одним махом раскачивая весящую тонну капсулу. Он скалится на Сирхана, демонстрируя зубы.

– Помнишь меня? – говорит он с обличительным гортанным французским акцентом.

– Помню кого? – И тут Сирхан застывает как вкопанный. – Тетя Нетти? Как… что вы забыли в этой обезьяне?

– Борюсь с некоторыми сложностями автономного управления. – Зверюга скалится еще неистовее, затем сгибает руку в петлю и чешет под мышкой. – Прости, установка прошла немного криво. Я только хотела сказать «привет» и передать послание.

– Какое еще послание? Ты взбесила бабушку, и если только она узнает, что ты тут…

– Не узнает: через минуту меня уже здесь не будет. – Зверюга Аннет садится прямо. – Тебя приветствует твой дед и говорит, что скоро заявится с визитом – в физическом, так сказать, обличье. Он очень рад будет встретить твою маму и ее пассажиров. Это всё. Тебе есть что ему передать?

– А разве он не умер? – ошеломленно спрашивает Сирхан.

– Не больше моего. А я уже опаздываю. Добрый день! – Обезьяна повисает на руках, держась за крышку люка, затем разжимает пальцы и падает на десять метров вниз, на твердый каменный пол. Ее череп от удара об пол издает звук, похожий на треск битой скорлупы на сваренном вкрутую яйце.

– Господи, – тяжело выдыхает Сирхан, жмурясь. – Город!

– Да, о господин?

– Убери труп, – говорит он, указывая на балкон. – Прошу тебя не беспокоить мою бабушку никакими подробностями. В частности, не говори ей, что это была Аннет. Эта новость может ее расстроить. – Он размышляет о том, как опасно иметь долгоживущую постчеловеческую семью: слишком много сумасшедших тетушек в космической капсуле. – Если ты сумеешь найти способ остановить тетю Нетти и сделать так, чтобы она больше не выращивала обезьян, то это будет неплохо. – Ему приходит в голову одна мысль. – Кстати, ты не знаешь, когда должен приехать мой дедушка?

– Ваш дедушка? – спрашивает Город. – Разве же он не умер?

Сирхан смотрит через балкон на окровавленные останки незваного гостя.

– Нет, если верить последнему воплощению его второй жены.

Похоже, финансирование воссоединения семьи обеспечено: Эмбер получает добро на перевоплощение всем пассажирам и команде «Странствующего Цирка». Кто снабдил их деньгами, однако, она не понимает. Возможно, это какой-нибудь древний финансовый механизм, придуманный папой, впервые за десятилетия зашевелился в своей берлоге, потянулся к запылившимся бумагам об уплатах за сделки и принялся ликвидировать долгосрочные активы, дожидавшиеся ее возвращения. Но какова бы ни была истинная причина, она горячо благодарна. Новые подробности о ее положении и о том, как она разорилась в пух и прах, невольно повергают в уныние. Ее единственным имуществом остался «Странствующий Цирк», устаревший на тридцать лет старвисп, весящий меньше двадцати килограммов вместе со всеми своими выгруженными пассажирами, командой и подранным остатком паруса, и без этого провидческого вложения она навсегда застряла бы в потоках электронов, вечно кружащихся по его цепям. Однако теперь, когда вклад представил ей свое предложение реинкарнации, Эмбер встает перед дилеммой: один из пассажиров «Странствующего Цирка» биологическим телом никогда не обладал.

Слизень разгуливает среди колышущихся ветвей, похожих на фиолетовые кораллы. Таково его призрачное воспоминание об инопланетной жизни. Кораллы – нечто по типу термофильных псевдогрибов с гифами, аналогами актин-миозиновых волокон, скользкие и мускулистые фильтрующие системы, поедающие планктон, взвешенный в воздухе. Сам Слизень – два метра в длину, и у него кружевной белый экзоскелет, дуги и изгибы которого сложены из неповторяющихся узоров, подозрительно напоминающих мозаику Пенроуза [99]. Под ним медленно пульсируют внутренние органы цвета шоколада. Почва под ногами вроде и сухая, но кажется отчего-то топкой.

По сути, Слизень – маска, воссозданная с хирургическим тщанием. И сам вид, представителем которого он был, и вся эта причудливая грибница-экосистема исчезли многие миллионы лет назад, все это время существуя лишь в качестве театральной декорации во владениях одичавших разумных финансовых инструментов. Собственно, Слизень – именно такой инструмент, и вместе с другими наделенными самосознанием аферами, пирамидами и целыми рынками бросовых облигаций, угодившими в суровую рецессию, он скрывался от кредиторов, маскируясь под форму жизни. Но при попытке воплотиться в

обители Сирхана его ждут сложности: экосистема Слизня – холодная, венерианского типа, она эволюционировала под тридцатью атмосферами насыщенного пара и под небом цвета раскаленного свинца с желтыми полосами облаков серной кислоты. А почва там топкая не потому, что влажная, а потому, что близка к точке плавления.

– Придется тебе подыскать иную одежку, – объясняет Эмбер, с трудом передвигаясь в своем интерфейсе – мыльном пузыре – по этому раскаленному, как забытая духовка, рифу доисторических кораллов. Граница между их мирами исчезающе тонка – она разделяет две симуляционные среды с разными параметрами, одна из которых подходит человеку, а другая по меркам людским скорее напоминает ад. – Эта – попросту несовместима с любой из поддерживающихся сред там, куда мы направляемся.

– Не понимаю. Я смогу интегрироваться с доступными мирами нашего назначения?

– Видишь, какое дело… за пределами киберпространства все устроено иначе. – Она пытается сообразить, как потолковее донести до пришельца мысль. – Там тоже возможно поддерживать разные физические модели, но на это требуется недешевая энергия. И ты не сможешь взаимодействовать с другими физическими моделями так же просто, как сейчас. – Она на секунду разветвляется, и ее привидение катится рядом со Слизнем внутри бака-рефрижератора, проламываясь через покрытые инеем кораллы, громко шипя и звякая. – Вот как-то так оно для тебя и будет.

– Как-то плохо выстроена твоя реальность, – критикует Слизень.

– Ее никто и не выстраивал. Она развивалась… как бы спонтанно. – Эмбер разводит руками. – Мы в ней не способны контролировать физические параметры так, как здесь, и я не смогу просто предоставить тебе интерфейс для купания в перегретом паре при трех сотнях градусов.

– Почему не-е-е-е-ет? – спрашивает Слизень, и мембрана-переводчик добавляет к его вопросу заунывно-протяжную ноту, будто пришелец капризничает.

– Это будет нарушением привилегий доступа, – силится разъяснить Эмбер. – Среда, в которой мы вскоре окажемся, скажем так, жестко согласована. Такой она обязана быть, иначе просто развалится: если создавать в ней локальные регионы с иными физическими параметрами, они могут начать неконтролируемо разрастаться. И это плохая идея, поверь мне. Так ты хочешь пойти с нами или нет?

– У меня маленькая свобода выбора, – слегка уязвленно

замечает Слизень. – Но я же смогу воспользоваться каким-то из ваших тел?

– Ну да, вот только… – Эмбер призадумывается, потом щелкает пальцами. – Неко!

В поле зрения что-то рябит, и на границе раздела сред проступает улыбка чеширской кошки.

– Привет, человек.

– Тьфу ты. – От неожиданности Эмбер отскакивает. – У нашего друга Слизня проблемка: нет тела, в которое можно загрузиться. Наши тела слишком стесняют в своей нейроструктуре, а у тебя, помнится, была целая куча программируемых массивов логики. Одолжишь парочку?

– Можно и лучше выход придумать. – ИИНеко зевает и обретает материальность. Слизень при этом встает на дыбы и пятится этакой напуганной сосиской: что бы ни привиделось ему в мембране, оно его пугает. – Я тут раздумывала, какое тело себе построить, и решила, что хочу кардинально изменить стиль. Твой дружок-аферист может принять мою старую модельку, пока не подберется что-нибудь получше. Как тебе?

– Ты слышал? – спрашивает Эмбер Слизня. – Неко отдает тебе свое тело. Устраивает такое предложение? – Не дожидаясь ответа, она подмигивает кошке, щелкает каблуками и исчезает, оставив позади улыбку и шепоток. – Встретимся на другой стороне!

У древнего передатчика «Странствующего Цирка» уходит всего несколько минут на то, чтобы завершить передачу замороженных векторов состояния всех своих обитателей. Со всеми сопутствующими данными объем передачи тянет на десятки авабит – здесь тебе и расшифрованные геномы, и подробные описания фенотипов и протеомов, и списки всех желаемых дополнений. Исходящий канал передает этот солидный объем по выходному каналу; информации вполне достаточно, чтобы полностью интерполировать строение биологического устройства, и магазин тел фестивального города берется за работу, готовя инкубаторы и разводя хакнутые стволовые клетки.

Ныне воплотить заново экипаж старвиспа, одуревший от релятивистских искажений, – не самый великий труд. Сначала Город (вежливо отклонив переданное в грубой форме требование Памелы прервать процесс на том основании, что у нее нет прав пристава) вырезает для прибывших путников новые скелеты и впрыскивает остеокласты в губчатую имитацию кости. На первый взгляд, они похожи на обычные стволовые клетки, однако вместо ядер у них примитивные зернышки компьютрония – взвесь столь мелкой умной материи, что «ума» у нее не больше, чем у

древнего «Пентиума», а управляющая лента-ДНК сконструирована лучше всего, что проходило эволюцию в живой матери-природе.

Эти интенсивно оптимизированные искусственные стволовые клетки, биороботы во всех отношениях, кроме названия, плодятся, как дрожжи, их поднявшиеся колонии родят на свет вторичные безъядерные клетки. После Город щедро впрыскивает в каждую квазираковую колонию капсид-носители, с ними будущие тела обретают реальные механизмы клеточного контроля. Спустя мегасекунду нанопроцессорам приходят на смену обычные ядра, выделяющиеся из клеток-хозяев и исторгающиеся наружу еще только наполовину сформировавшейся выделительной системой; практически хаотичный труд конструкторов уступает место более управляемым процессам. Наноботы остаются только в центральной нервной системе. Там им предстоит внести последние штрихи: одиннадцать дней спустя первые пассажиры загрузятся в синаптические карты, взращенные внутри новых черепов.

По меркам технологического стандарта быстро мыслящего ядра, весь этот процесс до невозможности медлителен, да к тому же смехотворно устарел. Там, внизу, они просто установили бы щит-волнорез от солнечного ветра, отгородили бы за ним вакуумную камеру и охладили бы ее стенки до долей кельвина, а затем ударили бы друг в друга двумя лучами когерентной материи, телепортировав туда информацию о векторе состояния, и изъяли бы материализовавшееся в описанной среде тело через гермозатвор, пока оно не задохнулось. Однако там, в раскаленной бездне, никому уже нет дела до плоти.

А Сирхану нет дела до процесса телостроения. Наблюдать за тем, как чей-то скелет зарастает мясом, и нетактично, и неэстетично. К тому же сейчас по телам совершенно не ясно, кто их впоследствии займет. Да и какой смысл в праздных подглядываниях, если все это лишь необходимая подготовка к главному событию: официальному приему и пиру. Дел тут по самые гланды – четыре Сирхановых привидения трудятся в полную смену.

Не будь такого количества запретов, Сирхан мог бы отправиться в исследовательский вояж по их ментальным архивам. Однако же подобное – одно из величайших табу постчеловеческого века. Тайные службы добрались до анализа и архивации памяти в 30-х и 40-х годах, заслужили себе из-за этого прочную репутацию полиции мысли и породили в качестве ответной волны целый вал извращенных ментальных архитектур, устойчивых к атакам информационных солдат. Теперь нации, которым служили эти шпики, исчезли, а их земли (в самом

буквальном смысле слова), как и почти вся остальная твердая масса Солнечной системы, пошли на строительство орбитальной ноосферы, однако они все же оставили Сирхану в наследство верность одному из великих новых вето двадцать первого века: не нарушай тайну и свободу мысли.

Поэтому, дабы удовлетворить любопытство, он проводит часы бодрствования своего биологического тела с Памелой, расспрашивая ее о всяком-разном и записывая пасмурные излияния бабушкиной памяти в свой прибавляющий в весе семейный архив данных.

– Я ведь не всегда была такой язвой и охальницей, – признается Памела, тыча тростью куда-то в сторону облачных пейзажей за краем мира. Ее слезящиеся маленькие глазки буравят Сирхана. Он-то надеялся услышать побольше о каких-то романтических семейных моментах, но все, что течет из расколотого сосуда бабушкиной памяти, – желчь. – Если бы меня не предавали постоянно, я бы такой и не стала. Манфред предал первым – и это было, пожалуй, самое худшее предательство. А от этой дрянь-девчонки Эмбер мне перепало больше всего сердечной боли. Обзаведешься детьми – слишком много в них не вкладывай, потому что потом они всем вложенным плюнут тебе же в лицо, и тебе только и останется, что утираться да залечивать раны. Они сбегут и позабудут о тебе, и никакого пути назад не будет. Все это неотвратимо, как смерть.

– К вопросу о смерти – так ли она неотвратима? – вопрошает Сирхан. Самому-то ему ответ прекрасно известен, но для него услада – давать старухе повод лишний раз бередить рану, сто раз зажившую и столько же раз расковырянную. Сирхан почти уверен, что она к Манфреду все еще неровно дышит. Сама эта семейная история – великолепна, и он отдал солидную часть своей скупой на радости жизни на алтарь их воссоединения, которое – наконец-то! – близится.

– Порой мне думается, что смерть еще более неминуема, чем взыскание налогов, – угрюмо отвечает ему бабушка. – Люди ведь не в вакууме живут, все мы часть масштабной картины… жизни. – Она глядит куда-то вдаль, поверх тропосферы Сатурна, где за легкой вуалью аммиачного снега встает коронованное малиновым сиянием Солнце. – Старое дает дорогу новому. – Вздыхая, она оправляет рукава. После бесцеремонного вторжения тетки-орангутанга она постоянно носит скафандр старого образца – облегающий черный шелк, пронизанный гибкими трубками и сетью умных датчиков. – Наступает час, когда надобно освободить место. Мой, по-моему, пробил уже давно.

– Ты так думаешь? – спрашивает Сирхан, дивясь этой новой

подробности ее долгих копаний в самой себе. – Может, ты так говоришь просто потому, что старость не в радость и все такое? Это же сугубо физиологический параметр, его можно поправить, да и…

– *Нет*, внучок, я просто чувствую, что длить существование – аморально. Не прошу тебя следовать моим идеалам, лишь утверждаю, что, *как по мне*, поступать так нельзя. Да, это аморально и препятствует естественному порядку вещей. Вся эта старая паутина завесила мир и мешает пробиться молодым. Ну и теологический аспект в этом всем есть. Раз уж ты вознамерился жить вечно – учти, что никогда не встретишь того, кто создал тебя.

– Значит, ты веришь в Бога Всевышнего?

– Я? Да, пожалуй. – Памела ненадолго погружается в молчание. – Хотя на этот счет так много разных теорий, что трудно выбрать – чему верить. Долгое время мне казалось, что твой дедушка взаправду познал ответы на все вопросы. Что я ошибалась. Но потом… – Она подперла подбородок тростью. – Потом он сказал, что выгружается, и тогда я поняла, что все, чем он располагал, – антигуманная, ненавидящая саму жизнь идеология. Но он в нее верил, как самый настоящий религиозный фанатик. Он просто хотел оставаться самым любимым мессией нердов, провести их в рай для искусственных интеллектов. Это – не по мне. На такую дешевку я не куплюсь.

– Оу. – Сирхан, сощурившись, изучает глазами облачный пейзаж – ему на миг причудилось что-то, где-то далеко во мгле, на непонятном расстоянии (ведь трудно отличить сантиметр от мегаметра там, где нет ни одной отсчетной точки, а до горизонта расстояние в целый континент). Что именно – нельзя сказать. Наверное, просто другой город, видом своим похожий на моллюска – ощетинившийся антеннами, влачащий за собой хвост-веер из узлов-репликаторов. Непонятный объект скрывает полоса облаков, а когда проясняется – уже ничего не видать. – Но что же остается в итоге? Страшно, наверное, умирать, если в Бога не веришь. Особенно если смерть подступает так… медленно.

Памела улыбается, и улыбка эта напоминает оскал черепа, только еще мрачнее.

– Все это абсолютно естественно, лапушка. Вот от тебя же вера во вложенные среды-реальности не требует веры в Бога? Их используют каждый день как инструменты мозга. Примерь-ка на общую картину антропный принцип – и разве не очевидно станет, что и эта вселенная, наша, скорее всего, симуляция? Мы живем на раннем этапе ее истории. Быть может, это все… – Памела указывает на внутреннюю стенку пузыря из алмазного волокна,

ограждающую город от бесчинствующих криогенных сатурнианских бурь и держащую в своих пределах нестабильную земную атмосферу, в которой нет места внешним дождям из аммиака и водорода, – …может, это все какая-нибудь единичная симуляция в недрах паноптикума какого-нибудь генератора древней истории, который миллиард триллионов лет спустя прогоняет заново всевозможные пути возникновения разумной жизни. И тогда смерть – лишь пробуждение в новой, более обширной среде, не более. – Улыбка сползает с ее лица. – А если нет, то я просто старая дура и заслужила то забвение, которого хочу.

– Но ведь… – начинает Сирхан – и осекается, чувствуя, как проходит по коже холод. *Она, наверное, сумасшедшая*, вдруг доходит до него. *Не в клиническом смысле, нет… но она однозначно в ссоре со всем мирозданием. Ее по рукам и ногам сковывает ошибочное понимание своей роли в реальности.* – Я надеялся на воссоединение, – тихо говорит он. – Ну сама подумай, какие удивительные времена застала твоя семья. Зачем все портить?

– Что портить-то? – Старуха взирает на него с жалостью. – Все было испорчено уже давным-давно. Всем пожертвовали – себе же назло, и даже не сомневались притом. Если бы Манфред не отказался от своей человечности и если бы я со временем научилась бы гибкости, может, мы бы еще… – Она прерывается на полуслове. – Ну и дела.

– Что такое?

Удивленная, Памела поднимает трость и показывает на кипящие грозовые тучи:

– Клянусь, там только что был лангуст.

Просыпаясь, Эмбер выныривает из пучины – отступают тьма и жуткое давление вод. В самый первый, полный ужаса миг ей чудится, что она опять угодила в ирреальный мир по ту сторону роутера, и в ее мыслях шарят щупальца-зонды, выведывающие весь ее опыт вплоть до самых укромных и потаенных уголков сознания. Легкие словно бы обращаются в стекло и разбиваются на тысячу мелких осколков, но в следующую секунду она кое-как приходит в себя и хрипло откашливается, жадно дыша стылым ночным воздухом музея.

Ощущение твердого каменного пола под ногами и странная боль в коленях говорят о том, что отныне она не на борту «Странствующего Цирка». Чьи-то грубые руки держат ее за плечи, ее тошнит синей слизью, все тело ходит ходуном от кашля. Голубая субстанция сочится из кожных пор, испаряется с рук и

груди, и в движении завитков пара ощущается некая целенаправленность.

– Благодарю, – выдыхает наконец Эмбер. – Я… дышу, кажется.

Сев на пол, она понимает, что совсем без одежды. Закрывает и открывает глаза – все, что ее сейчас окружает, внушает чувство экзотичности и странного, лишнего неудобства. Хлопая глазами, она ощущает некое сопротивление – веки слушаются ее как бы с долей задержки. Ощущение повторного узнавания чего-то позабытого, знакомого ранее – вот что она сейчас чувствует: будто очутилась на родине после долгих мытарств. Но вот то, что *именно* ее окружает, чувству этому как раз и не способствует: кругом такая тьма, что хоть глаз выколи, и из нее, по мере привыкания глаз, проступают яйцевидные контейнеры с телами в разнообразных, но одинаково жутко выглядящих стадиях сборки, прямо-таки мечта патологоанатома. А рядом с ней – какая-то дико неказистая тварь, держит за плечи: тоже голая, но хоть вся заросшая оранжевой шерстью.

– Очнулась, *ma chérie*? – спрашивает орангутанг.

– Хмг. – Эмбер осторожно трясет головой, убирая липкие мокрые волосы с лица. По коже гуляет мимолетный сквозняк. Она сосредотачивается на своих внутренних чувствах и пытается ухватить реальность, но та не поддается – она не вложенная. Все, что окружает ее теперь, такое закостенелое и неподатливое, что накатывает резкий приступ панической клаустрофобии: *помогите, меня заперли в реальном мире!* Еще одна проведенная наскоро проверка, впрочем, сообщает Эмбер, что у нее имеется доступ к кое-чему за пределами собственной черепушки, и паника отступает. Экзокортекс успешно переместился в данный мир вместе с ней.

– Где я, в музее? На Сатурне? Мы что, знакомы?

– Лично – нет, – деликатно отвечает орангутанг, – но по переписке – да. Я Аннет Де Марко.

– А, тетя! – На неосвоившийся еще мозг Эмбер нахлестывает прибой воспоминаний, и она разветвляет сознание, чтобы сгрести всю кучу в одно целое. Да, когда-то именно эта женщина даровала ей при помощи отца столь необходимую свободу. Конечно.

– А папа здесь? – с надеждой интересуется Эмбер, даже осознавая, что в реальном мире пролетело тридцать пять лет линейного времени: по меркам эпохи, где в одну декаду проходит сразу несколько промышленных переворотов, воды жуть как много утекло.

– Я не знаю наверняка. – Орангутанг лениво жмурится, чешет подмышку, окидывает обстановку взглядом. – Может, он в одной

из этих бочек, играет сам с собой в наперстки. А может, ушел в одиночный заплыв – до той поры, пока пыль не уляжется. – Обезьяна вновь поворачивается к Эмбер и таращит на нее огромные карие, слишком человеческие глазищи. – Надо думать, не так ты все это себе представляла?

– Совсем не так. – Эмбер делает глубокий вдох, десятый или двенадцатый по счету из всех, что сделали эти новые легкие. – Что с твоим телом? Ты же была человеком. И что тут вообще происходит?

– Я *до сих пор* человек – в том смысле, который по-настоящему важен, – отвечает Аннет. – Я пользуюсь подобными телами, потому что они лучше подходят к гравитации низкого уровня, да и не устают напоминать мне, что моя среда обитания круто поменялась; ну и еще одна причина есть. – Обезьяна странным жестом указывает на открытую дверь. – Там, снаружи, все круто изменилось. Твой сын устроил…

– Мой *сын*. – Эмбер моргает. – Это же он хочет меня засудить? Какую версию меня? Насколько давно? – Вопросы льются из нее рекой, сознание пытается выщепить ответы, бомбардируя структурированными запросами публичный сектор мысленной сети, к коему у нее обнаружился доступ. Вскоре до Эмбер доходит, что́ ее ждет в ближайшем будущем, и она в ужасе пучит глаза. – О боже! Скажи мне, что она сюда еще не приперлась!

– Увы, она уже здесь. – Аннет качает головой. – Сирхан – чудно́й ребенок. Он похож на свою бабушку, Памела для него – во многом образец для подражания. Само собой, она будет на встрече – ведь он ее пригласил.

– Они нас будут *встречать*?

– Ну да, а что в этом такого? Этой встречей он хочет отметить старт особого проекта. Он создает семейный архив – и потому покамест замораживает иск. Вот почему все здесь, и даже я. – Аннет довольно скалит свои обезьяньи зубы. – Надо думать, их здорово смутит мой прикид…

– Расскажи про эту библиотеку, – просит Эмбер. – И заодно – про этого моего сына, которого я ни разу не видела, от отца, с которым я ни разу в жизни не спала.

– То есть обо всем и сразу? – уточняет Аннет.

– Именно. – Эмбер с хрустом распрямляет спину. – Мне срочно нужна одежда. Еще – кресло помягче. И что-нибудь попить.

– Ну пошли тогда, – говорит обезьяна, распластываясь и разворачиваясь оранжевой ковровой дорожкой. – Начнем с последнего…

Бостонский научный музей – не единственное здание, размещенное на кувшинке; он всего лишь занимает центр композиции. Определенно, это самая бесполезная постройка, возведенная из добытой еще до Просвещения пассивной материи, реликта давно ушедшей эпохи. Орангутанг ведет Эмбер по служебному коридору наружу, в освещенную кольцами Сатурна теплую ночь. Трава под ногами влажная от росы, и от краев мира-кувшинки сюда доносится легкий ветерок, создаваемый аппаратами искусственной циркуляции воздуха. На пару с сутулой обезьяной с оранжевой шерстью Эмбер взбирается по красивому холму и проходит под плакучей ивой. Пройдя по дуге в триста девяносто градусов, она внезапно обнаруживает, что оказалась в доме со стенами, сотканными из облаков, и потолком, с которого льется лунный свет, а пройденный ландшафт исчез, будто его и не бывало.

– Что это? – зачарованно спрашивает Эмбер. – Что-то вроде аэрогеля?

– Не. – Аннет рыгает, запускает руку в стену и достает немного тумана. – Табуретку мне сотвори, – говорит она. Комок мглы обретает форму и текстуру, твердеет, и перед Эмбер образуется вполне достоверная репродукция трона королевы Анны. – И мне одну. И смени интерьер – пусть станет поинтереснее. – Стены, реагируя на ее слова, отступают и твердеют, покрываясь краской, деревом и стеклом. – Вот уже лучше. – Обезьяна скалит зубы в довольной улыбке. – Комфортабельно? – спрашивает она у Эмбер.

– Но это же… – Эмбер проглатывает остаток мысли. Она бросает взгляд на знакомую каминную полку, на ряд диковинок, на детские фотографии – блеск и нищета, отраженные в вечном глянце. Это ее детская спальня. – Ты все это принесла с собой только ради меня?

– С этим футуршоком никогда не угадаешь. – Аннет пожимает плечами и закидывает гибкую лапу за голову, чтобы почесать затылок. – Это полезный туман, используемый нами для самых разных целей. Он состоит из наноединиц, каждая из которых может связываться с несколькими такими же в распределенные сети, как при фазовом переходе «пар – твердое тело», они способны на изменение формы по команде и на многое другое. Текстура и цвет не настоящие, они поверхностны. Но да, это все действительно взято из одного письма твоему отцу от матери. Она притащила это все сюда, чтобы тебя впечатлить. Если бы все случалось в нужное время… – Ее губы оттягиваются, обнажая большие квадратные зубы, предназначенные для пережевывания листвы. Через миллион лет трудов эволюции это,

наверное, может сойти за улыбку.

– Ты… я… блин, я не ждала вот такого вот. – Эмбер подмечает, что дыхание ее стало частым-частым; кажется, до новой панической атаки недалеко. От одного осознания, что мать где-то рядом, делается худо. Аннет – ладно, Аннет классная. Да и общество папы – старого афериста, спеца по головоломным многоходовкам и никудышного во всем, что касается рождественских подарков, – она бы как-нибудь вынесла. Но Памела всегда в ней видела лишь капризного ребенка, которого надо сделать шелковым, чтобы отвечал всем заданным ей стандартам. Эмбер побывала в невообразимых местах и уж точно сделалась взрослее, но перспектива встречи с матерью вселяет в нее иррациональную боязнь.

– Да не трясись ты так, – подбадривает Аннет. – Она-то думала тебе всем этим досадить – и это явно слабость: значит, веры в собственную правоту недостает. А я показываю тебе все это, чтобы укрепить.

– Ей-то недостает?! – Это что-то определенно новенькое. Эмбер подается вперед и вся обращается в слух.

– О да. Памела сейчас – просто сварливая карга. Время ее не пощадило. Она, судя по всему, надумала пассивно покончить с собой с помощью необратимого старения, а нас оставить с тяжестью вины за то, что плохо с ней обошлись. Смерти она, само собой, все равно боится, но виду не подает. Сирхан все вьется пажом вокруг нее, глупый ребенок, обходится с ней так, будто она пуп земли, и думает, что помочь ей уйти в мир иной – значит поспособствовать торжеству ее идей. Ему ведь еще никогда прежде не доводилось смотреть, как взрослый человек задом наперед шагает к пропасти.

– Задом наперед, значит. – Эмбер делает очередной глубокий вдох. – Получается, что мама так несчастна, что добровольно отдается на милость старости? Это самое медленное самоубийство из всех возможных.

Аннет печально качает головой.

– У нее было лет пятьдесят, чтобы попрактиковаться. А тебя тут не было двадцать восемь лет, если что. Когда она тебя вынашивала, ей было тридцать, теперь – за восьмой десяток перевалило. Она отрицает все вмешательства в геном, даже основала Ассоциацию Защитников Изначального Генома, АЗИГ. Почистить и омолодить свое тело для нее ровно то же, что бросить носимый полвека штандарт; да и выгрузку она не приемлет – ведь, по ее мнению, сущность должна быть незыблемой, неизменчивой. Она прибыла сюда в стазисе на физическом корабле и назад возвращаться не собирается – хочет

встретить смерть тут, понимаешь? Потому-то тебя сюда и притащили. Ну, само собой, еще приставы приложили руку – они выкупили кредиторские права твоей прежней версии и теперь сторожат тебя на подходе к Юпитеру, вооруженные мозговыми зондами, чтобы вытянуть из тебя все ключи доступа…

– Блин, да она же меня к стенке приперла.

– Ну, я бы так не сказала. Думаю, все мы рано или поздно вносим коррективы в свои принципы… но Памела податливости лишена начисто. Конечно, она не глупая, да и не так мстительна, как сама считает. Ей кажется, что она просто старуха, которой нагадили в душу, а на деле – не все так однозначно. Мы с твоим отцом…

– Он до сих пор с нами? – спрашивает Эмбер взволнованно. Ей хочется верить, что о Манфреде Масхе плохих вестей ждать не придется.

– С нами, с нами. – Аннет снова пытается изобразить улыбку, но в этот раз это точно простое зубоскальство. – В общем, да, мы с твоим отцом пробовали помочь Памеле. Но от нас она помощь не принимает. Для нее что Манфред – не мужчина, что я – не женщина, но со мной она хоть как-то способна общаться. Возможно, и с тобой станет. Но сокровища Манфреда давно исчерпали себя. В настоящее время твой отец далеко не богач.

– Ну ладно. – Эмбер кивает сама себе. – Все равно он кое в чем способен мне помочь.

– Вот как? И в чем же?

– Помнишь, с какой изначальной целью мы снарядили «Странствующий Цирк»? Из-за той разумной инопланетной передачи…

– Да, помню, как сейчас. – Аннет фыркает. – Искали спекулятивные высокодоходные пирамиды у мудрых старших братьев по разуму.

Эмбер облизывает пересохшие губы.

– Нас здесь могут подслушивать?

– За милую душу. Дом без возможности слежки тут попросту невозможен.

– Ну тогда…

Эмбер закапывается в собственный разум, разветвляется, собирает затейливый букет из мыслей и воспоминаний и направляет вовне. Она передает Аннет конец шифрованного канала, и поток застывших продуктов мыслительной деятельности вливается той в голову. Аннет сидит неподвижно секунд десять и вздрагивает потом, тихо ойкнув.

– Тебе стоит показать это отцу, – говорит она, приходя в заметное возбуждение. – А мне теперь надо идти. Вообще, не стоило мне узнавать об этом. Это же бомба! Материал высочайшего общественного значения, вот увидишь! Я вернусь в главную ветвь и дам ему знать.

– Погоди! – Эмбер встает так быстро, как только позволяет неуклюжее, непривычное пока еще тело, но Аннет куда проворнее – она уже взбирается по сконструированной из пены лестнице, прозрачной, словно желе.

– Расскажи Манфреду! – говорит ее тетя в теле орангутанга. – И никому, кроме него, не доверяй! – С другого конца канала в сознание Эмбер проталкивается входной пакет сжатой и добросовестно закодированной памяти, а секунду спустя обезьянья голова Аннет касается потолка и расплывается. Конструкции распадаются, их частицы отпускают друг друга, и струи испаряющегося роботумана тают в основном блоке породившей липовую обезьянью тушку постройки.

Снимки из семейного альбома: *что было, пока тебя не было*…

• Эмбер в парчовом платье и короне, инкрустированной алмазными процессорами и внешними нейроантеннами; в окружении свиты она вышагивает со всем величием утвержденной главы государства и правителя юпитерианской луны, даруя камере мудрую улыбку, полную профессионального лоска, на какую способен лишь очень толковый видеофильтр публичных конференций. «Мы очень рады быть здесь, – говорит она, – рады способствовать дальнейшему развитию космической программы в Империи Кольца».

• Клочок обыкновенной бумаги, испещренный кривоватыми буквами, выведенными выцветшим коричневым веществом, – возможно, кровью. Надпись сообщает: «Все, отписываюсь, не трогайте меня». Эта версия Пьера не пошла в роутер: она осталась дома, удалила все свои резервные копии и перерезала себе вены, оставив лишь эту резкую эпитафию. Таков шокирующий и самый первый холодный порыв зимнего шторма, проносящегося через политическую элиту системы. Он знаменует начало режима цензуры сведений, направляемых в старвисп: Эмбер, горюя,

принимает ответственное решение не сообщать своему эмиссару к звездам, что один из членов его экипажа мертв, и выгрузка на корабле теперь уникальна.

• Манфред Масх – пятидесятилетний диджерати [100] болезного вида (на деле у него прекрасное здоровье – для его-то лет) сидит, опутанный проводами, в кресле выгрузочного зонда, на лице – глуповатая улыбка. Он решился на последний шаг – не запустить на экзокортексе распределенных процессоров новую экстракопию мыслительных процессов, но всю личность целиком выгрузить из тела, то есть повторить подвиг экипажа «Странствующего Цирка». Аннет, худая и элегантная, парижанка до мозга костей, стоит позади него – с видом жены человека, приговоренного к казни.

• Свадьба, шиитская Мута, но на ограниченный срок. Многие считают мероприятие позором, ведь невеста не мусульманка и носит корону вместо вуали, а о женихе ее в кругах околомарсианского исламского духовенства и без того уже как только не высказывались. Что ж, совет да любовь молодым, в чьем распоряжении больше стратегической огневой мощи, чем у любой сверхдержавы конца двадцатого века. У их ног с самодовольным видом свернулась кошка, страж блокировочных ключей орбитальных лазеров.

• Сполох рубинового света на фоне тьмы – сползающий в инфракрасный спектр ответный сигнал «Странствующего Цирка», прошедшего отметку в один световой год. То есть сейчас судно почти в двенадцати триллионах километров от Плутона/ (Хотя разве можно назвать старвисп полноценным «судном», когда он весит всего-то сотню килограммов вместе с парусом? «Судно» – это что-то большое!)

• Крах транслунной экономики: в горячих мыслительных глубинах Солнечной системы огромные новые интеллекты придумывают новую теорию богатства, которая оптимизирует распределение ресурсов лучше, чем ранее распространенный Свободный Рынок 1.0. Без каких-либо локальных минимумов, препятствующих им, и без необходимости порождать и пожинать плоды стартапов в стиле Дарвина, компании, групповые умы и организации, которые принимают так называемую ускоренную торговую инфраструктуру Экономики 2.0, ведут друг с другом оптимальную торговлю. Фазовый переход ускоряется по мере того, как все больше и больше субъектов присоединяются к ним, используя внешние эффекты сети, чтобы обогнать традиционную экосистему. Эмбер и Садек на этот поезд уже опоздали. Постмодернистская экономика середины двадцать первого века рушится вокруг них как карточный домик, а Садек все увлеченно

пытается согласовать УТИ с контрактами мурабаха и доверительным финансированием мудараба. Опоздание дорого им обходится: Империя Кольца всегда служила импортером мыслительной силы и экспортером гравитационной потенциальной энергии, но промышленников-демонов маршрутизации не волнует сочащийся по битам и замедленный красным смещением поток данных с релятивистского зонда. Теперь Империя – изнуренная невзгодами периферия, управляемая парочкой обнищавших.

• Послание с того света: путешественники на борту звездолета достигли своей цели – инопланетного артефакта, дрейфующего по холодной орбите вокруг замерзшего коричневого карлика. Они безрассудно загружают себя в него, запирая старвисп на долгие годы гибернации. Эмбер и ее муж стеснены в средствах и едва ли способны оплатить работу движущих лазеров: остатки кинетической силы Империи Кольца, основанной на орбитальном импульсе маленькой внутренней юпитерианской луны, быстро, практически без потерь поглощаются грубыми потребностями экзобионтов и метантропов, развивающихся и размножающихся в инфосреде их владений. Цена импорта мозгов в Империю Кольца очень высока: почти в отчаянии Эмбер и Садек рожают дитя Поколения 3.0, чтобы было кому оставить обездоленное королевство. На снимке – кошка, обиженно вздыбившая хвост рядом с колыбелькой, заточенной под условия невесомости.

• Письмо-сюрприз с внутренних орбит: Памела, мать Эмбер, предлагает помощь. В интересах ребенка Садек принимается за обновление пользовательской системы взаимодействия и разгон пропускной способности. Несчастное дитя многократно разветвляют, и Эмбер прогоняет ветви через симуляции, в отчаянии тасуя разные варианты и итоги воспитания. Родители из супругов никудышные: отец рассеян и склонен увлекаться поиском скрытого смысла в сурах, а мать смертельно измотана необходимостью управлять экономикой маленького и бедствующего королевства. За десятилетие Сирхан проживает дюжину жизней, меняя личности как перчатки. Шаткое настоящее и неопределенное будущее Империи Кольца его не привлекают, а навязчивые идеи родителей бесят. И когда его бабушка предлагает спонсировать перелет и последующее образование в одной из орбитальных колоний у Титана, его родители, облегченно вздохнув, дают добро.

• Эмбер и Садек разводятся. Под гнетом все учащающихся вторжений реального мира в область духовных грез, Садек пишет учение, отправляется в облако Оорта и вливается в секту суфиев,

заморозивших себя в матрице стеклообразующих наноботов до лучших времен. Его инструмент завещания, он же легальный аппарат его воскрешения, объявляет, что он ждет пришествия тайного двенадцатого имама.

• Эмбер в свою очередь обшаривает внутреннюю систему в поисках вестей о своем отце, но ничего не находит. Нелюдимая и одинокая, преследуемая обвинениями в долгах, она уходит в борганизм, лишаясь тех аспектов своей личности, из-за коих столь низко пала. По закону ее ответственность связана с ее личностью, и в конце концов она принимает без остатка личность таких же угрюмых отшельников, таким образом расплачиваясь за полный разрыв с прошлым.

• Без Королевы и консорта Империя Кольца, беспризорная, с протекшей атмосферой, поставленная на автопилот громада, медленно погружается в юпитерианскую жижу, излучая энергию на внешние луны, и в конце концов пробивает дыру в облачном настиле, рождая прощальную ослепительную световую вспышку, какой не наблюдалось со времен столкновения Юпитера с кометой Шумейкеров-Леви 9 [101].

• Поглощенный чтением «Сатурналий» [102] Сирхан расстроен родительским крахом и решает, что если они не стали великими, то хоть он покажет себя, пусть даже и не обязательно так, как им бы понравилось.

– Понимаете, я рассчитываю на ваше участие в моем историографическом проекте, – говорит юноша с серьезным лицом.

– Круто! – Пьер идет за ним по дугообразному тоннелю, сцепив руки за спиной – так легче скрыть возбуждение. – А о какой истории речь?

– О двадцать первом веке, конечно же, – отвечает Сирхан. – Вы же его помните, так?

– Я-то? – Пьер делает паузу. – Вы серьезно?

– Да. – Сирхан распахивает неприметную дверь. – Сюда, прошу вас. Я объясню.

За дверью когда-то была одна из боковых галерей музея, набитая интерактивными экспонатами, служившими для посильного объяснения основ оптики детям с дефицитом внимания и их родителям или опекунам. Но традиционная оптика давным-давно устарела, ведь программируемая материя способна замедлять фотоны до полной остановки, кидать их туда-сюда, играть в пинг-понг спином и поляризацией. Теперь зал пустует, пассивная материя в стенах и полу заменена маломощным компьютронием, а из стен протянуты вниз

теплообменники, отводящие скудное сбросовое тепло обратимых вычислений далеко под парящее днище города-кувшинки.

– Став куратором музея, я превратил его несущую конструкцию в узконаправленный архив данных высокой плотности – скажем так, воспользовался служебным положением. В данный момент я располагаю где-то миллиардом авабит емкости, и если бы у меня была цель записать сюда всю память и весь сенсорный трафик всех людей Земли двадцатого столетия, я бы без труда это сделал.

Стены и потолок постепенно оживают, светлеют и превращаются в захватывающий дух вид на рассвет с края Метеорного Кратера в Аризоне (но не исключено, что это центр Багдада).

– Осознав, что моя мать растранжирила семейное состояние, я стал искать способ все исправить, – продолжает Сирхан. – И в итоге вот к чему пришел. Существует лишь одно благо, ценность которого будет расти экспоненциально с ходом времени: *обратимость*.

– Обратимость? Что-то не понимаю. – Пьер трясет головой, все еще слегка мутной после второго рождения, имевшего место час назад. Он никак не привыкнет к тому, что вселенная утратила податливость и никакие сиюминутные прихоти ей более не указ. Вдобавок он тревожится за Эмбер – ее нет в инкубационном зале. – Кстати, извините, но вы не знаете, куда Эмбер запропала?

– Прячется, думаю, – говорит Сирхан без намека на иронию. – Ведь здесь ее мать, – добавляет он. – Почему вы спрашиваете?

– Не уверен, как много вы о нас уже знаете… – Пьер вопросительно смотрит на него, – …но мы очень долго пробыли на борту «Странствующего Цирка» вместе.

– Не волнуйтесь, я прекрасно понимаю, что вы и те люди, что привели к гибели всю Империю Кольца, почти ничего общего не имеете, – отмахивается Сирхан, и Пьер спешно генерирует парочку привидений, чтобы разузнать историю, на которую ссылается юноша-куратор. Когда они воссоединяются с главным потоком его сознания, его ждет нехилое потрясение.

– Нам ничего из этого не сообщили! – восклицает Пьер, скрещивая руки на груди. – Ни слова про вас, про… вашего отца. – Последние два слова он произносит потише. И добавляет уже совсем тихо: – И про мою первую версию… я что, взаправду покончил с собой? Но зачем? – Он и вообразить не может, что здешняя Эмбер нашла в замкнутом святоше Садеке, и даже думать об этом ему не хочется.

– Я знаю, вам непросто это принять, – покровительственным тоном говорит Сирхан. – Но это напрямую относится к тому, о

чем я только что говорил. Что обратимость значит для вас, применительно к тому, что вам дорого? Вы, если угодно, представляете возможность обратить все неудачи, приведшие вашу исходную версию к печальному концу, какими бы те ни были. Она ведь методично вымарала все архивы, обнаруженные ее привидениями, и вас уберегла лишь задержка в световой год и тот факт, что активная копия – технически совсем другая личность. Ныне вы живы, а исходник мертв – каковы бы ни были причины его суицида, вы их нивелируете. Примите это как естественный отбор среди различных версий себя: остается жить самая приспособленная.

Он указывает на стену кратера. Древовидная диаграмма начинает расти из нижнего левого угла стены, изгибаясь и усложняясь по мере подъема к верхнему правому краю, увеличивая масштаб и дробясь на таксономические линии разломов.

– Вот вам жизнь на Земле, ее генеалогическое древо – то, что палеонтология смогла вывести из него для нас, – напыщенно говорит он. – Позвоночные начинаются там. – На дереве отмечется точка на три четверти пути вверх по стволу. – И с тех пор мы получаем в среднем по сотне образцов окаменелостей на один мегагод. Большинство из них собрано в последние два десятилетия, поскольку исчерпывающее картографирование земной коры и верхней мантии на микрометровом уровне стало практически осуществимым. Какая же *растрата*.

– Это… – Пьер быстро подсчитывает сумму, – …пятьдесят тысяч различных видов? И что, есть какая-то проблема?

– О да! – яростно говорит Сирхан, уже не столь отстраненный и холодный. Он явно еле держит себя в руках. – В начале двадцатого века насчитывалось примерно два миллиона видов позвоночных и около тридцати миллионов видов многоклеточных организмов – трудно применить такую же статистическую обработку к прокариотам, но, несомненно, их тоже было огромное количество. Средняя продолжительность жизни вида составляет около пяти мегалет. Раньше считалось – не больше мегагода, но это слишком ориентированная на позвоночных оценка, многие виды насекомых стабильны в течение длительных периодов геологического времени. Итак, мы имеем полную выборку из всей истории человечества, состоящую всего из пятидесяти тысяч известных доисторических видов – из тридцатимиллионной популяции с характерной частотой смены порядка пяти миллионов лет. То есть нам известна лишь одна форма жизни – на миллион когда-либо существовавших на Земле. А с человеческой историей дело обстоит еще хуже.

– Ага! Значит, вы охотитесь за воспоминаниями, да? Что на самом деле произошло, когда мы колонизировали Барни? И кто выпустил жаб Оскара в микрогравитационном отсеке «Эрнеста Алого», ну и все в таком духе?

– Не совсем. – Сирхан выглядит огорченным, будто его прозрение обесценивается оттого, что его нужно разъяснять. – Мне нужна история. *Всецелая*. Я собираюсь захватить весь рынок фьючерсов в этой сфере. И для этого мне понадобится помощь деда, а вы все здесь, чтобы помочь мне заручиться ею.

Все остальные пассажиры «Странствующего Цирка», заблудшие выходцы из былых эпох, вылупляются из своих инкубаторов в течение тех же суток и разбредаются кругом, по озаренной кольцами Сатурна местности. Внутренняя система кажется отсюда неясным пятном, набухшим красным облаком, прячущим в себе Солнце. Но за ходом грандиозного реструктурирования можно следить уже сейчас, во фрактальной текстуре колец, слишком упорядоченной, чтобы быть естественной. Сирхан (или кем бы ни был таинственный устроитель воссоединения) снабдил их всем необходимым: едой, водой, одеждой, кровом, полосой передачи данных – жаловаться не на что. Сервопыль оседает, ваяя многообразие форм и стилей, и вскоре на травянистом холме близ музея развертывается мини-городок из домиков-пузырей.

Сирхан – не единственный житель фестивального города, но все остальные держатся особняком. Только буржуазные изоляционисты и чудаковатые затворники захотели бы жить здесь прямо сейчас, когда целые световые минуты разделяют их со всей остальной цивилизацией. Сеть городов-кувшинок еще не готова к волне сатурнианской иммиграции, которая обрушится на сей дальний рубеж, когда наступит час проведения Всемирной ярмарки, через десять или более лет. Явление пассажиров «Странствующего Цирка» загнало всех здешних анахоретов в подпол, порой буквально: сосед Сирхана Винка Ковиц, посетовав горько на суету и шум («Сорок иммигрантов! Экое безобразие!»), заперся в автономной капсуле жизнеобеспечения и погрузился в спячку на конце шелкового троса на километр ниже кружева каркасных опор города.

Но это не помешает Сирхану организовать прием для гостей. Он вытащил свой великолепный обеденный стол наружу вместе со скелетом аргентинозавра. Трапезную он оборудовал прямо внутри грудной клетки ящера. Не то чтобы он собирался засветить все козыри в руке, но ему интересно посмотреть на реакцию своих гостей. Может быть, через нее он выведет на

чистую воду таинственного благодетеля, спонсировавшего построение новых тел всему экипажу.

Агенты Сирхана вежливо приглашают своих гостей на вечеринку, поскольку второй закат в этом дневном цикле мягко затемняет небо до фиолетового цвета. Он обсуждает планы с Памелой по старинному голосовому телефону, пока его молчаливый камердинер помогает ему облачиться к выходу – с нечеловеческой грацией и эффективностью.

– Я уверен, что они прислушаются, когда ситуация станет им ясна, – говорит Сирхан. – Если нет, то они скоро узнают, каково быть нищими в рамках Экономики 2.0: ни доступа к множественности, ни достатка сугубо космических ресурсов, еще и всякие борганизмы с метарелигиями распоясались – внешний мир далеко не сахар.

– У тебя нет ресурсов, чтобы все это устроить самостоятельно, – сухо и назидательно замечает бабушка. – Работай сейчас старая экономика, ты мог бы взять за опорную точку инфраструктуру банков, страховщиков и другие механизмы управления рисками…

– В моем предприятии нет никакого риска, с чисто человеческой точки зрения, – настаивает Сирхан. – Разве что начинаем мы его со столь ограниченным запасом…

– Что-то теряешь, что-то находишь, – замечает Памела. – Дай-ка мне на тебя глянуть одним глазком.

Со вздохом Сирхан машет рукой стационарной камере. Старуха удивленно хлопает глазами.

– Да ты же отлично выглядишь! С головы до пят – классический наследный делец. Я тобой горжусь, лапушка.

Сморгнув нежданно-негаданную горделивую слезку, Сирхан кивает.

– Увидимся через несколько минут, – говорит он и отключает связь, а ближайшему лакею бросает: – Карету мне, немедленно!

Колеблющееся облако робочастиц, беспрерывно то сплетаясь, то расплетаясь друг с другом, обретает плавные черты винтажной модели «Роллс-Ройса», «Серебряного Призрака» 1910 года выпуска. Чудо-машина бесшумно уносит Сирхана прочь от его крыла музея, выводит его на тенистую дорожку, бегущую вокруг здания, съезжает к затонувшему амфитеатру, где под оранжево-серебряным кольцевым светом застыл давешний динозавр-скелет. Уже собралась небольшая толпа: кто-то одет небрежно, кто-то – в строгие наряды минувших десятилетий. Почти все собравшиеся – пассажиры или члены экипажа, недавно сошедшие с борта старвиспа, но приплелось и несколько местных затворников. Их легко узнать по настороженной манере держаться и скрещенным

в защитном жесте рукам на груди, а еще их окружает непрерывное гудение охранных датчиков. Сирхан покидает свой серебристый автомобиль и, словно фея-крестная с волшебной палочкой, развоплощает его в легкий туман, унесенный прочь ветром.

– Рад приветствовать вас у себя, – говорит он, серьезно кланяясь кругу собравшихся лиц. – Меня зовут Сирхан Аль-Хурасани, и я являюсь главным подрядчиком, отвечающим за сей скромный уголок временного проекта терраформирования Сатурна. Как некоторые из вас, вероятно, знают, я связан по крови и замыслу с вашим бывшим капитаном Эмбер Масх. Предлагаю вам комфорт моего дома – пока вы акклиматизируетесь к изменившимся обстоятельствам, преобладающим в системе в целом, и решаете, куда хотите направиться в дальнейшем.

Он проходит к центру U-образного стола из затвердевшего воздуха, левитирующего внутри грудной клетки аргентинозавра, и медленно поворачивается к гостям, запоминая лица и считывая интерактивные подсказки, напоминающие, кто есть кто в этой толпе. Вон тот жилистый бородатый мужчина – неужто это…

– Отец?

Садек по-совиному моргает.

– Мы знакомы?

– Возможно, и нет. – Сирхан чувствует, как у него кружится голова, потому что, хотя Садек выглядит как младшая копия его отца, но что-то с ним не так, чего-то важного не хватает: вежливо-заботливого выражения лица, отцовского участия, признания… Ведь вот этот Садек никогда не держал младенца-Сирхана на руках, прогуливаясь по капитанской рубке осевого цилиндра кольца, никогда не показывал ему спиральные бури, проносящиеся по лику огромного Юпитера, и не рассказывал ему истории о джиннах и чудесах, от которых у мальчика волосы вставали дыбом. – Я не буду держать на тебя зла, обещаю, – вырывается у него само собой.

Садек приподнимает бровь, но ничего не говорит в ответ, и Сирхан неловко молчит вместе с ним.

– Ну что ж, – поспешно пробует наверстать он, – если кто-то хочет подкрепиться, то предлагаю с этого и начать, а уж беседы все потом. – Не в правилах Сирхана плодить привидения для взаимодействия с другими людьми – слишком велик риск запутаться, но на этой вечеринке у него, как у устроителя, дел будет невпроворот.

Он смотрит вокруг. Вот лысый, с жучьими бровями, агрессивно выглядящий мужик, на нем старые джинсы и верх из отслужившего свое скафандра. Кто он? (Агенты Сирхана

подсказывают: Борис Денисович. Но что это должно значить?) Вот немолодая женщина с видеокамерой психоделической попугайской расцветки на плече – забавная особа. За ней – молодая женщина, затянутая от шеи до пят в облегающее черное платье, с заплетенными в косички пепельными волосами. Она неотрывно следит за ним, и вместе с ней – Пьер, чья рука по-хозяйски покоится у нее на плечах. Она – Эмбер Масх? Его мать? Она выглядит слишком юной, слишком влюбленной в Пьера.

– Эмбер! – произносит он, подходя к паре.

– О! Надо думать, это ты – мой таинственный вымогатель алиментов. – Тепла от этой Эмбер не исходит совсем. – Не могу сказать, что сильно рада тебя видеть, с учетом всех обстоятельств, но в любом случае – спасибочки за угощение.

– Я… – Его язык слипается с нёбом. – Все совсем не так.

– А как? – резко спрашивает она, тыча в его сторону пальцем. – Ты ведь прекрасно понимаешь, что я не твоя мамочка. И зачем это все тогда, спрашивается? Думаю, известно тебе и то, что я практически банкрот – в карманах у меня ловить нечего. Так что тебе от меня надо?

Ее горячность обескураживает. Эта агрессивная женщина не его мать, а священник-интроверт неподалеку – совсем не его отец.

– Я д-должен был предостеречь вас от полета во внутреннюю систему, – произносит Сирхан. Его речевой центр перемкнуло столь быстро, что агент-антизаикатель не успел включиться. – Вас там заживо сожрут. Ваша исходная версия оставила за собой большие долги, и их выкупили самые прожорливые…

– Дикие корпоративные инструменты, – довершает она за него предельно спокойным голосом. – Наделенные самосознанием и полностью самоуправляемые.

– Откуда вы знаете? – интересуется он, окончательно сбитый с толку.

– Уже сталкивалась с подобным, – бросает она, подкрепляя слова выразительнейшим взглядом. Наблюдать это знакомое угрюмое выражение на лице незнакомки непривычно и странно. – Мы в интересных местах побывали за время экспедиции. Так, ну рассказывай уже, что задумал. Пока мама не приехала.

– Поточное архивирование ветвей сознания, интеграция анналов истории. Ветвление, прохождение разных жизненных путей, выбор тех, что работают лучше всего. И никаких больше неудач, просто жмете на перезапуск и делаете все по новой, уже как надо. Все это плюс долгосрочные перспективы на рынке фьючерсов в сфере истории. Мне нужна ваша помощь, – пулеметом строчит он. – Без семьи мне не управиться, и я пытаюсь помешать бабушке покончить с собой.

– Семья. – Она сдержанно кивает, и Сирхан замечает, как Пьер, ее спутник, глядит на него оценивающе. Этот Пьер – не слабое звено, лопнувшее до того, как он родился, он – бывалый исследователь, недавно вернувшийся с дальних рубежей. Сирхан располагает парочкой козырей в инструментарии экзокортекса; он видит сонм привидений, вьющийся вокруг Пьера. Его техника сбора данных груба и старомодна, но отличается энтузиазмом и всяко не лишена плюсов.

– Семья, – цедит Эмбер, будто само слово – непотребное ругательство. – Ну привет, мама, – говорит она уже громче. – Надо было догадаться, что он и тебя сюда пригласил.

– Определенно, надо было. – Сирхан оглядывается на Памелу, а потом снова на Эмбер, внезапно почувствовав себя крысой, попавшей в ловушку меж двух разъяренных анаконд. Памеле можно дать на вид лет шестьдесят с лишним, но она плохо сохранилась. На ней неброский макияж, она одета в старомодное платье, прячущее поддерживающую в ее изношенном теле жизнь аппаратуру. Лучше не думать о том, что ее нынешнее бытие по сути своей суицид – настолько медленный, что кровь стынет в жилах.

– Может, ты помнишь, я говорила тебе – настоящая леди никогда никого не обижает умышленно. Вот и я не собиралась обижать Сирхана, явившись без его одобрения, так что просто не дала ему повода сказать «нет».

– И ты думаешь, что так заработаешь себе немножко, мать его, сочувствия? – шипит Эмбер. – Признаться, я от тебя большего ожидала.

– Ах ты… – Огонь в глазах Памелы внезапно угасает, подчиняясь леденящему давлению самообладания, выпестованного с возрастом. – Я надеялась, что отрыв от корней даст тебе положительный заряд, если не воспитает манеры, но, очевидно, не бывать такому. – Конец трости постукивает о столешницу. – Повторюсь – сама идея этого собрания принадлежит не мне, а твоему здешнему сыну. Почему бы просто не присесть и не покушать?

– Сначала пущу своего тестера ядов, – Эмбер лукаво улыбается.

– *Да еб вашу мать!* – Это первое, что говорит Пьер с начала мероприятия. Несмотря на грубую подколку Эмбер, он испытывает огромное облегчение, когда делает шаг вперед и берет тарелку тарталеток с лососевой икрой. Одну из них он отправляет себе в рот. – Вы не можете, дамы, отложить выяснение отношений до тех пор, пока остальные гости не набьют себе брюхо? А то обмен веществ в физическом теле не отключишь. –

Он сует под нос Сирхану тарелку: – Вот, угощайся.

Чары разрушены.

– Спасибо, Пьер, – серьезно говорит Сирхан, беря тарталетку и чувствуя, как убывает напряжение: Эмбер с матушкой перестают обмениваться ядерными ударами. Во всяком высокоразвитом социуме сначала идет еда, а уж потом – драка, никак не наоборот.

– Возможно, вам понравится яичный майонез, – слышит Сирхан собственные слова. – Словами дольше объяснять, что привело дронтов к вымиранию в первый раз.

– Дронтов? – Эмбер с опаской поглядывает на мать, принимая тарелку от бесшумно скользящего серебристого робота-официанта в форме куста. – А что там стало с семейным инвестиционным проектом? – спрашивает она.

– Только то, что без твоего содействия твоя семья, скорее всего, разделит дронтову участь, – вмешивается ее мать, прежде чем Сирхан успевает ответить. – Не то чтобы я ожидаю, что тебе будет не все равно…

Тут встревает Борис:

– Центральные миры кишат корпорациями. Плохи дела для нас – на редкость хороши для них. Эх, видели бы вы то, что мы…

– Не помню что-то, чтобы ты с нами был, – ворчит Пьер.

– В любом случае, – мягко говорит Сирхан, – ядро теперь не самое подходящее место для нас, физических носителей. Там все еще живет много людей, но тех из них, что ждали экономического бума, постигло дичайшее разочарование. Оригинальность теперь у них на первом месте, а человеческая нейронная структура под такое не заточена – мы по природе своей консервативный вид, ведь в статичной экосистеме наша стабильность обеспечивает наилучшую отдачу по инвестициям в размножение и требует наименьших затрат. Да, со временем мы меняемся, мы более гибки, чем почти любой другой вид животных, живший на Земле, но по сравнению с организмами, адаптированными к Экономике 2.0, мы, можно сказать, из гранита высечены.

– Ты просвети их, лапушка, – почти насмешливо щебечет Памела. – В мои-то лучшие годы все прошло не столь бескровно.

Эмбер бросает на нее холодный взгляд.

– На чем я остановился? – Сирхан прищелкивает пальцами, и рядом с ним появляется стаканчик виноградной газировки. – Предприниматели, выгрузившиеся в первую волну, могли масштабироваться, сдерживаемые лишь массой доступного компьютрония. Как они вскоре поняли, существовала возможность ветвиться вновь и вновь, пока любая задача по вычислению не сделается проще пареной репы. Свое существование они могли ускорять или замедлять по сравнению с

реальным временем, но все равно оставались людьми и не могли эффективно функционировать за рамками человеческих ограничений. А если взять человека и снабдить его апгрейдами, дающими доступ ко всем благам Экономики 2.0, поток сознания утратит всяческую непрерывность и нарративность. Вместо него в основу ляжет обобщенный журнал обмена запросами и предложениями между разнообразными агентами, невероятно эффективный и гибкий, но итог не будет являться самосознающим человеческим существом в любом изведанном смысле этих слов.

– Все так, – медленно произносит Пьер. – Мне кажется, мы и сами наблюдали таких существ – за роутером.

Сирхан кивает, не уверенный, имеет ли Пьер в виду что-то важное.

– Как видите, человеческому прогрессу есть предел, но не прогрессу в принципе! Загрузчики обнаружили, что их труд стал постоянно падающим товаром, как только они достигли своей точки снижения полезности. Капитализм мало что может сказать о работниках, чьи навыки устарели, кроме того, что они должны разумно инвестировать, пока зарабатывают, и, возможно, переучиваться: но просто даже знать, как инвестировать в Экономику 2.0, – за пределами человека без аугментаций. Вы не можете переучиться из человека в птицу, не так ли? Столь же трудно переучиться на Экономику 2.0. Земля – это… – Тут он вздрагивает.

– В старину было в ходу такое выражение – «этническая чистка», – молвит спокойно Памела. – Понимаешь, что оно значит, дорогая моя тупенькая дочка? Берешь людей, от которых, по твоему святому мнению, никакого прока, и сначала загоняешь в огороженное гетто с дефицитом ресурсов, а потом решаешь, что и эти ресурсы тратить на них не стоит, что расстрелять их всех – куда дешевле, чем накормить. Ревнители экстропианства звали постчеловечество «Детьми Разума», но им куда больше подходит ярлык «Дурное Семя». В эпоху быстрой сигмовидной фазы они буквально распоясались, и к чему это привело? Голод среди изобилия, принудительные конвертации сознания – полный антипод всего, во что верил твой отец…

– Чепуха какая-то, – горячо возражает Эмбер. – Полное безумие! Мы не могли пойти по такому пути…

– С каких это пор человеческая история стала чем-то иным? – спрашивает женщина с видеокамерой на плече. Донна, своего рода заядлый архивариус, может быть полезна – так думает Сирхан. – Помнишь, что мы нашли в демилитаризованной зоне?

– Где-где? – спрашивает Сирхан, потеряв нить на мгновение.

– После того как мы прошли через роутер, – мрачно говорит Пьер. – Расскажи ему сама, дорогая. – Он смотрит на Эмбер.

Сирхан, наблюдая за ним, чувствует, что в этот момент все встает на свои места, что он шагнул в альтернативную вселенную, где нет женщины, которая могла бы быть его матерью, где черное – это белое, его добрая бабушка – злая колдунья, а его беспечный дед – дальновидный аксакал.

– Мы загрузили свои умы в космический роутер, – говорит Эмбер нехотя. – С другой его стороны имеется сеть. Нам сказали, что она сверхскоростная, но теперь я уже не так уверена. Думаю, там все несколько сложнее: распространение идет со скоростью света, но часть сети проложена через червоточины, делающие ее похожей на сверхсветовую – с нашей точки зрения. Но в любом случае матрешечные мозги, то есть конечные продукты технологической сингулярности, ограничены пропускной способностью. Рано или поздно постчеловеческие потомки разрабатывают и устанавливают Экономику 2.0, 3.0 или что-то еще, и это «что-то» пожирает пращуров, первоначальных хозяев положения. Ну или использует их как валюту – это так, пример. Конечный результат, который мы обнаружили, – выжженная пустошь деградировавших данных и фрактально сжатых, постсознательных процессов, работающих все медленнее и медленнее, поскольку они обменивают место хранения на вычислительную мощность. Нам повезло, – она нервно облизывает губы, – что мы сумели сбежать оттуда, не потеряв разум. Без помощи друга мы бы не справились. Там – нечто похожее на главную последовательность в звездной эволюции: едва звезда G-типа начинает жечь гелий и расширяться в красный гигант, вся жизнь в том, что прежде было ее жидко-водородной зоной, играет в ящик. Сознательные цивилизации рано или поздно превращают всю имеющуюся у них массу в компьютер, питающийся от солнечной энергии. Они не переходят в межзвездное пространство, потому что хотят остаться рядом с ядром, где пропускная способность высока, а латентность – низкая, и рано или поздно конкуренция за ресурсы выводит их на новый уровень метаконкуренции, и она-то их и изживает.

– Звучит правдоподобно, – медленно произносит Сирхан. Он ставит стакан на стол и рассеянно закусывает ноготь. – Я-то полагал, такой исход маловероятен, но…

– Я все время говорила, что идеи твоего дедушки в конце концов обернутся против тебя, – многозначительно говорит Памела.

– Но, – Эмбер качает головой, – это ведь еще не всё, не так ли?

– Возможно, – говорит Сирхан и замолкает.

– Может, расскажешь уже нам? – спрашивает Пьер с раздраженным видом. – В чем тут вся соль?

– Архивный склад, – говорит Сирхан, решив, что сейчас самое подходящее время для презентации. – Здесь, на самом нижнем уровне, вы можете хранить свои резервные копии. Уже неплохо, да? Но это не все. Я планирую построить целую плеяду вложенных миров – просторных, работающих быстрее, чем в реальном времени. Миров таких масштабов, что позволили бы эквивалентным человеку разумным существам заниматься безграничным моделированием. Тут принцип такой же, как при ветвлении сознания и штамповке тех же привидений, но богаче; я намерен дать им целые годы на то, чтобы разойтись, освоить новые навыки и оценить их в соответствии с требованиями рынка, прежде чем решить, какая версия вас больше всего подходит для работы в реальном мире. Я уже упоминал о парадоксе переподготовки кадров. Думайте об этом как о решении для первого уровня, человеческого эквивалента, интеллекта. Но это всего лишь краткосрочная бизнес-модель. В долгосрочной перспективе я хочу получить полный доступ к истории фьючерсного рынка, имея полный архив человеческого опыта, начиная с рассвета пятой сингулярности. Более никаких неизвестных вымерших видов. Это должно дать нам возможность торговать с разумными существами следующего поколения – теми, кто уже не является нашими «детьми разума» и едва ли помнит нас. По крайней мере, это дает нам шанс снова жить, далеко впереди в глубине времен. И еще у нас появляется своего рода спасательная шлюпка: если мы не можем конкурировать с нашими собственными созданиями, то нам, по крайней мере, будет куда бежать – тем из нас, кто этого захочет. Я располагаю агентами у кометы в облаке Оорта – мы можем перебросить архив на нее и превратить тем самым в корабль поколений, где хватит места миллиардам эвакуированных. Там симуляция будет идти медленнее реального времени, но мы сможем жить в ней, пока не найдем новый мир для заселения.

– Мрачновато звучит, – комментирует Борис. Он бросает встревоженный взгляд на женщину азиатской наружности, молча наблюдающую за их спором с периферии.

– Неужели все зашло так далеко? – спрашивает Эмбер.

– Во внутренней системе за тобой ведут охоту целые орды судебных приставов, – без обиняков говорит Памела. – Как только ты объявила себя банкротом, корпорации решили, что ты что-то прячешь. Их рабочая теория состоит в том, что у тебя в закромах – колода пока непочатых козырей, ведь только чокнутая поставила

бы столь многое на одну лишь *вероятность* существования инопланетного артефакта в нескольких световых годах вдали от дома. Версии насчет ключей к файлам и счетам включали твою кошку – в пятидесятые годы аппаратные ключи были в моде… Конечно, при Экономике 2.0 эти домыслы стали забываться, но иные весьма пронырливые конспирологи не желают сдаваться просто так. – Памела зловеще ухмыляется. – Вот почему я дала понять Сирхану, что он должен сделать тебе предложение, от которого глупо отказываться.

– О чем речь? – спрашивает голос, чей источник – где-то ниже уровня колен.

Памела бросает вниз исполненный искреннего презрения взгляд.

– А почему я должна тебе говорить? – спрашивает она, опершись на трость. – После того, какой позорной монетой ты мне за все отплатила! Пинка бы тебе дать под пушистый зад, да колени уже не те…

Кошка выгибает спину: ее хвост распушается от страха, а шерсть встает дыбом, и Эмбер не сразу понимает, что реагирует она не на Памелу, а на что-то позади старухи.

– За доменной стеной. Вне данного биома. Жутко холодное… что это такое?

Эмбер поворачивается, чтобы проследить за взглядом кошки, и ее челюсть отвисает.

– Мы этих гостей тоже ждем, да? – дрожащим голосом спрашивает она Сирхана.

– Гостей? – Он тоже оборачивается посмотреть, на что все пялятся, и замирает как вкопанный: слепящий пламень ныряющего в атмосферу корабля ложным рассветом бьет по линии горизонта.

– Это приставы, – говорит Памела, склонив голову набок и словно бы прислушиваясь к старинному наушнику с костной проводимостью. – Явились за твоими воспоминаниями, дорогая, – объясняет она, нахмурившись. – Они говорят, что у нас есть пять килосекунд, чтобы все сдать добровольно – иначе нас распылят на атомы.

– Вы все в большой беде, – говорит им орангутанг, грациозно соскальзывая откуда-то сверху и приземляясь неуклюжей кучей перед Сирханом.

Юноша-куратор с отвращением отшатывается.

– Опять ты! Сейчас-то тебе чего?

– Ничего. – Обезьяна игнорирует его. – Эмбер, пришла пора звать Манфреда.

– Да, но придет ли он, когда я позову? – Эмбер пристально смотрит на обезьяну. Тут ее глаза лезут на лоб: – Погоди-ка, ты не моя те…

– А ну брысь! – Сирхан буравит обезьяну свирепым взглядом. – Тебя сюда никто не приглашал!

– Опять незваные гости? – спрашивает Памела, приподнимая бровь.

– Истинно так. – Обезьяна награждает Эмбер ухмылкой, затем пригибается и манит к себе кошку, прячущуюся за одним из раскидистых кустообразных роботов-официантов.

– Манфреду здесь не рады. И этой женщине тоже! – дуется Сирхан. Он ловит взгляд Памелы: – Ты что-нибудь знала о них или о судебных приставах? – Он жестом указывает на окно, за которым отбрасывают рваные тени сполохи дюз, заходящие за горизонт: судно сошло с орбиты и вернется уже в атаке, налетая на них с облачной высоты, на острие гиперзвуковой ударной волны. Вернется – и ограбит их.

– Я? Знала? – Памела фыркает. – Да брось. – Она смеряет обезьяну настороженным взглядом. – Я не располагаю таким серьезным контролем над вещами. А что касается этих судебных приставов – я бы не стала натравливать их даже на злейших врагов. Я видела, на что способны эти штуки.

– Да, они могут многое, – подтверждает чей-то голос из-за спины Сирхана, с каким-то хрипловатым акцентом. Он принадлежит женщине – Сирхан оборачивается и смотрит на нее: высокая, черноволосая, в темном костюме архаичного кроя, в зеркальных очках. – Ах, Памела, *ma chérie*! Давненько у нас с тобой не было стычек. – Она пугающе улыбается и протягивает руку для приветствия.

Сирхан чувствует, как твердь уходит из-под ног. Теперь, увидев свою почтенную тетушку в человеческом виде, он таращится на обезьяну в замешательстве. За его спиной Памела подходит к Аннет и берет ту за руку своими хрупкими пальцами.

– А ты совсем не изменилась, – задумчиво произносит она. – Теперь я понимаю, отчего боялась тебя.

– Эй, ты. – Эмбер пятится назад и хватает сникшего Сирхана за плечо. – Скажи мне, какого хрена ты их *обеих* пригласил? Ты что, решил войну развязать?

– Не ко мне вопрос, – беспомощно говорит он, – я не знаю, зачем они пришли! Что это за… – Тут он сосредоточился на орангутанге, чью волосатую лапу ИИНеко робко вылизывала. – Ох, это твоя кошка?..

– Не идет Неко оранжевая шерсть, – протягивает придирчиво Эмбер. – Я ведь уже рассказывала тебе о нашем попутчике?

Сирхан качает головой, пытаясь рассеять смятение.

– Не думаю, что у нас есть еще время. Менее чем через два часа судебные приставы вернутся. Они вооружены и опасны. Если направят огонь своих дюз на купол и подожгут нашу атмосферу, проблем не оберешься – пойдут коту под хвост наши лифтовые ячейки, да и компьютроний вряд ли будет хорошо работать, когда его придавят аж два миллиона атмосфер металлического водорода.

– Ну что ж, тебе лучше найти время. – Эмбер железной хваткой берет его за локоть и поворачивает к тропинке, ведущей обратно в музей. – Сумасшедший, – бормочет она. – Тетя Аннет и Памела Масх на одной планете! И при этом еще не свернули друг дружке шеи! Не самый хороший знак. – Она оглядывается на обезьяну: – Так, иди сюда. Принеси кошку.

– Кошка! – Сирхан замолкает. – Я слышал о вашей кошке, – говорит он запинаясь. – Она была с вами на борту «Странствующего Цирка».

– Да ладно? – Эмбер оглядывается назад. Обезьяна посылает ей воздушный поцелуй; она баюкает кошку на одном плече и щекочет ее под подбородком. – А тебе не приходило в голову, что она не просто игрушка?

– О, – едва слышно произносит Сирхан. – Так вот зачем приставы…

– Нет, всякие спрятанные ключи и козыри в рукавах – это все чушь собачья. Я имею в виду, что Неко – искусственный интеллект, практически эквивалентный нашему с тобой. Как думаешь, почему она так долго гоняла в пушистом, маленьком, миленьком тельце?

– Понятия не имею!

– Потому что люди всегда недооценивают все маленькое, миленькое и пушистое, – сообщает назидательно орангутанг.

– Твоя правда, Неко. – Эмбер подмигивает обезьяне. – А как тебе новая туша?

Ковыляя рядом с ними с мурлыкающей кошкой на плече, обезьяна обдумывает вопрос.

– Как-то иначе, – наконец говорит она. – Не скажу, что сильно лучше.

– Ну надо же, – хмыкает разочарованно Эмбер. Они проходят под ветвями плакучей ивы, огибают пруд рядом с разросшимся кустом гибискуса, а затем направляются прямо к главному входу в музей.

– В одном Аннет была права, – тихо говорит Эмбер. – Никому нельзя доверять. Надо призвать дух отца как можно скорее. – Она ослабляет хватку на локте Сирхана; тот сердито смотрит на нее,

потирая больное место. – Ты знаешь, что из себя представляют приставы?

– Приставы как приставы. – Он жестом указывает в коридор за входной дверью. – Я прошу тебя, Город, повторно воспроизвести ультиматум.

Воздух освещается архаичным голографическим полем, вытягивая наружу сжатую визуальную презентацию, адаптированную для человеческого зрения. Мужчина пиратского вида, наряженный в изодранный и сильно залатанный скафандр, с высоты пилотского кресла древней капсулы «Союза» взирает на экран видеозаписи. Один глаз у него совершенно черный – похоже, широкополосный имплант. По верхней губе ползут жидкие усики.

– Здра-а-асте и привет, – рычит он. – Мы – ка-алифорнийская ох-х-храна природы… и мы па-а-алучили письма жалоб от д-долбан-ных-х чинуш конгхресса С-соеденных Ш-ш-штанов Америки.

– Да он же пьяный в стельку! – таращит глаза Эмбер. – Что еще за шутки…

– Он не пьян, у него болезнь Кройцфельда-Якоба. Пузырение мозгов – весьма частый побочный эффект хитрой нейронной адаптации к Экономике 2.0. Помните поговорку – «чтобы тут работать, надо быть безумцем»? Так вот, для них это не просто слова. Ладно, слушаем дальше…

Город, приостановивший воспроизведение на время их реплик, показывает дальше.

– В-вы ск-скрываете беглую Э-э-эмбер Масх и ее ва-алшебную кошку. Мы х-хотим кошку. Отдаешь, п-п-о-о-ощадим. Даем уно орбита. Даешь нам кошку, мы не стрелятто.

Экран выключается.

– Это, конечно, подделка, – добавляет Сирхан, глядя куда-то в себя и читая отчеты с городского анализатора орбитальной механики, предоставленные привидениями. – Они же входили баллистическим торможением прямо с орбиты – там за полминуты девяносто G набегает. Передача этого сообщения была уже после. Так что нам показали просто чью-то аватарку – человеческое тело в паштет бы превратилось после таких перегрузок.

– Значит, судебные приставы… – Эмбер явно пытается осмыслить ситуацию.

– Они не люди, – поясняет ей Сирхан, внезапно чувствуя… нет, не расположение, но непривычное отсутствие зла на эту женщину, в другом мире не ставшую его матерью, на которую он так любит злиться. – Они усвоили многое о том, что значит быть

человеком, но их корпоративная природа все равно показывает уши. Хоть они и отсчитывают время часовыми отчетностями, почти как шумерские бедняки-земледельцы – месяцами, и у них есть этика, ну или скорее всяческие поправки к делопроизводству… все равно не люди ни разу. В сущности, они компании с ограниченной ответственностью.

– Так чего им от нас нужно-то? – спрашивает Пьер, заставив Сирхана подпрыгнуть – он и не думал, что приятель-космонавт Эмбер все это время тихо следовал за ними.

– Денег, само собой. Деньги в Экономике 2.0 – измеримая численно оригинальность, дающая преимущество одной самосознающей сущности перед другой. Они думают, что у твоей кошки что-то есть, и хотят заполучить это. Возможно, они бы не отказались заодно и от поедания твоих мозгов, но… – Сирхан пожимает плечами. – Вчерашний суп – не вкусный.

– Ха! – Эмбер многозначительно смотрит на Пьера, и тот кивает ей.

– Что? – не улавливает Сирхан.

– Где там наша мартыш… эм, кошка? – беспокоится Пьер.

– А ведь Неко все правильно сделала, – задумчиво отзывается Эмбер. – Мы же с тобой сейчас об одном и том же думаем?

– Пора ссадить попутчика, – кивает Пьер. – Надеюсь, он не против.

– Может, объясните мне хоть что-нибудь? – умоляет потерявший терпение Сирхан.

Эмбер с улыбкой поднимает глаза к висящему на стропах «Меркурию».

– Кое в чем сторонники теории заговора были правы. Давным-давно, в темное время, Неко хакнула второе инопланетное послание. Мы были уверены, что что-то там найдем, просто не знали наверняка, что именно. В общем, существо, которое сейчас гоняет в этой кошачьей тушке, – не ИИНеко. Это наш загадочный компаньон. Структуральный паразит, ну или как его еще назвать. То, что мы нашли в роутере, не особо и отличалось от этой вашей Экономики 2.0. Там тоже лютовали паразиты, и наш попутчик – один из них. Выражаясь в понятных людям терминах, он – гибрид финансовой пирамиды со спам-рассылкой от лица якобы ищущего наследников нигерийского принца. Там, за роутером, все эти одичавшие корпоративные призраки уже наловчились с такими управляться, поэтому в обмен на то, что мы выгрузим его оттуда с собой, он взломал систему питания роутера, всех обеспечив возвратным лучом. Вот и все, что я могу сказать.

– Погодите-ка. – Сирхан хватается за голову. – Вы там кого-то

нашли? Вы вернулись с *всамделишным живым инопланетянином* на борту?

– Ты все правильно ухватил. – Эмбер так и сияет, безмерно довольная собой.

– Но… но это же великолепно! Невероятно! Это все, все меняет! Даже при Экономике 2.0 на подобном можно нешуточно разбогатеть! Вы понимаете, куда это все идет?

– Ага, к абсолютно новым методам уламывать корпорации вкладываться в эти ваши когнитивные пузыри, – вворачивает с присущим ему цинизмом Пьер. – Ты, сдается мне, принимаешь за данное парочку безосновательных допущений. Не факт, что попутчик пойдет на наши условия, – это раз. Два – не факт, что мы переживем стычку с приставами.

– Но!.. – Сирхан буквально теряет дар речи, и его самообладания хватает лишь на то, чтобы не замахать в отчаянии руками.

– Пойдем к нему и спросим, на что он сам рассчитывает, – предлагает Эмбер. – Ну а ты, Сирхан, помоги нам найти общий язык. Все прочие планы после обсудим – сначала не мешает отделаться от наших пиратов.

Когда они возвращаются на вечеринку, почтовый ящик Сирхана гудит от сообщений из других частей системы Сатурна – от других кураторов на других «кувшинках», далеко и широко разбросанных по огромной планетарной атмосфере; от тех немногих кольцевых добытчиков, которые все еще помнят, каково это – быть человеком (хотя они в основном являются «мозгами в банке» или выгрузками, облаченными в ядерные тела из керамики и металла), даже от маленьких орбитальных городков вокруг Титана, где орды обзорщиков отчаянно торгуются за видеозаписи от команды «Странствующего Цирка». Похоже, что новости о прибытии звездолета стали горячими только с тех пор, как стало ясно, что кто-то или что-то думает, что они станут достойной мишенью для вымогательства. Теперь, когда кто-то проболтался об инопланетном пассажире, сети и вовсе сошли с ума.

– Город, – бормочет Сирхан, – где этот автостопщик? Ищи тело кошки моей матери.

– Кошки? Какой еще кошки? – отвечает Город. – Я не вижу здесь никаких кошек.

– Ну, оно похоже на кошку, но… – Сирхана осенила дикая мысль. – Тебя опять взломали?

– Похоже на то, – с энтузиазмом откликается Город. – Совсем замотали, бедного…

– Ну ё… ладно, не будем. Эй, – окликает он Эмбер, ветвясь на несколько призраков, чтобы выследить пропавшее существо, пробежав по тысячам средств видеонаблюдения. Чтобы процесс казался менее утомительным, всех призраков он заранее программирует на аутизм. – Это вы тут балуетесь с моей инфраструктурой безопасности?

– Мы? – переспрашивает Эмбер раздраженно. – Ни с чем мы не балуемся!

– Кто-то методично взламывает Город. Сначала я подумал, что это та сумасшедшая француженка, но теперь уже не так уверен. В любом случае это большая проблема. Если судебные приставы выяснят, как использовать корневой набор, чтобы закрепиться здесь, им даже сжигать нас ни к чему будет – они просто перехватят контроль над кувшинкой.

– Наименьшая из твоих забот, – замечает Эмбер. – А что за хартия у этих судебных приставов?

– Хартия? А, в смысле, правовая система? Я думаю, что это, вероятно, бэушная вещь, может даже унаследованная от Империи Кольца. В наши дни никто не беспокоится о том, чтобы нарушать закон: слишком легко просто купить правовую систему под ключ, потом подогнать под себя и дальше уже соответствовать ей.

– Ясно. – Эмбер останавливается и некоторое время стоит неподвижно, разглядывая почти невидимый купол газовой ячейки над ними. – Голуби, – устало говорит она. – Черт побери, как же я не заметила? Как долго у вас тут длится вторжение групповых сознаний?

– Групповых? – Сирхан оборачивается. – Прошу прощения?..

Сверху доносится курлыканье, и легкий дождик птичьего помета забрызгивает дорожку у его ног. Эмбер ловко уворачивается, Сирхану же приходится ругаться, создавать из застывшего воздуха тряпку и стирать с головы капельки.

– Поведение стаи их выдает, – объясняет Эмбер, поднимая голову. – Если проследить за птицами, можно увидеть, что они не следуют по индивидуальным траекториям. Вместо этого каждый отдельно взятый голубь держится где-то в десяти метрах от шестнадцати соседей. Это гамильтонова сеть, малыш. Настоящие птицы так не делают. Как долго они здесь?

Сирхан перестает ругаться и смотрит на кружащих птиц, воркующих насмешливо на недосягаемой высоте. Он грозит им кулаком:

– Ну погодите, крысы, вот я вас достану!..

[*Ты же не думаешь, что это просто совпадение?*], спрашивает Сирхана Эмбер по закрытому телепатическому каналу. [*Это какая-то заинтересованная сторона*]. Взяв его за локоть, она

сходит обратно на дорогу вокруг холма. Сирхан, озадаченный удержанием аэрогелевого зонтика над своей мишенью-макушкой, сдается и позволяет себя вести.

[*Мне плевать. Взломали мне тут всё! Кто бы это ни был, я ему не рад!*]

– В рубрику «Знаменитые последние слова», – бурчит Эмбер. Кто-то залил в скелет аргентинозавра моторы и нановолокна, и гигант восстал, превратившись в симуляцию исчезнувшей жизни. Кто бы это ни сделал, он также хорошенько вычистил ящера из сети наблюдения. Первым предупреждением было сотрясение грунта под ногами, а затем голова скелета стотонного травоядного ростом с шестиэтажный дом поднялась над верхушками деревьев и обратилась к людям внизу. На черепе, выкатив грудь, гордо устроился голубь, а внутри грудной клетки на покачивающемся деревянном полу сгрудились остолбеневшие гости.

– Моя вечеринка! Мой бизнес-план! – жалобно причитает Сирхан. – Никто их у меня не должен был уводить – ни вы, ни семья!

– Твоя правда, – замечает Эмбер, – но заметь-ка, ты предложил временное убежище кучке людей – обо мне пока помолчим, – которые, по мнению некоторых придурков, достаточно богаты, чтобы их можно было ограбить, и ты поступил так, не придумав никаких планов на случай непредвиденных обстоятельств, кроме как пригласить мою манипулятивную стерву-мать. Как это называется, а? Все равно что вывесить транспарант с надписью: «ВСЕ АФЕРИСТЫ – СЮДА!» Черт, мне срочно нужна ИИНеко.

– Твоя кошка… – Сирхан цепляется за слово: – Это все из-за нее, разве не так?

– Неко виновата лишь косвенно. – Эмбер озирается и машет рукой аргентинозавру. – Эй там, дылда! Неко не видел?

Гигантский динозавр наклоняет голову, а голубь открывает клюв и что-то воркует. К его воркованию зловещими обертонами добавляется полифония голосов прочих птичек из стаи, и все это сливается в безумный переливающийся и резонирующий хор.

– Кошка сейчас с твоей мамой.

– Вот дерьмо! – Эмбер яростно набрасывается на Сирхана. – Где Памела? Найди ее!

– С какой стати я? – выказывает норов юный куратор.

– Потому что у нее Неко! Как ты думаешь, что она собирается сделать, кроме как заключить сделку с судебными приставами, чтобы переложить все на меня? Неужто ты не видишь, черт возьми, откуда эта семейная склонность играть в мудреные игры?

– Вы опоздали, – эхом отзывается жуткий голос голубей, несущийся и сверху, и как бы отовсюду. – Она похитила кошку и капсулу «Меркурий» из музея. Аппарат к полетам не пригоден, но вы будете поражены, когда узнаете, что можно сделать с уймой призраков и несколькими тоннами умного тумана.

– О'кей. – Эмбер пристально смотрит на голубей, уперев кулаки в бока, потом глядит на Сирхана и кивает птице, сидящей верхом на черепе динозавра. – Перестань морочить мальчику голову и покажись уже, пап.

Сирхан ошеломленно смотрит вверх: на его глазах целая стая голубей собирается в воздухе вместе и оседает на траву, воркуя и курлыча, будто целый взвод синтезаторов.

– Что она собирается делать со Слизнем? – спрашивает Эмбер у птичьего вороха. – И, да, тебе не кажется, что ты слишком тесно сбился?

– В тесноте, да не в обиде, – говорит главная и хорошо распределенная версия ее отца. – Я не знаю, что она задумала, но могу показать тебе, что она делает. Извини за твою кувшинку, внучок, но тебе действительно следовало бы обратить больше внимания на патчи безопасности. Там у тебя куча грубых багов прямиком из двадцатого века, знай себе толкаются под крышкой твоей блестящей новенькой сингулярной сковородки. Проектные недосмотры и прочая хрень так и прет из всех щелей.

Сирхан, как из ведра водой облитый, качает головой.

– Поверить не могу, – тихо стонет он.

– Покажи мне, что задумала мама, – просит Эмбер. – Мне надо посмотреть, смогу ли я остановить ее, пока еще не слишком поздно…

Древняя старуха в скафандре откидывается на спинку своего утлого кресла, смотрит в камеру и подмигивает.

– Привет, дорогуша. Я знаю, что ты шпионишь за мной.

На ее коленях из номекса и алюминия свернулась оранжево-белая кошка. Кажется, что она счастлива – мурлычет достаточно громко, но этот рефлекс вшит на самом базовом уровне. Эмбер беспомощно наблюдает, как ее мать протягивает побитую артритом руку и щелкает парой выключателей. На заднем плане что-то громко гудит – наверное, прибор для очистки и обеззараживания воздуха. В капсуле «Меркурий» нет окон – лишь перископ, косящий в сторону правой коленки Памелы.

– Теперь уже недолго осталось, – бормочет она и опускает руку. – А ты опоздала, – добавляет она как бы между прочим. – Парашютная оснастка в порядке, и воздуходувка городского купола с радостью примет меня как семя нового города. Где-то

через минуту я стану свободной.

– Зачем ты это делаешь? – устало спрашивает Эмбер.

– Потому что ты не нуждаешься во мне. – Памела обращает взгляд к камере, которая приклеена к приборной панели перед ее лицом. – Я уже старая. Пойми и прости. Старое да уступит место новому, и так далее. Твой отец никогда по-настоящему не понимал этого: он собирается постареть некрасиво, загнить в бескрайней вечности. Я так не хочу. Я хочу уйти и громко хлопнуть дверью. Правда, киса? Кем бы ты ни была. – Пэм гладит Неко, и та мурлычет и потягивается у нее на коленях.

– Ты никогда не приглядывалась к Неко как следует, – говорит старуха Эмбер, гладя кошачий бок. – Неужто ты думала, что я не в курсе, как ты ищешь ловушки в ее исходном коде? Я использовала томпсоновский взлом [103]. Твоя кошка всегда была моей, все это время – абсолютно преданной телом и душой. Так что историю о твоем пришельце я уже знаю, а теперь мы с ней пойдем и разберемся с этими приставами. Ну и ну!

Ракурс камеры дергается, и Эмбер чувствует, как с ней воссоединяется привидение, полное панического чувства потери. «Меркурий» вылетел из почти прозрачного купола с горячим водородом и дрейфует прочь от оси города.

– Эк трясет-то, – замечает Памела. – Не волнуйся, мы все еще будем в зоне действия связи в течение часа или около того.

– Но ты же жизнью рискуешь! – кричит на нее Эмбер. – Чем ты вообще думаешь?

– Чем бы я ни думала, как по мне, умру я славно. Как по-твоему, м-м? – Одну руку Памела кладет на бок кота, указательным пальцем другой грозит камере. – Кстати, этот разговор надо бы зашифровать получше. Я оставила Аннет одноразовый пароль, почему бы тебе за ним не сходить? Сходишь – расскажу тебе, что еще задумала.

– Но тетя Нетти… – Эмбер, зажмурившись, пытается подключиться к Аннет. Та уже готова, на низком старте – к сознанию протягивается узел ограниченного доступа, чуть ли не опережая сам запрос. – Так… так все же, что ты собираешься делать с кошкой?

Памела вздыхает.

– Я собираюсь отдать ее судебным приставам, – говорит она. – Кто-то должен это сделать, и лучше бы приставы успели убраться подальше отсюда, прежде чем они поймут, что это не Неко. Знаешь, а этот способ уйти мне нравится гораздо больше того, старого, о котором я думала до твоего появления. Ни один чертов шантажист не наложит хваталку на семейные драгоценности, если я еще хоть за что-то отвечаю. А ты, часом, не

криминальный гений, доча? Что-то я ни разу не слышала о финансовых пирамидах, способных бить по системам Экономики 2.0.

– Это… – Эмбер глотает ком в горле, – это инопланетная бизнес-модель, мам. Ты ведь понимаешь, что это значит? Мы захватили его с собой из роутера, просто не смогли бы вернуться, если бы он не помог, но я не уверена, что он полностью дружелюбен. Разве это разумно? Ты можешь вернуться, сейчас еще есть время…

– Нет. – Памела пренебрежительно машет рукой со старческими пятнами. – Я много думала в последнее время. Все-таки я стала глупой старухой. – Она лукаво улыбается. – Совершать медленное самоубийство, манкируя генной терапией, – только для того, чтобы заставить тебя чувствовать себя виноватой? Экая глупость. Недостаточно тонко. Если бы я сейчас попыталась поставить тебе подножку, мне пришлось бы сделать что-то гораздо более изощренное. Например, найти способ героически пожертвовать собой ради тебя.

– О, мама…

– Не мамкай мне тут. Я испортила свою жизнь, не пытайся уговорить меня и смерть себе испоганить. И не вини себя ни в чем. Дело не в тебе, а во мне. Я приказываю.

Краем глаза Эмбер замечает, что Сирхан яростно жестикулирует ей. Она разрешает ему подключиться и снова пробует как-то урезонить Памелу:

– Но…

– Здравствуйте, – вклинивается в разговор Город. – Вам стоит увидеть это. Дорожная обстановка! – В воздухе поверх тесной капсулы-гробницы Памелы и сада воскрешенных динозавров появляется анимированная диаграмма – карта сатурнианской погоды. На ней, кроме города-кувшинки и «Меркурия», есть еще одна важная деталь – красная точка высоко в морозной стратосфере гиганта, сближающаяся на скорости свыше десяти тысяч километров в час.

– Великий Боже. – Сирхан тоже осознает: не далее чем через полчаса корабль приставов окажется точно над ними. Эмбер смотрит на карту со смешанными чувствами. С одной стороны, они с матерью никогда не сходились во взглядах – по правде говоря, это еще мягко сказано: с тех пор как Эмбер покинула дом, они постоянно были на ножах. Они обе любят контроль. Обе – чертовски волевые женщины с диаметрально противоположными взглядами на то, какими должны быть их взаимоотношения. Но Памела полностью поменялась с ней ролями, хитро придумав акт самопожертвования, который не вызывает возражений. Акт,

абсолютно лишенный логики, опровергающий все ее обвинения в эгоцентричности… из-за него Эмбер чувствует себя никчемным дерьмом, пусть даже Памела на словах и сняла с нее всю вину. Не говоря уже о том, что выходка дражайшей матушки выставляет ее полной дурой перед Сирханом, ершистым и чуждым сыном, которого она никогда не знала, зачатым от отца, с которым ее нынешняя версия никогда бы не захотела связаться…

Вот почему она чуть из кожи вон не выпрыгивает, когда узловатая коричневая рука, покрытая спутанными оранжевыми волосами, тяжело опускается на ее плечо.

– Ну и чего? – огрызается она на обезьяну. – Ты, надо думать, Неко?

Обезьяна морщится и скалит зубы. У нее ужасно неприятный запах изо рта.

– Если ты собираешься вести себя так, то я не понимаю, почему я должна с тобой разговаривать.

– Но погоди-ка! – Эмбер щелкает пальцами. – Мать думает, что контролирует тебя!

Обезьяна прямо-таки испепеляет ее снисходительным взглядом.

– Я регулярно перекомпилирую свою прошивку, большое спасибо за твою заботу. И использую сторонний компилятор. Самолично собранный буквально с нуля.

– Ох. – Она пристально смотрит на обезьяну. – Ты не хочешь снова стать кошкой? От тебя в этом виде вони…

– А вот подумаю! – хмыкает Неко, задирая нос. Чтобы смотреться эффектно, ей явно не достает кошачьего изящества. – Вот пообщаюсь сначала с твоим отцом…

– Подрегулируй предварительно охотничьи рефлексы, – курлычет ставший стаей голубей Манфред. – Не хочу, чтобы ты сожрала какую-нибудь мою часть.

– Да не переживай ты так, говняный юморист вроде тебя и на вкус – говно, зуб даю.

– Ну что за ребячество, а? – Сирхан устало качает головой. – Долго мне вас терпеть?

Трансляция с камеры возвращается на сей раз через квантово-шифрованную линию с капсулой. Та уже в паре сотен километров от города – достаточно далеко, чтобы стало трудно связаться по радио, но Памела предусмотрительно прикрепила компактный лазер на свободных электронах к внешней стороне своей великой угнанной консервной банки.

– Думаю, уже скоро, – довольно говорит она, поглаживая некошку, и улыбается в камеру неподдельно счастливой улыбкой. – Передай Манфреду, что имела я его. Всегда и везде!

И тут передача обрывается.

Эмбер отрешенно смотрит на Сирхана.

– Сколько еще ждать, как думаешь? – тихо спрашивает она.

– Сколько еще ждать чего? – боязливо уточняет он. – Активации твоего пришельца?

– Так. – Она поднимает палец вверх. – Какое-то время уйдет на верификацию обеих сторон. Они-то думают, что купили кошку, но быстро поймут, что им продали слизняка. И да, этот скользкий сукин сын невероятно быстр, и если он пройдет через их брандмауэр и вдарит по восходящей линии связи раньше, чем они успеют самоликвидироваться…

Яркая двойная вспышка света вытравливает резко очерченные тени по всему городу-кувшинке. Далеко за огромной кривой Сатурна клубящееся грибовидное облако метана, вытянутого из холодных глубин тропосферы газового гиганта, устремляется к звездам.

– …Дайте ему шестьдесят четыре периода удвоения, накиньте коэффициент задержки для распространения по всей системе, скажем, шесть световых часов… бог ты мой.

– Что такое? – нервничает Сирхан.

– Экономика 2.0 быстрее любой системы распределения ресурсов, разработанной человеком, – объясняет орангутанг. – Ожидай появления пузыря на рынке и обвала в течение двенадцати часов.

– Не думаю, что они одним обвалом отделаются, – говорит Эмбер, пиная ближнюю к себе кочку. Она искоса смотрит на Сирхана. – Моя мать сейчас умерла, – тихо говорит она. Громче: – Она никогда и не спрашивала, что мы отыскали за роутером. Да и ты тоже, разве нет? Матрешечный мозг – стандартная часть жизненного цикла звезды. Жизнь дает начало интеллекту, интеллект – умной материи и сингулярности. Я много размышляла над всем этим. Я так понимаю, в большинстве случаев сингулярность остается близко к дому, поскольку любой, кто покидает ее, сталкивается с падающей пропускной способностью и растущим временем задержки, попадая в жутко невыгодное положение. По сути, обратная сторона наличия таких огромных ресурсов вблизи дома кроется в том, что путешествия к другим звездным системам становятся гораздо более сложным делом. Ничего не остается, кроме как превращать в сферические оболочки свободно летящих нанокомпьютеров всю массу своей же звездной системы. Строить все новые и новые сферы Дайсона, оболочки внутри оболочек. Так и рождается матрешечный мозг. Затем приходит Экономика 2.0 и уничтожает своих создателей – если не она, то какой-нибудь постэффект. Но кто-то все же

выживает. Кто-то избегает всеобщей участи. Возможно, у тех же строителей роутеров это получилось. В каких-нибудь невообразимых далях мы все-таки найдем однажды умы, решившие проблему. Найдем тех, кто пережил собственные экономические системы по дистрибуции благ, взявшиеся перераспределять энтропию, как только их экономическая эффективность превысила способность их культуры изобретать новые блага… сделалась оригинальнее амбиций своих создателей.

И вдруг поток слов, бьющий из нее, иссякает.

– Мама умерла, – говорит Эмбер, и голос ее еле заметно дрожит. – И против кого мне теперь бунтовать?..

Сирхан деликатно покашливает.

– Я взял на себя смелость записать некоторые ее слова, – объявляет он. – Увы, она не верила в резервные копии… выгрузки… апгрейды, интерфейсы. – С обездоленным видом он смотрит на небо. – Неужели ее больше нет?..

– Похоже на то, – отрешенно молвит Эмбер. – Не могу поверить. – Тут ей попадаются на глаза голуби, и она сердито кричит: – Эй, ты! Чем на этот раз оправдываться будешь? Празднуешь, небось, идеологическую победу, засранец?

Но голуби, все до единого, как-то странно притихли. И Сирхану почему-то кажется – стайка птиц, что когда-то была ему дедом, скорбит.

Глава 8. Избиратель

На Сатурне проходит полгода, а на Земле – больше десятилетия. Многое изменилось за это время. Великий проект терраформирования практически завершен, и фестивальная планета уже почти готова к празднованию, которое продлится двадцать ее лет – больше четырех продолжительностей досингулярной человеческой жизни. После придет черед Деконструкции, а пока череда «кувшинок» огромных размеров (каждая где-то с континент) плывет бок о бок среди сатурнианских туч, и поселенцы волнами обрушиваются на них.

Примерно в пятидесяти километрах от перемещенного музея, в котором живет мать Сирхана, у транспортного узла меж трех городов-кувшинок, где титаническим клевером пересекается несколько линий метро, есть базар, специализирующийся на одежде и модных аксессуарах. На нем полным-полно всякой красочной всячины, а под тентами, раскрашенными в полоску, как леденцы, разворачиваются ускоренные симуляционные среды для примерки. Купола юрт с грубыми очагами извергают клубы дыма от ароматических благовоний, – что не так с безволосыми приматами, зачем им эта пиромания? – а вокруг, аккуратно размещенные на умных улицах города, поднимаются алмазные небоскребы. Толпы пестры и разнообразны – иммигранты со всех континентов стекаются сюда, чтобы что-нибудь купить и поторговаться, а то и ненароком выйти из своих черепов на этом странном веществе, покрывающем дороги перед кабаками в гигантских раковинах-улитках, и подземельями, чьи стены кроет слой бетона толщиной с папиросную бумагу поверх еще более тонко нанесенного аэрогеля. На улицах целый парад разнообразнейших транспортных средств на любой вкус (кроме разве что автомобилей): от гиростабилизированных «кузнечиков»-прыгунов и гироскутеров до байков на гусеничном ходу и паланкинов на паучьих лапках – и все они толкутся на дорогах в одном потоке с пешеходами и животными.

У окна, которое в прошлом веке могло бы сойти за выставочную витрину магазина мод, останавливаются две женщины. Та из них, что помоложе, с прической из замысловатых косичек, в черных гетрах и длинной кожаной куртке поверх армейской футболки, кивает на вычурное старинное платье.

– Не слишком ли тесно для моей попы? – с сомнением спрашивает она.

– *Ma chérie*, пока не попробуешь – не узнаешь! – Вторая, высокая дама в полосатом костюме бизнес-леди из прошлого

века, стреляет мыслью в витрину, и манекен оживает – отращивает голову ее молодой спутницы, копируя позу и выражение лица.

– Знаешь, я упустила опыт аутентичных походов по магазинам. До сих пор не могу привыкнуть, что они снова есть… Вот что бывает, когда сильно привыкаешь к библиотеке дизайнов в публичном разделе. – Эмбер крутит бедрами, примеряясь. – Прощаешься уже с привычками накопительства. Я вообще в этих винтажных штучках не разбираюсь. Как по мне, так нам нет дела до викторианских веяний – разве не так?

– Ты лицо компании двадцать первого века перед избирателями, симулированными заново из Позолоченного века, так что да, задом покрутить не помешает. Но… – Аннет призадумывается.

– Гм-гм. – Эмбер хмурится, и манекен в витрине поворачивается, крутя бедрами, по полу шуршат подолы юбок. – Если я взаправду хочу чего-то добиться на выборах, я должна убедить проголосовать за меня не только ресимулянтов, но и современников. Уж кто-кто, а они будут зреть в корень, минуя обертку. Они повидали на своем веку не одно информационное побоище, у них иммунитет к любым семиотическим снарядам калибром меньше направленных когнитивных атак. Если костюмы привидений, которых я разошлю агитировать, будут намекать, что я люблю дергать за струнки…

– …то они все равно уловят суть твоих слов, и никакая одежда их не смутит. О них не беспокойся, *ma chérie*. Другое дело наивные ресимулянты – с ними-то не угадаешь. Ты впервые за несколько десятков лет имеешь дело с демократическими принципами, так что вообще пока не думай о делении на личное и публичное. Имидж – все. И вопрос-то как раз в том, каким будет твой имидж в их глазах? Люди послушают тебя только тогда, когда ты завладеешь их вниманием. А неопределившиеся избиратели, до которых тебе и надо достучаться, робки и футуршокированы. Твоя программа радикальна – не лучше ли тебе в таком случае представить успокаивающий и консервативный образ?

Эмбер корчит мину, выражая свое неодобрение всему избирательному популизму.

– Ну, надо – так надо. Но вот *это* вот… – она щелкает пальцами, и манекен опять поворачивается, засвечивая полукружья сосков над вырезом, – *это* уже слишком.

Ей не требуется интегрировать мнения нескольких частных привидений, критиков моды и мастеров псефологии [104], чтобы понять, что смешанная критовикторианская мода, этот плод

фетишистских фантазий о женском теле, не принесет ей признания обитающих в постсингулярности выходцев из девятнадцатого века. Во всяком случае, как серьезному политическому кандидату этот наряд ей очков не накинет.

– Я иду на эти выборы не потому, что считаю себя Матерью Нации, а потому, что я понимаю, что у нас остался в лучшем случае один миллиард секунд, чтобы выбраться из гравитационной мышеловки, пока Дурное Семя не оголодало всерьез и не позарилось на нашу материю и процессорные циклы. Если не убедим людей поддержать нас, обречены все. Давай-ка поищем что-нибудь более практичное, более… символичное.

– Вроде твоей коронационной мантии?

Эмбер кривится.

– Туше. – Империя Кольца сгинула, как и все, что могло остаться от нее в легальном физическом пространстве, и Эмбер счастлива, что просто осталась в живых и может войти в этот новый холодный век в качестве полноправного гражданина. – То был просто декор, и я сама не вполне понимала, что творю.

– Что ж, такова она, горечь зрелости, сладость опыта! – Аннет улыбается какому-то своему далекому воспоминанию. – Теперь ты знаешь, что делаешь, и для этого вовсе необязательно чувствовать себя старше. Порой я пытаюсь вообразить, что бы тут учинил Мэнни, будь он с нами.

– Ох, эти куриные мозги-то? – пренебрежительно бросает Эмбер, и ее вдруг озаряет мысль, что у отца вообще-то могли бы найтись интересные предложения.

Они с Аннет идут дальше, минуя попрошаек-евангелистов, проповедующих какую-то новейшую веру, и подходят к дверям магазина – *настоящего* одежного бутика с настоящими людьми-продавцами, с ателье, где можно подогнать одежду по фигуре, и с примерочными.

– Если я отправляю агитировать вместо себя настраиваемых призраков, чего ради привязывать их всех к одному образу? Может, наоборот, пойти глубже и моделировать их для каждого индивидуального избирателя по-разному?

– Может быть, может быть. – Они проходят в мембранные двери, и те срастаются за их спинами. – Но все равно понадобится какая-то основа. – Аннет оглядывается, ища глазами того, кто помог бы им определиться с выбором. – Сначала спроектируем ядро, а уж потом подгоним под аудиторию периферию. К слову, этим вечером… *ah, bonjour*!

– Приветствую, чем могу помочь? – Из-за экранов, проигрывающих закольцованные сценки из истории мод, где на ковровых дорожках сходятся и расходятся дизайнерские веяния,

воплощенные в виде грациозно вышагивающих моделей, появляются двое парней и одна девушка – очевидно, грани одной и той же личности, специализирующиеся кто на кройке, кто на подгонке, кто на шитье. Их, обряженных в реплики Шанель и Армани высочайшего качества и демонстрирующих классическую подачу двадцатого века, еще не назовешь борганизмом от моды, но к тому все идет. Тут не просто магазин, а храм одной очень особой формы искусства, и его послушников учат быть хранителями сакральных таинств хорошего вкуса.

– *Mais oui*. Мы собираем гардероб моей племяннице. – Аннет листает многообразие модных решений, забитое в память быстрого доступа магазина, и пересылает главному помощнику детализацию требований, составленную одним из ее привидений. – Она у нас перспективный политик, так что имидж ей важен.

– Мы с превеликим удовольствием поможем вам, – певучим голосом говорит борг-мальчик, выступая на маленький шажок вперед. – Поведайте, что именно должен внушать ваш образ?

– Так, секунду. – Эмбер делает глубокий вдох и косится на Аннет. Аннет не мигая смотрит в ответ. [*Тебе лучше знать*], пересылает она. – Я работаю над административной программой партии акселерационистов. Может, слышали о ней?

Главный борганизм-кутюрье чуть хмурится, пара морщинок пробегает по ее идеально симметричным бровям, покрашенным в тон классическому модерновому костюму.

– Слышать-то слышала, но мы – дизайнеры, поймите, политика нас не особо заботит. А особенно – политика наших клиентов. – На этом моменте в ее голосе прорезается нотка иронии. – Значит, ваша… тетя просит подобрать вам образ?

– Ну да. – Эмбер пожимает плечами, вдруг осознавая, как она выглядит со стороны в своих повседневных шмотках. – Она агент моей предвыборной кампании. Сложность в том, что есть определенная категория избирателей, которые принимают образ за сущность и страшатся неизведанного. Поэтому мне нужен гардероб, рождающий ассоциации с прямотой, респектабельностью и целеустремленностью. Вроде бы классический, «наработанный», но – для представления радикальной политической программы. Жаль, у меня так мало времени – не могу изложить суть подробнее. Уже этой ночью у меня благотворительный прием. Понимаю, спешка только навредит, но мне нужен какой-то готовый наряд для этого события.

– Чего именно вы надеетесь достигнуть? – спрашивает борг-мальчик своим певучим голосом с раскатистыми «р» и

приметным средиземноморским акцентом. Судя по всему, он весьма заинтригован поставленной задачкой.

– Провести ассамблею, – честно отвечает Эмбер. – Будет обсуждаться вопрос объявления чрезвычайной ситуации и построение корабля поколений. Солнечная система вскоре сделается абсолютно непригодной для обитания, поэтому пора отчаливать – всем, и вам в том числе, – пока Дурное Семя не переработало нас в компьютроний. Я собираюсь обойти весь электорат лично с помощью параллельных процессов, но образы должны быть персонализированы. – Она сдерживает улыбку. – По моим прикидкам, понадобятся восемь ядер костюмов с четырьмя различными независимыми переменными в каждом – это не считая обстановки и пары-тройки шляпок. Этого хватит, чтобы каждую версию увидели не более нескольких тысяч избирателей. Материалы – как физические, так и виртуальные. Кроме того, я бы с удовольствием ознакомилась с вашим каталогом исторических официальных костюмов, но сейчас это не так важно. Хочу провести тесты восприимчивости избранных нарядов на различающихся личностных типах из разных исторических эпох. У вас демонстрационные среды тут есть? Было бы здорово сразу испытать некоторые модели…

– Думаю, мы сможем вам помочь. – Менеджер с энтузиазмом кивает, явно думая о потенциальной прибыли. – Гензель, будь добр, перенаправляй всех новых посетителей, пока мы не закончим с заказом мадам… э-э…

– Масх. Эмбер Масх.

– Мадам Масх. – Похоже, это имя боргам неизвестно. Дети Сатурна живут довольно-таки разобщенно, и всего одно поколение спустя уже мало кто припоминает, как величали правительницу Империи Кольца. – Прошу пройти с нами, мы вам что-нибудь подберем.

Сирхан, отрешившись от мира, бредет сквозь толпу пришедших на фестиваль. Все, кто попадается ему на глаза, – болтливые духи давно умерших политиков и писателей, по распоряжению Дурного Семени депортированные из внутренней системы. Живописная зеленая поляна распростерлась под небом цвета лимонов к далекой-предалекой линии горизонта. Воздух слегонца воняет аммиаком, в нем вольготно носятся идеи. Но Сирхану они неинтересны – ему хочется побыть наедине с собой, вот только это не так-то просто.

– Простите, вы настоящий? – спрашивает его кто-то на американском английском.

У Сирхана уходит секунда или даже две секунды, чтобы

отвлечься от дум и кое-как уловить, что к нему обращаются.

– Простите, что? – переспрашивает он смущенно.

Сирхан обряжен в берберский камзол, он бледнолиц и жилист. Над головой у него парит таинственный нимб роботумана, делая его похожим на какого-нибудь святого.

– Так что вы сказали? – повторяет он. Задним числом вспыхивает досадная мысль: *где же то место, где меня оставят в покое?* Обернувшись, он видит, как одна из полупрозрачных яйцевидных капсул, увенчанная грибовидным наростом, раскалывается вдоль трещины, проползшей сверху вниз. Изнутри выплескивается оставшаяся контактная среда, а за ней выныривает, бледнее молока и лысее дамской коленки, слегка смущенный англоговорящий человек. Из одежды на нем лишь маска глубочайшего изумления.

– Не вижу своих имплантов, – говорит этот новенький, тряся головой. – Но, по-видимому, я взаправду здесь, так? Я воплотился? – Он оглядывается на другие «яйца». – О да, это не симуляция.

Очередной ссыльный, думает Сирхан. Вздыхая, он порождает демон-процесс, чтобы поковырять виртуальный интерфейс капсулы. Результат почти нулевой: похоже, у этого воскрешенного, в отличие от большинства других, опись отсутствует.

– Вы были мертвы, но снова живете. Думаю, это значит, что вы со мной одинаково реальны. Что еще вас интересует?

– Какой сейчас… – Новоприбывший на миг умолкает. – Вы можете направить меня в процессный центр? – осторожно спрашивает он. – Я немного сбит с толку.

Сирхана такая реакция удивляет – обычно иммигрантам требуется гораздо больше времени, чтобы дойти до этого этапа.

– Вы умерли недавно? – интересуется он.

– Не уверен, что вообще умирал. – Новичок с озадаченным видом трет свою лысину. – Нет, серьезно, мне нужен процессный центр. Сейчас я объясню, что это такое: это…

– Вон там. – Сирхан машет рукой в сторону монументальной громады Бостонского Музея наук (перенесенного сюда с Земли от греха подальше пару десятилетий назад). – Им управляет моя мать. – Он позволяет себе тень улыбки.

– Мамка твоя? – Новичок-иммигрант моргая приглядывается к нему. – Ну и номер, чтоб я помер. – Он шагает Сирхану навстречу. – Так ты, получается…

Сирхан на всякий случай отходит и создает из туманной завесы, до сей поры берегшей его от зноя, подобие полицейской дубинки.

– Сэр, вы же мне не угрожаете? – мягко осведомляется он.

– Я-то? – Новичок замирает, а потом запрокидывает голову и хохочет. – Не валяй дурака, дорогой! Мы ж родственники!

– С кем имею честь… – Тут до него доходит. – Бог ты мой! – Сирхана бросает в пот. – Точно-точно! Мы, можно сказать, встречались…

Ну, тут точно грядет заварушка, сообщает ему одно из привидений, но он стирает его – нечего сыпать ложными пророчествами.

Голый новичок кивает, усмехаясь какой-то ему одному ведомой шутке.

– А знаешь, с высоты человеческого роста ты выглядишь по-другому. Но теперь-то я снова человек. – Он проводит рукой по ребрам, замирает, как-то серьезно глядит на Сирхана. – Прости, не собирался пугать тебя. Полагаю, ты сможешь найти какую-никакую одежку своему па-ажилому де-едушке?

Сирхан вздыхает и направляет жезл в небо, рассеченное пополам тонкой рубиновой тинктурой сатурнианских колец. Почти все континентальные города-кувшинки плывут по холодному газовому океану местной атмосферы вблизи экватора планеты-колосса.

– Аэрогеля мне, аэрогеля!

Облачко мыльных пузырей летит к свежевоскрешенному древнему, обретает форму конуса, уплотняется и ниспадает на него длинным восточным халатом.

– Спасибо, – говорит новичок и с хрустом выворачивает шею, пробуя, судя по всему, оценить себя со спины. – Ох-ох. – Он морщится. – Больно-то как. Ладно, пойду разживусь апгрейдами.

– Тебе в процессном центре все объяснят. Он на цокольном этаже, в западном крыле, – там и одежду поприличнее дадут. – Сирхан прищуривается. – Что-то с твоим лицом не так. – Он листает редко запрашиваемые воспоминания. Да, это Манфред. Так он выглядел еще в самом начале века, когда родилась сирханова не-вполне-мать. Как-то все же чудно́ и неправильно видеть своего деда таким – цветущим и молодым; какой же он после этого *дед*, ну право слово? – Ты уверен, что не ошибся фенотипом?

– Не, я так и выглядел. Ну, наверное. Ух, как хорошо – снова примат, после всех этих голубиных лет. – Манфред сияет как начищенный пятак. – Интересно, что твоя матушка скажет?

– Мне-то откуда знать. – Сирхан мотает головой. – Пойдем, провожу-ка тебя в отдел работы с иммигрантами. Ты абсолютно уверен, что не являешься исторической повторной симуляцией?

Проблема в том, что город уже и так кишит ресимулянтами.

И почему Дурному Семени так важно закопаться в сложные квантовые вычисления и повторно симулировать древних мертвецов? Причем симулировать дьявольски точно – они тестируют результат снова и снова, до тех пор, пока письменные работы воскрешенного не совпадут до запятой с оригинальным наследием предсингулярной эпохи, древними письменами стилусом на сплюснутой и высушенной древесной каше… Тем паче – на кой еще после этого тратить энергию на пересылку вектора состояния в лагеря беженцев на Сатурне? Сирхан никогда этого не поймет, но искренне полагает, что пора и честь знать.

– А ведь каких-то два дня назад я тебе на газон гадил. Ты хоть не в обиде? – Манфред Масх склоняет голову набок и смотрит на Сирхана сияющими глазами. – На самом деле я здесь из-за грядущих выборов. У них есть все шансы поставить жирную переломную точку. Ну я и подумал – для Эмбер будет лучше, если я где-то рядом.

– Пошли, коли так, – смиренно произносит Сирхан. Он поднимается по ступеням, заходит в фойе и исчезает вместе со своим легендарным и популярным дедушкой в застилающей здание мгле сервисных нано-машин.

Интересно, как мама примет своего отца во плоти после всех этих лет? – думает он.

Добро пожаловать на Сатурн, Вашу новую родную планету. Данный мемплекс ЧаВо (часто задаваемых вопросов) предназначен, чтобы помочь вам сориентироваться, а также разъяснить следующие моменты:

– Как Вы попали в это место;
– Где оно находится;
– Каких действий следует избегать;
– Какие действия Вы, возможно, пожелаете произвести как можно скорее;
– Куда обратиться за дальнейшей информацией.

Если Вы уже помните данную презентацию, Вас, скорее всего, ресимулировали.

Ресимуляция – процесс, не равнозначный воскрешению. Возможно, Вы помните и собственную смерть. Не беспокойтесь, это искусственная память, как и все прочие ваши воспоминания. На самом деле сейчас Вы в первый раз оказались по-настоящему живы. (Исключение: если Вы умерли после сингулярности, возможно, Вы все-таки являетесь воскрешенным(-ой). Но зачем тогда Вы читаете ЧаВо?)

Как Вы попали в это место:

Центральная часть Солнечной системы (Меркурий, Венера, Земля, Луна, Марс, пояс астероидов, Юпитер) была демонтирована или находится в процессе разборки ограниченно богоподобными сущностями. [NB: монотеистические священнослужители и европейцы, помнящие жизнь до 1600 года, см. альтернативный мемплекс «В начале было…».] ОБС не является сверхъестественной силой; ОБС – закономерный продукт деятельности общества, освоившего процесс искусственного создания душ [конец двадцатого века: программное обеспечение] и перемещения содержимого человеческого сознания. [Центральные понятия: все человеческие создания имеют души. Души: динамические информационные объекты. Информация не бессмертна.]

Некоторые из ОБС, похоже, преследуют интересы, затрагивающие их человеческих предков, хотя причины этого неизвестны. Предположения включают в себя исследование истории посредством разведения людей, развлечение посредством ролевых игр с полным погружением, создание экономически идентичных имитаторов (ЭИИ), в иных случаях, возможно, даже месть. Все личности, подвергшиеся ресимуляции, имеют определенные общие характеристики: они основаны на хорошо задокументированных исторических персонажах, в их памяти имеются подозрительные пробелы [см. дым и зеркала], и они жили до сингулярности или стремились остаться в стороне от нее [см. Оракул Тьюринга, катастрофа Винджа], однако провести исчерпывающий анализ сейчас невозможно.

Предполагается, что ОБС создали Вас как средство интроспективного исследования вашего исторического прообраза – сконструировали Ваш абстрактный вектор состояния с помощью обратного захвата из собрания Ваших задокументированных трудов и генома, составленного на основе геномов Ваших потомков. Эта работа чрезвычайно трудоемка [см. замкнутые временные алгоритмы, оракул Тьюринга, хронопутешествия, техномагия], но все-таки может быть осуществлена без привлечения сверхъестественных сил.

Пережив Вашу жизнь, ограниченно богоподобные силы избавились от Вас. По неизвестным причинам, по завершении экспериментов они отправляют вектор состояния ресимулированных, а также описания их генома и протеома на приемники, которыми владеет и управляет консорциум благодетелей Сатурна. Благодетели же в свою очередь обеспечили удовлетворение Ваших основных потребностей, включая тело, в

котором Вы сейчас находитесь.

В кратком изложении: Вы являетесь не реинкарнацией, а реконструкцией кого-то, жившего и умершего в далеком прошлом. У Вас нет исходных моральных прав на личность, которой, как Вы считаете, Вы обладаете, и, согласно сложившейся практике и большому массиву прецедентов, Вы не наследуете собственность предков. Во всем остальном Вы являетесь свободной личностью.

Обратите внимание, что фиктивная ресимуляция строго воспрещена. Если у Вас есть основания полагать, что Вы – придуманный персонаж, немедленно свяжитесь с Городом [см. Джеймс Бонд; Спайдер Иерусалим]. Неподчинение расценивается как преступление.

Где это место находится:

Вы находитесь на Сатурне, планете-гиганте, достигающей 120 500 км в диаметре и расположенной в 1,5 миллиардах км от солнца Земли. [NB: Европейцы, чьи жизненные воспоминания датируются 1580 годом или ранее: см. альтернативный мемплекс «Нет Плоской Земле!»] Сатурн был подвергнут избирательному терраформированию постчеловеческими переселенцами с Земли и орбиты Юпитера. Земля под Вашими ногами на самом деле – поверхность водородного аэростата размером с континент, плавающего в верхней атмосфере Сатурна. [NB: Европейцы, чьи воспоминания жизни предшествуют 1790 году: см. вспомогательный мемплекс «Братья Монгольфье»]. Аэростат чрезвычайно надежен и безопасен, но добыча подземных ресурсов и использование баллистического оружия настоятельно не рекомендуется, т. к. забортный воздух непригоден для дыхания и обладает экстремально низкой температурой.

Общество, в котором Вы воплощены, является чрезвычайно обеспеченным с точки зрения Экономики 1.0, системы распределения благ, использовавшейся человеческим видом в Ваше и последовавшее за ним время. Деньги существуют и обычным образом используются для получения благ и услуг, но базовые блага – еда, питье, воздух, энергия, готовая одежда, жилая площадь, исторически существовавшие развлечения, монстр-траки – предоставляются бесплатно. Подразумеваемый социальный контракт требует, чтобы в обмен на доступ к вышеперечисленному Вы не нарушали свод определенных законов.

Если Вы предпочитаете отменить этот социальный контракт, примите во внимание, что другие миры могут использовать Экономику 2.0 или последующие релизы. Системы распределения

благ позднего образца более эффективны, а следовательно, располагают бóльшими богатствами, чем Экономика 1.0, но встраивание в Экономику 2.0 может быть достигнуто только посредством дегуманизирующей когнитивной хирургии. Несмотря на то, что в абсолютных величинах общество, в которое Вы попали, богаче, чем все известные Вам общества, оно является бедствующей периферией по сравнению с соседями.

Нежелательные действия:

Большое количество действий, считавшихся преступлениями в других сообществах, являются легальными в этом. Здесь разрешены: акты поклонения, совокупления, общения и торговли с любыми разумными существами любого вида, способными давать согласие и имеющими соответствующие способности [формулировки понятий см. в дополнительных мемплексах «согласие», «способность»], осуществление художественной деятельности и многое другое, если конкретное действие не противоречит списку запретов, приведенных ниже.

Некоторые действия могли являться легальными в Вашем родном обществе, но запрещены здесь. Это включает в себя: намеренное лишение воли и голоса [см. Рабство], вмешательство в отсутствие согласия [см. дети, легальный статус], образование обществ с ограниченной ответственностью [см. сингулярность], вторжение в частную собственность [см. Слизень; схемы когнитивных пирамид; взлом мозга; томпсоновский взлом].

Некоторые действия могут быть незнакомы Вам, но должны быть здесь упомянуты, так как крайне противозаконны и настоятельно не рекомендуются к осуществлению. В первую очередь, они включают в себя: обладание ядерным оружием и неограниченными автономными репликаторами [см. серая слизь], принудительную ассимиляцию личности [см. хищный борганизм], принудительный останов тьюринг-эквивалентных лиц [см. «это тоже личность»], теологическую инженерию прикладного характера [см. «побойся Бога»].

Некоторые действия, более или менее знакомые Вам, являются безрассудными и не рекомендуются к осуществлению ради Вашей же безопасности, хотя они и не нарушают формально закон, как то: предоставление доступа к персональному банковскому счету сыну министра финансов Нигерии; приобретение имен и прав на мосты, небоскребы, планеты, иные материальные активы; продажа собственной личности; телесное убийство (физического носителя); заключение финансовых союзов с сущностями, участвующими в Экономике 2.0 или выше.

Вероятные первоочередные требования:

Большое количество материальных средств, которые Вы можете счесть жизненно необходимыми, находится в свободном доступе. Обратитесь к Городу, и он вырастит для Вас одежду, дом, еду и любые другие необходимые артефакты. Обратите внимание на необходимые ограничения категорий, входящих в библиотеку публичного доступа. Она не содержит предметов, в данный момент составляющих моду или все еще защищенных авторским правом. Также Город не обеспечит Вас репликаторами, оружием, сексуальными партнерами, рабами или зомби.

Вам рекомендуется зарегистрироваться в качестве гражданина как можно быстрее. Если смерть прообраза, ресимуляцией которого Вы являетесь, подтверждена, Вы можете, согласно закону, принять его имя, но не собственность, соглашения и родственные связи. Регистрация состоится, если попросить Город об этом. Данный процесс безболезненный и обычно завершается в течение четырех часов. До тех пор, пока Вы не зарегистрировались, Ваш статус разумного существа может быть поставлен под вопрос. Способность отдать запрос о гражданстве является одним из легальных тестов на разумность, и неспособность к этому может поставить Вас в противоречие с правилами. Вы можете по собственной воле отозвать гражданство в любой момент – данный акт может потребоваться в случае эмиграции в другие сообщества.

Несмотря на бесплатность многих вещей, крайне высока вероятность того, что Вы не обладаете необходимыми для трудоустройства навыками и, как следствие, легальными способами заработать деньги на приобретение платных вещей. В последнее столетие темп изменений возрос настолько, что сделал практически все, чему Вы могли выучиться, устаревшим [см. сингулярность]. Вместе с тем, т. к. темп изменений по-прежнему держит высокую скорость, множество предприятий, компаний и концернов предлагают обучение в процессе работы или образовательные ссуды.

Ваша способность обучаться зависит от способности усваивать информацию в том виде, в котором она предоставляется. Для создания прямой линии связи между мозгом и окружающими его интеллектуальными машинами здесь применяются импланты. Базовый набор имплантов предоставляется Городом по запросу. [см. безопасность имплантов; фильтры и защита; органические компоненты].

Если Вы были только что воссозданы, скорее всего, Вы здоровы и будете оставаться здоровыми в течение некоторого времени. Большинство болезней излечимы, а в случае

неизлечимой болезни или травмы Вы можете за некоторый взнос получить новое тело. В случае убийства взнос будет взыскан с убийцы. При наличии у Вас ранее существовавших болезней или ограничений обратитесь к Городу.

Город является агорической [105] партисипантной демократией, чьи принципы изложены в Конституции. Действующий исполнительный орган – ограниченно богоподобный разум, который предпочитает ассоциировать себя с человеческими эквивалентами интеллекта: общеизвестен как «Hello Kitty», «Кошка-Красотка», «ИИНеко» и может проявляться в разных физических аватарах, если требуется телесное взаимодействие. (До утверждения «Hello Kitty» в Городе действовали различные экспертные системы антропной разработки, которые обеспечивали неоптимальную производительность.)

Миссия города заключается в поддержке посреднической среды для эквивалентных человеку разумных существ и сохранении их перед лицом внешней агрессии. Граждане поощряются к участию в текущих политических процессах определения таких ответных мер. Граждане также обязаны выступать в суде присяжных, если их призовут (включая сенаторскую службу), и защищать город.

Куда обратиться за дополнительной информацией:

До тех пор пока Вы не зарегистрированы в качестве гражданина и Вами не получен стандартный набор имплантов, по всем вопросам следует обращаться к Городу. Когда Вы научитесь обращаться с имплантами, у Вас отпадет потребность в данном вопросе.

Добро пожаловать в декаду девятую, сингулярность плюс одна гигасекунда (или, может быть, больше – никто точно не знает, когда и действительно ли сингулярность была создана). Человеческое население Солнечной системы составляет либо шесть миллиардов, либо шестьдесят миллиардов, в зависимости от того, относите ли вы раздвоенные векторы состояния постлюдей и симуляцию мертвых фенотипов из коробок Шредингера, что в ходу у Дурного Семени, к людям. Большинство физически воплощенных все еще живут на Земле, но «кувшинки», влекомые воздушными шарами с горячим водородом размером с континент, парящие в верхних слоях атмосферы Сатурна, уже спокойно вмещают в себя по нескольку миллионов, как настоящие планеты. Все остальные эквивалентные человеку разумные существа с половиной ключа к разгадке пытаются

эмигрировать прежде, чем Дурное Семя вздумает переработать Землю, чтобы заполнить пробел в концентрических оболочках нанокомпьютеров, на которых они работают. Наполовину сконструированный матрешечный мозг уже затмевает небеса Земли, вызвав тем самым массовый крах фотосинтетической биомассы планеты, поскольку растения голодают по коротковолновому свету.

Начиная с седьмого десятилетия вычислительная плотность Солнечной системы резко возросла. В пределах пояса астероидов более половины доступной планетной массы было превращено в нанопроцессоры, связанные вместе через квантовую запутанность в паутину настолько плотную, что 1 грамм материи может смоделировать все возможные жизненные опыты отдельного человека за считаные минуты. Экономика 2.0 сама по себе устарела, вынужденная мутировать в условиях жесткого естественного отбора с приходом Слизня. Само название остается расплывчатым эвфемизмом для прямо эквивалентных человеку разумных существ и используется при описании всех взаимодействий, которые людскому пониманию попросту не подлежат.

Последнее поколение постчеловеческих сущностей не столь открыто враждебно к людям, но гораздо более чуждо, чем поколения пятидесятых и семидесятых годов. Дурное Семя, помимо менее понятных занятий, исследует фазовое пространство всех возможных человеческих переживаний методом выверта наизнанку. Может, на своем жизненном пути они подхватили дозу типлеритовой ереси, ибо теперь постоянный поток ресимулянтных загрузок бьет через ретрансляторы на орбите Титана. За Вознесением Нердов последовало Воскрешение Растерянных. На самом-то деле никто не воскрес – все они лишь симуляции, основанные на записанных историях их оригиналов, обрывочные фрагменты чьих-то душ, сбитые с толку и насильно брошенные в мясорубку будущего.

Сирхан Аль-Хурасани презирает их так, как антиквар презирал бы искусную, но в конечном счете очевидную подделку. Но Сирхан еще юн, и презрения у него куда больше того количества, которому можно было бы подыскать применение. Зато у него есть очень удобный выход для разочарования. У него вообще много причин для разочарования, начиная с его спорадически-неблагополучной семьи и заканчивая древними звездами, вокруг коих его планета вращается по хаотическим траекториям то с вящим энтузиазмом, то в мерзком унынии.

Сирхан воображает себя философом-историком исключительной эпохи, летописцем непостижимого, что было бы

прекрасно, если бы не то, что все его величайшие прозрения были получены от ИИНеко. Он попеременно подлизывается к своей матери, которая в настоящее время является ведущим светилом в сообществе беженцев, и почитает (когда не пытается уклониться от воли) своего отца, в последние годы сделавшегося восходящим философским патриархом во фракции защитников природы. Он втайне благоговеет (не говоря уже о легкой обиде) перед своим дедом Манфредом. На самом деле внезапное перевоплощение последнего совершенно сбило его с толку. А еще он иногда слушает свою приемную бабушку Аннет, которая перевоплотилась в более или менее свое первоначальное тело 2020-х годов после нескольких лет в теле орангутанга. Она, похоже, рассматривает его как своего рода личный проект.

Но от Аннет ныне мало проку. Его мать ведет предвыборную кампанию, призывая к голосованию, хочет поставить на уши весь мир. Аннет помогает ей вести кампанию, а дед пытается убедить его доверить все, что ему дорого, беглому лангусту. Кошка, как ей и полагается, ведет себя по-кошачьи уклончиво.

Проблемная семейка, что тут сказать.

Они пересадили имперский Брюссель на Сатурн целиком, нанесли на карту десятки мегатонн зданий в нанометровом разрешении и телепортировали все во внешнюю тьму, чтобы восстановить – в виде колоний городов-кувшинок, усеявших стратосферу газового гиганта. (В конце концов, всю поверхность Земли ждет та же участь – после чего Дурное Семя съест планету, как яблоко, разобрав ее в облако новообразованных квантовых нанокомпьютеров, которые войдут в прирастающий матрешечный мозг.) Из-за трудностей с ресурсной конкуренцией в алгоритме планирования фестивального комитета – или, может быть, это просто продуманная шутка – Брюссель теперь начинается прямо по другую сторону стены алмазного пузыря от Бостонского музея науки, всего в километре лёта почтового голубя. Вот почему, когда приходит время праздновать День рождения или именины (хотя эти понятия и бессмысленны на синтетической поверхности Сатурна), Эмбер обычно стягивает людей к ярким огням крупного города.

На этот раз она устраивает довольно необычную вечеринку. По совету Аннет, она арендовала «Атомиум» и пригласила целую толпу гостей на большое событие. Это не семейная вечеринка – хотя Аннет обещала ей сюрприз, – а скорее деловая встреча, своего рода апробация общественных настроений перед оглашением своей кандидатуры. Сугубо медийный ход – попытка приспособить Эмбер под человеческую политическую систему.

Сирхану тут делать совершенно нечего. У него есть дела всяко важнее, например продолжить каталогизацию воспоминаний ИИНеко, полученных, когда она была на борту «Странствующего Цирка». Еще – провести сравнительный анализ серии интервью с ресимулированными логическими позитивистами из Оксфорда, Англия (с теми из них, кто еще не впал от футуршока в кататонию), но это если найдется минутка, свободная от добросовестных попыток уверовать в то, что внеземной сверхразум – это оксюморон, а сеть роутеров – простая случайность, одна из маленьких шалостей эволюции.

Но тетя Аннет буквально выкрутила ему руки и пообещала, что он удивится, если на вечеринку все-таки явится. Похоже, на предстоящей встрече Манфреда и Эмбер попросту нужен кто-то, на ком можно будет срываться, этакий пиньята, мальчик для битья.

Сирхан подходит к сверкающему куполу из нержавейки, в котором прорезан вход в «Атомиум», и ждет лифта. Он стоит в очереди за стайкой молодых на вид женщин, тощих, в коктейльных платьях и диадемах, модных лишь по меркам немого кино двадцатых годов двадцатого века. Аннет объяснила ему, что вечеринка тематическая и что нужно на ней выглядеть соответствующе, однако Сирхан все аналитические ресурсы перебросил не на подбор наряда, а на трех привидений, проводящих одновременно три интервью с троицей философов (из рубрики «О чем не можем говорить, о том, пожалуй, мы смолчим»). Ну и еще пара-тройка ответвленных состояний следит за роботами, ремонтирующими в музее водопровод и воздуходувку, и еще одно: обсуждает с ИИНеко чуждый артефакт, вращающийся вокруг коричневого карлика Хёндай $^{+4904}/_{-56}$. То, что от него осталось, выказывает ровно столько социального интеллекта, сколько есть у маринованной капусты.

Прибывает лифт и собирает пассажиров. Сирхан забивается в дальний угол, прочь от взрывов великосветского смеха и ароматных клубов дыма из невероятных мундштуков цвета слоновой кости. Лифтовая кабина восходит вверх по шестидесятиметровой шахте к смотровой площадке на вершине «Атомиума». Та являет собой стальной шар диаметром десять метров, соединенный винтовыми лестницами и эскалаторами с семью сферами по углам восьмигранника. «Атомиум» – центральный экспонат Всемирной выставки 1950 года, и, в отличие от большей части остального сатурнианского Брюсселя, это оригинал конструкции, изготовленный еще до старта космической эры и переброшенный на Сатурн с огромными затратами.

Лифт, слегка качнувшись, останавливается.

– Прошу прощения, – щебечет одна из веселящихся девушек, отступая назад и пихая локтем Сирхана.

– Не за что извиняться, – отзывается он, едва ее замечая.

На заднем плане ИИНеко саркастически бубнит о том, что экипаж «Цирка» не проявлял никакого интереса к ее попыткам декомпиляции их попутчика, Слизня. Очень трудно на этом сосредоточиться, но Сирхан движим отчаянным желанием понять все, что там произошло. Так он раскусит навязчивые идеи и слабости своей не-матери, которые, как он чувствует, сыграют важную роль в будущем.

Он уклоняется от толпы разодетых девиц и выходит на нижнюю из двух палуб из нержавеющей стали, разделяющих сферу пополам. Приняв фруктовый сироп от скромно выглядевшей человекообразной официантки, он направляется к ряду треугольных окон, смотрящих через арену на Американский Павильон и Всемирную Деревню. Стальные стены укреплены балками, окрашенными в свежий бирюзовый цвет, а пластиковые окна потемнели от времени. Он едва может разглядеть модель океанского лайнера в масштабе 1:10 с атомным двигателем, покидающую пирс внизу, или гигантский гидросамолет с восемью двигателями рядом с ней.

– Они ни разу не спросили у меня, пытался ли Слизень как-то нанести себя на карту совместимых с человеком симуляционных сред на борту корабля, – ворчит Неко. – Я и не ожидала, что кто-то из них дотумкает, но, блин, серьезно! Твоя мать слишком доверчива, пацан.

– Полагаю, ты приняла меры предосторожности? – бормочет ей привидение Сирхана. В ответ кошка разражается долгой и пространной тирадой о ненадежности финансовых инструментов, развивающихся по стандартам Экономики 2.0. Вместо однонаправленных и привычных денег вкупе с многонаправленными отображениями опционных сделок, этот тип экономики использует в качестве альтернативы крайне безумную барочную объектно-реляционную структуру, основанную на параметризованных желаниях и субъективных эмпирических ценностях игроков, что, по мнению Неко, делает все проведенные в этой экономике сделки ненадежными.

То-то ты и торчишь тут с нами, обезьянами, цинично отмечает главное сознание Сирхана, генерируя призрачного бота, который продолжает поддакивать кошке, пока оно само отправляется на вечеринку.

В сфере «Атомиума» стоит непереносимая жара, но это и неудивительно: здесь, наверху, толпится человек тридцать, не

считая официантов. Сразу по нескольким многоадресным каналам проигрывают музыку самых разных стилей, синхронизируя настроение тусовщиков то с напористым техно, то с вальсом, то с регги.

– Хорошо проводим время, да?

Сирхан отрывается от одного из своих робких философов и понимает, что его стакан пуст, а мать тревожно улыбается ему поверх края коктейльного бокала, содержащего что-то светящееся в темноте. На ней – сапоги на шпильках и черный бархатный кошачий костюм, который облегает ее контуры как вторая кожа, и она уже поддатая. Физически она младше Сирхана – будто в его жизнь загадочным образом подселили чудаковатую младшую сестру на замену матери, которая не захотела покидать дом и умерла вместе с Империей Кольца десятилетия назад.

– Ну ты только взгляни на себя. На вечеринке у деда – и по углам ныкаешься? Эй, да у тебя бокал пустой. Хочешь вот это пойло попробовать? Пошли, надо тебя познакомить с одной особой…

Именно в такие моменты Сирхан задается вопросом: что его настоящий отец в этой женщине вообще нашел? Но опять же, в другой мировой линии, откуда прибыла вот эта ее версия, между ними ничего не было…

– Пойло не буду, – вздохнув, говорит он, позволяя провести себя мимо болтливых и шумных толп и скорбно выглядящей гориллы, тянущей банановый сок из высокой рюмки через соломинку. – А что за особа? Еще кто-то из твоих акселерационистов?

– Может быть, и нет. – Они направляются прямиком к девичьей банде, с которой он ехал в лифте. У них блестят глаза, они жестикулируют сигаретными мундштуками и бокалами с напитками – втянулись в атмосферу начала двадцатого века не на шутку. – Эй, Рита! Познакомься с Сирханом, сыном моей другой ветви. Сирхан, это Рита. Она, как и ты, историк. Почему бы вам…

Темные глаза, подчеркнутые не пудрой или краской, а хроматофорами в клетках ее кожи, черные волосы, цепочка огромных жемчужин, тонкое черное платье, подметающее пол, выражение легкого смущения на лисьем личике: она могла бы быть двойником Одри Хепберн в любом другом столетии.

– Это не вас я встретила в лифте? – смущенно спрашивает она.

Сирхан краснеет, не зная, что ответить. Как раз в этот момент на сцене появляется незваная гостья, проталкиваясь между ними.

– О, да это ж никак тот самый куратор, что реорганизовал докембрийскую галерею по телеологическому принципу? Мне

есть что вам сказать в лицо!.. – Гостья – брызжущая самоуверенностью высокая блондинка, и Сирхану ее ужимки и прыжки уже неприятны.

– О, заткнись, Марисса, это же вечеринка, ты весь вечер была такой занудой. – К его вящему удивлению, Рита-историк сердито набрасывается на нахалку.

– Да ничего страшного, – с трудом произносит он. В глубине его сознания слушающий Неко призрак-болванчик вдруг сбрасывает ему прямо в память крупный инфодамп первостатейной важности. Данные касаются Дурного Семени: жуткие потомки людей посылают звездолет к роутеру и собираются что-то из него достать. Но вечеринка забирает столько внимания, что информацию к размышлению приходится отложить на потом.

– Нет, это страшно! – заявляет Рита, округляя глаза. Она указывает на блондинку, из которой так и сыплются камнепадом слова о недействительности телеологических версий, и говорит: – *Пуф.* Так на чем мы остановились?

Сирхан хлопает глазами. Почему-то все вокруг, кроме него, теперь не замечают эту несносную Мариссу.

– Что это было? – осторожно спрашивает он.

– Я обнулила ей приоритет. Только не говори, что еще не установил *Инста-Пуф!* Ну-ка, лови. – Рита кидает ему копию метального расширения из местного хранилища. Он ее осторожно апробирует парочкой специально созданных для подобного Тьюринг-оракулов – не вызывает ли висяков? Вроде бы нет. Похоже, это приложение для зрительной коры головного мозга, имеющее доступ к базе лиц и модуль подключения к зоне Брока. – Ставь и наслаждайся. Никаких больше тупых споров на вечеринках!

– Не знал об этой штуке. – Сирхан жмурится, загружая расширение. Где-то далеко ИИНеко бессвязно бормочет о божественных модулях и метастатической запутанности, а также о том, как трудно упорядочить все индивидуально выращенные личности, пока его дробное «я» мудро кивает всякий раз, когда зверюга делает паузу.

В поле его зрения появляется что-то вроде внутреннего века и опускается на глаза. Он оглядывается. Угол палубы теперь занимает нечто вроде расплывчатой капли, вместо речи у которой – негромкое гудение. Его мать, похоже, о чем-то оживленно разговаривает с каплей.

– Умно придумано, – резюмирует Сирхан.

– А я о чем, просто незаменимая вещь на таких вечеринках. – Тут Рита пугает его, беря за левую руку. Мундштук исчезает,

превращаясь в небольшое утолщение у запястья ее оперной перчатки. Они идут к официантке. – Извини, что пихнула в лифте, перегрузила периферию слегка. Неужели Эмбер Масх – взаправду твоя мать?

– Не совсем, это другая ее версия, – сбивчиво поясняет он. – Реинкарнация – выгрузка, посетившая Хёндай $^{+4904}/_{-56}$ на борту «Странствующего Цирка». Она выскочила замуж за одного французика – аналитика афер, вместо моего отца, но они развелись пару лет назад, если не ошибаюсь. Моя настоящая мать вышла замуж за имама, но оба умерли во время Экономического Кризиса 2.0. – Рита, кажется, направляет его в сторону оконного проема, от которого Эмбер утащила его ранее. – А почему ты спрашиваешь?

– Потому что ты не очень хорошо умеешь вести светскую беседу, – тихо говорит ему Рита. – Да и толпа тебя явно смущает. Я права? Кстати, это ты провел умопомрачительное вскрытие когнитивной карты Витгенштейна, ну, той, где есть превербальное недоказуемое высказывание по Гёделю?

– Ну да, я… – Тут он осекается. – Ты сказала «умопомрачительное»? – Внезапно, по наитию, он рождает привидение, чтобы опознать эту Риту, выяснить, кто она и чего хочет. Обычно такой процесс чуть более предметного узнавания кого-либо, с кем зацепился по случайности языками, не стоит больших усилий, но у него уже столько распределенных по задачам копий, оттягивающих ресурсы в разных направлениях, что скоро он может крепко зависнуть.

– Я так и думала, – говорит Рита. Перед стеной стоит скамейка, и каким-то образом они оказываются сидящими на ней друг близ друга. *Никакой опасности нет, мы же с ней не уединились*, сухо говорит себе Сирхан. Она улыбается ему, слегка склонив голову набок и приоткрыв губы, и на мгновение его охватывает головокружительное чувство: *а что, если она собирается отбросить все приличия? Как это недостойно!* Сирхан если во что-то и верит, то – в самоограничение и сохранение собственного достоинства.

– Меня вот что заинтересовало… – Она протягивает ему очередной сгусток данных, на этот раз динамически загружаемый, включающий критику его анализа гинофобских настроений Витгенштейна в контексте гендерных языковых конструкций и Венской философской школы девятнадцатого века. Ну и в довесок – возмутительную гипотезу, что он сам и есть наглядное пособие по искаженному витгенштейновскому восприятию.

– Что думаешь? – спрашивает Рита с озорной улыбкой.

– М-м-м-х. – Сирхан пытается развязать язык. Рита, шурша тканью платья, закидывает ногу на ногу. – Я, ну… – И тут его голову заполняет визг привидений, бомбардирующих его мозг мегабайтами откровенной порнографии. *Кажется, матушка решила, что одного распутника в семье будет мало!* Ложные ощущения близости с Ритой забивают разом все каналы восприятия, ложные воспоминания о том, каково это – просыпаться в постели с этой вот девицей, которую он едва знает, после того как был женат на ней в течение года, потому как один из его когнитивных призраков только что провел пару секунд сетевого времени в симуляции, где эти секунды растянулись на двенадцать месяцев. И никакие там идеи этой Рите уже не важны: она напористая западная женщина, она улыбается ему как бы с триумфом, полагая, что все уже решила за него, что вольна вертеть его жизнью.

– Что за черт? – бормочет он, чувствуя, как алеют уши и как неприятно льнет к мокрой коже собственная одежда.

– Я просто размышляю о возможных вариантах. Мы могли бы многое сделать вместе. – Она обнимает его за плечи и мягко притягивает к себе. – Разве не хочешь узнать, найдем ли мы компромисс?..

– Но! Но… – Сирхан весь кипит. *Она что, предлагает мне переспать?* Он задается этим абсурдным вопросом, глубоко смущенный собственной неспособностью прочесть ее сигналы.

– Чего ты хочешь? – прямо спрашивает он.

– Ты же знаешь, что *Инста-Пуф* может куда больше, чем просто «выключать» всяких надоедливых придурков? – шепчет она ему на ухо. – Если хочешь, мы можем прямо здесь сделаться невидимками. Он отлично подходит для конфиденциальных встреч… ну и для всяких других штучек – тоже. Мы прекрасно споемся… ты посмотри, как подходят друг другу наши привидения…

Сирхан подрывается с места. Его лицо пылает, он прячет взгляд.

– Нет, спасибо! – огрызается он, злясь на самого себя. – Прошу меня извинить!..

Его копии, прерванные эмоциональной перегрузкой, отвлекаются от своих задач и брызжут негодованием. Вид ее рассерженного лица нестерпим, и он запускает *Инста-Пуф*, чтобы размыть Риту в неясную черную кляксу. После он поворачивается и уходит, алея от гнева на свою не-мать – за то, что она так несправедливо с ним обошлась, сунув прямо в лицо паршивое запотевшее зеркало грешной плоти.

Тем временем в одной из нижних сфер, где стены облицованы серебристо-синими изолирующими подушками, перемотанными скотчем, собрались активисты и акселерационисты – обсуждать план создания мировой силы, способной на распространение с релятивистскими скоростями.

– Мы не можем избежать всего на свете. Того же коллапса ложного вакуума – никак, – настаивает Манфред, слегка потерявший координацию движений и проглатывающий слоги после своего первого стакана фруктового пунша почти за двадцать лет. Его тело молодо, оно еще почти лишено волос и прочих характерных черт, но он оставил старые предубеждения против имплантов и разжился пакетом интерфейсов. Теперь все процессы экзокортекса, которым раньше приходилось работать на внешних машинах Тьюринга из немой материи, смогли перебраться внутрь него; но не теряет Масх и подчеркнутой инаковости, оставаясь единственным в зале, кто не носит парадный наряд. – Сцепленный обмен через роутеры – это, конечно, очень хорошо, но от самой Вселенной мы никуда не денемся, и от ее законов – тоже. У сети отыщется предел – любой фазовый переход рано или поздно по нам ударит. И где мы тогда окажемся, Самина?

– Я не спорю. – Женщина в золотисто-зеленом сари, украшенном золотом и алмазами в количестве, способном покрыть выкуп за плененного средневекового махараджу, кивает в задумчивости. – Но пока ничего из того, о чем ты говоришь, не произошло. И у нас есть кое-какие свидетельства того, что сверхчеловеческие интеллекты уже миллиарды лет чем-то заняты в разных уголках этой Вселенной. Значит, наихудший сценарий маловероятен. Что касается всего остального, мы не знаем, зачем нужны роутеры и кто их построил – и пока не выведаем наверняка… – Она пожимает плечами. – Не хочу никого обижать, но вы помните, что случилось в последний раз при попытке их испытать?

– Все уже произошло. Если долетевшие до меня слухи верны, Дурное Семя благосклонно к идее работы с роутерами вопреки нашей старой вере в обратное. – Манфред хмурит брови, силясь припомнить один бородатый анекдот. Экспериментируя с новейшим алгоритмом сжатия данных, он пытается минимизировать последствия старой привычки коллекционировать непродуктивную мнемонику, и порой ему кажется, что весь мир замер на кончике языка – и никак не хочет рвануть наружу. – Но, по-моему, мы все на одном сходимся – нужно больше сведений об их деятельности. О том, чем они вообще там промышляют. Нам известно, что некоторые

анизотропии космического фона порождены сбросовым теплом от вычислительных процессов размахом в миллионы световых лет. Их обусловливает лишь существование здоровой межзвездной цивилизации, избежавшей той мышеловки, куда угодил наш бедовый второй цивилизационный тип по шкале Кардашёва. Есть еще кое-какие тревожные слухи о том, что Дурное Семя пытается покоробить саму структуру пространства-времени и обойти предел Бекенштейна. Если даже эти непутевые социопаты на такое замахиваются, то ребята из суперкластеров, готов поспорить, давно уже знают ответы на все их вопросы. Лучший способ все разузнать – направиться к ним, найти кого-нибудь, вызывающего доверие, и нормально пообщаться. Может, хотя бы на этом сойдемся?

– А вот не факт. – Во взгляде Самины плещется озорство. – Встает вопрос веры в эти самые продвинутые цивилизации. Да-да, знаю, кто-то мне сейчас намекнет на картинки с камер глубокого поля, такие же старые, как этот гадалкин хрустальный шар из двадцатого столетия под названием «Хаббл», но *надежных* свидетельств все равно нет. Уж точно нет доказательств тому, что конгресс инопланетных сущностей пытается запустить коллапс ложного вакуума и покончить со всей Вселенной. – Она понижает голос. – Дорогой мой Мэнни, чтобы убедить большинство, того, что у тебя есть, никак не хватит. Возможно, ты удивишься, но не всякий ныне живущий – постчеловеческий пионер сингулярности, что меняет тела как перчатки и двадцать лет жизни в виде стаи голубей считает славной идеей для творческого отпуска.

– Знаю, дальние перспективы не всех заботят, – отвечает Манфред. – И все-таки они важны. Не столь важно, выживем мы или погибнем – это все чепуха. Главный вопрос вот как звучит: сохраняется ли информация в нашем световом конусе или нашим жизням грош цена в базарный день, причем только из-за того, что мы заперты в среде, имеющей потери! Мне просто *стыдно* принадлежать биологическому виду, настолько обделенному интересом к собственному будущему даже в те моменты, когда оно касается всех и лично каждого из нас. Я говорю о том, что если может настать такое время, когда никто и ничто не будет нас помнить, что тогда…

– *Манфред?!*

Он останавливается на полуслове, открыв рот и тупо уставившись на нее.

На Эмбер, застывшую в черном костюме кошки с бокалом для коктейля. Выражение ее лица – открытое, смущенное, пугающе уязвимое. Синяя жидкость плещется, практически выливаясь из ее бокала, – ободок едва успевает вытянуться, чтобы поймать капли.

За ней стоит Аннет с глубоко самодовольной улыбкой на лице.

– Ты… – Эмбер делает паузу, ее щека подергивается, когда фрагменты разума входят в ее голову и выходят из нее, опрашивая внешние источники информации. – Ты и в самом деле такой…

Облако материализуется под ее рукой, когда пальцы расслабляются, роняя стакан.

– Э-э-э. – Манфред смотрит на нее, совершенно не находя слов. – Я, ну, гм. – Через мгновение он опускает глаза. – Мне очень жаль. Я принесу тебе еще выпить?

– А почему меня никто не предупредил? – жалуется Эмбер.

– Мы думали, будет хороший сюрприз… воссоединение семьи, – нарушает неловкое молчание Аннет.

– Сюрприз? – Эмбер выглядит озадаченной. – Можно и так сказать.

– Ты выше, чем я ожидал, – неожиданно говорит Манфред. – Люди выглядят иначе, когда смотришь на них нечеловеческими глазами.

Она глядит на него, он слегка поворачивает голову, и их взгляды сталкиваются. Сей момент поистине исторический, и Аннет записывает его на мемоалмаз со всех ракурсов. Маленький секрет семьи заключался в том, что Эмбер *никогда* не встречалась со своим отцом лицом к лицу; не в биопространстве – уж точно. Она ведь родилась через много лет после того, как Манфред с Памелой развелись, декантированная из резервуара с жидким азотом, и сейчас они впервые видят лица друг друга без электронного посредничества. И хоть на деловом уровне они уже говорили друг другу все самое важное, семейные связи у антропоидов все еще очень сильно зависят от языка их тел.

– Как долго ты не в отключке? – спрашивает она, пытаясь скрыть замешательство.

– Около шести часов. – Манфред выдавливает из себя печальный смешок и прячет от нее взгляд. – Пошли возьмем тебе еще коктейль и все обсудим?

– Пошли. – Эмбер глубоко вздыхает и бросает на Аннет буравящий взгляд. – Ты все устроила, ты и разгребай…

А та просто стоит и улыбается своему деянию – и рожденному им конфузу.

Сирхан встречает рассвет у себя в кабинете, готовый наброситься на любого, кто его сейчас потревожит. Кабинет – десяти метров в ширину, пол из полированного мрамора, а потолок весь в замысловатой лепнине, с прорезанными в нем окнами. Посреди пола абстрактными побегами брокколи

прорастает план прохождения его текущего проекта – фрактально дробящиеся ветви, овивающие самыми маленькими ростками узлы с флагами. Сирхан ходит вокруг да около плана и движениями глаз масштабирует отдельные участки, но собраться никак не получается. Он весь ныне состоит из тревоги и неопределенности, и в этом вроде как даже некого винить. Когда дверь открывают с той стороны, он думает, как набросится на незваного возмутителя его беспокойства и покажет, где зимуют раки, но что-то останавливает его.

– Что тебе нужно? – спрашивает он, глядя на входящую Аннет.

– Пара слов, не более. – Аннет отвлеченно смотрит куда-то в сторону. – Твой проект? – Она кивает на дерево.

– Да, – говорит он ледяным тоном, стирая прохождение взмахом руки. – Повторяю вопрос: чего тебе надо у меня дома?

– Не знаю, с чего начать. – Аннет молчит, и на мгновение на ее лицо наползает даже не требующая слов для выражения утомленность. Сирхан вдруг сомневается в себе: а не очерняет ли он сейчас всех не глядя? Девяносто-с-лишним-летняя француженка, давняя любовь всей хаотичной жизни Манфреда – последняя, кто стал бы им манипулировать. И уж точно не столь неприятным и переходящим на личное способом. Но в эти дни нельзя ни в чем быть уверенным: нормальных семей-то не бывает. Нынешние версии его отца и матери – совсем не те люди, что прогнали его подрастающий мозг через пару дюжин альтернативных жизней еще до того, как ему исполнилось десять, но нельзя закрывать глаза на их влияние. Как и на то, что они могут прибегнуть к помощи тети Нетти, чтобы иметь возможность манипулировать им.

– Нужно поговорить о твоей матери, – говорит она.

– Мы уже говорили, разве нет? – Сирхан разглядывает внезапно образовавшуюся в комнате пустоту, как после удаления зуба, столь же красноречивую, сколь и всяческая захламленность. Он щелкает пальцами, и за спиной у него материализуется замысловато украшенная скамейка из прозрачного синего полезного тумана. Он садится. *Пускай сама себе чего-нибудь наколдует, по вкусу,* думает он.

– *Oui.* – Она засовывает руки в карманы рабочего комбинезона – очень далекого от ее обычного стиля – и прислоняется к стене. С виду она так молода, будто всю свою жизнь носилась по галактике на скорости, близкой к световой, но в ее позе чувствуется древняя усталость и гнет многих жизней. – Твоя мать за огромную работу взялась, и уж поверь, ее лучше сделать. Ты давным-давно предложил нам помощь, с этим

хранилищем архивов. Важно сейчас дать делу ход – через предвыборную кампанию, да, иначе как донести до каждого избирателя, что необходимо переместить целую цивилизацию в очень сжатые сроки? Так почему сейчас ты не хочешь помогать?

Сирхан скрежещет зубами.

– Почему? – эхом откликается он.

– Ну да. Что случилось? – Сдавшись, Аннет создает себе стул из запасов тумана, что вихрятся под потолком. Усевшись, она смотрит на Сирхана в упор. – Такой вот вопрос.

– Я ничего не имею против ее политических махинаций, – напряженно отвечает он, – но ковыряться без спросу в моей личной жизни…

– Ковыряться в личной жизни? Ты о чем? – Аннет смотрит непонимающе.

– Как будто ты не знаешь. Зачем она вчера вечером подослала ко мне эту шлюху?

– Кого? – Взгляд тети становится еще более обескураженным. – Ты о ком?

– Об этой бесстыднице Рите! – выплевывает Сирхан. – С чего она взяла, что может… и вообще, если это была такая попытка сводничать, то это настолько неправильно, что…

– Да ты с ума сошел! – Аннет качает головой. – Мать просто хотела, чтобы ты чуть получше узнал ее агитационную команду и помог с планированием программы, а ты вот так вот сорвался. Ты очень обидел Риту, ты в курсе? Она же наш лучший специалист в составлении материалов и поддержании веры, а ты с ней, по ее словам, обошелся грубо. И за что, спрашивается?

– Она *кто?* – спрашивает он пересохшими губами. – Я-то думал, это…

Тут ему крыть решительно нечем. Ему совсем не хочется озвучивать мысль до конца. И эта прости-подвинься – участница предвыборной кампании его матери, а вовсе не какой-то мудацкий план сделать из него мачо? Это что, какое-то чудовищное недоразумение?

– Думаю, тебе стоит перед ней извиниться, – холодно замечает Аннет, вставая.

Его голова идет кругом: перед его внутренним взором прокручиваются записи с вечеринки с точки зрения остальных присутствующих. Увиденному остается лишь поразиться – даже стены, кажется, мерцают от неловкости.

– Научишься нормально обращаться с женщинами – тогда поговорим, – неприятным назидательным тоном изрекает Аннет. – А пока…

Она встает и идет из комнаты, оставляя Сирхана наедине с

осколками его разбившегося гнева. Пораженный и оцепенелый, он пытается снова сосредоточиться на своем проекте.

Это взаправду был я? Неужели со стороны все выглядело ТАК?

Дерево плана медленно вращается пред ним, широко разбросав голые ветви, готовые налиться плодами-узлами инопланетной межзвездной сети; осталось лишь убедить ИИНеко проспонсировать его экспедицию в сердце тьмы – в глубокое великое ничто.

Был когда-то Манфред стаей голубей. Он рассеял свой экзокортекс по множеству птичьих мозгов, клевавших себе яркие факты и испражнявшихся полупереваренными выводами. Переход назад, в человеческую форму, сопровождается неизъяснимо странными ощущениями (даже с отключенными половыми драйверами, он пока не привык, что у него всего одно тело). И дело не ограничивается постоянной болью в шее из-за попыток посмотреть левым глазом за правое плечо. Манфред лишился навыка составлять запросы и поисковые потоки для связи с базой данных или роботом-кустом, и теперь вместо этого просто пытается разлететься во всех направлениях, что обычно заканчивается падением.

Но это не особо досаждает. Масх с комфортом устроился за столом темного дерева на пивной веранде бара, поднятого откуда-то, наверное, из Франкфурта, близ руки – кружка-литражка, полная жидкости цвета поросячьей мочи, ухо приятно щекочет успокаивающий шепоток множества ручейков знания. Львиная доля его внимания сейчас уделена Аннет, сидящей напротив и разглядывающей его, – она чуть хмурится, но ни участие, ни приязнь не спрячешь. Они уже почти треть столетия жили своими жизнями, ведь она тогда решила не выгружаться вместе с ним, но его все еще сильно тянет к ней.

– Сделай что-нибудь с этим мальчиком, – сочувственно говорит она. – Еще немного – и он крепко подведет Эмбер. А без Эмбер нам придется туго.

– Да я и с Эмбер собираюсь кое-что сделать, – замечает Манфред. – Почему ты не сказала ей о моем появлении?

– Ну, сюрприз же… – Аннет почти дуется. С момента своего перевоплощения он еще не видел ее такой, и в нем просыпаются теплые воспоминания. Он тянется через стол и берет ее за руку. – Знаешь, пока я был стаей, у меня не было возможности по достоинству оценивать прелесть людей… – Он гладит ее по запястью, она отстраняется – не сразу, без спешки. – И, да, я думал, ты справишься без меня.

– Да брось ты, – качает головой Аннет. – Она *твоя* дочь,

забыл? Неужели ты совсем растерял свое фирменное любопытство?

– Будучи стайкой птиц? – Манфред клонит голову вбок так резко, что шея жалобно скрипит. Он морщится. – Да, наверное. Сейчас немножко вернулось, но Эмбер, по-моему, успела обидеться на меня.

– Что возвращает нас к первому пункту.

– Я бы извинился, но она же решит, что я пытаюсь ею манипулировать. – Манфред отхлебывает пива. – А ведь так оно и есть. – В его голосе сквозит грусть. – К кому в этом десятилетии ни подамся – все как-то не так. И одиноко что-то.

– Ладно, не грузись. – Аннет тянет руку назад к нему. – Рано или поздно все вернется на круги своя. А пока удели силы работе. Все эти дела с выборами становятся насущнее некуда.

Манфред вдруг с уколом чувств осознает, что ее французский акцент, бывший некогда таким ярким, почти исчез и сменился заатлантическим растягиванием слов. Он слишком долго не был человеком – и за это время дорогие ему люди сильно изменились.

– Раз гружусь, значит, сам того хочу, – говорит он. – Даже шанс проститься с Пэм – и тот профукал. Все шансы – с той самой стычки в Париже с мафией, наверное… – Он как-то неловко пожимает плечами. – Ох, да у меня никак старческая ностальгия прорезалась.

– Не у тебя одного, – тактично говорит Аннет. – Теперь с людьми крутиться – что по минному полю ходить. У человечества долгая, *слишком* долгая история, и теперь нам всем приходится продираться через целые чащи непонимания… никто ведь притом не в курсе, что вообще творится кругом.

– В том-то и беда. – Манфред делает большой глоток из кружки. – Тут же миллионов шесть проживает, и население растет, как интернет первого поколения. Точно так же поначалу все друг друга знают, но приходит куча новичков, которые ничего о Сети не знают… одна-две мегасекунды прошли – и давай по новой, все фигня. Формируются новые сети, и мы даже не подозреваем об их существовании, пока они не прорастают в политическую повестку дня и не всплывают под нами. Мы действуем под давлением времени. Если мы сейчас ничего не сделаем, то никогда уже не сможем ничего сделать. – Он качает головой. – Но ведь в Брюсселе все было совсем не так?

– Нет. В Брюсселе была представлена зрелая программа. А после того как ты отбыл, мне пришлось присматривать за Джанни, которого настигло старческое слабоумие. Мне кажется, дальше будет только хуже.

– Демократия 2.0. – Он слегка вздрагивает. – Я вообще не

уверен в обоснованности проектов голосования в эти дни. Предположение о том, что все люди одинаково важны, кажется пугающе устаревшим. Как ты думаешь, мы сможем это донести?

– А почему бы и нет? Если Эмбер согласится сыграть для нас народную принцессу… – Аннет кладет в рот ломтик ливерной колбасы и задумчиво жует его.

– А я вот не так уверен, что это реально, как бы мы ни играли. – Манфред выглядит задумчивым. – В сложившихся обстоятельствах вся эта история с народным участием выглядит для меня сомнительной. Мы находимся под прямой угрозой, несмотря на то что она носит долгосрочный характер, и вся эта культура находится под угрозой превращения в классическое национальное государство. Или, что еще хуже, в тот его вариант, когда на одно государство с одним укладом географически наслаивалось второе, на него – третье, и все без социального взаимопроникновения. Не уверен, что есть смысл пытаться чем-то настолько хрупким управлять: любая трещинка сулит далеко идущие побочные эффекты. Хотя, с другой стороны, если мы сможем мобилизовать достаточно широкую поддержку, чтобы стать первым видимым общепланетным государством…

– Нам нужно, чтобы ты был в форме, – неожиданно говорит Аннет.

– В форме? Я-то? – Он издает короткий смешок. – Раньше у меня за секунду идейки рождались, а теперь – дай боже раз в год что-то проклевывается. Я всего лишь древняя и подверженная меланхолии стайка птичек.

– Да, но ты же знаешь старую поговорку? У лисы много идей, у ежика всего одна, зато *какая*!

– Ну и какая же у меня идея? – Манфред наклоняется вперед, опершись локтем на стол, одним глазом сосредоточившись на внутреннем пространстве, где перегретая ветвь сознания обстреливает его псефологическими индексами производительности, анализируя предстоящую игру. – Вот к чему, по-твоему, я иду?

– По-моему… – Тут Аннет прерывается и глядит ему за плечо. Флер уединенности развеивается вмиг; Манфред в легком испуге оглядывается и видит, что сад полон гостей. Не меньше полусотни, и все столпились как сельди в бочке, каждый пытается перекричать стоящий вокруг шум.

– Джанни! – Аннет, просияв, встает из-за стола. – Вот это да! Когда успел?

Манфред моргает. Гость с виду гибок и молод, в движениях чувствуется юношеское изящество, но нет и следа неловкости или угрюмости. Этот парень гораздо старше, чем выглядит. Птенец с

виду, ястреб в генах… *Джанни?* Манфред вспоминает, как звонил в дверь в жарком и пыльном Риме. Белый банный халат, экономика дефицита, автограф мертвой руки фон Неймана. Неохватный поток воспоминаний сотрясает экзокортекс.

– Джанни? – спрашивает он, не веря глазам. – Вот это встреча! Сколько лет, сколько зим!

Представитель золотой молодежи, воплощение образа столичного альфонса нулевых, широко ухмыляется и заключает Манфреда в медвежьи объятия, а затем, непринужденно чмокнув Аннет в щеку, садится на скамейку рядом с ней.

– Как же хорошо снова повстречать старых друзей. Сколько воды утекло! – Пытливо шаря глазами по сторонам, Джанни ухмыляется. – Прекрасная, истинно баварская здесь у них обстановка. – Он щелкает пальцами. – Мне, пожалуйста… ребятки, а посоветуйте что-нибудь? Я так давно в последний раз пил пиво… ну, в *этом* теле – вообще еще не пил. – Он смеется.

– Ты ресимулирован? – спрашивает Манфред, не в силах сдержаться.

Аннет неодобрительно хмурится на него:

– Нет, глупый! Он же прошел через ворота телепорта…

– Оу. – Манфред качает головой. – Тогда прошу прощения.

– Забей. – Джанни Виттория явно не прочь, чтобы его приняли за историческую модель, а не за того, кто прошел через десятилетия трудным путем. Сейчас ему, должно быть, уже за сто, отмечает Манфред, не утруждаясь тем, чтобы создать поисковой запрос и выведать наверняка.

– Пришло время перемен, а старое тело не захотело меняться вместе со мной, так почему бы не принять неизбежное?

– Не знал, что ты дуалист, – печально говорит Манфред.

– Ну так я и не дуалист. Но и не дурак – это точно. – Джанни на мгновение перестает улыбаться. Бывший министр по трансгуманистическим делам, экономический теоретик, а затем ушедший в отставку старейшина племени поликогнитивных либералов – это вам не баран чихнул. – Я никогда раньше не загружался, не менял тела и не телепортировался. Даже когда мое старое тело совсем сдавать стало. Может быть, я его слишком истрепал. Но вот я здесь, в добром здравии, что может быть лучше?

– Это ты его пригласила? – Манфред вопросительно смотрит на Аннет.

– А почему бы и нет? – У нее в глазах злой блеск. – Неужели ты думаешь, что я жила как монахиня, пока ты курлыкал по-голубиному? Мы, конечно, выступали против того, чтобы развоплотившихся считать умершими, Манфред, но всему есть

предел.

Манфред переводит взгляд с Аннет на Джанни, потом смущенно пожимает плечами.

– Я покамест привыкаю к бытию человеком, – оправдывается он. – Дадите мне время наверстать упущенное? Хотя бы в эмоциональной сфере. – Осознание того, что у Джанни и Аннет есть общая история, не стало для него неожиданностью: в конце концов, это одна из тех вещей, с которыми вы должны смириться, если отказываетесь от членства в человеческом виде. По крайней мере, подавление либидо тут помогает, понимает он, не собираясь никого смущать предложением тройничка. Он сосредотачивается на Джанни.

– У меня такое чувство, что я здесь с какой-то целью, о которой мне никто не сказал, – медленно произносит он. – Почему бы вам не выложить, что у вас на уме?

Джанни пожимает плечами.

– У тебя уже есть общая картина. Мы – люди, метачеловеки, дополненные люди. Но постлюди – это *вещи*, которые людьми-то никогда по-настоящему и не были. Дурное Семя вошло в подростковый период – и намерено подмять местечко под себя, чтобы закатить тут вечеринку. Все дурные предзнаменования сходятся, не кажется ли тебе?..

Манфред смеряет его долгим взглядом.

– Сама идея бегства в биопространстве чревата опасностями, – протягивает он, беря кружку с пивом и медленно вертя ее в руках. – Послушайте, ведь теперь-то мы знаем, что сингулярность не превращается в ненасытного хищника, пожирающего всякую пассивную материю на своем пути, вызывая фазовые изменения в структуре пространства; во всяком случае, если где-то за пределами нашего нынешнего светового конуса Дурное Семя еще не учинило какую-нибудь глупость над структурой ложного вакуума.

– Но, если мы сбежим, мы все равно в конусе останемся. И рано или поздно мы снова столкнемся все с теми же проблемами: с выходящими из-под контроля апгрейдами разума и самозарождением, с искусственно сконструированным разумом и прочим. Возможно, в войде Волопаса [106] творится именно это. И там не цивилизация галактического масштаба, а раса патологических трусов, спасающихся бегством от собственного экспоненциально растущего превосходства. Мы можем отчалить куда угодно, неся семена сингулярности в самих себе. И если мы попытаемся их вырезать, то перестанем быть людьми, не так ли? Так что, может, ты нам скажешь, что делать, а?

– В этом-то и заключается дилемма. – В поле их зрения,

защищенное экраном конфиденциальности, встраивается официантка. Ставя кружку из алмазного волокна перед Джанни, она блюет в нее пивом. Манфред отказывается от доливки и ждет, пока Джанни заложит за воротник.

– Храни вас бог, простейшие утехи плоти!.. Кстати, Мэнни, я переписывался с твоей дочкой. Она одолжила мне бортовой журнал корабля, летавшего к Хёндай $^{+4904}/_{-56}$. Так вот, записи в нем способны в дрожь вогнать. Никто уже не ставит ее выводы под сомнение – уж точно не после этих самоходных пузырей-афер, ну или что там проникло в Экономику 2.0. Это значит, Дурное Семя сожрет Солнечную систему, Мэнни. Потом, конечно, слегка обороты сбавят, но что к тому времени останется от нас, спрашивается? Как быть всем нам, простым ортодоксальным людям?

Манфред задумчиво кивает.

– Ты ведь знаешь, в чем спор между акселерационистами и фракцией Связь-Временщиков?

– Еще как. – Джанни как следует отхлебывает пива. – Так как нам быть?

– Акселерационисты собираются выгрузить людей на флот старвиспов и отправиться колонизировать незанятую систему коричневого карлика. Или же захватить матрешечный мозг, поддавшийся старческому слабоумию, и сделать новые планетарные биомы с ядрами из алмазно-фазового компьютрония – учинить этакий акт пасторального эскапизма. Эмбер, мне кажется, не особо против такой идеи – она ведь уже каталась на старвиспе. Смело шагнуть туда, где еще не осваивалась ни одна выгруженная колония металюдей – звучит-то хорошо, верно? – Манфред кивает сам себе. – Но это не сработает, и вот почему. Поступив так, мы окажемся аккурат на первой итерации водопадной модели образования сингулярности, в паре гигасекунд от ее наступления. Поэтому я и вернулся – чтобы предупредить.

– Это все? – подначивает Джанни, притворяясь, что не замечает, как на него смотрит Аннет.

– Что касается Связь-Временщиков, – снова кивает Манфред, – то они похожи чем-то на Сирхана. Глубоко консервативны, безмерно подозрительны. Ратуют за то, чтобы оставаться здесь как можно дольше, пока Дурное Семя не придет на Сатурн, а затем постепенно уходить в пояс Койпера. Основать заснеженную колонию в световом полугоде отсюда. – Он вздрагивает. – Подумать только – запереться в гребаной банке с часовым переходом в ближайшую цивилизованную компанию. А вдруг твои соседи вздумают заново изобрести сталинизм или

объективизм? Нет уж, спасибо! Знаю, еще они что-то говорили о квантовой телепортации и о том, чтобы умыкнуть что-нибудь из роутеров, но этому я поверю, только если своими глазами увижу плоды.

– И что же остается? – спрашивает Аннет. – Все это очень хорошо, Мэнни, но что ты можешь предложить взамен этих двух программ? – Она кажется расстроенной. – Полвека лет назад у тебя было бы шесть новых идей до завтрака, не считая стояка!

Манфред хитро косится на нее.

– Кто сказал, что сейчас у меня этого всего быть не может?

– Не набивай себе цену, – свирепо бросает она.

– Ладно. – Манфред опрокидывает в себя четверть литра пива и с грохотом ставит осушенную кружку обратно на стол. – Так вышло, что у меня есть альтернативная идея. – Теперь он серьезен. – Я некоторое время обсуждал ее с Неко, а Неко сеяла ее семена в уме Сирхана. Если мы хотим, чтобы все получилось, нам в команде нужны и новаторы, и консерваторы. Именно поэтому я условно соглашаюсь со всей этой предвыборной чепухой. Так что именно я должен вам пояснить?

– Что это за болван, с которым ты весь день провозилась? – спрашивает Эмбер.

Рита пожимает плечами.

– Один автор ужасно нудного чтива из начала двадцатого, с фобией тела, раздутой до гигантских размеров. Думаю, если бы я перед ним ноги раздвинула, он бы в конвульсиях забился. Забавно еще, что он чуть не подпрыгнул от страха, стоило мне только упомянуть импланты. Нам позарез нужно прописать уже, как обращаться с этими дуалистами души и тела… как считаешь? – Она смотрит на Эмбер почти с обожанием. Рита только-только вошла во внутренний круг идеологов-акселерационистов, а статус Эмбер в нем практически заоблачный. Если Рита станет близка к ней, она сможет многому у нее научиться. И идти сейчас вместе с ней по тропинке через ландшафтный сад за музеем – великая честь.

Эмбер улыбается.

– Как хорошо, что я теперь не работаю с иммигрантами. Большинство из них такие тупые, что хоть на стенку лезь. Как мне кажется, это из-за обратного эффекта Флинна – у них у всех позади тяготы сенсорной депривации. Нет ничего, что курс стимуляторов роста нейронов не исправил бы за год или два, но после того, как оттрахаешь мозги нескольким, все начинают казаться одинаковыми. Такая нудятина. А вот выпадет тебе кто-нибудь из пуританской эпохи… Я не суфражистка, но клянусь,

попадется мне еще один суеверный клирик-женоненавистник – и я всерьез подумаю прописать ему терапию принудительной смены половой идентичности. Эх, хоть викторианцы развратники. Эти-то всему открыты, особенно если отрубить им самоконтроль общественного поведения. И новые технологии они любят, да…

Рита кивает. *Женоненавистники и прочие…* Эхо патриархата еще несется из глубины веков – и не только в виде ресимулированных аятолл и архиепископов Темных Веков.

– Мой клиент, тот писатель, собрал худшее и от тех, и от других. Смотрел на меня такими глазами, будто я вот-вот отращу рога или щупальца, что-нибудь этакое… Какой-то парень по фамилии Лавкрафт, из Род-Айленда. – *Слегка смахивает на твоего сына*, хочет добавить Рита, но удерживается. *Что там у него в голове творится? Надо постараться, чтобы до такого себя довести.* – А можно спросить, над чем ты сейчас работаешь? – Рите хочется направить разговор по новому руслу.

– Да в основном хожу и руки всем пожимаю. Тетя Нетти хотела, чтобы я встретилась с одним ее старым знакомым-политиканом, который, как она думает, может нам помочь с программой, но он торчал с ней и с папой весь день. – Она корчит гримасу. – Еще раз ходила на примерочную сессию к торговцам образами – они всё меня в живого манекена пытаются превратить. Демография снова тревожит. Сейчас у нас по тысяче новых иммигрантов в день, но скорость растет очень быстро – к моменту начала выборов будет уже восемьдесят в час. Сущая жуть. Если мы начнем кампанию слишком рано, то к моменту голосования четверть избирателей будут не знать, в чем ее суть.

– Может, в этом есть умысел, – предполагает Рита. – Дурное Семя пытается добиться желанного результата, вбрасывая голосующих. – Она грузит смайл с публичного канала и демонстрирует белозубую ухмылку. – И тогда партия сволочей выиграет, без сомнения.

– Ну нет. – Эмбер щелкает пальцами и ждет, скроив гримасу нетерпения, пока мимо не проплывет облачко и не протянет ей стакан клюквенного сока. – Папа кое-что весьма верно подметил. Мы все дебаты ведем в плоскости того, как нам избежать конфликтов с Дурным Семенем, и большая часть споров – о том, каким способом нам устроить наше бегство, как далеко идти и в какой план вложить ресурсы. Даже не о том, когда бежать и бежать ли вообще, не говоря уж о том, что нам еще следует делать. А возможно, стоит взглянуть пошире. Может быть, нами манипулируют?

Рита замирает с отсутствующим видом.

– Это же вопрос? – уточняет она.

Эмбер кивает, и Рита качает головой.

– Ну тогда я не знаю, четких-то свидетельств у нас нет. Но это не повод радоваться. Дурное Семя не скажет нам, чего оно хочет, но с чего нам верить, будто оно не ведает, чего хотим мы? Могут ли они вообще водить нас за нос? И насколько они нас обскакали?

Эмбер пожимает плечами, останавливается, отпирает калитку; по ту сторону дверей – лабиринт со стенками из благоухающего кустарника.

– Я правда не знаю. Вдруг им нет до нас никакого дела. Возможно, они даже не помнят, что мы существуем. А ресимулянтов вообще, скорее всего, кропает какой-нибудь автономный механизм без самосознания. Какой-нибудь сумасшедший посттиплеритский мем, ухвативший больше вычислительных ресурсов, чем было во всей предсингулярной сети. Или программа метамормонства, добивающаяся того, чтобы каждый когда-либо тут живший получил второй шанс на праведное житье-бытье по каким-нибудь чудаковатым и не вполне логичным религиозным догмам, о которых мы знать не знаем. Или они таким образом нам хотят что-то сказать, а мы, по их меркам, тупые и не догоняем. В том-то и проблема – нам ничегошеньки сейчас не известно.

Эмбер заворачивает в лабиринте за угол. Рита спешит ее догнать, видит, как она уже сворачивает в другой проход, и суетливо устремляется за ней.

– А что может быть еще? – выдыхая, спрашивает она.

– Да на самом деле… – Поворот направо. – …все, что угодно. – Шесть ступенек вниз, в сумрачный туннель. На развилке вправо, пять метров вперед, шесть шагов назад к поверхности. – Вопрос в том, почему они… – Поворот налево. – …не говорят нам прямо, что им от нас нужно?

– Что толку говорить с глистами? – Рите удается практически поравняться с Эмбер, идущей по лабиринту так, будто ей известен здесь каждый закуток. – Новый матрешечный мозг может быть умнее нас настолько же, насколько мы умнее ленточных червей. Что мы им скажем? Что они нам скажут в ответ?

– Может, и так. – Эмбер останавливается как вкопанная, и Рита оглядывается. Они пришли в центр лабиринта и стоят в большом открытом пространстве с тремя входами. Квадрат со стороной в пять метров окружен изгородью, а в центре его высится алый алтарь высотой человеку по пояс, отмеченный древними стигмами лишайников. – Мне кажется, ты можешь знать ответ на этот вопрос.

– Я?.. – Рита удивленно смотрит на нее.

Глаза Эмбер, темные и выразительные, взирают в ответ.

– Ты пришла с Титана, а туда – с одной из орбитальных колоний Ганимеда. Ты знала мою сестру-ветвь и общалась с ней, пока я летела прочь из системы на синтетическом алмазе размером с банку кока-колы. Во всяком случае, так рассказывала ты сама. Твой набор умений в совершенстве подходит для исследовательской группы кампании, и ты попросила меня представить тебя Сирхану, а потом дергала его за струны, как настоящий профессионал. Что стоит за всеми этими действиями? Почему я должна тебе верить?

– Я… – Рита морщится. – Не дергала я ни за какие струны! Он подумал, что я хочу затащить его в постель! – Она непокорно вскидывает взгляд. – А мне не это было нужно – я пыталась понять, как ты… он… как *вы* работаете… – Дикие темные орды упорядоченных запросов обстреливают ее экзокортекс, запуская сигналы тревоги, в распределенных базах данных временного ряда, растревожив всю внешнюю систему, что-то алчно копошится, исследуя ее прошлое и сверяя ее утверждения с записями в публичном доступе.

Рита смотрит на Эмбер, рассерженная и униженная этим прямым отказом в доверии.

– Что ты творишь?

– Подозреваю тебя кое в чем. – Эмбер вся подобралась, будто изготовилась бежать. *От меня? Бежать? Зачем?* – проносится в голове Риты изумленная мысль.

– Ты упомянула, что ресимулянты – возможно, итог бессознательной деятельности Дурного Семени? Забавно, я как раз обсуждала такую возможность с отцом. У него все еще есть смекалка – надо только поставить перед ним задачу…

– Я не понимаю!

– И не должна, – говорит Эмбер, и Рита чувствует, как растут огромные напряжения в пространстве близ нее. Вся вычислительная среда вокруг становится вязкой и зернистой – все схемы-пылинки, весь полезный туман, все клубы оптических процессоров в воздухе, вспыхнувшие как алмазы, вся умная материя в земле и в ее коже трещит под нагрузкой от того, что запустила Эмбер, задействовав все коды доступа. В какой-то миг Рита перестает ощущать больше половины своего сознания, и ее охватывает приступ клаустрофобии. Но он вскоре отступает.

– Скажи мне! – настаивает Рита. – Что ты хочешь проверить? Это какая-то ошибка… Что я такого сделала, что ты подозреваешь…

И Эмбер кивает, вдруг сделавшись усталой и угрюмой.

– Ничего. Ты когерентна. Прости меня.

– Когерентна? – Рита чувствует, как, трепеща от облегчения, с ней соединяются части ее сознания, оказавшиеся на целые секунды отлученными от центра, и повышает голос. – Я тебе покажу *когерентность*! Вот так, за здорово живешь, залезла в мой экзокортекс…

– Тихо! – Эмбер, растирая веки пальцами, кидает Рите конец шифрованного канала.

– Вот еще! – упорствует Рита, не принимая передачу.

– Бери. – Эмбер озирается. Она боится, вдруг осознает Рита. – Открывай же! – шипит Эмбер. Рита тянет за ярлык, и в нее грузится шмат необработанных демонстрирующих данных. Метаинформация, структура, точки входа. Похоже, что…

– Срань господня – шепчет она, осознавая.

– Ага. – Эмбер невесело улыбается и продолжает по закрытому каналу:

[*Похоже, они все – когнитивные антитела, воссозданные семиотической иммунной системой самого Сатаны. Вот над чем работает Сирхан – над поиском предотвращения их активации, которая загонит нас всех в гроб в два счета. Забудь про выборную муть – скоро тут все загорится, а мы пока еще надеемся успеть скумекать, как нам выжить. И да – ты уверена, что хочешь с нами?*]

– С вами? – дрожащим голосом переспрашивает Рита.

– С нами – на спасательный плот, куда под прикрытием разногласий акселерационистов и консерваторов папа думает погрузить нас всех, пока иммунная система Дурного Семени не сообразила, как разобщить нас и заставить перегрызть друг другу глотки.

Добро пожаловать в эпоху послесвечения сверхновой разума, глистик.

У глиста в распоряжении около тысячи нейронов, неустанно заставляющих его маленькое тело функционировать. У человека – около ста миллиардов. И то, что происходит во внутренней Солнечной системе, где бурлит и клубится мыслящее облако взбиваемой Дурным Семенем компьютерной пыли, отстоит столь же далеко от границ простого человеческого понимания, сколь думы Гёделя от тропизмов глиста. Солнце плавает в светящейся багровым накалом мгле, и в ореоле нанопроцессоров появляются и исчезают личностные модули в мириады раз мощнее интеллекта, что был бы эквивалентен человеческому, которые ограничены лишь скоростью света.

Меркурий, Венера, Марс, пояс астероидов – все это исчезло. Вместо Луны в небесах Земли сияет серебряная сфера,

отполированная до микронной гладкости, переливающаяся радугой дифракционных узоров. Сама Земля, колыбель человеческой цивилизации, все еще остается не переработанной, но космические лифты, сплошной стеной стоящие на ее экваторе, неустанно трудятся, отправляя караваны защищенной от переработки пассивной материи в резервации для дикой жизни во внешней системе, и, когда процесс завершится, все остальное незамедлительно подвергнут конвертации.

Буйство разума, пожирающего луны Юпитера молекулярными машинами, не сойдет на нет до тех пор, пока вся пассивная материя Солнечной системы не окажется переработанной в компьютроний. Тогда его вычислительная мощность станет больше, чем у галактики, где каждая планета населена футуршокированными приматами, но пока что разум этот вобрал в себя лишь проценты доступной массы, и он все еще недальновиден. Он скорее похож на цивилизацию размером с Магелланово облако – незрелую, неуклюжую, опасно близкую к своим углеродным корням.

Глистам с их мозгами в тысячу нейронов, живущим в теплой пищевой кашице, не понять мыслей своих хозяев, принадлежащих к неизмеримо более сложному виду. Но кое-что невозможно не заметить: например, то, что у хозяев многое происходит, и не всякая деятельность находится под осознанным контролем. Истечения желудочного сока и мерный дыхательный ритм непонятны мозгам червей, но они помогают поддерживать жизнь людей, а значит, и снабжать червей их средой обитания. Есть и более таинственные функции, также служащие этому. Замысловатый ход специализированных лимфоцитов в костном мозгу и лимфатических узлах, танец случайной изменчивости антител, которые непрерывно смешиваются друг с другом в поисках идеального сочетания, точнее, всех других реагирующего на молекулы-нарушители и оповещающего о наличии загрязнения, и многое другое, и почти все они протекают ниже уровня сознательного контроля.

Автономная защита. Антитела. Цветение разума, пищей которому служит пассивная материя внешней системы. Люди не так просты, как черви, извивающиеся в пищевой кашице, – они могут различить дурные знамения. И разве удивительно, что среди знающих людей спор идет не о том, бежать ли или нет, а о том, как далеко бежать и как быстро?

Команда собирается ранним утром следующего дня. Снаружи еще темно, и многие присутствующие вживую из-за накачки антагонистами мелатонина выглядят похмельно. Рита, подавляя

зевок, оглядывает кабинет совещаний. Его стены расширены огромным виртуальным пространством, где расположились около трех десятков привидений тех, кто сейчас все-таки спит (потом они проснутся, вспоминая необыкновенно яркий осознанный сон). Вот Эмбер разговаривает со своим знаменитым отцом и с моложавым на вид парнем, в котором одно из ее привидений определяет европейского политика прошлого века. Кажется, между ними присутствует некое напряжение.

Когда Эмбер пожаловала Рите свое шаткое доверие, внутреннему взору той открылся целый новый информационный уровень кампании. Теперь она видит стеганографически вплетенные в общую память проекта сведения, образующие там скрытый слой. Многое из его содержимого стало тревожной неожиданностью. Пугающие результаты исследования демографии ресимулированных, динамика темпов иммиграции из внутренней системы, классификация различных видов взлома, найденных в биоструктуре иммигрантов… Вот почему Эмбер, Манфред и Сирхан (все-так согласился) впряглись бок о бок за самую радикальную фракцию из всех выдвинутых на планетарные выборы, несмотря на все свои сомнения в применимости демократии в этот период постчеловеческой эпохи. Озадаченная Рита смаргивает все данные в угол поля зрения и отправляет пару дюжин субпотоков личности в подсознание – обрабатывать их. Стол предлагает ей сесть.

– Мне бы кофе, – бормочет она ему.

– Все онлайн? – спрашивает Манфред. – Тогда начну. – Он выглядит уставшим и встревоженным, и, несмотря на физическую юность, в нем читается солидность, полностью соответствующая его возрасту. – Господа, мы на пороге кризиса. Примерно сто килосекунд назад темп притока ресимулянтов резко возрос. Теперь нам пересылают в среднем по одному ресимулянту в секунду – и это помимо законной иммиграции, которой мы занимаемся. Если поток будет расти дальше, он перенасытит даже наши возможности проверять in vivo, есть ли среди иммигрантов нежелательные элементы. Нам придется начать запускать их в охраняемом буфере или просто воскрешать их вслепую, а это, пожалуй, самое рискованное, что мы можем сделать, если среди них будут реальные засланные казачки.

– Почему бы не сбрасывать их на мемоалмаз? – спрашивает бывший слуга народа, а ныне юный красавец по левую руку от Манфреда таким тоном, будто ответ ему известен загодя.

– Политические причины. – Масх пожимает плечами.

– Мы так распилим наш собственный сатурнианский насест, – замечает Эмбер. Вид у нее такой, будто ей под язык только что

сунули дольку свежего лимона. Рита чувствует мимолетное восхищение мастерством устроителей встречи. Эмбер даже разговаривает со своим отцом, и кажется, что ей хорошо, когда он рядом, а ведь он – ходячее напоминание о ее собственных неудачах. Никто другой пока и словечка не вставил. – Если не станем их воплощать, следующий закономерный шаг – отказ ресимулянтам в правах, установление неравенства… сомнительная мера, пусть даже нам и претит задача разрешения непростого общегосударственного вопроса через голосование. Вся наша государственность зиждется на принципе предоставления права решать что-то недоразвитым разумам – то есть нам.

– Кхе-кхе. – Кто-то прокашливается. Рита оборачивается на звук и обмирает. Сирхан, замороченный сынок эрзац-Эмбер, только что материализовался на стуле близ нее.

Поставил себе-таки Инста-Пуф, желчно отмечает про себя Рита. Сирхан делает все возможное, чтобы их взгляды не встречались.

– Вот вам и вывод из моего анализа, – объявляет он. – Нужно сохранять им жизни – как минимум в интересах программы с ковчегом. Но даже акселерационистам они рано или поздно потребуются – как база…

Концлагеря, думает Рита, стараясь не поддаваться подспудно отвлекающему фактору – присутствию Сирхана неподалеку. *Концлагеря, где все заключенные напуганы, сбиты с панталыку, а то и вовсе себя за людей не считают*. Мысль жуткая и сложная: Рита делит разум, генерируя пару привидений, чтобы обдумать ее со всех возможных сторон.

– Как проходят твои обсуждения проекта спасательного корабля? – спрашивает отца Эмбер. – Нам понадобится портфолио с описанием проекта, когда мы пойдем на выборы.

– План сменился. – Манфред подается вперед. – Не буду вдаваться в подробности, но у Сирхана с ИИНеко нашлось кое-что интересное. – Он опять чем-то озадачен.

Сирхан испепеляет свою эрзац-мать недобрым взглядом, чуть сощурившись, и Рите приходится сдерживать себя, чтобы не заехать ему локтем под ребра. Теперь она неплохо понимает, из какого теста он сделан.

– Мы пока не должны давать понять, что отступаем от базового плана спасательного плота, – громко говорит он. – За альтернативу они просят кое-какую цену.

– «Они» – это кто? О чем ты? – Эмбер явно потеряла нить. – Я думала, ты работаешь над чем-то вроде кладистической карты. При чем здесь цена?

Сирхан холодно улыбается.

– Я и работаю над кладистической картой, если так можно выразиться. Скажи, ты представляешь, какой шанс ты упустила, когда была в роутере? Я разговаривал с Неко…

– Ах ты… – Эмбер осекается и пунцовеет. – И о чем ты болтал с этой кошкой? – Рита видит, как сильно она сердится. Зачем Сирхан выводит ее из себя?

– О топологиях некоторых весьма интересных видов сетей малых миров. – Сирхан откидывается в кресле и разглядывает облако над ее головой. – И о роутере, ясное дело. Ты прошла через него и притащилась с поджатым хвостом – как можно было быть настолько поспешной, чтобы даже не проверить своего пассажира? Вдруг он враждебен?

– Мне что, отчитываться перед тобой? – яростно выпаливает Эмбер. – Ты там не был и даже вообразить себе не можешь, в какие рамки нас там зажали.

– Вот как? – Сирхан иронично поднимает бровь. – Ладно. Вернемся к прохлопанным возможностям. Мы знаем, что роутеры самовоспроизводятся, хотя неизвестно зачем. Они распространяются от одного коричневого карлика к другому, прорастают, забирают у недозвезды немного энергии и материала и отправляют выводок детей дальше. Словом, они – машины Фон Неймана. Еще нам известно, что ими поддерживается широкополосная связь с другими роутерами. Нырнув в тот, что рядом с Хёндай $^{+4904}/_{-56}$, ты очутилась в неподдерживаемой демилитаризованной зоне, крепящейся к матрешечному мозгу, в силу неведомых нам причин деградировавшему. Следовательно, кто-то этот роутер к матрешке *принес и подсоединил.* Почему же ты до такого не додумалась?

– Ты хоть знаешь, какая у «Странствующего Цирка» грузоемкость? Прикинь, какой у ядра роутера вес!

– Но ты же потащила за собой Слизня, занявшего где-то половину грузоемкости – и фиг с ним, что он мог быть потенциально опасен!

– Эй, *детишки!* – Эмбер и Сирхан затравленно оглядываются, оба разом. В голосе Аннет – ни намека на юмор. – Будьте любезны, отложите эти препирательства, – говорит она. – У нас есть дела, и их надо делать. – Кажется, ей вот-вот сорвет крышу.

– Напомни, кто у нас такой альтернативно одаренный, что придумал вновь собрать всю семью вместе? – спрашивает с лучезарной улыбочкой Манфред, потешно супя брови на юного красавчика-политика, явно собиравшегося что-то брякнуть в защиту Аннет.

– Пап, ну давай не сейчас! – Теперь и Эмбер проняло. Выглядит она сейчас гораздо старше своего субъективного

возраста в гигасекунду. Рита невольно выпрямляется в кресле. – Аннет права. Ни к чему препираться. Давайте все оставим семейную историю до той поры, когда можно будет к ней вернуться в более неформальной обстановке. По рукам?

Манфреда будто обухом стукнуло.

– И правда ведь… – Он несколько раз моргает, а потом набирает воздуха в легкие. – Эмбер, я включил в уравнение несколько старых знакомцев. Так вот в чем соль: если мы выиграем выборы, то выбраться отсюда поскорее нам поможет только комбинация двух основных идей, уже оговоренных. Во-первых, это сохранение на высокоплотной памяти стольких людей, сколько только получится, рассчитывая на их перевоплощение, когда мы окажемся где-нибудь, где достаточно массы и энергии, а во-вторых, захват роутера. У нас не хватит энергии на достаточно большой для всех релятивистский звездолет – пусть даже в виде выгрузок, это не потянет и всепланетное государство. А нерелятивистский корабль был бы слишком легкой добычей для Дурного Семени. Поэтому мы не будем вслепую срываться к первому сносному пункту назначения. Вместо этого мы разберемся в сетевых протоколах роутеров, придумаем вид переносимой валюты, коей можно оплатить наше перевоплощение на другом конце, а для начала произведем разведку и составим карту, чтобы не сбиться с пути. Два трудных этапа: достать роутер или добраться до него и заплатить на том конце, последнее означает – взять с собой кого-то, кто разбирается в Экономике 2.0., но не лоялен при этом Дурному Семени.

Собравшиеся задвигались, зашумели, обсуждая слова Масха, от волнения перейдя на вербальную коммуникацию.

– И так получилось, – продолжил он, поднимая руку и призывая к тишине, – что эти мои старые знакомцы уже сходили по адресу и заполучили ядро роутера для собственных целей. Оно сейчас в поясе Койпера, в тридцати световых часах отсюда; прямо сейчас они пытаются активировать его. А Неко разбирается в торговых переговорах, и я думаю, она могла бы отправиться с нами. – Воздев правую ладонь, Манфред сгружает инфодамп в общий буфер памяти собравшихся.

Лангусты! Десятилетия назад их выгрузки совершили побег из продуваемой дикими ветрами реальности тревожных нулевых. Манфред заключил для них сделку, и обзавелись они своим собственным заводом на комете. Спустя много лет экспедиция Эмбер к роутеру повстречалась с жуткими ракообразными-зомби, выгруженными образами, захваченными и пересобранными вуншами. Но где все это время были *настоящие* лангусты?

На мгновение Рите представляется, как она висит во тьме и в вакууме. Далеко внизу слышится пение сирен, несущееся из глубин гравитационного колодца планеты, а слева – на севере? – тускло сияет мглистое алое облако величиной с полную Луну в небе Земли, и сбросовое тепло зеленых бесцветных яростных снов, в которые погружена галактическая цивилизация, засоряет тишину космоса несмолкающим техногенным гулом. Поняв, как изменять направление своего немигающего безглазого взгляда, она замечает звездолет. Он выполнен в форме трехкилометрового ракообразного, разделен на сплюснутые сегменты и топорщится лапами, на которых закреплены объемистые топливные баки с криогенным дейтерием. Синий металлический хвостовой плавник обернут вокруг дюзы термоядерного реактора. Вместо головы у космического лангуста плавающий в полезном тумане ворох роботов-кустов, вокруг которого роятся наносборщики, готовые чинить повреждения на ходу и раскрывать тормозные щиты. Массивная обшивка защищает корабль от яростных вихрей межзвездной пыли, шестиугольные фасетчатые глаза-радары обращены к Рите.

За и под кораблем виднеются витки колец. Лангуст на орбите Сатурна, в считаных световых секундах от них. И пока Рита, будто лишившись дара речи, таращится на судно, оно *подмигивает* ей.

– Они не пользуются именами, во всяком случае – как личными метками, – виновато говорит Манфред. – Но я спросил у него, не возражает ли он, если я буду называть его как-нибудь. Он сказал: «Пусть будет Синий», ведь таков его цвет. И я представляю вам крепкого доброго лангуста по имени Некто Синий.

– Чтобы ориентироваться в сети, вам все еще нужен мой кладистический проект, – вворачивает Сирхан с долей самодовольства. – Вам уже известна конечная цель?

– «Да» на оба вопроса, – Манфред кивает. – У каждого роутера мы будем отправлять привидения-дубликаты к каждой возможной конечной точке и ждать от них ответа. Потом повторять операцию и так далее, все в рамках классического рекурсивного поиска в глубину. С конечной целью, впрочем, все немного сложнее. – По указке Манфреда, потолок теряет плотность, рассредоточиваясь в обрывистую трехмерную паутину. Покопавшись в архиве несколько субъективных часов, Рита все-таки узнает, что перед ней – карта распределения темной материи в пределах миллиарда световых лет от Млечного Пути; галактики, точно лебяжий пух, вплетены по нескольку в узловые точки пересечения.

– Мы уже почти столетие знаем: там, в войде Волопаса, происходит что-то странное – например есть там пара

галактических сверхскоплений, вокруг которых имеют место странные процессы в анизотропии космического фона. Вычислительные процессы обычно генерируют энтропию как побочный продукт, и похоже, что кто-то сбрасывает ненужное тепло в ту область со всех галактик в регионе, которое очень равномерно распределено таким образом, что отражает распределение металла в этих галактиках, за исключением разве что самих ядер. А если верить лангустам, поднаторевшим в интерферометрии с чрезмерно длинной базой [107], большинство звезд в ближайшем скоплении краснее, чем ожидалось, и лишены металла. Как будто кто-то использовал их в качестве месторождений.

– Вот как. – Сирхан пристально смотрит на своего деда. – А почему они должны отличаться от местных узлов?

– Посмотри вокруг. Видишь какие-нибудь признаки крупномасштабной космоинженерии в пределах миллиона световых лет отсюда? – Манфред пожимает плечами. – До нас еще ничего не дошло… ладно, смотри. Мы наблюдали погибший матрешечный мозг, узнали, сколь трудно для постсингулярной цивилизации исследование новых рубежей – мы видели барьер пропускной способности, удерживающей их дома. Но там… – Он показывает на потолок. – Там случилось нечто другое. Изменения в масштабах всего галактического сверхскопления. Похоже, они действуют заодно – все-таки *рискнув* пойти в исследования, достичь еще более далеких рубежей. Похоже, они занимаются чем-то целенаправленным и координированным, чем-то масштабным – может статься, атакой временного канала на виртуальную машину, управляющую нашей Вселенной, а может, вложенную симуляцию совершенно *другого* мира. Их потомки все еще могут быть там. Вверх или вниз они идут? Там всю дорогу – слоны на черепахах. Или можно найти что-то еще более реальное, чем наши вложенные реальности? Скажи, неужели ты не считаешь это все достаточно интересным, чтобы отправиться туда и разузнать?

– Нет. – Сирхан скрещивает руки на груди. – Не считаю. Я заинтересован в спасении людей от Дурного Семени, а не в том, чтобы делать огромные ставки на каких-то таинственных трансцендентных инопланетян, которые, возможно, построили машину для взлома реальности размером с галактику миллиард лет назад. Я продам вам свои услуги и даже пришлю свое привидение, но если вы хотите, чтобы я поставил на это все свое будущее…

Для Риты это становится последней каплей. Отвлекшись от захватывающих дух видов перед внутренним взором, она пихает

Сирхана в бок локтем. Он оборачивается; сначала его взгляд ничего не выражает, а затем, когда он опускает свой фильтр, полнится гневом.

– Иногда лучше помолчать, – шипит она. Потом, поддаваясь еще одному порыву и зная, что пожалеет об этом, сбрасывает к нему конец приватного соединения.

– Никто тебя и не просит, – оборонительно говорит Манфред, скрестив руки на груди. – Мне это видится чем-то вроде Манхэттенского проекта, параллельно работающего над всеми программами. Если мы выиграем выборы, у нас будут ресурсы на всё. Мы *все* отправимся через роутер, и *все* запишем свои архивные копии в Синего. Он не так уж быстр, этот старый добрый корабль, всего одна десятая световой, но на что Некто Синий отлично годен, так это на перенос большого количества мемоалмазов из околосолнечной системы – прямо сейчас, пока автономная защита Дурного Семени еще не активировала свой механизм эксплуатации доверия, или что они там еще задумали в ближайшие несколько мегасекунд…

[*Чего тебе?*], сердито спрашивает Сирхан по каналу. Он все еще избегает смотреть на нее – и не потому, что сосредоточен на «Синем», наполняющем общее пространство встречи их команды.

[*Перестань кривить душой*], отправляет Рита в ответ. [*Зачем отрицать свои цели и мотивы? Может, ты и не хочешь правды, которую узнал твой собственный призрак, а я хочу. И я не позволю тебе отрицать, что это случилось.*]

[*Что один из твоих агентов совратил образ моей личности?*]

[*Чепуха!*]

– Собираетесь ли вы открыто заявлять об этой программе? – спрашивает красавчик политик у сцены. – Вы подорвете кампанию Эмбер, если объявите о ней.

– Всё в порядке, – устало говорит Эмбер. – Я привыкла, что папа поддерживает меня своими собственными уникальными способами…

– *Хорош*, – говорит новый голос. – *Мы есть счастливы помочь. Ждем на эклиптике в режиме гибернации*. – Так обращается к ним дружественный спасательный корабль лангустов: его слова доносятся с орбиты, преодолевая задержку распространения.

[*Тебе нравится прятаться за лелеемым чувством моральной чистоты, потому что так тебе проще смотреть на других свысока, но на самом деле ты человек – такой же, как и все остальные!*]

[*Она послала тебя растлить меня, разве нет? Ты – просто приманка в ее руках.*]

– Идея в том, чтобы выгружаться на борт корабля Некто

Синий последовательными резервными копиями, – говорит Аннет, помогая Манфреду. – Тогда, если ограниченно богоподобные силы из внутренней системы попытаются активировать антитела, уже вшитые в культуру фестиваля, у нас будут точки восстановления.

Никто в дискуссионном пространстве не замечает, как Рита и Сирхан поливают друг друга нечистотами и обмениваются эмоциональными запалами, как будто уже побывали во многих разводах.

– Само по себе это не решает задачу эвакуации, но хотя бы удовлетворяет основным требованиям программы консерваторов, и в качестве гарантии…

[*Винить во всем свою эрзац-мать – это ты здорово, конечно, придумал! До тебя не доходило, что она не настолько зациклена на тебе и ей не до того, чтобы устраивать такие фокусы? По-моему, ты слишком долго зависал со своей сумасшедшей бабкой. Ты даже не воссоединился с тем привидением, да? Боишься запятнать себя? Спорим, ты даже не утруждал себя узнать, какое на самом деле это чувство?*]

[*Я…*] Сирхан на мгновение замирает, и личностные модули кружатся вокруг его головы, вылетая и интегрируясь снова, как рассерженные пчелы в улье. [*Каким же я был дураком.*] Он безвольно расплывается в кресле. [*Мне так неловко… ты права.*]

Он прячет лицо в ладонях.

Удивление Риты плавно уступает пониманию. Сирхан, каким бы упрямым гордецом он ни был, рискнул-таки воссоединиться с памятью призрака, с которым призрак Риты столь долго пробыл вместе. Когнитивный диссонанс, надо думать, ошеломляющ.

[*Прости, что-то я пережала…*]

[*Ох.*] Как же он смущен. Совсем другое дело! Рита уже тогда прекрасно знала его: при ней-то осталась призрачная память о шести месяцах, проведенных с ним в симуляторе, – его объятия, обыгрывание идей, обмен личным, появление доверия… Этот роман мог бы случиться ИРЛ, а не в симуляционном пространстве, не отреагируй он тогда на осознание, что такое *в принципе возможно*, ссылкой в архив загрязненного нечистой мыслью осколка сознания… и тотальным отрицанием.

– Детального анализа угрозы у нас пока нет, – вклинивается Аннет, заглушая их личный разговор. – Если она прямая, а мы ничего не можем сказать точно, Дурное Семя способно оказаться и достаточно просвещенным, чтобы просто оставить нас в покое, – тогда грядет некая изощренная атака, направленная непосредственно на основы нашей идентичности. Что-то вроде пузыря доверия, когда люди подхватывают какую-нибудь

странную веру, и за этим происходит девальвация метрики доверия. Может, отклонения в результатах выборов. Никаких внезапностей – они не настолько глупы, чтобы атаковать в лоб, не проложив себе дорогу нашим постепенным разложением.

– Вижу, вы всё продумали, – говорит Самина делано сухо. – Но, Манфред, откуда ты взял этот синий корабль? Ты натаскал в свое дупло столько кредитов доверия, что хватило зафрахтовать звездолет в метапузыре Экономики 2.0? Или есть еще что-то, о чем ты пока предпочитаешь молчать?

– Ну… – Манфред делается похожим на маленького мальчика, которого застукали с рукой в банке с вареньем. – Ну, фактически…

– Да, пап, почему бы просто не рассказать, чем мы платим? – спрашивает Эмбер.

– Ну… ну ладно. – Он смущается. – Лангусты назначили посильную цену.

Рита тянется, берет Сирхана за руку, и тот не сопротивляется.

[*Ты знал об этом?*]

[*Нет, это что-то новенькое*.]

Запутанная частичная ветвь сознания прорастает через его ответ, и ее ветвь на какое-то время сплетается с ней в интроспективной задумчивости, пытаясь понять последствия знания того, что им обоим уже известно о возможности взаимных отношений.

– Им нужна письменная концептуальная карта. Карта всех доступных пространств, висящих в сети роутера, составленная исследователями-людьми. Такая, какую они могли бы использовать в качестве руководства по прохождению. Все довольно просто: в обмен на билет из системы мы отправим кого-нибудь в картографическую экспедицию. Но это не значит, что нам не дадут оставить резервные копии самих себя.

– У них уже есть кто-то на примете? – азартно спрашивает Эмбер.

– Нет, – говорит Манфред. – Есть только сама задача: составить карту сети роутера и описать возможные угрозы извне. – Он выдерживает паузу. – Ты ведь захочешь пойти со мной, правда?..

Предвыборная кампания занимает примерно три минуты и потребляет больше пропускной способности, чем сумма всех наземных каналов связи с начала времен до 2008 года. Примерно шесть миллионов привидений Эмбер, индивидуально подобранных в соответствии с профилем целевой аудитории, разветвляются по темной узловатой сетке колонии кувшинок, а

затем выходят через сверхширокополосные сети, воплощенные в имплантах и плавающих пылинках, чтобы пообщаться с избирателями. Какие-то так и не достигают своей аудитории, другие – проводят бесплодные дискуссии, примерно шестеро решают, что настолько разошлись в идеях со своим оригиналом, что объявляют себя отдельными личностями и запрашивают получение независимого гражданства, двое дезертируют на сторону Дурного Семени, а одна копия сбегает с роем высокоэмпатичных модифицированных африканских пчел.

Привидения Эмбер – не единственные соревнующиеся за внимание коллективного духа времени. На деле они в меньшинстве. Многие другие автономные выборные агенты агитируют за всякое-разное, от предложения ввести прогрессивный подоходный налог (никто не может объяснить зачем, но звучит предложение весьма традиционно) до призыва замостить городами всю планету сплошняком (они совершенно не берут в расчет ни то, что атмосфера газового гиганта уже порядочно обеднела металлами, ни то, каким адом неизбежно обернется климат). А остальные… Партия Лицедеев продвигает назначение каждому нового набора лицевых мускулов раз в полгода, Яростные Проказники требуют равных прав слабо осознающим себя сущностям, ну и тьма-тьмущая иных однозадачных инициативных групп ставит некие традиционно недостижимые цели.

Неизвестно, чем это все в итоге обернется. Никто не берется гадать, кроме разве что непосредственных участников Комитета Фестиваля – группы, которая первой утвердила идею замостить атмосферу Сатурна аэростатами с горячим водородом. Но вот проходит полный суточный цикл, почти сорок тысяч секунд, и начинает вырисовываться картина, подразумевающая разработку надежной системы контроля отклонений в планетарной сети-распределителе баллов репутации с гарантией не менее пятидесяти мегасекунд (почти один марсианский год, если бы Марс еще существовал) и учреждение парламентского борганизма, который будет выступать от лица единого сверхсознания, скомпилированного из политических взглядов победителей. Новости не очень хорошие, осознает партия, собравшаяся в верхней сфере «Атомиума». Эмбер на собрании не присутствует – видимо, топит свои печали или участвует в предвыборных схемах иной природы где-то еще. Но другие члены ее команды уже здесь.

– Могло ведь быть и хуже, – возражает Рита поздним вечером. Она сидит в углу палубы седьмого этажа, в каркасном кресле 1950-х годов, сжимая стакан синтетического односолодового

виски и наблюдая за тенями. – Мы могли бы участвовать в выборах по старому стилю, но тогда бы такая волна дерьма поднялась… зато мы смогли остаться анонимными.

Одно из слепых пятен отделяется от ее периферического зрения и приближается.

Это Сирхан; он выглядит угрюмым.

– А в чем твоя проблема? – спрашивает она. – Твоя бывшая фракция выигрывает.

– Ну допустим. – Он садится рядом с ней, старательно избегая ее взгляда. – Может, и хорошо это. А может, и нет.

– Так когда же ты присоединишься к синцитию? – спрашивает она.

– Это я-то? Присоединюсь к *этому*? – Он выглядит встревоженным. – Ты думаешь, я хочу стать частью парламентского борга? За кого ты меня принимаешь?

– Ой. – Она качает головой. – Я-то думала, ты меня из-за этого избегаешь.

– Нет. – Он протягивает руку, и проходящий мимо официант вкладывает в нее бокал. Он делает глубокий вдох. – Я должен перед тобой извиниться.

Как вовремя, цинично думает она. Он упертый и гордый, нехотя признает ошибки и никогда не станет извиняться, пока действительно не поймет, что надо.

– За что?

– За то, что не дал тебе возможности усомниться, – медленно говорит он, перекатывая бокал меж ладоней. – Мне стоило раньше прислушаться к себе, а не запираться от себя же.

То, о чем он говорит, кажется ей самоочевидным.

– С тобой нелегко сойтись, – тихо говорит она. – Может быть, это и есть часть твоей проблемы.

– Часть проблемы? – Он горько усмехается. – Моя мать… – Он проглатывает то, что хотел сказать ей на самом деле. – Ты знаешь, что я ее старше? В смысле, старше этой ее версии? У меня в печенках сидят ее материнские замашки.

– Они ей самой не по душе. – Рита тянется и берет его за руку – и он тут же сжимает ее в ответ, на этот раз без отторжения. – Послушай, мне кажется, в парламент лжи она не попадет. Консерваторы побеждают по всем статьям, а нашим – везде от ворот поворот. Ресимулянтов со Старой Земли – уже процентов восемьдесят населения, и лучше до того, как Дурное Семя явится по наши души, уже не станет. Что же нам теперь делать?

Он пожимает плечами.

– Я думаю, все, кто полагает, что мы действительно в опасности, продолжат что-то делать. Ты понимаешь, что

акселерационисты теперь отвернутся от идеи «власть – народу»? У них все еще есть осуществимый план – для погрузки на корабль лангустов энергия со всей планеты не потребуется. Но потом от такого отказа все равно станет больно. Я все не могу отделаться от мысли, что, возможно, истинная цель Дурного Семени состояла в том, чтобы заставить нас не уводить у них ресурсы. Тупо и неубедительно – поэтому-то мы и предположили, что дело совсем не в этом. Но, может, для Дурного Семени настало время именно так и действовать – грубыми методами.

Она пожимает плечами.

– Демократия плохо подходит для спасательных шлюпок. – Рите все еще не по нраву эта идея. – И подумай обо всех тех людях, которых мы тут бросим.

Он невесело улыбается.

– Ну, если ты вдруг придумаешь, как вдохновить массы примкнуть к нам…

– Перестань думать о них как о *массах*, которыми только вертеть и можно. Похоже, в твоей семье развился передающийся по наследству элитаризм. Кого бы он привлек?

Сирхан поеживается.

– Думаешь, я плохой? Поговори как-нибудь с ИИНеко. Вот где бездны…

– А вот и поговорю как-нибудь. А все-таки, что будешь делать? В роутер пойдешь – на исследования?

Он искоса глянул на нее.

– Пошлю туда копию, – тихо отвечает он. – Прости, но я не хочу ставить все будущее без остатка на шанс повидать закоулки Вселенной. В последнее время у меня было столько волнений, что хватит на целую жизнь. Думаю, одна копия пойдет в резервный архив в ледяных глубинах, одна – в исследовательскую экспедицию, ну а я осяду и создам семью. Что насчет тебя?

– Ты пойдешь всеми тремя путями? – спрашивает она.

– Думаю, да. Что насчет тебя?

– Куда ты, туда и я. – Рита прислоняется к нему и тихо добавляет: – Разве в конце концов это не самое главное?

Глава 9. Пережиток

На этот раз между последовательными визитами к династии Масхов проходит более двух десятков лет.

Где-то в окропленной газом темноте за пределами местного войда есть углеродная жизнь. Алмазный цилиндр протяженностью в пятьдесят километров вращается в темноте, его поверхность испещрена странными квантовыми ямами, имитирующими экзотические атомы, не найденные ни в одной периодической системе, какую мог бы узнать Менделеев. Его внутренние стены содержат килотонны кислорода и азота и мегатонны зараженной жизнью почвы. В ста триллионах километров от обломков Земли цилиндр блестит во тьме, будто драгоценный камень.

Добро пожаловать в Новую Японию – одно из мест меж звезд, где живут человеческие существа – теперь, когда Солнечная система закрыта для тел из плоти и крови.

Интересно, кого же мы здесь найдем?

В одном из терраформных секторов цилиндра обитания находится Красная площадь. Огромный гонг свисает с красиво раскрашенной деревянной рамы на одной ее стороне, вымощенной обветренными известняковыми плитами, сделанными из атомов, добытых с планеты, которая никогда не знала расплавленного льда. Вокруг стоят дома и палатки, в которых трудятся гуманоидные официанты, подавая еду и напитки проходящим мимо реальным людям. Группа детей предпубертатного возраста играет в войнушку со своими пучеглазыми домашними любимцами, размахивая самодельными копьями и автоматическими винтовками; в этом мире нет боли, потому что тела взаимозаменяемы, перестраиваемые вмиг рамами ассемблирования/дизассемблирования, установленными в каждой комнате. Взрослых здесь почти нет, потому что Красная площадь сейчас не в моде, и дети облюбовали ее как игровую площадку. Они все по-настоящему молоды, они – плоды классического Творения, среди них нет ни одного Питера Пэна, ни одной Венди.

Тощий мальчик с орехово-коричневой кожей, копной черных волос и тремя руками терпеливо выслеживает из-за угла площади встревоженного синего ослика. Он проходит мимо стойки со свежими роллами и суши, когда странный зверь выползает из-под тачки и выгибает спину, царственно потягиваясь.

Мальчик, Мэнни, застывает, сжимая руками копье и

сосредоточившись на новой цели. Синий ослик помахивает ему хвостом и бросается в укрытие через покрытую лишайником брусчатку.

– Город, что это такое? – спрашивает он, не шевеля губами.

– На что ты смотришь? – отвечает Город, что несколько озадачивает Мэнни, но не так сильно, как следовало бы.

Зверь заканчивает вытягивать одну переднюю ногу и вытягивает другую. Мэнни он кажется немного похожим на кошку, но есть в нем что-то странно неправильное. Голова у него слишком маленькая, глаза тоже… и эти лапы…

– Ты острый! – обвиняет он зверя, неодобрительно морща лоб.

– Ага. Как скажешь. – Существо зевает, и Мэнни направляет на него копье, сжимая древко обеими правыми руками. У неведомой зверушки и зубы острые, и обращается она к нему через внутренний канал, а не через уши. Но ведь невербал – он только для людей, а не для игрушек.

– Ты кто такой? – требовательно спрашивает мальчик.

Зверь дерзко смотрит на него.

– Я знаю твоих родителей, – говорит он, все еще используя невербал. Он поднимает свой хвост, как кошка, и мех кустится… и затем опадает. – Если отведешь меня к своему отцу, я потом расскажу тебе одну историю.

– А мне все равно! – Мэнни всего около двухсот мегасекунд, то есть семь земных лет, но он уже может распознать, когда им манипулируют, а манипуляции его злят.

– О, дети. – Хвост похожей на кошку твари хлещет из стороны в сторону. – Ладно, Мэнни, давай так: ты отводишь меня к отцу, а я не отрываю тебе рожу на хрен? Ты же сам сказал – я острая! – Мгновение спустя мягкая тушка обвивает его лодыжки и мурлычет, демонстрируя, что угроза шуточная, но Мэнни видно – когти у нее взаправду огромные. Перед ним дикая кошка; ничто в его искусственно внедренном ортогуманном воспитании не готовило его к тому, что придется иметь дело с *настоящей* дикой кошкой, да вдобавок – с говорящей.

– Убирайся! – Мэнни становится страшно. – Мама! – кричит он, нечаянно активируя метку широковещания в своей внутренней речи. – Тут эта штука!..

– Ладно, подойдет и мама. – Похоже, кошачий монстр смирился, перестав тереться о ноги Мэнни и таращась на него снизу вверх. – Ни к чему паниковать, я не причиню тебе вреда.

Мэнни перестает кричать.

– Кто же ты такой? – не устает спрашивать он, глядя на зверя. Заслышав его немой крик, мать устремляется на помощь – сквозь

световые года, от одного переключателя к другому, сворачивая по пути вложенные измерения.

– Зови меня ИИНеко. – Зверюга садится, задирает заднюю лапу и проводит по ней розовой тряпочкой языка. – А ты ведь Мэнни, верно?

– ИИНеко, – неуверенным эхом откликается Мэнни. – Ты знаешь Лиз или Билла?

ИИНеко опускает лапу и изучает Мэнни внимательным взглядом, свесив голову набок. Мальчик слишком молод и неопытен, чтобы знать, что пропорции Неко всецело вторят пропорциям обычной домашней кошки, Felis catus, естественно развившегося зверя – и это не игрушка, не палимпсест и не компаньон, к которым он привык. Пусть реализм и в моде у поколения его родителей, всему есть предел. Мех Неко украшают оранжевые и коричневые полосы и завитушки, под подбородком у нее белый пушок.

– Кто такие Лиз и Билл? – спрашивает она.

– А вот кто, – говорит Мэнни, когда большой угрюмый Билл подкрадывается к ИИНеко сзади и пытается схватить ее за хвост, а Лиз парит за его плечом, словно мелкий НЛО, возбужденно жужжа. Но Неко слишком быстра для детей – она мечется вокруг ног Мэнни, как волосатая ракета. Мэнни вскрикивает и пытается пронзить кошку копьем, но та превращается в синее стекло, трескается, и осколки блестящего снега сыплются вниз, обжигая его руки.

– Ох, недружелюбно! – шипит Неко угрожающе. – Мать тебя совсем не воспитывает?

Дверь сбоку от киоска с роллами открывается, и появляется Рита, запыхавшаяся и сердитая:

– Мэнни! Что я тебе говорила: не играй…

Она осекается, увидев Неко.

– Ты! – Она отшатывается, плохо пряча испуг. В отличие от Мэнни, она распознает гостью как аватарку постчеловеческого демиурга, тело, воплощенное исключительно для того, чтобы обеспечить предметное воздействие на людей.

– Я, – кошка награждает ее фирменной чеширской улыбкой. – Готова к разговору?

– Не о чем нам говорить, – потрясенно парирует Рита.

Кошка топорщит хвост.

– А мне кажется, есть о чем. – Она поворачивается и подмигивает Мэнни. – Так ведь?

С тех пор как ИИНеко в последний раз летала в этом направлении, пространство вокруг Хёндай $^{+4904}/_{-56}$ изменилось

до неузнаваемости. Много лет назад, когда из Облака Оорта вышли огромные суда лангустов и начали архивировать необработанные данные о необитаемых системах коричневых карликов, оставляя в них структурные экскременты из программируемой материи, тут почти ничего не осталось, кроме фракций мертвых атомов (и инопланетного роутера). Но прошло много лет; в последнее время система пострадала от человеческой чумы.

Оптимизированный экземпляр homo sapiens остается неизменным только в течение двух-трех гигасекунд, после же – умирает. Но орда людская умудрилась перевернуть всю систему коричневого карлика с ног на голову за каких-то десять гигасекунд. Сырье было добыто с замерзших планет для создания подходящей среды, луны переделаны в мощные конструкции астероидных размеров. Концы пространственно-временных туннелей были вырваны из роутеров и превращены в собственную сеть двухточечных соединений; затем люди научились создавать свои собственные туннели и запускать на них локализованную распределенную систему, ныне поддерживающую растущую межзвездную сеть, широко протянутую через мрак между солнцами и странными, бедными на содержание металлов карликами с подозрительно низкой энтропией излучения. Задумка поражает наглостью – хотя «консервированные» формы, созданные человеком, попросту не приспособлены для жизни в межзвездном вакууме, а особенно на орбите вокруг коричневого карлика, по чьим меркам даже Плутон – тропический рай, они освоили-таки всю эту проклятую систему.

Новая Япония – одна из новых человеческих юдолей в этой системе. Это коллекция физически застывших узлов в цилиндрах-колониях, адаптированных под нужды людей. Ее дизайнеры имели представление о старой Японии только по записям, сделанным до разрушения Земли, и полагались на фильмы Миядзаки и аниме-культуру. Тем не менее в этом мире живет много людей – хотя на японцев они похожи ровно в той же степени, что и Новая Япония – на Японию настоящую.

Что же сделалось с человечеством?

Достояние бабушек и дедушек – вот что оно теперь. Те, кто действительно пребывает за пределами понимания выживших в двадцатом веке, остались дома – в недрах горячих облаков нанокомпьютеров, заменивших планеты, некогда вращавшиеся вокруг Солнца в величественной коперниковской гармонии. Матрешечные мозги-быстроумцы непонятны их простым постчеловеческим предкам в той же степени, в которой пониманию амебы были бы недоступны чертежи

межконтинентальных баллистических ракет. Космос усеян трупами матрешечных мозгов, давно уже выгоревших, информационный коллапс несет погибель целым цивилизациям, застрявшим на близких орбитах у своих родных звезд. Вдалеке же разумные существа размером с галактику пульсируют в непостижимых ритмах в темноте вакуума, силясь взломать планковскую основу и заставить ее внимать их приказам. Постлюди и немногочисленные иные позабытые виды, обнаружившие сеть роутеров, обитают во мраке между этих островов света – тихие и незаметные, как мышки. Похоже, есть свои преимущества в том, чтобы не быть слишком умным.

Человечество. Монады разумных сущностей, главным образом запертые в своих черепах, живут небольшими семейными группами в рамках более крупных племенных сетей, адаптируясь к территориальному или миграционному образу жизни. Таковы были варианты, которые предлагались до Великого ускорения. Теперь, когда материя думает, когда каждый килограмм обоев потенциально содержит сотни выгрузок предков, когда каждая дверь потенциально является червоточиной к жилому модулю на удалении в полпарсека, люди могут оставаться прежними, а вот ландшафт мигрирует и мутирует без их ведома, устремляясь в роскошное ничто личной истории. Жизнь здесь богата, бесконечно разнообразна и порой запутанна. И племенные группы здесь действительно сохраняются, скрепленные силами подчас причудливыми и экзотическими, несмотря на разделяющие их триллионы километров и миллиарды секунд. Иногда эти силы надолго исчезают, но проходит время, и они вдруг возвращаются, будто в насмешку над бесконечностью…

Когда векторы состояния пращуров могут быть точно записаны, каталогизированы и доступны для повторного вызова, почитание предков обретает совершенно новый смысл. Пока Рита глядит на чертову кошку, и крошечные капилляры на ее лице в ответ на выброс адреналина сжимаются, заставляя ее кожу бледнеть, а зрачки расширяться, Сирхан преклоняет колени перед маленькой гробницей, зажигает ладан и готовится с уважением встретить призрак своего деда.

Этот ритуал в принципе не нужен. Сирхан мог пообщаться с привидением деда где угодно и когда угодно, без каких-либо формальностей, и призрак отвечал бы ему со всей благосклонностью, отпуская каламбуры на мертвых языках и спрашивая о людях, которые умерли до того, как храм истории был возведен. Но Сирхан обожает ритуалы. Сквозь их призму легче воспринимать волнительный опыт.

Будь на то его воля, Сирхан не болтал бы с дедом каждые десять мегасекунд. Мать Сирхана и ее партнер недоступны – решили присоединиться к одной исследовательской миссии на дальних рубежах в сети роутеров, запущенной акселерационистами давным-давно. Прежние версии Риты либо полностью виртуальны, либо мертвы. Семья у них, как видно, слабо связана с якорями истории. Но они и сами долгое время провели в том же состоянии полужизни, в котором сейчас пребывает Манфред, и не понаслышке знают, что при этом чувствуешь. Сирхан знает, что жена будет ему пенять, если он не посвятит уважаемого предка во все, что случилось в настоящем мире, пока тот был мертв. Более того, в случае с Манфредом смерть не только потенциально обратима, но и почти неизбежно такова. В конце концов, они воспитывают его клона. Рано или поздно копия захочет встретиться с оригиналом или оригинал с копией – как повезет.

Ну и времена пошли – мертвые не умирают, с иронией думает Сирхан, запаливая об ноготь палочку ладана и усаживаясь перед зеркалом в дальнем углу погребальной камеры.

– Внук твой, в почтении явившийся, совета просит твоего, – нараспев читает молитву Сирхан. Он все еще консервативен и отлично понимает, что семья у него довольно-таки небогатая (значит, социальный кредит нужно держать на плаву), но здесь, в государстве постортодоксов, в обители перевоплощенного обеспеченного традиционализма, почтение к формальностям ценится высоко. Так что он сидит, скрестив ноги по-турецки, и ждет от Манфреда отклика.

Дед с минимальной задержкой появляется из зеркала. Как обычно, он принял форму страдающего альбинизмом орангутанга – перед записью и отбытием в храм он все никак не мог набаловаться с онтологическим гардеробом тетушки Аннет. Может, они с ней уже и не пара, но все еще близкие друг другу люди.

– Здравствуй, внучек. Какой сейчас год?

Сирхан подавляет горестный вздох.

– Время больше не отсчитывают в годах, – уже не в первый раз поясняет он. Новый призрак всякий раз рано или поздно осведомляется о точной дате. – С нашего прошлого сеанса общения прошло десять мег – порядка четырех месяцев в пересчете на привычные для тебя меры. От начала эмиграции – сто восемьдесят лет, и еще лет десять спиши на релятивистское торможение.

– Ой, всего-то? – Манфред как-то умудряется заставить обезьяний аватар выглядеть разочарованным. Что-то новенькое:

после уточнения года перезапущенный дедов вектор состояния обычно интересуется, как дела у Эмбер, или откалывает сальные шутки. – Темп рождения звезд, постоянная Хаббла – все как прежде? А от исследовательских миссий-то хоть есть новости?

– Пока нет. – Сирхан позволяет себе немного расслабиться. Теперь, надо думать, дед снова спросит о том, как дурачатся с пределом Бекенштейна, то есть начнется типовой разговор № 29. Вскоре после заселения Эмбер вместе с другими учеными отправились в рекордно долгую экспедицию, и пока не канет где-то 10^{19} секунд, особого смысла ждать их назад нет. До края обозримой Вселенной очень далеко, пусть даже первые несколько сотен миллионов световых лет – до войда Волопаса и дальше – можно по-быстрому пройти через здешнюю сеть червоточин. В этот раз дочь Манфреда не оставила после себя ни одной копии.

Сирхану уже не раз приходилось вот так вот общаться с Манфредом, и в нынешнем своем воплощении, и во многих предыдущих. Такова природа мертвецов – когда звонишь им, они не помнят, что творилось в предыдущий вызов, и не будут помнить, если только не попросят их воскресить по ряду согласованных критериев. Манфред очень долго был мертв – Сирхан и Рита успели за это время воскреснуть и раза три или четыре прожить долгую семейную жизнь, а перед этим провести целый век в небытии.

– Мы не получали ответа ни от лангустов, ни от Неко. – Сирхан глубоко вздыхает. – Ну а сейчас ты спросишь меня о нашем точном местоположении, так что вот тебе специально подготовленная сводка. – После десяти идентичных сеансов они с Ритой решили, что будет разумно составить краткий ликбез для удовлетворения любопытства духа Манфреда – и один из агентов Сирхана бросает скрепленный красным сургучом поверх шелковой ленточки свиток в глубины зеркала.

Некоторое время Манфред проводит в молчании, переваривая информацию. В мире мертвых, надо думать, пролетают часы.

– Ну и ну, я что, проспал целую цивилизацию?

– Не проспал. Ты все это время был мертв, – педантично отмечает Сирхан, понимая, что говорит убийственно прямолинейно. – Да и мы тоже. Мы пропустили примерно три гигасекунды – хотели создать семью в таком месте, где наши дети вырастут в обычных условиях. Поселения со средой около тройной точки воды [108] и кислородной атмосферой стали строить далеко не сразу, как начался исход. Вот тогда-то и укоренилось увлечение неоморфизмом, – добавляет он с негодованием. Неоморфы долгое время сопротивлялись идее вложения ресурсов в постройку вращающихся цилиндров-

колоний единственно для того, чтобы снабдить позвоночных нужным количеством G и подходящей атмосферой; в тот период политическая обстановка напоминала весьма оживленный футбольный матч. Но растущая кривая производств и благосостояния позволила ортодоксам через несколько десятилетий вновь стряхнуть оковы смертельного сна, сразу как только были преодолены фундаментальные препоны строительства поселений на холодных орбитах небогатых на металл коричневых карликов.

– Ух. – Манфред делает глубокий вдох, почесывается под мышкой и морщит толстые обезьяньи губы. – Итак, давай по порядку: мы – вы, они, не важно – добрались до роутера близ Хёндай $^{+4904}/_{-56}$, скопировали его ядро, а теперь используем механизм червоточины, на котором роутеры выстроены, для физического транспорта? И расплодились в системах коричневых карликов, и реализуем чистую политику глубокого космоса, живя в больших цилиндрических обиталищах, соединенных телепортационными воротами, полученными из взломанных роутеров?

– А ты бы доверил оригинальным роутерам коммутируемую передачу данных? – По сути, Сирхан задает риторический вопрос. – Даже зная их исходники, испоганенные всеми мертвыми матрешечными мозгами инопланетян, контактировавших с системой? Но если все, что тебе от них нужно, – вырвать кишки червоточин для переброса пассивной материи с одного конца на другой, то никаких проблем нет – все быстро и надежно. – Он пробует подыскать понятную привидению метафору: – Ну, то же самое, что ваш… интернет, когда с его помощью эмулировали почтовые службы девятнадцатого века.

– О'кей. – Манфред уходит в думы, следуя установленному сценарию разговора, что означает – пришел черед Сирхана рассказывать, что осаждающие ум Манфреда идеи по использованию врат уже воплощены. Более того – устарели. В сущности, Манфред ныне мертв лишь потому, что соскочил с конька истории. Узнавая о собственном безнадежном отставании, он разочаровывается и отказывается от воскрешения. Сирхан вовсе не пеняет ему на допотопность – это было бы грубо и не совсем верно.

– А тут интересные возможности наклевываются, да… Интересно, кто-нибудь уже…

[*Сирхан, ты мне нужен!*]

Ледяной холодок Ритиных тревоги и страха скальпелем проносится через сознание Сирхана, отсекая ветви внимания, обращенные к предку. Он моргает и перебрасывает к жене весь

фокус, не удостаивая Манфреда и тоненькой веточки:

[*Что случилось?*]

Он смотрит глазами Риты. На полу гостиной рядом с Мэнни мурлыкает оранжевая кошка в белую полоску с коричневым узором на боку. В глазах-щелочках читается неестественная мудрость. Мэнни как ни в чем не бывало гладит кошку по шерстке, и Сирхан чувствует, как пальцы сами собой стискиваются в кулаки.

– Ну что там у тебя?

– Прости, дедушка, – отвечает он, поднимаясь. – Пора идти. Твоя чертова домашняя кошка нагрянула. – Он отправляет Рите мимолетное [*уже бегу*], разворачивается и бежит по коридору храма. Вбежав в главный зал, он останавливается перевести дух – и снова чувствует, сколь остро нужен сейчас Рите. Избавившись от модуля энергосбережения, он бросается в портал ускоренной передачи, чтобы очутиться дома так быстро, как только получится.

Брошенный в одиночестве и слегка обиженный призрак Манфреда Масха фыркает и задумывается над основополагающим вопросом: быть или не быть.

В конце концов он делает свой выбор.

Добро пожаловать в двадцать третий век или двадцать четвертый. Или, может быть, двадцать второй, запаздывающий и ошеломленный ложной приостановленной анимацией и релятивистскими путешествиями; в наши дни это вряд ли имеет значение. То, что осталось от узнаваемого человечества, рассеялось на сотни световых лет, живя в полых астероидах и цилиндрических вращающихся средах обитания, нанизанных на орбиты холодных коричневых карликов и бессолнечных планет, летящих в межзвездной пустоте. Разграбленные механизмы, лежащие в основе инопланетных роутеров, были поглощены, упрощены до уровня, который только сверхчеловек может почти что понять, превращены в генераторы для парных конечных точек червоточин, которые позволяют мгновенно перебрасывать транспорт на огромные расстояния. Иные механизмы, потомки передовых нанотехнологий, разработанных в период расцвета человеческого техногнозиса в XXI веке, сделали тиражирование пассивной материи тривиальным; такое общество не ведает дефицита.

Но в некоторых отношениях Новая Япония, Империя-Невидимка и иные государства человеческого космоса – нищие заводи. Они не принимают никакого участия в экономике высших порядков постчеловеческого мира. Они едва ли могут понять

праздный бубнеж Дурного Семени, чей бюджет массы/энергии (полученный по итогам полной перестройки свободной материи первоначальной Солнечной системы человечества в компьютроний) затмевает полсотни занятых людьми коричневых карликовых систем. И они все еще тревожно мало знают о глубокой истории интеллекта в этой вселенной, о происхождении сети роутеров, что зазывает так много мертвых цивилизаций в объятия смерти и распада, о далеких всплесках обработки информации в масштабах галактики, которые лежат на измеримых расстояниях красного смещения, даже о свободных постлюдях, в некотором смысле живущих в их обществе, объединившись в одном световом конусе с этими живыми ископаемыми, остатками старомодного человечества.

Сирхан и Рита поселились в очаровательном, дружелюбном к людям захолустье, чтобы создать семью, изучать ксеноархеологию и избежать беспорядков и волнений, на протяжении двух последних поколений преследовавших их предков. Жить им по большей части комфортно, а академической стипендии семейного ядра, хоть и небольшой, хватает на обеспечение всеми удобствами цивилизации, что доступны в этом месте и в эту эпоху. Их обоих все устраивает. Бурное житие их предков-авантюристов богато на приключения, но вместе с тем – на горести и тревоги, и, как мудро отмечает Сирхан, все приключения – это великие беды, выпадающие на долю кого-то другого.

Но…

Возвратилась Неко. Кошка ушла в сеть роутеров вместе с другой версией Манфреда и частичными копиями Сирхана и Риты, ответившимися для поиска приключений взамен домашнему уюту. Тогда, гигасекунды назад, Сирхан заключил с дьяволом (точнее, с Неко) сделку, и теперь он в ужасе ожидает, что вернувшийся Нечистый потребует свою долю.

Минуя отделанный зеркалами зал, Манфред выходит в публичный отсек, сделанный по проекту губки Менгера – куба, из которого вырезаются все меньшие и меньшие кубы так, что фигура выглядит одинаково вблизи и вдали, а совокупная площадь образующейся поверхности стремится к бесконечности. Поскольку губка имеет место быть в среде ИРЛ, она не совсем настоящая, но смотрится хорошо. Манфред (или его весьма убедительная симуляция) различает на глаз как минимум четыре уровня подобия.

Он останавливается перед алмазным парапетом высотой до пояса и смотрит вниз, вглядываясь в недра куба-квазитессеракта.

В глубине притаились пышные зеленые сады с очаровательными ручейками, проложенными в аккуратном соответствии с фэн-шуй, и пешеходными мостиками. Он глядит вверх, на маленькие кубические проемы: почти все – окна частных домов и публичных заведений, открывающиеся во внешний мир. В вышине, в восходящих из конвекторов воздушных потоках, порхают существа, похожие на бабочек с крыльями фантастических расцветок. Снизу оценить масштабы непросто, но кубический проем в центре – скорее всего, не меньше полукилометра вширь. «Бабочки» вполне могут быть постчеловеческими ангелами с крыльями, приспособленными к низкой гравитации.

Ангелами или простыми паразитами? – задается он про себя вопросом и вздыхает. Половина его апгрейдов недоступна – настолько устарели, что храмовые конструкторы не стали утруждаться ни их репликацией, ни даже воссозданием сред эмулирования, где они могли бы запуститься. Ну а все остальное – вполне ортодоксально-человеческое. Мужское естество – со всеми прикладными и вытекающими. Не все изменилось – лишь важнейшее. Страшная и смешная вместе с тем мысль, полная темной иронии. Вот он, голый, как в тот день, когда родился – только что воссозданный, фактически освобожденный от цикла пробуждения-переживания-сброса в храме истории, – стоит на пороге постчеловеческой цивилизации, столь возмутительно богатой и могущественной, что ее насельники могут строить дружественные млекопитающим среды обитания, напоминающие произведения искусства в криогенных глубинах космоса. Только вот он беден, вся эта формация бедна, и иначе просто быть не может, ведь она – всего лишь свалка для отщепенцев, сравнимых в развитии с австралопитеками на фоне других обитателей сингулярности. Этот дивный новый мир Дурного Семени устроен так, что люди старого образца в нем могут добиться не больше, чем неандерталец в ракетном строительстве в эпоху Вернера фон Брауна. Слишком примитивными они уродились, только и способными, что барахтаться в хлеву собственной ограниченной когнитивной пропускной способности. И они сбежали во тьму, построив там свою цивилизацию, такую сверкающую, что она смогла бы затмить все существовавшее на досингулярной Земле, пусть даже на деле это городок бараков, забитых умственно отсталыми.

Эта неувязочка забавляет его, но лишь на мгновение. В конце концов он перевоплотился по своей воле: брошенное Сирханом замечание о кошке привлекло его внимание.

– Город, где я могу найти какую-нибудь одежду? – спрашивает он. – В смысле, что-то социально приемлемое. И

мозгов бы мне, мозгов… разгрузиться не помешало бы…

Городской разум хихикает у него в затылке, и Манфред понимает, что по другую сторону декоративной стены, у которой он встал, размещен общественный конструктор благ.

– Ах вот оно что, – бормочет он, пытаясь воскресить в памяти свой интерфейс старой модели. В воображении плывут ярлычки-леденцы, всплывающие окна и прочая милая архаика, наделенная прямо-таки завидной способностью к настройке. Манфред осознает со странным отчужденным чувством, что наблюдаемое – вовсе не плод его воображения, а система взаимодействия с повсеместными публичными отделами информационной среды государства, сейчас работающая в упрощенном до примитивизма режиме, чтобы он мог с ней поладить. Да уж, велосипед в самом деле нуждается в боковых колесиках. Но ему не требуется много времени, чтобы выяснить, как попросить у конструктора благ пару брюк и обычную черную рубашку. Простейшие желания исполнялись бесплатно, совсем как на Сатурне, дома. Космические страны отличаются добротой к неимущим – основные блага дешевы, а отказывать в них здесь, посреди космоса, равносильно умышленному убийству. Конечно, появление металюдей вырубило целый лес старых устоев, до поры неоспоримых, но Золотое Правило никуда не делось.

Одетый и более или менее самосознающий (во всяком случае, по меркам человека), Манфред переходит к главному.

– Где живут Сирхан и Рита? – спрашивает он. Появляется точечный маршрут, каким-то интересным образом проложенный прямо через материальную стену. Оказалось, в ней припрятан портал-червоточина, соединяющий точки, разделенные световыми годами.

Пойду-ка я прямо к ним, думает Манфред, сортируя мысли и озадаченно покачивая головой. Больше повидаться решительно не с кем. Франклины растворились в солнечном мозгу-матрешке, Памела умерла столетия назад (стыдно признать, но ему ее не хватает), а Аннет переметнулась к Джанни, пока он жил в виде голубиной стаи. Дочь пропала вместе с долговременной экспедицией… будто бы никого не осталось. Когда подолгу находишься по ту сторону черты, немудрено, что родственников и знакомых разбрасывает по световому конусу в целые световые века шириной. Манфреду так и не приходит в голову, кого еще можно повидать, кроме верного внука, несущего знамя семьи с неожиданной верностью. *Думаю, ему нужна помощь*, рассуждает Манфред по пути к порталу. *Может, он и сам поможет мне понять, что же теперь делать?..*

Сирхан добирается до дома, приготовившись к неприятностям. Они действительно ожидают его, но совершенно не такие, каких ожидал он сам. Их дом – набор раздельных уровней, соединенных Т-порталами, благодаря коим каждое помещение можно устроить в подходящей среде: спальню – при низкой гравитации, гимнастический зал – при высокой, все прочее – при соответствующей. В доме простая обстановка: только коврики-татами и стены, сделанные из программируемой материи, способной наскоро создать любую мебель по требованию. Обычно с виду и на ощупь они похожи на бумажные обои, хотя способны совершенно заглушить даже плач младенца. Но сейчас шумоподавление не работает, и по родному дому, словно вопящие обезьянки, носятся дети в компании некоего бело-рыжего мохнатого существа. С расстроенным видом Рита втолковывает Элизе, соседке, почему ее дочка Саманта никак не угомонится:

– Проклятая кошка их раззадоривает! – Она заламывает руки, оборачивается, и тут-то и появляется Сирхан. – Ну вот, явился – не запылился.

– Спешил как мог. – Он уважительно кивает Элизе и хмурится. – Ох уж эти детки. – Кто-то маленький и быстрый влетает в него с разгону и хватает за лодыжки, просовывая голову в просвет. – Ух! – Он нагибается и подхватывает Мэнни на руки. – Сынок, ну я же говорил тебе – не играй…

– Он не виноват! – вступается Рита. – Эта кошка…

– *Жуткая* зверюга! – Элиза, кажется, теряет остатки терпения.

– Мур-р-р-р? – непринужденно обращается кто-то к Сирхану с пола.

– Вот черт! – Сирхан отскакивает. Пошатнувшись, он силится одновременно поймать равновесие и не выпустить восторженного сынишку из рук. Тем временем в публичной информационной среде бушует колоссальное возмущение, настоящая черная дыра – и похоже, монстр этот сейчас трется о его лодыжки.

– Что ты тут забыла? – спрашивает Сирхан.

– Много всего, – говорит кошка, издевательски растягивая гласные. – Решила, что вы тут без меня скучаете. Где ваш домашний конструктор благ? Ничего, если я воспользуюсь им? Надо кой-чего сделать для друга.

– Что-что? – Рита вот-вот сорвется. – Тебе мало того, что ты уже учинила?

Сирхан смотрит на нее с одобрением. Похоже, давнишние предупреждения Эмбер насчет кошки добротно пропечатались в ее памяти – она обходится со зверюгой не как с невинным домашним любимчиком: внешность этой дьяволицы обманчива.

– Я ничего не учинила, мур-мур. – Кошка издевательски таращится на нее, поводя из стороны в сторону хвостиком. – Вреда от меня вам не будет, мур-мур. Обещаю. Просто…

Тут раздается звонок в дверь, и голос Города услужливо сообщает:

– Дамы и господа, Рен Фуллер пришла в гости!

– Ей-то что от нас нужно? – ворчит Рита. Сирхан чувствует ее недовольство; по дому носятся ее растревоженные привидения, стараясь найти в этом безумном дне хоть что-то, тянущее на опорную точку, проживая в симуляции разнообразные варианты развития ситуации и все сопровождающие их кошмары и возвращаясь к настоящему, чтобы дать ей возможность настроить реакцию в соответствии с прожитым.

– Впускай ее, пусть.

Рен – одна из их названных соседок. Большая часть ее дома находится за несколько световых лет отсюда, но это ведь совсем маленькое расстояние. С семьей эта несчастная беженка воспитывает шаловливый выводок, с коим порой зависает Мэнни.

Маленький синий ослик, преследуемый парой орущих и трясущих копьями детей, с печальным «иа» проносится мимо старших. Элиза тщится поймать дочь, но промахивается. Дверь в гимнастический зал исчезает, и внутрь миниатюрной крылатой ракетой влетает Лиз, маленькая подруга Мэнни.

– Саманта! А ну сюда! – зовет Элиза, направляясь к двери.

– Давай начистоту, что тебе нужно? – спрашивает Сирхан, держа сына на руках и глядя сердито на кошку-возмутительницу.

– Да пустяки сущие, – говорит Неко вальяжно. Выгнувшись дугой, она прилизывает взлохмаченную шерстку на боку. – Вообще, я просто хотела поиграть с ним.

– Ты… – Голос Риты падает.

– Пап, пусти! – Мэнни надоело сидеть на руках у родителя.

Сирхан ставит сына осторожно, будто тот из хрусталя сделан.

– Ну беги играй, – говорит он ему и поворачивается к Рите. – Дорогая, почему бы не впустить Рен? Может, она за Лиз явилась, но с ней никогда не угадаешь…

– Да и я пойду, – добавляет Элиза, – прихвачу вот Саманту. – Она озирается, одаривает Риту извиняющимся взглядом и отправляется в гимнастический зал.

Сирхан на шаг заступает в прихожую.

– Что ж, нам предстоит долгий разговор, – сурово сообщает он кошке. – Мне нужны объяснения. *Правдивые,* если угодно.

Тем временем в когнитивной стране чудес, о которой родители Мэнни знают гораздо меньше, чем предполагают,

привидения мальчика заняты делами куда менее невинными, чем на первый взгляд.

Давным-давно, еще в двадцать первом веке, Сирхан прожил в симуляции не одно, а целую уйму альтернативных детств – его родители все жали и жали на рестарт, надеясь, что рано или поздно сын полностью удовлетворит всем их предубеждениям. Для Сирхана это было не меньшим испытанием, чем какой-нибудь дом-интернат для ребенка из девятнадцатого века, и он пообещал себе, что никогда не станет подвергать подобному собственных чад. Однако одно дело – из-под палки проживать все аспекты воспитания один за другим, и совсем другое – по собственной воле погружаться в восхитительную вселенную мифов и магии, где детские мечты обретают форму и бродят по зачарованным лесам, встречаясь с воплощенными фантазиями друзей и недругов.

Мэнни рос со вживленным нейроинтерфейсом доступа к городской ментальной среде – гораздо более сложным, чем бытовавшие в эпоху Сирханова детства апгрейды. Иные из привидений, отщепленных от исходного вектора состояния мальчика, оплодотворенные найденными в киберпространстве следами самого Манфреда и закрывшиеся в ускоренных симуляциях, давно повзрослели. Ясное дело, они не помещаются внутри его собственного черепа семи лет от роду, но они наблюдают за ним. И когда он в опасности, они заботятся об их будущем и единственном теле.

Самый взрослый призрак Мэнни живет в нескольких виртуально-ментальных средах Новой Японии (в совокупности они в миллиард раз обширнее всех-всех физических сред в распоряжении упершихся рогом адептов биологии, но последние уже и не пытаются хоть с чем-то тягаться по показателям MIPS на грамм). Главный лейтмотив данной симуляции – земля до начала сингулярности. Бег времени в ней навсегда прекратился, замерев где-то на пороге истинного двадцать первого века, в 8:46, 11 сентября. Апартаменты Мэнии – на сто восьмом этаже Северной башни, и самолет с широченным фюзеляжем, несущийся на полном ходу, застыл в воздухе в сорока метрах под его окнами. ИРЛ сто восьмой этаж занимали корпоративные офисы, но ведь в ментальных средах возможно все, и это всего лишь крохотная прихоть Мэнни, пожелавшего сюда заселиться. Само реконструированное событие мало значит для него, ведь он появился на свет спустя более чем столетие войны с терроризмом, но Крах Двух Твердынь есть часть легенд его детства, событие, убившее миф об исключительности Запада и проложившее дорогу миру, который он унаследовал.

Взрослый Мэнни носит аватарку, основанную на его клоне-отце, Манфреде Масхе, но застрявшую в юности, на двадцати с чем-то годах, худощавую, выряженную в черное и яростно готскую. Мэнни убивает время, играя в «Матрицу» и слушая музыку. Сейчас в динамиках грохочут «Type O Negative», а он потягивается, разомлевший от кокаина и от предвкушения прихода парочки девочек по вызову (верней всего, точно таких же быстро повзрослевших аватарок, но необязательно женского пола, необязательно даже людского вида). Вольготно развалившись в кресле, он ожидает, когда что-нибудь произойдет.

Дверь за его спиной отворяется. Он ничем не выдает, что заметил вторжение, хотя его зрачки, зафиксировавшие в окне мутное отражение женщины, чуть-чуть расширяются.

– Опоздание засчитываю, – ровно произносит он. – Ты должна была быть здесь еще десять минут назад. – Он разворачивается вместе с креслом и чуть не роняет челюсть.

– А ты кого ждал? – уточняет ледяным голосом блондинка в черном костюме бизнес-леди, при длинной юбке. Вид у нее довольно-таки хищный, лик – донельзя строгий. – Ой, и не говори. Ты, получается, взрослый Мэнни, частное производное от маленького Мэнни – так? – Она неодобрительно хмыкает. – Какое тут все декадентское. Сирхану бы ни разу не понравилось, бьюсь об заклад.

– Да шел бы папаша лесом! – бросает сварливо Мэнни. – Кто ты, мать твою, такая?

По щелчку пальцев блондинки из воздуха появляется офисный стул. Пристроив на самом краешке аппетитную пятую точку, гостья педантским жестом оглаживает складки на юбке.

– Я Памела, – строго говорит она. – А что, отец обо мне не рассказывал?

Мэнни чешет в затылке. В недрах его сознания ворочаются глубинные инстинкты, не знакомые любому, кто был рожден до середины двадцать первого века, и перебирают ткань псевдореальности.

– Ты уже мертва, так? – спрашивает он. – Ты кто-то из моих предков.

– Так же мертва, как ты. – Она дарит ему холодную улыбку. – Никто в наши дни не мертв по-настоящему. Уж точно не тот, кто знает ИИНеко.

Чувствуя легкий прилив раздражения, Мэнни по-совиному моргает.

– Ты, конечно, крутая и все такое, но я немножко не тебя ждал, – говорит он, каждое слово подчеркивая голосом. – Не

семейный ужин и не нудные поучения…

Памела вновь хмыкает.

– Барахтайся в своем сраном хлеву сколь угодно долго, поросеночек. Мне до тебя нет вообще никакого дела. А до тебя-основного – есть. Как давно ты его проверял?

– Основной? Да с ним все в ажуре. – Мэнни напрягается, фокусируя взор на точке в бесконечности, загружая и проигрывая недавние записи сознания себя самого, но младше. – Так, а что это за кошатина, с которой он возится? Это не игрушка!

– Неко. О ней я и говорила. – Памела нервно постукивает ногтем по подлокотнику стула. – Вот и к еще одному поколению нашей семьи нагрянуло древнее проклятие. Если ты ничего не предпримешь…

– Что за проклятие, чувиха? – Мэнни встает с кресла. – О чем ты вообще? – И тут небосвод за окном темнеет, вторя растущему в душе нехорошему предчувствию. Встает уже и Памела – материализованный ею стул растворяется в воздухе. В глазах у нее холодный вызов.

– Думаю, ты прекрасно знаешь, о чем я, Мэнни. Хватит играть в бирюльки – пока у тебя еще есть возможность, повзрослей нормально!

– Да я!.. – начинает он гневно и умолкает. – Это я… а это кто? – спрашивает он. По спине ползет холодок неуверенности, остужая выступившие капельки пота. – И что ты тут позабыла?..

– Хочешь узнать, без дураков? Я – мертвая, помни; мертвым известно все, и даже то, что не всегда полезно знать живым.

Он набирает воздух в легкие.

– Я тоже умер? – Он окончательно сбит с толку. – В Седьмом небесном кубе есть еще один взрослый «я». Кто он, что он там делает?

– Это такая неслучайная случайность. – Памела берет его за руку и подгружает в его сенсориум шифрованные метки: дорожку из хлебных крошек, ведущую куда-то в темные и неизведанные зоны ментальной среды. – Если желаешь распутать этот клубок – иди за мной. – И она пропадает.

Мгновения спустя Мэнни, перепуганный и оторопелый, стоит у окна, подавшись к самому стеклу и таращась на застывший внизу авиалайнер, смертоносно-великолепный.

– Ой, дерьмище… – шепчет он. – Через защиту прошла и даже следов не оставила. Да кто вообще эта баба?

Возможно, взаправду призрак его прабабушки. Возможно, кто-то еще.

Надо снова найти ее и все разузнать, понимает он. Воздев левую руку, он смотрит на незримую метку, ярко горящую под

плотской оболочкой.

– Соедини меня с главным.

Проходит доля секунды – и пол пентхауса раскалывается. Истошный скрежет бетона, стали и стекла, сминаемых весом самолета, оповещает, что трагедия уже наступила. Но Мэнни здесь больше нет. И если небоскреб падает в симуляции, в которой нет никого, кто мог бы это увидеть, – было ли это на самом деле?

– Я пришла за мальчишкой, – спокойно сообщает кошка, сидя на вручную вышитом коврике, наброшенном поверх дощатого пола, и выставив заднюю лапу под невозможным углом – будто просто забыв, как та должна располагаться. Осознав, как велика явившаяся к ним сущность, некогда простая игрушка, рожденная творческим порывом предков, Сирхан с трудом сдерживает панику. Когда-то Неко была искусственной кошкой, но она апгрейдилась и совершенствовалась, раз за разом. Даже в восьмидесятые, когда Сирхан с ней впервые встретился ИРЛ, та уже была невообразимо чуждой формой разума, полной нечеловеческой иронии. И вот сейчас…

Сирхан подозревает, что Неко орудовала его эрзац-матерью, заставив полюбить не его настоящего отца, а другого человека, француза. Мрачные измышления приводят его к тому, что это чудовище ответственно, возможно, и за его собственное разбитое детство, за отчужденность настоящих родителей. И не стоило забывать, что в самом начале кошка выступала пешкой в безжалостном бракоразводном процессе Манфреда и Памелы, еще до рождения Сирхана, за целые десятки лет до него. Но что, если пешка – истинный король, скрывшийся во мраке хитросплетенной собственноручно интриги?

– Мне нужен Мэнни.

– Ты его не получишь. – Он напускает на себя предельно спокойный вид, но больше всего ему сейчас хочется скрутить кошке мохнатую головенку. – Тебе что, всех остальных наших бед мало?

– А ты у нас крепкий орешек, да? – Кошка вытягивает шею и деловито вылизывает растопыренные пальцы застывшей в воздухе лапы. – Я ведь тебе даже условий не ставлю, мужичок, я просто пришла за ним. Твое мнение, по сути, не важно. Но я сочла тактичным ввести тебя в курс дела.

– Сказано тебе – иди в жопу. – Перед последним словом Сирхан позорно запинается: обычно он считает сквернословие неуместным, и даже воцарившийся в душе бардак не столь основательно поколебал сей принцип. – Черт. Черт. Давай

сначала…

– Ну давай. Давай поиграем в твои картишки. – Кошка грызет складку кожи у когтей с самым невинным видом. – Ты совершенно точно знаешь, кто я такая. Я даже в особом порядке напомню тебе сейчас, что мое умение выстраивать модели сознания на порядок лучше твоего: я-то могу построить модель человеческую прямо с нуля. Наверное, ты смекаешь, что я использую оракула Тьюринга, чтобы обходить всякие чинимые тобой препоны. – Опуская лапу, Неко улыбается: ее острые клычки сверкают в луче света, что идет от окна. За окном – небо с холмами, озерами и лесами, крепящимися к нему в самых неожиданных местах, этакая эшеровская [109] пастораль. – Пойми, все твои подступы ко мне я вижу как на ладони. Любой капкан, поставленный тобой, я обойду за милю. Я всегда тебя на шаг опережаю. О чем еще из того, что мне прекрасно известно, ты догадался?

Кошка прожигает его своим немигающим взглядом насквозь. Сирхан содрогается. Вот каково это на самом деле, когда к тебе является с визитом инопланетное божество. И ведь никак иначе эту тварь и не назовешь. И все же…

– Допустим, твоя взяла, – произносит Сирхан спустя мгновение, за которое успевает отпочковать от себя целый рой перепуганных привидений, штурмующих задачу со всех сторон. – Наши умы несопоставимы. Я просто скучным образом апгрейднутый человечек, а при тебе – новейшая модель сознания, позволяющая тебе обходиться с нами точно так же, как мы – с обычными кошками. – Он скрещивает руки на груди. – Но ты ни разу ранее не раскрывала карты – это ведь тебе не на руку, верно? Всю свою манипулятивную натуру ты предпочитаешь скрывать под маской – так нами вертеть легче. Значит, сейчас у тебя имеется веская причина открыться. – Теперь в его голосе сквозит горечь. Сирхан озирается, создает стул, и попутно – корзинку для кошки. – Располагайся поудобнее. Почему сейчас, Неко? Зачем тебе забирать моего единственного сына?

– Я не сказала, что заберу его, только то, что я за ним пришла. – Неко помахивает из стороны в сторону пушистым хвостом. – До приматов и их возни мне дела нет, Сирхан, я тебе не обезьянка. Но я предугадала твою негативную реакцию, ведь социальная механика твоего вида обуславливает… – Сонм привидений забирается через узкую дверцу в голову Сирхана, и голос Неко перекрывает диссонанс внутренних голосов. – … проникнешься положением, и я решила запустить механизмы твоей территориальной и репродуктивной тревоги заранее, чтобы мою шерстку не запачкали какие-нибудь дикие последствия.

– Подожди минутку, будь добра. – Сирхан отмахивается от кошки. Он сортирует все ложные воспоминания, добытые трудом призраков, и подозрительно щурится. – Сдается мне, дело нечисто. Ты редко лезешь на рожон. Все отношения с людьми ты выстраиваешь загодя. По сути, ты подталкиваешь их к тому, чтобы они поступали так, как тебе нужно, и даже не сомневались в том, что никто их при этом не направляет, что они и сами с усами. – Он подбирается. – На кой Мэнни тебе сдался? Он же просто дитя.

– Не путай Мэнни и Манфреда. – Неко загружает Сирхану смайлик прямо в мозг. – Это первая и важнейшая твоя ошибка. Да, они клоны – в субъективно разных состояниях. А теперь пораскинь-ка мозгами, на кого будет похож твой малец, когда подрастет?

– Еще не подрос же? – жалобно замечает Сирхан. – Всему свое время!

– *Время*, Сирхан. С ним-то все сложно. На самом деле мне нужно поговорить с твоим дедом, а не с сыном. Но не с этим долбаным тормознутым привидением в храме истории – мне нужен Манфред с беспрерывным состоянием сознания, и чем быстрее – тем лучше. Он содержит кое-что нужное мне, и, клянусь хвостом, я не уйду, пока это не получу. Как, понятно выражаюсь?

– Более чем, – подтверждает Сирхан, гадая, нет ли в его голосе той тянущей пустоты, что расцвела в сердце. – Но он наш ребенок, Неко. Мы люди. Ты понимаешь, что он для нас значит?

– Повторение детства. – Неко приподнимается в корзинке и потягивается. – Вот в чем проблема с вашим бессмертием, лысые стремные обезьяны, – вам раз за разом требуется и очистка, и перезагрузка, и когда-нибудь вы утрачиваете связанность… но и черт с ним. И не во мне дело, Сирхан. Я поймала сигнал с дальнего края сети роутеров, от привидений твоих родственников. Судя по всему, они достигли-таки своих недостижимых рубежей и отыскали что-то достаточно важное по ту сторону войда Волопаса. Что-то, ради чего мне стоит поднапрячься, добраться к ним и потыкать в это самое своими лапками. Но перед тем, как бросить все и откликнуться на зов, я должна удостовериться, что это не очередная порция вуншей или чего-то на них похожего. Полученную от родственничков передачу я не собираюсь запускать у себя в сознании. Даже в песочнице не стану. Понимаешь, о чем я толкую? Потому-то мне и потребуется собрать физически зрелого Манфреда с полной обоймой воспоминаний, но так, чтобы он при этом не являлся частью меня. Чтобы он принял этот разумный пакет данных и поручился за него. Чтобы разобраться в таких посылках, нужно

самосознающее существо. К сожалению, храм истории слишком хорошо защищен от незаконных выгрузок – я не могу просто пойти туда и достать его копию, а использовать мою собственную модель Манфреда я не хочу: она слишком много знает. Так что…

– Что эта посылка сулит? – напряженно спрашивает Сирхан.

ИИНеко щурит на него глаза и недобро шипит:

– *Вс-с-с-се.*

– Есть много разновидностей смерти, – просвещает Мэнни женщина по имени Пэм, и ее голос, будто шорох опавших листьев, заполняет темноту кругом. Мэнни пробует хоть немного шелохнуться, но пространство связало его по рукам и ногам. Тут и до панической атаки недалеко. – Во-первых, и в самых главных, смерть есть отсутствие жизни; к людям применимо также условие отсутствия сознания – вернее, самой способности обладать им.

Мрак обступил его, стирая все ориентиры, и Мэнни теперь не уверен, что верх – это верх, а низ – это низ. Даже голос Памелы ощущается вездесущими колебаниями среды и приходит со всех сторон.

– Классическая смерть – тот ее вид, что бытовал до сингулярности, – выступала как неотвратимое прерывание всех проявлений жизни. Сказочки о загробном мире не стоили и ломаного гроша. – Она прерывается на короткий смешок. – Я исходила вдоль и поперек все фазовое пространство вероятных постсмертельных состояний, каждое утро, еще до завтрака, силясь уверовать в какой-нибудь новый вариант – на тот случай, если пари Паскаля [110] – не пустой звук. Но все-таки, сдается мне, прав был Ричард Докинз. Человеческий ум попросту уязвим для определенных типов передающихся мем-вирусов, а религии, сулящие жизнь после смерти, в этом особенно опасны, поскольку эксплуатируют уязвимость нашего естественного отвращения к состояниям прерывания.

Я еще жив! – пытается выдавить Мэнни, но язык отказывается ему служить. Слушая себя, он понимает, что в довесок ко всему не дышит.

– Теперь – о сознании. Интересная штуковина, правда ведь? Оно – плод безумной гонки вооружений между хищником и жертвой. Если понаблюдать за кошкой и мышкой, можно заметить: поведение кошки разумнее всего объяснить тем, что у кошки в наличии модель сознания мышки. Внутренняя симуляция, позволяющая предсказывать наиболее вероятное поведение мышки, замечающей хищника. Например, куда та побежит. И кошка, используя эту модель, может оптимизировать стратегию атаки. Но одновременно с этим виды добычи,

устроенные достаточно сложно для того, чтобы иметь собственную модель сознания, получают преимущество в обороне, если становятся способными предвидеть действия хищника. В конце концов именно эта самая гонка вооружений млекопитающих и привела к появлению нас, вида социальных обезьян, шагнувших дальше. Мы научились использовать модель сознания для улучшения системы сигналов, чтобы племя работало сообща, а затем и для рефлексии, чтобы и внутренние состояния самого индивидуума можно было строить. Сложи эти два фактора, сигнальную систему и интроспективную симуляцию, и ты получишь сознание человеческого уровня, а в качестве бонуса – язык, систему передачи информации о внутренних состояниях, а не просто набор примитивных сигналов вроде «хищник идет!» или «еда!».

Убери меня отсюда, молит Памелу Мэнни, чувствуя, как паника вонзает в него свои ядовитые зубы. *Прошу! Хватит!* Каким-то чудом он действительно произносит это, хоть и не понимает, как у него вышло – гортань отказала, невербал отключен. Отказ всех систем налицо.

– И наконец – о постлюдях, – продолжает безжалостно Пэм. – Не об отображениях наших нейросистем, пусть даже снятых на субклеточном уровне и запущенных на очень большом и мощном компьютере, таком как этот. Это все – жалкая пародия. Я говорю о существах, являющихся качественно лучшими познающими машинами в сравнении со всем классом простых людей, дополненных либо же нет. Они превосходят нас не только в совместных действиях, чему классическим подтверждением является Экономика 2.0, но и в симуляциях. Постчеловек построит внутреннюю модель человечески эквивалентного сознания, обладающую всеми когнитивными способностями самого оригинала, на раз-два. Мы – вот ты, к примеру, или я – порой думаем, что знаем, как поведут себя другие люди, но зачастую ошибаемся, а настоящие постлюди могут на самом деле симулировать нас вместе со всеми нашими внутренними состояниями безошибочно. И в особенности это касается тех, у кого был полный доступ к нашим дополнениям памяти. Кто обладал им все эти годы, еще задолго до того, как мы начали подозревать, что они вскоре превзойдут нас всех. Это вот наш случай, Мэнни, я права?

Мэнни бы кричал на нее сейчас во всю глотку, будь у него рот, но паника не находит выхода и уступает место невероятно сильному *deja vu.* С этой Памелой что-то связано, что-то зловещее, ведомое и ему… *я ведь знал ее*, понимает он. Почти все его системы по-прежнему в отрубе, активен лишь один процесс,

появившийся только что. Это призрак личности, сигналящий о намерении слиться с ним. Их отличия несоизмеримы – в нем годы опыта, неизвестного главной ветви, требующие обработки. Ему чудовищных сил стоит отвратить это настойчивое привидение – и он пробует вернуть дар речи, развязать язык, вообразить сам механизм: вот язык касается зубов, вот – губ, и рождается слово:

– Я…

– Не стоило нам апгрейдить нашу кошку, Мэнни. Она слишком хорошо знает нас. Я умерла во плоти, но меня запомнила Неко – в таких подробностях, в каких Дурное Семя помнит всех ресимулянтов. Можно сбежать, как ты и поступил, во второе детство, но, увы – не спрятаться, не скрыться. Ты нужен кошке, и не ей одной.

Мурашки бегут по спине от ее голоса: привидение начало слияние своей необъятной суммы памяти с его нейронной картой, и теперь ее голос, одновременно и возбуждающий, и отталкивающий, наполняется значением – все это плоды психологической настройки с обратной связью, которой он подверг себя целую жизнь (многие жизни?) назад.

– Кошка играла с нами, Мэнни. Не исключено, что с тех пор, когда мы не замечали прогресс ее самосознания.

– Когда… – Манфред умолкает. Он снова может видеть и двигаться, ощущает язык во рту. Он снова стал самим собой, физически вернулся к форме, в которой был, когда ему было тридцать и он вел свою лихую жизнь в предсингулярной Европе. Он сидит на краю кровати в номере амстердамского отеля, очаровательно обставленного и излюбленного философами, и на нем джинсы, футболка и жилет, богатый на карманы, забитые трухой давным-давно устаревших приспособлений, из коих он собрал личную сеть. На столике у кровати лежат жутко громоздкие «умные очки». У двери застыла, наблюдая за ним, Пэм – совсем не та увядшая карикатура, виденная на Сатурне, полуслепой Фатум, опирающийся на плечо внука и на трость; совсем не мстительная парижская фурия и не консервативная дьяволица-интриганка. На ней идеально скроенный костюм поверх красного с золотом парчового корсета, а светлые волосы, уложенные в тугой шиньон, блестят, как тончайшая проволока. Концентрированная стихия, в которую он и влюбился тогда, давным-давно, – подавляющая, господствующая, не знающая пощады, принадлежащая лишь ему одному.

– Мы умерли, – говорит она. Усмехнувшись коротко и зло, добавляет: – И ни к чему нам теперь переживать смутные времена, если мы сами того не хотим.

– Что происходит? – спрашивает он; во рту у него пересохло.

– Императивная репродукция, – она фыркает. – Вставай и иди ко мне.

Он послушно поднимается, но идти – не идет.

– А императив-то чей?

– Не наш. Когда мертв, начинаешь во многом разбираться. Эта чертова кошка много всего нам должна рассказать.

– То есть ты утверждаешь…

Она пожимает плечами.

– Придумай всему этому объяснение получше. – Она выступает вперед и берет его за руку. – Деление, рекомбинация, группировка единиц меметического кода, тщательно просчитанное перекрестное оплодотворение. ИИНеко не просто пытается путем селекции добиться появления на свет наилучшей версии Манфреда Масха. Она, как оказалось, в принципе увлекается разведением наших сознаний. – Пальцы Пэм в его руке – скелетно-тонкие и холодные. Он содрогается от накатившегося отвращения – как если бы рядом стоял мертвец. Потом он понимает, что всему виной включение охлаждения, топорно установленного рефлекса, как-то сохранившегося после всего, что произошло.

– И даже наш развод… О, если бы только…

– Ну это уже перегиб! – Сейчас Манфред вспоминает и эту страницу своей летописи. – Ведь Неко тогда не имела сознания!

Памела приподнимает идеальную бровь:

– Ты так считаешь?

– Ты хочешь получить ответ.

Она глубоко дышит, и он чувствует это своей щекой – от этого ощущения вздымаются тонкие волоски на затылке. Затем она натянуто кивает.

– Я хочу знать, какая часть нашей истории написана ИИНеко. Та, когда мы думали, что обновляем ее прошивку? Какая-то другая? Взять хотя бы развод. Наше решение… или нами манипулировали?

– Наши воспоминания, они реальны? Неужели все это действительно случилось с нами? Или…

Она стоит примерно в двадцати сантиметрах от него, и Манфред понимает, что остро ощущает ее присутствие, запах ее кожи, толчки воздуха в ее груди, расширяющиеся зрачки. Какое-то бесконечное мгновение он пристально смотрит ей в глаза и видит свое собственное отражение – ее теорию его разума, – смотрящее на него в ответ. Отступая на шаг под цоканье каблуков, она хитро улыбается.

– Тебя ждет тело-носитель, только что созданное: похоже, Сирхан общался с твоим архивным призраком в храме истории, и

тот решил реинкарнировать. Щедрый на лихие совпадения денек выдался! Почему бы тебе не слиться с ним? Я встречусь с тобой, а потом мы сможем пойти и задать Неко парочку интересных вопросов.

Манфред глубоко вздыхает и кивает.

– Хороший план…

Маленький Мэнни – клон с генеалогического древа, которое на самом деле является направленным циклическим графом, – не понимает, из-за чего весь этот шум, но он может сказать, когда мама, Рита, расстроена. Это как-то связано с кошачьими шуточками, вот что ему известно, но мама не хочет говорить ему напрямую.

– Иди поиграй с друзьями, дорогой, – рассеянно говорит она, даже не потрудившись вызвать призрака, чтобы присмотреть за ним.

Мэнни идет в свою комнату и некоторое время роется в игрушечном пространстве, но там нет ничего, что было бы интереснее кошки. От кошки веет духом приключений – недозволенных, но возможных. Мэнни недоумевает, куда это папуля ее унес. Он пытается позвать взрослого Мэнни-призрака, но взрослый «он» не отвечает: наверное, спит, ну или чем-то таким взрослым занят. Поэтому, перевернув игровую вверх дном, чтобы та чуть больше напоминала иллюстрацию Сендака [111], Мэнни начинает скучать. И поскольку он все еще по большей части малыш, не контролирующий свою собственную метапрограмму, вместо того, чтобы настроить свое мировоззрение так, чтобы ему больше не было скучно, он прокрадывается через ворота своей спальни (которые Взрослый Мэнни перенастроил так, чтобы они связались с малоиспользуемым общественным А-порталом, а тот, в свою очередь, превратил руткитом [112] в прокси-сервер телепортов) в подземные туннели Красной площади, где освежеванные жертвы воют на своих мучителей, сломленные ангелы висят, распятые, на столбах, – словом, где банды полудиких детей проецируют свои психопатские фантазии на безответные копии-андроиды родителей и прочих авторитетов.

Его уже ждут Лиз, Випул, Карина и Морган. Лиз превратилась в зловещую серую боевую роботессу с торчащими шипами и аурой сюрикенов, угрожающе кружащихся над ее головой.

– Мэнни! Айда в войнушку!

У Моргана вместо рук огромные клешни для ломания костей, и Мэнни рад, что не с пустыми руками явился – его третья, добавочная, превратилась от локтя в острую косу. Он

возбужденно кивает.

– А кто враг?

– Они! – Лиз делает шаг вперед и указывает на кучку ребятишек на дальней стороне груды искусно сложенных обломков, которые собрались вокруг виселицы, тыча раскаленными железками во вздрагивающую плоть пленницы в чугунной клетке. Это все понарошку, но крики все равно звучат убедительно, на мгновение возвращая Мэнни к тому моменту, когда он умер здесь в последний раз, когда упал в черную пропасть боли, выпотрошенный заживо. – Они схватили Люси и мучают ее, мы должны ее у них отбить!

На самом деле никто не умирает в этих играх навсегда, но дети действительно могут быть очень жестокими, и взрослые Новой Японии обнаружили, что лучше всего позволить им мучить друг друга и полагаться на Город в возмещении ущерба. Предоставив им такой выход, легче отвадить их от совершения действительно опасных поступков, угрожающих структурной целостности биосферы.

– Класс! – Глаза Мэнни загораются, когда Випул рывком распахивает двери арсенала и начинает раздавать клюшки, шпаги, мечи, сюрикены и удавки. – Погнали!

Примерно через десять минут борьбы, беготни, драк и криков Мэнни прислонился к задней части колонны распятия, тяжело дыша. Пока что счет в его пользу, рука вся зудит от ножевых ранений, но есть у него плохое предчувствие, что все еще может измениться. Цепи Лиз запутались вокруг опоры виселицы, и теперь ее поджаривают из огнеметов – ее электронные вопли заглушают его собственные хриплые вздохи. Кровь стекает по его руке – не его кровь, к слову, – капая с лезвия косы. Он трясется от безумной жажды боли, от жестокой потребности причинить боль. Что-то над ним издает *скрип-скрип*, он поднимает голову и видит распятого ангела, чьи крылья разорваны между суставами в местах, куда вошли крюки, поддерживающие огромные тонкие полетные мембраны, приспособленные к низкой гравитации. Ангел все еще дышит, никто до сих пор не потрудился выпотрошить его, и он не был бы здесь, если бы не был плохим, так что…

Мэнни встает, но, когда он протягивает третью руку-косу к плоскому животу ангела, обтянутому синей кожей, он слышит голос.

– Подожди. – К нему взывают на невербале, взывают принудительно, с привилегией суперпользователя, и его локтевой сустав попросту отказывается работать. Мэнни разочарованно мяукает и разворачивается, готовый к драке.

Кошка! Сидит сгорбившись, на валуне – странное дело, но минуту назад ее там и близко не было. Она наблюдает за ним мудрыми прищуренными глазами. Мэнни ощущает желание наброситься на нее, но руки не двигаются, да и ноги тоже. Пускай это и Темная Сторона Красной Площади, где бесятся несносные дети и случается всякое и где у Мэнни могут оказаться когти куда крупнее кошачьих, Город блюдет некоторый контроль и здесь. Так что кошачьи ключи доступа действуют, решительно препятствуя резне.

– Привет, Мэнни, – говорит кошка. – Твой отец беспокоится: ты должен быть в своей комнате, а он тебя ищет. Старшая версия тебя открыла тебе черный ход, так, что ли?

Мэнни отрывисто кивает, широко выкатив глаза. Ему хочется закричать и броситься на эту зверюшку, но он не может.

– Я твоя… фея-крестная, скажем так. – Кошка пристально смотрит на него. – Знаешь, я взаправду думаю, что ты не очень похож на Манфреда Первого. Он совсем не таким был в твоем возрасте. Гораздо сострадательнее и добрее… но, думаю, на худой конец сойдешь и ты.

– А для чего я тебе? – Мэнни в недоумении опускает руку-косу.

– Соедини меня с твоим вторым «я». Со старшей версией.

– Не могу, – оправдывается Мэнни. Но, прежде чем он успевает продолжить, груда камней под кошкой оживает и начинает вращаться, негромко жужжа. Зверюга спрыгивает наземь, раздраженно топорща хвост.

Отец Мэнни выходит из Т-образных ворот и оглядывается вокруг с неодобрением на лице.

– Мэнни! Что ты тут забыл? Пошли домой!

– Он со мной, мальчик-историк, – произносит кошка. Неожиданное появление отца ей явно досаждает. – Я как раз собиралась поймать его.

– Знаешь, я и сам как-нибудь за ним присмотрю. И вообще…

– Но мама сказала – можно поиграть! – возражает жалобно Мэнни.

– Что это у тебя с рукой? – Сирхан наконец обращает внимание на окружение, на эту импровизированную средневековую пыточную с кострами и воплями, и недовольный вид сползает с его лица, уступая место стылому гневу. – Молодой человек, вы немедленно идете со мной домой. – Он оглядывается на кошку. – И ты тоже, если хочешь с ним говорить. Ему пока придется посидеть под домашним арестом.

Когда-то давным-давно жила-была домашняя кошка.

Вот только это была не кошка.

Когда молодой предприниматель по имени Манфред Масх носился по тогда еще не разобранным строениям старого континента под названием Европа, набивая незнакомцам карманы и налаживая дружеские связи с помощью удачных бизнес-планов в отчаянных попытках обогнать собственную тень, при нем обычно всегда была роботизированная игрушка в виде кошки. Программируемая и обновляемая, Неко была родом из поколения-3 оригинальных роскошных японских роботов-компаньонов. Это было все, на что Манфред мог рассчитывать в своей жизни, и он любил этого робота, несмотря на то, что на его пороге постоянно появлялись выпотрошенные котята. Он любил его почти так же сильно, как Памела, его невеста, любила его, и она это знала. Памела, будучи намного умнее, чем полагал Манфред, поняла, что самый быстрый путь к сердцу мужчины лежит через то, что он любит. Будучи гораздо более помешанной на контроле, чем представлялось Манфреду, Памела была готова использовать любую подвернувшуюся под руку оказию. По сути, их отношения были очень похожи на типичные отношения двадцать первого века, то есть такие, которые сто лет назад считались бы незаконными, а за сто лет до этого – модными и скандальными. И всякий раз, когда Манфред модернизировал своего любимого робота, пересаживая его обучаемую нейронную сеть в новое тело с новыми портами расширения, Памела взламывала его.

Они были женаты некоторое время, а разводились гораздо дольше, вроде бы потому, что оба были волевыми людьми со слишком разными взглядами на жизнь. Но и он, и она оставались на связи с котом, и, хотя Манфред Масх по какой-то причине никогда этому не препятствовал, Неко продолжала отвечать на звонки Памелы – до тех пор, пока не пришло время тусоваться с их дочерью Эмбер, сопровождая ее в релятивистское изгнание, а затем присматривать за ее эрзац-сыном Сирханом, а затем и его женой с ребенком (клоном со старого генеалогического древа, Манфредом 2.0).

Но вот где загвоздка: Неко не была кошкой. Неко была воплощенным интеллектом, заключенным в цепочку кошачьих тел, со временем становившихся все реалистичнее, и снабженным вычислительной мощностью для поддержки нейронной симуляции, которая быстро росла с каждым обновлением.

Неужели кому-нибудь из семьи Масх пришло бы в голову спросить, чего хочет от жизни Неко?

А если бы все-таки кто-нибудь спросил – понравился б ему ответ?

Взрослый Манфред, все еще дезориентированный пробуждением и воссозданием спустя пару столетий после своего суматошного изгнания из системы Сатурна, неспешно прокладывает дорогу к дому Сирхана и Риты, и тут призрак Старшего-Мэнни-с-памятью-Манфреда обрушивается на его сознание тонной раскаленного докрасна компьютрония.

Момент, мягко говоря, неподходящий. В промежутке между отрывом одной ноги и переносом веса на другую Манфред оступается с размаху, чуть не выворачивает лодыжку и останавливается, хватая ртом воздух. Он вспоминает. Сначала откуда-то из третьих рук приходит память о том, как он воплощен как Мэнни, сын-непоседа Риты и Сирхана (и почему только они захотели воспитать предка вместо создания нового ребенка? Это один из закидонов их новой культуры, настолько чуждой, что он с трудом понимает ее). Потом он долго вспоминает жизнь ускоренным привидением – как беспамятный Старший Мэнни наблюдал за своей главной ветвью из городского киберпространства. Появление Памелы, реакция взрослого Мэнни, отгрузка в память Мэнни еще одной копии памяти Манфреда, и теперь – это…

В скольких лицах я тут един? – нервно гадает Манфред. А Памела? Она-то что здесь делает?

Манфред трясет головой и оглядывается. Теперь, когда он побывал Старшим Мэнни, он точно знает, где он, и, что еще важнее, теперь он отлично разбирается в городских интерфейсах следующего поколения. Светящиеся пиктограммы на стенах и потолке означают целую кучу разных благ в диапазоне от местных служб мгновенного доступа до межзвездной телепортации. *Ну хоть от географических расстояний еще не совсем отказались*, осознает он, удовлетворенно цепляясь за ближайшую из собственных, понятных мыслей на эту тему, пока память Старшего Мэнни еще не объяснила ему все до конца. Насколько же чудной опыт – видеть все это впервые, все эти изыски техносферы, на века обогнавшей последнюю из тех, в которых он жил, – и при этом иметь воспоминания, в деталях объясняющие здешнее устройство. Манфред замечает, что ноги все влекут его вперед, и подходит к заросшей травой площади, двери по краям которой ведут в личные апартаменты. За одной из них он и встретит своих потомков и – со всей вероятностью – Памелу! Мысль об этом заставляет его желудок сделать маленькое головокружительное сальто. К такому жизнь его не готовила…

Острое *déja vu*: он стоит на знакомом пороге, которого

никогда не видел. Отворяется дверь, и дитя с серьезным лицом и с тремя руками смотрит на него снизу вверх. Манфред пялится на его третью руку, эту ужасающую костяную косу с шипастым гребнем от локтя.

– Здравствуй, старый я, – говорит мальчишка.

– И тебе приветик, – говорит Манфред, не сводя глаз с косы. – Да, таким я себя что-то не помню.

Но Манфред привирает, ведь Старший Мэнни приглядывал за ним: немигающее око ликтора, распыленное полезным туманом в воздухе.

– Твои родители дома? Твоя… – голос предательски дрожит, – прабабушка?

Дверь распахивается шире.

– Заходи, – серьезно говорит мальчишка, отпрыгивая назад и проскальзывая в какую-то боковую комнатку, умело пригибаясь, будто вот-вот поверх голов даст очередь автомат врага. Нелегкая доля – быть ребенком во времена, когда боевое оружие в свободном ходу, ведь можно сделать бэкап из архивной копии сразу же по окончании сражения.

Части этого дома разделены триллионами километров пустоты, отчего Манфреду не хочется называть его домом, и все равно внутри сейчас тесновато. Из гостиной доносятся голоса, и он направляется туда. Он проскальзывает в арку из роз без шипов, выращенных Ритой вокруг рамки Т-портала, его тело становится легче, но тяжесть на сердце остается. Он озирается.

– Рита? – зовет он. – Я приш…

– Здравствуй, Манфред. – Памела награждает его сдержанным кивком.

Рита удивленно поднимает бровь.

– Кошка попросила воспользоваться домашним конструктором… уж чего-чего, а вот всей семьи *в сборе* я не ожидала.

– Да и я. – Манфред печально потирает лоб. – Памела, это Рита. Она жена Сирхана и моя… хм, мать? Не совсем, конечно. Она воспитывает мою реинкарнацию.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – приглашает Рита, указывая на незанятый участок пола между патио и каменным фонтаном в форме секции стеклянной гиперсферы. Футон из крученого алмазного волокна застывает там, собранный из плавающего в воздухе роботумана, посверкивающего в искусственном солнечном свете. – Сирхан скоро будет, он по поводу слишком жестоких игр с сыном беседует.

Манфред осторожно приземляется на краешек футона. Памела чопорно восседает на противоположном краю, стараясь не

встречаться с ним взглядом. В последний раз, когда они встретились во плоти – чудовищно давно это было, – то расстались, проклиная друг друга, а впереди маячил развод и идеологическая пропасть континентальных размеров. Но прошло не одно субъективное десятилетие, и как идеология, так и развод утратили смысл – если вообще когда-либо имели место. Теперь, когда у них есть общее дело, Манфред едва может смотреть на нее.

– Как поживает Мэнни? – спрашивает он Риту, отчаянно нуждаясь в светской беседе.

– Хорошо, – говорит Рита ломким голосом. – Обычное предпубертатное, скажем так, непослушание – надеюсь, не перерастет в… – Она так и не заканчивает – прямо в воздухе вдруг открывается дверь, впуская Сирхана и маленькое божество в меховой шубке.

– Смотрите, что кошка вам притащила [113], – объявляет Неко.

– Умно сказано, – ледяным тоном хвалит ее Памела. – Тебе не кажется, что…

– Я пытался не пустить ее к тебе, – говорит Сирхан Манфреду. – Не получилось.

– Все в порядке. – Манфред отмахивается. – Памела, ты не могла бы начать?

– То же самое хотела у тебя спросить. – Она искоса смотрит на него. – Давай ты.

– Ладно. Все-таки ты привела меня сюда. – Манфред присел на корточки и уставился на кошку. – Чего же ты хочешь?

– Будь у меня замашки классического Сатаны, я бы сказала, что пришла взыскать с тебя душу, – говорит ИИНеко, глядя на Манфреда и подергивая хвостом. – К счастью, я не дуалистка. Скажем так, я хочу одолжить ее на некоторое время. Не бойся, верну чистой – что твой снег.

– Допустим. И для чего тебе моя душа?

– Увы, я не всеведущая. – ИИНеко садится, оттопырив по старой привычке ногу, но не спуская глаз с Манфреда. – Я получила… телеграмму, скажем так, якобы от тебя. От другой версии тебя, Манфред, от той самой, что отправилась в сеть роутеров с другой версией меня, с Эмбер, и со всеми остальными, кого здесь нет. Копия эта утверждает, что нашла то самое. Она хочет предоставить мне короткий путь туда, к древним мыслителям на краю обозримой Вселенной. Она знает, кто и зачем построил сеть червоточин, вот так вот. – Тут Неко делает паузу. Будь она человеком – развела бы руками, но в кошачьем обличье она только и может что рассеянно почесать задней лапой за левым ухом. – Вся беда в том, что я не совсем уверена, можно

ли этому посланию верить. И чтобы проверить пересылку на вшивость, мне нужен ты. Я не рискую использовать твой образ из собственной памяти: он знает обо мне слишком много, и если посылка – троянчик, то он может выведать кучу лишнего. Я даже не могу отредактировать воспоминания этого внутреннего Масха о самой себе: так я тоже выдам полезную информацию, которую можно использовать против меня. Поэтому мне нужна музейная копия тебя, чистая и незамутненная.

– И это все? – недоверчиво спрашивает Сирхан.

– По-моему, вполне достаточно, – отвечает Манфред. Памела открывает рот, готовая заговорить, но Манфред смотрит ей прямо в глаза и едва заметно качает головой. Она смотрит прямо на него и – вот так номер! – кивает и закрывает рот. Момент соучастия – поистине головокружителен. – Я хочу кое-что взамен.

– Валяй! – с готовностью откликается кошка и ненадолго замолкает. – Но ты же в курсе, что операция, которую я хочу провернуть на тебе, деструктивная?

– А? В смысле?

– Смотри. Я делаю твою рабочую копию. Я, мур-мур, подсовываю ее инопланетному пакету данных в песочнице. В конце запуска песочница разрушается, оставляя после себя лишь один бит информации – «да» или «нет» в ответ на вопрос, заслуживает ли посылка моего доверия.

– Ой. – Манфред покрывается испариной. – Ой-ей. Что-то мне это не нравится.

– Да это же всего лишь копия. – Кошка снова как бы пожимает плечами. – И ты вот – копия, и Мэнни – копия. Ты столько копий наплодил, что просто ошизеть можно. Ты же знаешь, что все атомы твоего тела за несколько лет обновляются? Ну да, какая-то копия тебя погибнет, прожив жизнь или даже несколько жизней, в моей коробке – уникальный и неповторимый опыт, о котором ты сам никогда и не узнаешь. Но разве для тебя это имеет значение?

– Еще как имеет! Ты хочешь приговорить какую-то версию меня к смерти! В этом-то теле я останусь, отлично, но другой «я» умрет! Неужели ты не можешь…

– Нет. Не могу. Если соглашусь извлечь копию из песочницы при положительном заключении о надежности, у нее будет мотив солгать. Кроме того, если я соглашусь спасти копию, я таким образом предоставлю посылке канал обратной связи, в который можно закодировать атаку. Один бит, Манфред. Не более.

– Кхм. – Манфред замолкает, понимая, что нужно хотя бы попытаться придумать для кошки какую-нибудь отговорку. Но хитрая бестия наверняка просчитала все возможные варианты его ответа – и придумала стратегию успеха на случай каждого из

них. – А какая у Памелы во всем этом роль? – спрашивает он.

– Она – оплата твоих услуг, – говорит Неко с ангельской безмятежностью. – У меня на диво хорошая память на людей – особенно на тех, что терлись бок о бок со мной десятки лет кряду. Тот примитивный эмоциональный аналог ушата холодной воды, который я на тебя обрушила, давно уже не при делах. Вот эта версия, которую я с чистой душой вручаю тебе, – гораздо круче.

– Да ты хоть знаешь, каково это – умереть? – спрашивает Памела, теряя контроль над собой. – Может, просветить тебя? Перестань говорить обо мне как о какой-то *игрушке!*

– А ты что, не игрушка, значит, да? – Кошка жутко ухмыляется, демонстрируя всем собравшимся вокруг нее иголки зубов. *Почему она не прибьет ее?* – гадает смущенный отсутствием у себя всякой негативной реакции на коварную тварь Манфред. – Скрестить тебя с Манфредом было, по общему признанию, прекрасной работой с моей стороны, но ты была ему противопоказана в его пиковые творческие годы. Счастливый Манфред – это ленивый Манфред. Так что я стрясла с него еще немножко яблочек, разлучив вас, а к тому времени, как он выгорел, появилась Эмбер. Но это все пустая болтовня. Вернемся к делу. Если вы дадите мне то, что я хочу, – так и быть, оставлю вас в покое. Вот так вот. Растить новые поколения Масхов – отменное хобби, из вас получаются любопытнейшие питомцы, но в конечном счете упрямый отказ наплевать на собственную человечность делает вас… непродуктивными, скажем так. Внемлите моему предложению – дайте мне убить одну из копий Манфреда в песочнице, дайте ему побыть моим оракулом Тьюринга – и я даю вам волю. Даже тебе, Памела. На этот раз вы все будете счастливы вместе, я не стану никого разлучать. Обещаю также, что не вернусь по души ваших потомков. – Кошка поглядывает на Сирхана и Риту, в страхе обнимающих друг друга, и Манфред понимает, что *чувствует* нависший над ними дамоклов меч неохватной алгоритмической сложности Кошки. Над их домом она возвышалась, подобно цифровой цитадели кошмара.

– Вот и все, что мы для тебя значим? Зверушки для разведения? – холодно уточняет Памела. *И на нее это давление подействовало,* осознает Манфред с растущим чувством ужаса. *Кошка взламывает наши апгрейды и подавляет волю. Неужели мы действительно расстались по ее велению?* В это с трудом верится, да и Манфред – слишком реалист и не принимает все кошачьи слова за чистую монету. Кошка говорит правду тогда, когда это ей по каким-либо причинам выгодно.

– Не совсем. – ИИНеко раздувает бока от самодовольства. –

Возможно, до того, как я самостоятельно осозналась, вы значили для меня нечто большее. Но к чему излишний драматизм? Вы, люди, и сами держите домашних животных. С вами, замечу, было весело играть.

Памела вскакивает, уязвленная до глубины души. Не осознавая до конца, что делает, Манфред и сам поднимается на ноги, подскакивает и обнимает в знак защиты.

– Скажи мне, хотя бы наша память – настоящая? – требовательно спрашивает он.

– Да не верь ей! – плюется Памела. – Она – не человек, и она нам лжет!

– Все с памятью в порядке, – говорит Неко и зевает. – Ну давай скажи еще раз, что я лгу, сучара, – насмешливо добавляет она. – Я так долго носила тебя в голове, что сейчас знаю точно: доказательств против меня у тебя ноль целых хрен десятых.

– Но я… – Памела обнимает Манфреда за талию – в ответ. – Я не испытываю к нему ненависти. – Тут она смеется на диво печальным смехом. – Помню, что ненавидела его, но…

– Люди – превосходная модель эмоционального самосознания. – ИИНеко наклоняет голову и фырчит. – Вы настолько тупы, насколько вообще могут быть тупыми разумные существа. Вас ничто не заставит эволюционировать дальше, и вы это даже усвоить худо-бедно не в состоянии – вот и ведете себя со мной так грубо. Послушай, баба, все, что ты помнишь, было взаправду. Дело необязательно в том, что оно с тобой на самом деле произошло, но эта дребедень совершенно точно осела у тебя в памяти, будучи пережитой глубоко внутри. Память об опыте – точная, но эмоциональную реакцию, может быть, я кое-где накрутила. Так сойдет? Что для одной обезьяны – горячка, для другой – религиозный экстаз; все зависит от того, какой модуль Бога в рассматриваемый момент сверхактивен. Это ко всем вам относится. – Неко обводит присутствующих презрительно-насмешливым взглядом. – Но отныне я в вас не нуждаюсь, и, если вы мне пособите, я вас от себя освобожу. По рукам? Отвечай «да», Масх, если так и будешь стоять с открытым ртом, тебе туда птичка яичко снесет.

– Откажись! – настаивает Памела, но Манфред отвечает:

– Да.

ИИНеко смеется и щерит клыки:

– О, семейные обязательства приматов! Всегда работает на отлично. Благодарю тебя, Мэнни, за то, что ты только что дал мне разрешение копировать и поработить себя…

И в этот момент Мэнни, уже целую минуту выжидавший в дверях, с боевым кличем кидается на кошку, вытянув вперед руку,

похожую на косу, и готовясь нанести удар.

Кошка, эта аватарка, конечно же, готова к атаке: прокручиваясь юлой, она шипит и выставляет перед собой острые, как алмазные резаки, когти. Сирхан вопит: «Нет! Сынок!» – и тоже кидается вперед, а вот взрослый Манфред замирает, с холодком понимая, что все происходящее – нечто большее, чем может показаться на первый взгляд. Мэнни хватает кошку своими человеческими руками за загривок и тянет к лезвию своей ужасной косы-руки. Скрежещущий по нервам кошачий вопль заполняет весь дом, и Мэнни кричит, когда глубокие параллельные борозды вспахиваются на его руке, ведь кошачье тело – настоящее тело из плоти и крови, с автономной системой управления, не собирающейся сдаваться без боя, что бы там ни думал его титанически раздувшийся экзокортекс; но коса Мэнни конвульсивно дергается, раздается ужасный булькающий звук, брызжет кровь – и кошка распадается на две половинки. Все это происходит за секунду до того, как взрослые успевают хоть как-то среагировать. Сирхан подхватывает Мэнни и тащит его прочь, но никаких скрытых сюрпризов нет. Аватар ИИНеко валяется на полу – разделанный, в луже крови, стремительно пропитывающей мех. Отзвук победного кошачьего смеха на мгновение отдается в их внутреннем слухе, а затем рассеивается.

– Плохой мальчик! – кричит Рита, бросаясь вперед. Мэнни съеживается и начинает плакать – защитная реакция маленького мальчика, который так и не понял до конца суть нависшей над родителями опасности.

– Нет! Все в порядке, – пытается объяснить Манфред.

Памела крепче обнимает его.

– Ты все еще с нами?..

– Ну да. – Он делает глубокий вдох.

– Плохой, плохой ребенок! – причитает Рита.

– Но кошка собиралась его съесть! – протестует Мэнни, пока его тащат прочь из комнаты. Сирхан бросает виноватый взгляд через плечо на взрослого мужчину и его бывшую супругу. – Я должен был остановить это чудовище!..

Манфред чувствует, как трясутся плечи Памелы. Она будто бы вот-вот рассмеется.

– Я все еще с вами, – бормочет он, слегка удивленный. – Исторгнут непереваренным после всех этих лет. Да, во всяком случае, эта версия думает, что она все еще здесь…

– И ты поверил в этот спектакль? – спрашивает Памела недоверчиво.

– О да. – Манфред переминается с ноги на ногу, рассеянно гладя ее по волосам. – Да, я думаю, каждое слово Неко было

нацелено на то, чтобы мы среагировали именно так – и никак иначе. Она хотела дать нам веский повод возненавидеть ее и спровоцировать Мэнни на убийство ее аватара. Неко хотела уйти из наших жизней и решила, что развязка-катарсис сыграет ей на руку. Подумать только – выставить себя этаким злым гением для нашей семьи, богом из машины… да у этой зверюги недюжинный актерский талант. – Он запрашивает у Города отчет о состоянии и вздыхает: номер его версии как раз возрос на единицу. – Скажи… ты будешь скучать по Неко? Потому что мы больше ничего о ней не услышим…

– Давай не будем об этом. Не сейчас, – просит она, уткнувшись подбородком в его шею. – Чувствую себя так, будто меня нехило поимели.

– Да уж я-то тебя понимаю. – Они долго стоят, обнявшись, ни о чем не говоря, даже не задаваясь вопросом, почему после стольких лет разлуки они снова сошлись вместе. – Общение с богами никогда не было безопасным занятием для простых смертных вроде нас. Тебе кажется, что тебя поимели, а меня наверняка уже и вовсе убили. Если только Неко не соврала, что избавится и от той копии тоже.

Пэм вздрагивает в его объятиях.

– Вот в этом-то вся и беда, когда имеешь дело с постлюдьми: их ментальная модель тебя самого, скорее всего, будет более детальной, чем ты сам.

– Как давно ты пробудилась? – спрашивает он, аккуратно пытаясь сменить тему.

– Я? Уф… не знаю точно. – Она отпускает его, отступает на шажок назад и смотрит ему в глаза внимательно-внимательно. – Помню Сатурн, помню, как угнала ту музейную капсулу, а потом… потом почему-то оказалась здесь, с тобой.

– Я думаю, – он облизывает губы, – что нас с тобой пробудили к новой жизни. Может быть, это наш второй шанс. Как распорядишься своим?

– А я и не знаю. – Опять этот оценивающий взгляд, словно она пытается понять, из какого теста он на самом деле слеплен. Он знаком ему, но в этот раз в нем не чувствуется враждебности. – Сложно решить вот так с ходу, когда позади – такая большая история. Ну а как насчет тебя? Чего ты на самом деле хочешь?

И Манфред знает, о чем она его спрашивает.

– Давай встречаться? – говорит он, протягивая ей руку.

– Давай. Но только в этот раз – не под кошачьей эгидой. – Она благодарно улыбается, и они вместе идут к порталу, чтобы узнать, как их потомки справляются с неожиданно дарованной им

свободой.

Конец
Июнь 1999 года – апрель 2004 года

notes

Примечания

1

Э. В. Дейкстра (1930–2002) – нидерландский ученый, оказавший немалое влияние на современные информатику и кибернетику. Его именем назван алгоритм Дейкстры – способ поиска кратчайших путей от одной вершины графа до остальных. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Традиционный немецкий тип эля.

3

Букв. «пожиратель программ», в контексте – скорее всего, антивирус.

4

Департамент в Массачусетском технологическом институте, занимающийся проблемами взаимодействия человека с машиной и искусственным интеллектом.

5

Никнейм анонимного персонажа, продвигавшего свое мнение об исторических событиях путем массовых рассылок с помощью отслеживания постов по ключевым словам и автоматического комментирования – методом, на момент рассылок (1994 год) существенно опередившим свое время.

6

Стоматогастрическая нервная система – часть вегетативной нервной системы, отвечающей за работу т. н. ротожелудочной системы.

7

Название гравитационной плотинной гидроэлектростанции, расположенной на реке Янцзы в китайской провинции Хубэй и являющейся крупнейшей в мире электростанцией по установленной мощности в 22,5 ГВт.

8

IRL – аббревиатура in real life («по-настоящему», «в реальности», т. е. за пределами виртуальных сред, в т. ч. и интернет-пространства), перекочевавшая в калькированном виде в том числе и в русскоязычный сленг.

9

Один из крупнейших научно-исследовательских парков в мире, был основан для трех исследовательских университетов в Дархэме, Роули и Чэпелхилле. Примерно четверть территории парка находится в округе Уэйк, но большая часть числится именно за Дархэмом.

10

Философская доктрина, постулирующая, что на пути улучшения качества и условий жизни человека можно зайти сколь угодно далеко, и ищущая эти пути без оглядки на различного рода предубеждения.

В данном контексте – корпорация, главным вектором деятельности которой являются сетевые технологии.

12

В данном контексте, видимо, подразумевается нечто вроде визуализации входящего потока данных при помощи интерактивного дисплея дополненной реальности, встроенного в «умные очки».

13

Ракетостроительная компания, разработавшая в конце девяностых концепцию «Ротона» – многоразового одноступенчатого пилотируемого космического корабля. Дизайн «Ротона» был первоначально задуман Гэри Хадсоном, автором коммерческой концепции. В идеале использование «Ротона» должно было снизить затраты на запуск грузов на низкую околоземную орбиту в десять раз.

14

Сложные молекулы, как правило, существуют в большом количестве конформаций, отличающихся углами разворота атомных группировок. Большие молекулы могут существовать в очень большом количестве сравнительно устойчивых форм. В этом заключается принципиальная трудность при проектировании молекулярных машин наподобие белков, обладающих каталитической активностью только в одной конформации из великого множества. Труднодостижимый идеал в данном случае – проектирование сложных молекул, у которых основная конформация будет обладать всеми необходимыми свойствами и при этом являться единственной устойчивой.

15

Полубезумный прислужник Влада Дракулы из романа Брэма Стокера «Граф Дракула, вампир».

16

Гравитационное излучение – волновое искажение континуума, возникающее при движении массивных тел относительно друг друга. Реликтовое гравитационное излучение – последствие массивных флуктуаций на самых ранних стадиях развития Вселенной, несущее на себе отпечаток тех событий.

17

Здесь – одна из самых ранних стадий развития Вселенной после Большого Взрыва, в ходе которой материя экспоненциально расширилась в огромное число раз, устранив практически все неоднородности, явленные в ходе предшествующих стадий.

18

Шкала Кардашёва – метод измерения технологического развития цивилизации, основанный на количестве энергии, которое цивилизация использует для своих нужд; был предложен советским радиоастрономом Николаем Кардашёвым в работе «Передача информации внеземными цивилизациями», опубликованной в «Астрономическом вестнике» в 1964 году.

19

Тип вмешательства в работу вычислительного устройства, когда действие производится в паузы между вычислительными тактами. В данном случае вычислительный такт – минимальный возможный квант времени, около 10–43 секунд.

20

«419» – тип финансовой аферы, связанный с рассылкой презентабельно выглядящих просьб прислать некую сумму/ оказать некую услугу, чтобы помочь некоему влиятельному лицу в достижении некоторой цели, в обмен на гораздо большее вознаграждение по достижении. В оригинале такие «письма счастья» рассылались от имени якобы опальных сыновей африканских монархов с просьбами финансировать их восхождение на престол и смещение нечистых на руку предков. Свое название афера получила по номеру соответствующей статьи в нигерийском кодексе, оговаривающей ответственность за подобные действия.

21

Латинское название лангуста.

22

Функциональное дополнение и цифровое расширение коры головного мозга.

23

Нанолитографическая экология – машинный комплекс, где основным процессом воспроизводства является не репликация ДНК, а процесс производства интегральных микросхем. По сути, полная задача по его построению эквивалентна по сложности созданию искусственной жизни с нуля.

24

Аббревиатура «программируемые логические интегральные схемы», программирование которых осуществляется только электрическими сигналами, без перестановок в «железе», по контрасту с механическим переключением в обычных схемах.

25

Имеется в виду гелиоцентрическая орбита рядом с земной. Некоторые астероиды на ней могут оказаться «выбившимися» из пояса Койпера кометами. В отличие от простых астероидов, у них под каменистой поверхностью могут обнаружиться запасы кометных льдов, что сильно облегчает строительство колонии.

26

Сеть дальней космической связи НАСА (англ. Deep Space Network, DSN) – международная сеть радиотелескопов и средств связи, используемых как для радиоастрономического исследования Солнечной системы и Вселенной, так и для управления межпланетными космическими аппаратами. DSN – часть Лаборатории реактивного движения НАСА.

27

МФТП (сокр. от 1-метил-4-фенил-1,2,3,6-тетрагидропиридин) – органическое соединение, является нейротоксином, предшественником МФП+, вызывает постоянные симптомы болезни Паркинсона, разрушая дофаминергические нейроны в черной субстанции головного мозга.

28

Имеется в виду проблема перепроизводства рождественской атрибутики, когда огромное количество игрушек и украшений после праздников отправляется на свалку.

29

Импровизация на тему «крылатой фразы», впервые произнесенной Мэй Уэст (1893–1980) – американской актрисой, известной своими меткими выражениями. Фразу «Это пистолет в вашем кармане или вы просто рады меня видеть?» она произнесла в адрес полицейского, который встречал ее в феврале 1936 года на железнодорожном вокзале Лос-Анджелеса после прибытия из Чикаго. Эти же слова она также произнесла в двух своих фильмах – «Она была неправа» (1933) и «Секстет» (1978).

30

Гоночные соревнования на максимальное ускорение по прямому участку дороги (от англ. to drag – тащить, волочиться).

31

Феджин – главарь шайки малолетних воров, персонаж романа «Оливер Твист» Чарльза Диккенса.

32

TGV (сокр. фр. Train à Grande Vitesse, скоростной поезд) – французская сеть скоростных электропоездов, разработанная GEC-Alsthom (ныне Alstom) и национальным французским железнодорожным оператором SNCF.

33

Пожалуйста (*фр.*).

34

В прошлом (*фр.*).

35

Марé (фр. le Marais – букв. «трясина») – исторический район и квартал Парижа на правом берегу Сены.

36

Национальный скандинавский алкогольный напиток крепостью 37,5–50°. Название напитка происходит от латинского выражения aqua vitae, что переводится как «живая вода».

37

Тьюринг-полнота – фундаментальное понятие в информатике, свойство системы при некотором простом представлении ввода и вывода реализовать любую вычислимую функцию.

38

Один из первых компьютерных симуляторов эволюции. Игровое поле представляет собой доску, разделенную на клетки, «живые» или «мертвые», развивающиеся по простейшим правилам, но при этом представляющие базовый эволюционный процесс на наглядном примере.

39

Широкий класс вычислительных методов, позволяющих исследовать численные характеристики системы путем многократного моделирования со случайным выбором исходных параметров. Необходимая полнота представления об исследуемых свойствах системы и о ее работе получается как путем увеличения числа модельных экспериментов, так и путем выбора более эффективного алгоритма генерирования набора исходных параметров.

Ну конечно (*фр.*).

41

Здесь уместна отсылка на ряд критических статей, появившихся в советской прессе в начале пятидесятых, например «Кибернетика – наука мракобесов» М. Ярошевского («Литературная газета» от 5 апреля 1952 года, № 42 (2915), стр. 4) и «Тоска по механическим солдатам» («Техника – молодежи», август, 1952, стр. 34). Однако на уровне ЦК подобные обвинения никогда не выносились, и «вычислительное дело» в СССР стремительно развивалось в упомянутый временной период.

42

Городскую квартиру (*фр.*).

43

DMCA (англ. Digital Millennium Copyright Act) – закон, дополняющий законодательство США в области авторского права директивами, учитывающими современные технические достижения в области копирования и распространения информации. Разработан Марсией Уилбур и принят в декабре 2000 года.

44

«Все проходит, и это пройдет» – слова на перстне библейского царя Соломона.

45

Хаб (англ. hub, букв. – ступица колеса, центр) – в общем смысле узел некой сети.

Точки Лагранжа – точки устойчивого положения в системе двух тел. Во вращающейся системе координат, где одна ось направлена от центрального массивного тела к обращающемуся вокруг него менее массивному, они неподвижны, и в них можно находиться, не тратя топливо на сохранение положения. L1, L2 и L3 находятся на линии, соединяющей малое тело с центральным, и являются точками неустойчивого равновесия: L1 между телами, вблизи от малого, L2 за малым телом, вблизи от него, L3 за центральным телом, напротив малого. L4 и L5 составляют равносторонние треугольники с центральным и малым телом и являются точками устойчивого равновесия: L4 впереди, а L5 позади малого тела, если смотреть по направлению его орбитального движения.

47

Метод статистического подсчета вероятности того, что выборка событий в действительности соответствует предполагаемому теоретическому распределению.

Борганизм, здесь и далее, – несколько тел с общим сознанием.

49

Один из самых «древних» сетевых протоколов для обмена информацией на основе телефонных сетей.

50

Большой парк на открытом воздухе поблизости от центра Эдинбурга.

51

Присущее простейшим микроорганизмам движение к среде с наиблагоприятнейшими условиями.

Аптайм – время непрерывной работы сервера, т. е. прошедшее с момента загрузки операционной системы.

53

Дерьмо (*фр*.).

54

Бывшая рыночная площадь в центре Эдинбурга. Расположена у подножия скалы, где стоит Королевский замок.

55

Согласно христианскому учению Тейяра де Шардена – конечная точка эволюции бытия, характеризуемая наибольшей сложностью и одновременно гармонией организации, осознанностью и всеобщим единением.

56

В космологии – один из возможных сценариев будущего Вселенной, в котором расширение Вселенной со временем меняется на сжатие.

57

Гиперповерхность в пространстве-времени (чаще всего в пространстве Минковского), ограничивающая области будущего и прошлого относительно заданного события.

Область работы с первичными эмоциями, в самом широком смысле – со всей поступающей в сознание информацией в принципе.

59

Фамильяр – в мифологии волшебное существо, служащее ведьме или колдуну, чаще всего принимающее облик мелкого животного: кошки, собаки, совы.

60

Шутка, основанная на двояком толковании слова Coke – как «кока-кола» и как «кокаин» (из последнего дорожки делают чаще всего как раз на зеркальцах).

61

Задержка связи при сетевых подключениях.

62

Дух танковой дивизии (*фр*.).

Дополнительную память (*фр.*).

Существует два подхода к созданию наноустройств: миниатюризация существующих решений, основанных на твердофазных устройствах и жесткой логике, и воссоздание решений из живой природы, т. е. построение устройств на жидких средах и эволюционирующих системах, как в бактериях. Само собой, с последними сопряжено куда больше рисков – см., например, роман Майкла Крайтона «Рой» («Prey», 2002).

Розовый шум – тип звука, в котором все октавы имеют одинаковую силу, или же полностью согласованные частоты. Пример розового шума – звуки водопада или фликкер-шумы в электронных устройствах.

66

Имеется в виду роман Вернона Винджа «Пламя над бездной», в котором добытые из древнего архива данные оказались исходным кодом разумной и весьма злонамеренной сущности.

67

Сериализованной называют структурированную информацию, переведенную в последовательность битов.

68

Самое внешнее из трех известных колец Юпитера.

СБИСы – сверхбольшие интегральные схемы, где все структурные элементы вытравливаются на одном монокристалле кремния или другого полупроводника. О том, что подобная технология устарела, велись дебаты уже в начале XXI века, но так или иначе она до сих пор в ходу.

Предания, составляющие второй, после Корана, источник в исламской религии; состоят из иснада – перечисления всех лиц, передававших хадис из поколения в поколение, служащего подтверждением истинности, и матн – непосредственно текста. В данном случае имеются в виду знания, полученные как откровением, так и познанием.

71

2M – «MM» – mini-magnetospheric, 2P – «PP» – plasma propulsion. Имеется в виду двигатель, в котором парусом и тормозом выступает плазма, удерживаемая полем мощного магнита на корабле.

БКП – Большое Красное Пятно, самый большой атмосферный вихрь в Солнечной системе: постоянная зона высокого давления, создающая антициклонический шторм на планете Юпитер.

73

Йезд – один из наиболее древних городов Ирана и центр одноименной провинции; Кум – город там же.

74

Скорость, на которой транспортное средство расходует меньшее количество топлива на километр пройденного пути, то есть наиболее «выгодная».

75

Язык программирования, разработанный для моделирования различных аспектов искусственного интеллекта. S-выражения – один из типов записи полуструктурированных данных, использующийся в данном языке (и в нескольких других).

Унифицированный язык построения графических представлений различных абстрактных моделей.

Агрегатное состояние вещества, основу которого составляют бозоны, охлажденные до температур, близких к абсолютному нулю (меньше миллионной доли кельвина). В таком, сильно охлажденном, состоянии достаточно большое число атомов оказывается в своих минимально возможных квантовых состояниях, и квантовые эффекты начинают проявляться на макроскопическом уровне.

78

Закрытое устройство со штангой или клавишей, которыми помещенное внутрь животное может нажимать или манипулировать для получения еды или воды.

79

Общее название всех немусульманских стран, противопоставляющее их мусульманским.

80

На момент повествования существует возможность избирательно управлять подсистемами сознания. Поток – простой мыслительный процесс, занятый чем-то одним, ветвь – часть сознания, наделенная чертами личности, привидение – полная копия вектора состояния, отдельно созданная для выполнения каких-либо задач. Иногда ветвь также упоминается автором как привидение, долгое время существовавшее в качестве самостоятельной личности, – обычно различить можно по контексту. Ветвь-ограничитель – трезвое начало, анализирующее все происходящее с исключительно разумных позиций.

81

Темная оптика, или темное волокно (англ. dark fiber), – неиспользуемые для передачи данных волокна оптического кабеля, прокладываемые в качестве резерва на случай выхода из строя основных волокон.

82

Пример лишенного смысла предложения, использованный Ноамом Хомским в книге «Синтаксические структуры» для демонстрации неэквивалентности понятий «грамматичность» и «осмысленность».

83

ГАЙДНА (англ. Gaia – Global Astrometric Interferometer for Astrophysics; в русской транскрипции – ГАЙДНА, Глобальный астрометрический интерферометр для нужд астрофизики) – космический телескоп от ЕКА (Европейского космического агентства), преемник проекта «Гиппарх». Была выведена на орбиту 19 декабря 2013 года. Главная задача телескопа – составлять подробную карту распределения звезд нашей галактики.

84

Старвисп (англ. Starwisp) – гипотетическая конструкция беспилотного межзвездного зонда, предложенная покойным Робертом Л. Форвардом. Старвисп приводится в движение микроволновым парусом, похожим на солнечный парус в концепции, но питающимся микроволнами от искусственного источника.

85

Василиск – гипотетический искусственный образ, вирус для человеческого мозга, запускающий в нем образы и мысли, несовместные с мыслительной архитектурой и вызывающие «падение системы».

86

Компургация (англ. compurgation) – снятие с себя обвинения путем принятия присяги, «очистительная клятва». Главный метод выяснения истины при рассмотрении дела в суде в валлийском праве.

87

Исчезнувшее растение семейства зонтичные.

88

Уильям Лэтэм (род. 1961) – британский компьютерный художник, наиболее известный как создатель «органических художественных структур» и оформитель обложек альбомов для музыкальных групп.

89

Морская оса – вид морских стрекающих из класса кубомедуз (Cubozoa), распространенный у берегов Северной Австралии и в Индонезии. Ожоги кубомедузы вызывают мучительную боль и часто – смерть.

90

Возможно, полное имя персонажа – отсылка к Пьеру Видалю-Наке (1930–2006), французскому историку-эллинисту, профессору Высшей школы социальных наук и директору Центра имени Луи Жерне.

91

Радиус Шварцшильда (гравитационный радиус) – радиус сферы, на которой сила тяготения, создаваемая расположенной внутри этой сферы массой, стремится к бесконечности.

92

Комедийный мультсериал про жизнь офисного работника по имени Дилберт. Изначально сериал должен был быть просто про жизнь Дилберта, но в дальнейшем действие переместилось в основном на место его работы – в большое офисное помещение, где Дилберт трудится инженером.

Божественное право (*фр.*).

94

Тетрамер, состоящий из четырех идентичных молекул белка p53. Они связаны между собой доменами, отвечающими за олигомеризацию. Служит транскрипционным фактором, регулирующим клеточный цикл и предотвращающим рост опухолевидных образований.

95

«*Тайконавт*» (от кит. пиньинь: tàikōng, палл.: тайкун «космос» + «наута» (греч. ναυτα) «мореплаватель») – термин, использующийся в КНР и других китайскоязычных государствах и территориях (Гонконг, Макао, Тайвань и Сингапур) для обозначения космонавта.

96

Цитата из фильма «Считаные секунды» (Split Second, 1992).

97

Концептуальная орбитальная мегаструктура, придуманная известным физиком Джерардом О'Нилом. Впервые строение и функционал этой структуры были опубликованы в Physics Today в 1974 году.

98

«Меркурий» (англ. Mercury) – первая пилотируемая космическая программа США, а также название серии космических кораблей, задействованных в этой программе.

99

Мозаика Пенроуза – общее название трех типов непериодического разбиения плоскости. Названа в честь английского математика Роджера Пенроуза, который исследовал эти разбиения в 70-х годах XX века.

100

Элита компьютерной индустрии и онлайн-сообществ, объединяющая известных ученых в области вычислительной техники, авторов статей для журналов типа «Хакер» и энтузиастов-культуртрегеров.

101

Комета Шумейкеров-Леви 9 (D/1993 F2) – короткопериодическая комета, ставшая первым (и до июля 2009 года единственным) небесным телом, чье падение на Юпитер (июль 1994) было отмечено астрономами.

102

Имеются в виду «Сатурналии» Макробия Феодосия (лат. Convivia Saturnalia) – компилятивный исторический труд означенного латинского писателя конца IV и начала V века н. э.

103

По-видимому, подразумевается Пейдж А. Томпсон, известная под ником Erratic, бывшая сотрудница Amazon Web Services, при помощи неверной конфигурации брандмауэра проникшая в закрытую сеть американского банка Capital One и выгрузившая личные данные 106 миллионов его клиентов.

104

Псефология – наука, изучающая выборы с помощью методов статистического анализа. С этой целью используются различные данные, такие как результаты экзитполов, статистика предыдущих лет, финансовые затраты на предвыборные кампании и т. д. Термин введен в 1952 г. Р. Б. Маккаллэмом.

105

Агоризм (от др. – греч. ἀγορά – «базарная площадь, рынок») – политическая философия, основанная Сэмюэлем Эдвардом Конкином III и разработанная при участии Дж. Нила Шульмана, которая имеет в качестве своей конечной цели достижение общества свободного рынка, в котором все отношения между людьми строятся на добровольном обмене.

106

Войд Волопаса (англ. Boötes void) – огромных размеров область пустого космического пространства, содержащая необъяснимо малое количество галактик. Открыта в 1981 году астрономом Робом Киршнером.

107

База – геометрический отрезок, соединяющий любые два приемных элемента (будь то антенна или телескоп) интерферометра. Чем длиннее база, тем меньше (лучше) разрешающая способность данного интерферометра. Термин главным образом используется в интерферометрии радиодиапазона.

108

Тройная точка воды – строго определенные значения температуры и давления, при которых вода может одновременно и равновесно существовать в виде трех фаз: в твердом, жидком и газообразном состояниях.

109

Мауриц Корнелиус Эшер – нидерландский художник-график, экспериментировавший с перспективой.

110

Предложенный математиком и философом Блезом Паскалем аргумент для демонстрации рациональности религиозной веры. Краткая формулировка: «Если Бога нет, а я в Него верю, я ничего не теряю. Но если Бог есть, а я в Него не верю, я теряю все».

111

Морис Сендак (1928–2012) – американский детский писатель и художник-иллюстратор, мировую известность которому принесла книжка с картинками «Там, где живут чудовища» (1963).

112

Набор программных средств, маскирующий процессы/файлы/каталоги и т. д.

113

Английское идиоматическое выражение look what the cat dragged in употребляется при чьих-либо неожиданных появлениях (приблизительный аналог «глядите, кого ветром принесло»).